

ПЕРСИДСКИЙ ФРОНТ (1909–1918)

Незаслуженно забытые победы

ЖЖ военные
тайны
века

А.В. ШИШОВ

Annotation

В самом начале XX столетия армия Николая II, а потом и Временного правительства Керенского воевала на персидской земле. Воевала до первой половины 1918 года, когда в Советской России уже начиналась Гражданская война.

Это малоизвестные, почти проигнорированные отечественными историками войны. Их называют по-разному: «неизвестные Персидские войны», «секретные Персидские экспедиции», «Персидский фронт». Неизвестным походам в Персию посвящена эта книга.

- [illegible]

- -
 -
 - [Глава третья](#)
 - [Приложения](#)
 -
 - [Документы](#)
 - [Использованная и рекомендованная литература](#)
-

Алексей Шишов
Персидский фронт (1909–1918)
Незаслуженно забытые победы

А.В. Шишов

ПЕРСИДСКИЙ ФРОНТ
(1909–1918)
Незаслуженно забытые победы

Москва
«Вече»
2010

Слово от автора

Россия и Персия, современный Иран... Два государства, ставшие в начале XVIII столетия соседями сперва на Кавказе и по Каспию, а через век с лишним — в Туркестане, связывали общие исторические судьбы. Россия стала евразийской империей при последнем русском царе и первом всероссийском императоре Петре I Великом. Персия к этому времени уже утратила мощь великой державы Востока. Установившаяся единая государственная граница сблизила их. Но отношения между ними складывались даже в конце правления династий Романовых и Каджаров непросто.

Соседи воевали между собой по-большому, что хорошо известно в истории, четыре раза. Истории известны Персидский (Каспийский) поход Петра Великого 1722–1723 годов, Персидская экспедиция (или поход корпуса генерал-аншефа Валериана Зубова) 1696 года, на закате Екатерининской эпохи, две русско-иранские войны в царствование императоров Александра I и Николая I — 1804–1813 годов и 1826–1828 годов.

После этого соседи между собой территориальные вопросы решали только миром, без всякой конфликтности и угрозы военной силой. Пламя войны больше не полыхало на черте государственного размежевания старой России и шахской Персии — ни в горном Закавказье, ни на водах Каспия, ни в пустынных среднеазиатских горах Копетдаге и Паропомизе. Добрососедством «парили» пограничные реки Араке и Атрек.

Но новые войны России в Персии были. В самом начале XX столетия русская армия империи Николая II Романова, а потом необъявленной республики при Временном правительстве министра-социалиста А.Ф. Керенского воевала на персидской территории.

Воевала до первой половины 1918 года, когда в Советской России уже начиналась Гражданская война.

Это малоизвестные, малоописанные в отечественной истории войны. Исследователи и литераторы их называют по-разному: «неизвестные Персидские войны», «секретные Персидские экспедиции», «экспедиция кавалерийского корпуса генерала Н.Н. Баратова», «Персидский фронт Первой мировой войны»...

Все же думается, что к «нешуточному» военному присутствию государства Российского в шахской Персии в 1909–1918 годах больше

подходит название «неизвестные Персидские войны». Почему именно так? Да потому, что за это свидетельствуют и численность задействованных сил двух приграничных военных округов — Кавказского и Туркестанского, и оперативный размах боевых действий и проводимых наступательных операций. И, наконец, наличие сильного противника, длительность вооруженной борьбы с ним.

Россия в «неизвестных Персидских войнах» отстаивала свои государственные интересы на территории соседнего государства, обеспечивала безопасность своего приграничья. Силой оружия поддерживалась правящая династия Каджаров, шахская власть, «замирялись» кочевые племена и подавлялись революционные выступления против слабой в военном и политическом отношении центральной власти.

В 1909–1913 годах противниками русских экспедиционных войск были воинственные кочевые и полукочевые племена шахсенов («любящих шаха») и жителей гор Иранского Курдистана, сделавшие разбой на торговых путях смыслом своего обитания. Эти племена «дополняли» фанатично настроенные жители северо-восточного остана (губернии) Хорасан и ряда городов Иранского (Южного) Азербайджана, а также революционеры-фидайи Гиляна.

В 1914–1918 годах главными противниками кавалерийского экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова в Персии стали регулярные турецкие войска, которыми руководили германские военные советники. Турки наступали с территории Месопотамии (современного Ирака) и с гор Турецкого Курдистана. Они имели в Персии союзников в лице мятежных кочевых племен — курдов, бахтарма, лоров и иных кочевников, шахской жандармерии, обученной и командуемой прогермански настроенными шведскими инструкторами, противников России и шахской власти в столичном Тегеране.

Первая мировая война, или, как ее тогда называли, Великая война, опалила не только российский Кавказ, но и нейтральную Персию. В силу географического положения персидского театра, обособленности действий русского экспедиционного корпуса можно с полным основанием говорить о Персидском фронте. Каким были, к примеру, схожие с ним Месопотамский или Палестинский фронты на Ближнем Востоке.

«Неизвестные Персидские войны» малоизвестны для российской читательской аудитории, равно как и для любителей отечественной истории. В них были и накал военных страстей, и оперативный размах, и отмеченные боевой славой военачальники, и свои герои из числа нижних

чинов и офицеров русских войск, и романтика войны с ее прозой. И, что печально, большие потери в людях, не только в боях, но и от эпидемий, которые «выкашивали» кавказские войска России на персидской земле.

История «неизвестных Персидских войн» поучительна и для современной России, которая в наши дни строит свое будущее. Судить же о том придется читателям этой книги.

Алексей Шишов, военный историк и писатель, лауреат Международной литературной премии им. Валентина Пикуля и Всероссийской историко-литературной премии им. Александра Невского

Глава первая

Защита южных торговых путей Российской империи. Помощь Персии в борьбе с племенами шахсеванов и местной революцией. Шахская казачья бригада. В преддверии Великой войны Россия берет под военный контроль северную часть Персии.

В начале XX столетия Персии, как восточной монархии, в истории откровенно не везло с сильными людьми на шахском престоле. Правящая династия Каджаров исчерпала себя, будучи уже не в состоянии обеспечивать всю полноту центральной власти. В начале века правил Мозафареддин-шах (Музаффар Эд-дин), который имел от многих жен много сыновей. Но ни один из них не подавал больших надежд на право единственного наследника трона.

Мозафареддин-шах ушел из жизни в самом начале 1907 года. Перед смертью, озабоченный состоянием страны, он «позволил» ввести конституцию с Национальным собранием (меджлисом). То есть сделал первый важный шаг на пути установления в Персии конституционной монархии.

На престол вступил его старший сын, 35-летний Мохаммед Али-шах, «стажировавшийся» на должности губернатора Тевриза, столицы Иранского Азербайджана, едва ли не самой развитой в экономическом отношении административной единицы страны. Человеком он был безвольным, нерешительным, больше походя на игрушку в руках дворцовых партий. При нем при дворе власть стали забирать не кланы персидских сановников, а вожди воинственных полукочевых бахтиарских племен, которые проживали на юго-западе страны.

Есть и другая характеристика сына Мозафареддин-шаха. Его сын и наследник «был консерватором и деспотом, пытавшимся, несмотря на пустую казну, избавиться от конституции силой. Вопреки торжественной клятве следовать конституции спустя полгода он послал почти разбойничьи нерегулярные войска, состоявшие в основном из казаков, которые, бесчинствуя над мирными жителями, разбомбили здание меджлиса и схватили несколько ведущих либералов».

Новому правителю досталась страна, далеко не процветающая и давно пришедшая во внутренний упадок, который грозил в одночасье превратиться в хаос. По оценкам, в Персии к концу 1908 года проживали 8 миллионов человек, четверть которых на окраинах и в центральной части

составляли кочевые и полукочевые племена, в своей массе не титульной национальности: курды, лурь, бахтиары, туркмены, арабы, белуджи, кухгилуйе, кашкайцы, афшары, бахарлу, афганцы и многие другие.

Опасность этих кочевых и полукочевых племен для шахского правительства состояла в том, что они при каждом удобном случае демонстрировали официальному Тегерану свою независимость от центральной власти. Причем такие демонстрации легко подкреплялись конными вооруженными ополчениями этих племен, которые составляли немалую часть шахской армии в случае войны с соседями, будь то оттоманская Турция или Афганистан.

Показательно, что в кровавых стычках между кочевыми племенами и местной властью (то есть персами) верх одерживали, как правило, первые. Впрочем, такие столкновения с применением военной силы почти всегда имели чисто локальный характер. То есть они происходили в зоне кочевий того или иного племени, в местах его расселения, на «подконтрольных» участках торговых путей.

Но при этом за ходом развития таких «мятежных» событий заинтересованно следили соседние племена, мало симпатизировавшие шахской администрации. И потому кочевники были готовы в любой час «заявить о себе» и своих интересах в том локальном конфликте сбором конного племенного ополчения. Оно собиралось совсем быстро, если речь заходила о военной добыче.

Шахское же правительство за неимением должной реальной военной силы на ведение каких-либо крупномасштабных карательных операций в зоне расселения племен не решалось. Оно прекрасно понимало исход такого дела с применением оружия. Поэтому речь могла идти только об обеспечении жизненно важных для страны торговых путей от разбоев. Незаконным же взиманием поборов с купцов занимались и шахские чиновники. Делали они это, как правило, вполне безнаказанно.

Такое положение дел на рубеже двух столетий особенно характерно смотрелось в жизни воинственных племен Иранского Курдистана. Впрочем, основанием этого был внутренний уклад жизни кочевников-курдов, избравших местом своего обитания не низину с благодатными большую часть года пастбищами, а неприступные горы турецкого приграничья.

О такой разбойной жизни курдских племен Персии писалось в ту эпоху не раз. Пожалуй, одним из самых интересных свидетельств могут быть «Записки сестры милосердия Кавказского фронта» Христины Семиной, которую фронтовая судьба в годы Первой мировой войны

забросила в горы остана Западный Азербайджан, населенные кочевыми курдами. Семина писала об их повседневной жизни и ее смысле так:

«Высоко в горах, в труднодоступных местах, живут в своих поместьях курдские ханы, а с ними их подданные, простые курды. Они работают на ханов и кое-что имеют и сами тоже. Бедному курду не много надо. У него жен мало. Зато у хана их всегда столько, что содержание и наряды их обходятся ему очень дорого. Жены простых курдов сами ведут все работы в поле и по дому, ибо их мужчины почти всегда отсутствуют по разбойным и грабительским делам — своим и ханским...»

В правление Мозафареддин-шаха Персия как государство оказалась в состоянии полнейшей анархии, что коснулось даже ее столицы. Сказывалась даже не слабость военной силы шаха. Его казна оказалась почти пустой, поскольку в нее перестали в своей массе поступать доходы от торговых дел. Причина виделась в том, что важнейшие караванные пути оказались в руках воинственных племен шахсеванов, курдов и туркмен, которые теперь открыто днем и ночью разбойничали «на большой дороге».

Но разбойники на торговых бедах были для государственной казны только немалой частью большой беды. Другой большой частью стало то, что в казну совсем перестали поступать подати (налоги) с местного населения. Они, однако, продолжали собираться, но «растекались» по бездонным карманам шахских чиновников самого разного ранга, вплоть до губернаторов останов и начальников местных гарнизонов, которым тоже надо было чем-то «кормиться». Жалованье персидским военным выплачивалось или весьма нерегулярно или совсем не выдавалось.

То есть при Мозафареддин-шахе казнокрадство в Персии развилось до такой степени, что стало напрямую подрывать центральную власть. Почти нечем было выдавать жалованье регулярной армии и армии чиновников, содержать шахский двор и дипломатические миссии за рубежом, обеспечивать деньгами прочие государственные нужды.

Слабостью одной из когда-то великих держав Ближнего Востока, естественно, воспользовались заинтересованные Российская империя и Великобритания. Но мотивы интересов были у Санкт-Петербурга разные, можно сказать, диаметрально противоположные. О российских интересах в Персии будет сказано ниже, а Лондон, естественно, помышлял прежде всего о расширении колониальной империи английской короны на дальних подступах к британской Индии. Королевское правительство, не таясь, считало, что Персидский залив и его побережье должны были стать зоной британского влияния. Чего, впрочем, Великобритания добилась на немалый исторический срок за счет владений султанской Турции.

По известному соглашению между Британией и Россией от 18 августа 1907 года, действовавшему одно десятилетие, шахская

Персия, или, как ее называли в прессе, страна Льва и Солнца, была территориально разделена на три части. Или, говоря иначе, на зоны влияния великих мировых держав.

В зону влияния России входили те останы (провинции) Персии, которые исторически (прежде всего в экономическом, торговом отношении) являлись сферой российских интересов в соседней стране. К тому же стабильная ситуация в ее северной части влияла на безопасность южных границ России.

Ломаная линия сферы российского влияния проходила по параллели севернее древнего города Хамадана. То есть в эту зону попали наиболее экономически развитые останы — Восточный и Западный Азербайджан, Гилян, Мазендеран, Хорасан, окрестности иранской столицы. Здесь проживала немалая часть «работоспособного» населения страны, в котором доля кочевников была небольшая, находились такие крупные торговые города, как Тебриз, Решт, Мешхед, Казвин, Ардебиль, и один из крупнейших портов на южном Каспии — Энзели.

Великобритания взяла под свое влияние южную часть страны, прилегающую к Персидскому заливу. Ломаная линия сферы английского влияния в северной ее точке (от побережья) касалась города Шираза. Британцев больше всего интересовал район реки Карун, прилегавший к южной части турецкой Месопотамии (современного Ирака), ныне одного из крупнейших в мире мест нефтедобычи.

По российско-британскому договору от 18 августа 1907 года «независимость» сохранял центр Персидского государства с его столицей. Впрочем, слабая шахская администрация полноправно действовала на всей территории страны, если, разумеется, кочевые и полукочевые племена на такое ее право не «ополчались» и не игнорировали его.

Шахским губернаторам в российской зоне влияния приходилось считаться с консулами северного соседа при рассмотрении дел торговых и вопросов защиты российских граждан, прежде всего купцов. Впрочем, в таких взаимоотношениях дело до серьезных конфликтов доходило редко. Персидской стороне и всякого рода недоброжелателям (в том числе и разбойным людям) приходилось считаться с тем, что каждый консул имел охранную сотню казаков-кубанцев, а в Хорасане — всадников Туркменского конного дивизиона. Более того, конвойцы российских консульств имели право носить русскую военную форму, так хорошо знакомую персам.

В 1902 году служебную поездку по Астрабад-Бастамскому району Персии, то есть по приграничным с российским Туркестаном останам Хорасан (по северной части) и Мазендеран, совершил Генерального штаба полковник Бендеров. В следующем году он опубликовал в столице Кавказского наместничества, городе Тифлисе свои путевые записки. Они интересны, в частности, и тем, что в них показывается то, с каким уважением относились в этой «беспокойной» части шахской Персии к россиянам вообще и к русскому военному мундиру, в частности.

В той поездке полковник-генштабист имел личный конвой, состоявший из казаков 1-го Таманского полка Кубанского казачьего войска и всадников Туркменского конного дивизиона. Обе эти воинские части входили в состав Закаспийской казачьей бригады, расквартированной в Закаспийской области (современной Туркмении). Бендеров писал следующее:

«...Обуславливалось это (придача военного конвоя. — А.Ш.) тем, что северные и северо-восточные районы Персии, населенные туркменами, не признававшими персидской власти, представляли арену разбоев и кровавых стычек между кочевниками и персами.

Только престиж русского военного мундира и сильный конвой обеспечивали путешественника от соблазна отравлений и затруднений, которые могли встретиться со стороны местных персидских властей».

Если волнения происходили в портовом Энзели, то на его рейд мог войти русский миноносец, а то и не один, из состава Каспийской военной флотилии. Она базировалась на близкий Баку. Такой корабельный отряд мог «замирить» мятежный Энзели с его окрестностями громом пушечных выстрелов или высадкой десантного отряда прямо в энзелийский порт. Такие примеры в истории случались не раз.

Следует заметить, что в начале XX столетия Россия «вложила» в Персию немалые деньги. Разумеется, она сделала это прежде всего из своих государственных, торговых интересов. На средства российских кампаний, которые вели свои дела в Персии, была разработана стратегически (не преувеличивая в том) дорога от порта Энзели через Решт к столичному Тегерану.

Роль этой дороги, проходившей через богатейший на фоне остальных частей шахского государства остан Гилян, была «знаковой» не только для дел торговли. По этой дороге огромными караванами верблюдов, мулов и ослов везли на погрузку в энзелийский морской порт традиционные персидские товары. Важнейшим из них был шелк, который через Россию расходился по всему европейскому континенту.

В обратном направлении те же караваны, обычно во вьюках, везли товары (преимущественно российские), предназначенные для внутреннего потребления Персии. А из нее они попадали в соседний Афганистан, турецкие Месопотамию и Курдистан, на арабское побережье Персидского залива. Персидские купцы издревле славилась предприимчивостью, продвигая русские товары по всему Востоку.

Торговая дорога Энзели — Решт — Тегеран во всех военных событиях, которые происходили на территории Персии с участием России, тоже играла огромную роль. Каспийское море оказалось самым удобным маршрутом переброски войск, в том числе и кавалерии, боеприпасов, провианта и прочих военных грузов, из Баку и других российских портов в Энзели. Из него же шла обратно в Россию эвакуация экспедиционных войск.

Оживленность торговых дел, которые прямо сказывались на благополучии населения Гилянской провинции, прежде всего городов Энзели и Решта, сказывалась на высоком здесь престиже России. Если по всей Персии традиционными были подозрительность и враждебность по отношению к «ференгам», то есть иностранцам-европейцам, то в Гиляне картина была совсем иная.

Видя собственную слабость, правительство Мозафареддин-шаха Каджарского шло на постоянные уступки своим политическим противникам. Шаху приходилось подписывать один за другим подобные высочайшие указы, демонстрируя тем самым отсутствие воли венценосца. Он, как восточный повелитель, был вынужден пойти на учреждение персидского парламента — меджлиса. Персия пошла по пути парламентской монархии.

Его торжественное открытие в столичном дворце Бехаристан состоялось 24 сентября 1906 года. На торжественной церемонии присутствовали шах Мозафареддин Каджар со своим двором и высшее шиитское духовенство страны. Члены меджлиса представляли интересы самых различных слоев иранского общества, хотя о современной демократичности выборов говорить не приходилось.

Депутаты меджлиса в своем подавляющем большинстве оказались политическими противниками шахского правительства. Парламентарии вместо обсуждения вопросов о постепенных реформах, которые должны были изменить лицо и жизнь восточного государства, занялись делом, совсем противоположным реформаторству, то есть борьбой за высшую власть. Они встали на сторону принца Зюлли-Султана, руководителя революционной партии, готовивший в стране переворот и свержение шаха

Мозафареддина.

Сторонники принца Зюлли-Султана считали себя конституционалистами, поскольку одним из главных требований их являлось утверждение конституции в стране. Шах и его окружение, естественно, видели в этом крайнее ущемление их реальной власти. Сторонники конституции, в том числе и депутаты меджлиса, учредили даже «свой» отличительный партийный знак. Он носился на правом рукаве выше локтя и представлял из себя розетку из желтой ленты с булавкой в виде полумесяца. От розетки спускались три ленточки — красная синяя и белая. Знак стал символом противостояния шахской власти.

Политическая борьба в последние два года правления Мозафареддин-шаха Каджарского из столицы перекинулась в останы. В крупных городах страны стали образовываться так называемые общественные органы — энджумены, которые намеревались контролировать деятельность шахской власти в провинциях.

В стране стала складываться следующая ситуация: за власть на местах столкнулись шахская администрация в лице официально назначенных из Тегерана губернаторов, и энджумены. Те и другие при этом демонстрировали свое бессилие. Губернаторы имели откровенно слабые воинские (полицейские) силы, а энджумены опирались на большинство местного населения, которое отличалось своей нерешительностью, пассивностью в действиях против центрального правительства.

Шахская армия при всей ее слабости от этого противостояния на местах оказалась в стороне. В Тегеране при шахском дворе такую ситуацию понимали, и армия «оказалась вне политики», будучи в тех событиях «сама по себе».

Энджумены являли собой в той внутривнутриполитической ситуации в стране, окунувшейся в состояние хаоса и анархии, образ политической наивности. Их члены не задумывались о том, что смена шахов на престоле может запросто привести к тому, что от меджлиса и совсем недавно «дарованной народу» конституции может не остаться и следа.

Для жителей городов одно дело было — поддерживать ораторов-конституционалистов на базарных площадях. Другое дело — брать в руки оружие и проливать кровь, умирать за какую-то конституцию, относительно которой простой люд имел крайне «размытое» представление. О политической активности сельских жителей и кочевых племен (за соплеменников все решали их вожди) говорить не приходилось.

Политическая борьба в меджлисе и крупных городах успокоения стране не дала да и не могла дать. Разбои на дорогах и уличные, рыночные

беспорядки продолжались. Шахская администрация демонстрировала неспособность владеть ситуацией и наведения порядка.

Новый шах Мохаммед Али и его окружение в таком положении могли уповать только на внешнюю поддержку династии Каджаров. Такая помощь могла прийти от северного соседа, интересы которого в беспокойной стране оказались под угрозой. Однако Санкт-Петербург, связанный с Лондоном договором по Персии, не решился сразу послать экспедиционные войска в зону своей договорной ответственности.

Такие раздумья при российском императорском дворе нашли отклик в тех персидских кругах, которые были настроены прогермански. Такими кругами оказалась часть конституционалистов. Хотя до начала Первой мировой войны было еще далековато, в Берлине уже подумывали о шахской Персии как своем возможном союзнике.

В тегеранских газетах, далеких от симпатии к России, появились публикации, в которых выражалась «озабоченность» тем, что Персия не в состоянии «выставить достаточное количество войска для борьбы с Россией». После такой посылки давался ответ: в таком случае Персия должна обратиться за военной помощью к европейской державе, которая не позволит русским войскам занять «хотя бы квадратный дециметр персидской территории». Такой державой могла быть только кайзеровская Германия.

Однако Мохаммед Али-шах не испытывал прогерманских чувств. Он считался у себя на родине не только сторонником, но даже другом Российской империи. Шах немного говорил по-русски и любил демонстрировать знание этого языка. Возможно, он с самого начала своего правления попытался бы принять решительные меры для «успокоения» страны, начиная с собственной столицы. Но этого не случилось.

Исследователи Персии начала XX века считают, что причина здесь крылась в характере венценосного Каджара. При этом указывалась его известная склонность «к тихому безделью восточной жизни». Или, говоря иначе, тяги к управлению страной шах откровенно не имел. Вина здесь лежала только на отце шаха, который был обязан позаботиться о тронном будущем сына-наследника. Таким положением дел прекрасно пользовались его царедворцы, тоже не очень озабоченные положением государственных дел.

Из российского посольства в Санкт-Петербург в МИД поступала тревожащая информация. После доклада императору Николаю II, премьер-министру и военному министру она дублировалась в секретной телеграмме царскому наместнику на Кавказе графу И.И. Воронцову-Дашкову с

ознакомлением начальнику штаба Кавказского военного округа. Суть информации, поступавшей из Тегерана, сводилась к следующему:

1. Шаху Мохаммед Али-шаху не подчиняются не только вожди кочевых и полукочевых племен, но и парламент — меджлис.

2. Торговые караванные пути оказались в руках воинственных шахсеван, курдских, туркменских и иных племен.

3. Российская торговля в Персии терпит огромные убытки.

4. На иранском севере ширятся выступления революционеров-фидаяев из числа местных жителей и выходцев с российского Кавказа, особенно из Баку.

5. Отношение к гражданам России, российским консульствам в ряде мест становится враждебным.

6. Отмечаются факты протурецких и прогерманских настроений как в столице, так и в останах западной части страны.

Все эти события самым непосредственным образом затрагивали не только экономические интересы России, но и безопасность ее южной границы в Закавказье и Туркестане. Так, пограничный наблюдатель секретной депешей доносил в Санкт-Петербург (копия опять же шла в Тифлис, царскому наместнику, который знакомил с содержанием документа окружного начальника штаба) следующее:

«...Денег у Шаха совершенно нет, и он не знает, откуда их достать...

Наблюдается совершенное отсутствие какой-либо организации и системы действий, у него нет ни одного умелого, авторитетного человека, который взял бы все дело в свои руки и пошел бы твердо и настойчиво к намеченной цели...»

Внутриполитическая ситуация в Персии осложнилась до крайних пределов. Дело быстро дошло до того, что меджлис достаточно единодушно встал на сторону открытого противника шаха — принца Зюлли-Султана, «рядившегося в одежду местного революционера». После этого взаимопонимание шаха с парламентариями окончательно расстроилось без всяких надежд на какие-либо компромиссы.

Теперь в то, что скоро начнется вооруженное противостояние, сомневались совсем немногие люди. Их оказалось совсем мало, прежде всего в дипломатическом корпусе, аккредитованном в Тегеране. Иностранные дипломаты, анализируя информацию, которая поступала к ним из разных источников, ожидали «знаковых» событий в стране пребывания. Но, зная личность Мухаммеда Али-шаха, предпочтение в назревающих событиях отдавалось меджлису.

Шах и его министры не имели ни воинских сил, ни той воли монарха и

его ближайшего окружения, двора, чтобы изменить ситуацию внутри страны в свою пользу. Поэтому шахское правительство шло на постоянные уступки своим политическим противникам, уступая им власть в Персии шаг за шагом.

Все же Мохаммед Али-шах осознал, что притязания меджлиса и конституционалистов на его личную власть грозят смертельной бедой Каджарской династии. И шах, чего от него мало кто ожидал, все же решился дать достойный отпор этим притязаниям, что и случилось в день 22 мая 1908 года. Тот день вошел в историю Персидского государства как крушение надежд на окончательное оформление парламентской монархии Каджаров.

В мае того года шах Мохаммед Али наконец-то решился начать борьбу с меджлисом в собственной столице. Тегеран тех дней напоминал многолюдный столичный город, лишенный всякой власти и элементарного порядка на улицах и площадях. Казалось, что анархия поглотит его и конституционалисты на «этой волне» бескровно придут к власти.

Однако майские события в Тегеране показали, что Каджары не пожелали безвольно отдавать тронную власть ополчившемуся против них меджлису, Шах успел подготовить с помощью дружественной ему России военную силу для борьбы со своими политическими противниками, которая стала в тех событиях для него единственной опорой. Ею оказалась шахская гвардия — Казачья Его Величества Шаха бригада, самая верная престолу часть персидской армии.

Свою историю она ведет с 1879 года. В тот год персидский шах Наср-Эд-Дин, совершая свою вторую поездку по столицам Европы, посетил и Санкт-Петербург, где восточный владыка был встречен с подобающими почестями. Император Александр II среди прочего повелел показать высокому гостю Собственный Его Императорского Величества конвой. Молодецкий вид, строевая лихость и джигитовка кавказских казаков-гвардейцев поразили шаха. И он пожелал иметь у себя такую воинскую часть конников-телохранителей.

Шах Наср-Эд-Дин видел казаков и на Кавказе, через который возвращался домой. Генерал от кавалерии А.И. Домонтович, которому в чине полковника суждено было возглавить русскую военную миссию в Персии и стать первым командиром бригады шахских казаков, вспоминал:

«Шах... проездом по Эриванской губернии, всюду был встречаем и сопровождаем частями кавказских казачьих полков, которые по окончании турецкой войны (1877–1878 гг. — А.Ш.) были расположены в разных частях этой губернии. Внешний вид этих боевых полков, их красивая

обмундировка и блестящее снаряжение привлекли внимание Шаха».

То, что правитель Персии собирается заняться реформами в шахской армии (преимущественно конной), было известно в Европе. После речь шла о «больших деньгах и политическом влиянии», свои услуги в этом деле предложили Австрия, готовая заняться всеми родами оружия, и Великобритания, которая создала в колониальной Индии «образцовую» бенгальскую кавалерию. Кроме того,

Вена и Лондон обещали финансовую помощь для проведения военных реформ.

Тот же А.И. Домонтович в своих воспоминаниях так объясняет то, почему шах отдал предпочтение при организации конной бригады гвардейцев именно России, три четверти армейской кавалерии которой состояло из казачьей конницы:

«...Неизгладимое впечатление, произведенное на Наср-Эд-Дин-Шаха казаками, бесповоротно решило этот вопрос в пользу России.

По прибытии в Тифлис Шах обратился к Наместнику Кавказа Великому Князю Михаилу Николаевичу, выразив желание пригласить на службу в Персию русских офицеров для формирования по образцу казаков части отборной кавалерии, на что в скором времени последовало Высочайшее соизволение».

Домонтович пишет о том, как его отправили в ознакомительную командировку в Тегеран, чтобы «посмотреть» конницу персидской армии, из рядов которой предстояло делать набор всадников в шахские казаки-гвардейцы. Она, как и казачья, тоже была иррегулярной. Но в выучке, организованности и дисциплине сравнивать полки русских казаков и персидских гулямов не приходилось:

«...Шах желал в моем присутствии сделать смотр своим гулямам, которые в числе более двух тысяч составляли собственный его конвой...

Они не составляли тесного строя. Находясь на различных один от другого расстояниях, всадники длинной линией тянулись вдоль дороги, извиваясь сообразно ее поворотам, и терялись вдали. При этом, конечно, не могло быть и речи о каком-либо равнении, не существовало даже между ними и связи.

Дистанции устанавливались сообразно темпераменту стоящих по соседству лошадей, видимо, не привычных находиться даже в такой свободно развязной компании. Они смотрели одна на другую с налитыми кровью глазами, грызли удила и только, послушные руке всадника, не дрались между собой...

Шах появился в сопровождении большой свиты, направился к

ближайшему левому флангу гулямов и медленно двинулся вдоль линии. Не слышалось никакой команды, никаких приветственных возгласов...

Каждый из гулямов, мимо которых проезжал Шах, сидя на лошади, делал глубокий поклон всем корпусом, как-то сгибаясь вправо. Но едва Шах отъезжал шагов на десять, как сзади его между гулямами начинался разговор; некоторые из них слезали с лошадей, отходили назад к стоявшим тут же разносчикам, другие же, садясь на землю, спокойно покуривали кальян.

Шах, обогнув фланг, поехал рысью и остановился в шагах трехстах в тылу всей линии. Вслед за ним стали проскакивать мимо него один за другим все всадники. Скакали они отлично. Для превосходных персидских аргамаков земля, сплошь усеянная большими камнями, не составляла препятствий. Сначала в скачке соблюдался кое-какой порядок, всадники следовали один за другим, затем дистанция между ними стала уменьшаться, появились сразу по два, по три человека. Задор видимо усиливался. Каждый старался обогнать другого, и началась бешеная, беспорядочная скачка...

Все это стремительно мчалось перед Шахом, вызывая его одобрение, некоторые из всадников, вероятно начальствующие лица, приподнимались на стременах всем корпусом, низко наклонялись в виде поклона. В это время Шах повернулся назад.

— Как вы находите мою кавалерию?..»

Формирование Казачьей Его Величества Шаха бригады началось с прибытием в Тегеран русской военной миссии из трех офицеров и пяти казачьих урядников. Они и сформировали шахский конвой по образцу конвоя российского государя.

В 1882 году конвой был развернут в бригаду, которая получила наименование Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады. По такому случаю между Тегераном и Санкт-Петербургом было заключено соответствующее соглашение. Первоначальный состав бригады был таков: два казачьих полка и конная батарея.

Орудия для нее, образца 1877 года производства Обуховского завода, были подарены царствующим Романовым венценосцу династии Каджаров.

Начальниками бригады по назначению русским Генеральным штабом и с предварительного согласия шаха последовательно были полковники А.И. Домонтович, В.А. Косаговский, В.П. Ляхов, князь Н.П. Вадбольский, в Первую мировую войну — полковник Н.В. Прозоркевич и генерал-майор барон В.Н. Майдель.

Последним бригадным начальником с 1919 года был полковник В.Д.

Старосельский, бывший в Великую войну командиром Кабардинского конного и лейб-гвардии Конного полков. Он закончил свою шахскую службу в декабре 1920 года начальником Персидской Казачьей Его Величества Шаха дивизии, в которую была развернута бригада. В Отечество он не вернулся, став эмигрантом.

Шах дал начальнику бригады право производить его казаков-гвардейцев в офицерские звания, до полковника (!) включительно. На генеральские эполеты требовалось разрешение лично правителя Персии. Бригадный начальник обладал правом и разжалования подчиненных, даже тех, кто ходил в генеральских чинах.

Главные силы бригады (численностью около 2 тысяч человек) размещались в столице, остальные — в Тавризе и ряде других городов Северной Персии. Губернаторы останов имели личные конвои из шахских казаков.

На май 1908 года бригада состояла из четырех конных полков (по два эскадрона в каждом), пластунского (пехотного) батальона (4 роты), двух артиллерийских батарей, по четыре орудия (скорострельные орудия системы Шнейдера и Крезо) в каждой и пулеметной команды (вьючные пулеметы Максима).

Выучка шахских казаков в сравнении с остальной персидской армией была показательно высокой. Русский военный агент (атташе) в Тегеране Мамонтов Н.П. в своих «Очерках истории Персии», увидевших свет в 1909 году в Санкт-Петербурге, так описывает смотр Мохаммед Али-шахом бригадной пулеметной команды

«...Менее чем в тридцать секунд натренированные стрелки успели выстроить пулеметы на линии огня, поднести ящики с патронами и отвести коней.

— Готово, — доложили шаху.

— Как быстро? — удивился Магомет-Али. — Стреляйте.

— По мишеням, восемь!

Номера засуетились и замерли.

— Батарея — огонь!

Трескотня четырех пулеметов длилась не более десяти-пятнадцати секунд. Усыпанное обломками кирпича поле все дымилось от взлетающих при рикошетах облачков желтоватой пыли. Мишени падали одна за другою при одобрительных восклицаниях самого шаха и толпы зрителей. Наконец упала последняя мишень. Огонь моментально оборвался.

— Отлично, — проронил шах, направляясь к батарее. За ним двинулась свита.

— Откинъ замок, — во избежание несчастного случая скомандовал Сады-хан (начальник пулеметной команды. — А.Ш.), успевший прийти в себя и гордый первым успехом.

Шах остановился на высоте второго пулемета. Солнце блистало на брильянтах его пуговиц, золотых погонах, украшенных тремя дивными изумрудами в брильянтовых оправках и роскошном алмазном султানে. Сбоку висела кривая сабля в золотых ножнах, вся покрытая брильянтами...

В этот день шах был в лучшем настроении, улыбался, разговаривая с полковником и одобрительно поглядывая на команду. Несколько слов было им сказано по-русски.

Вторая стрельба была еще удачнее первой. Сады-хану посчастливилось взять правильный прицел, и менее чем в десять секунд цель повалилась на землю.

Шах остался в высшей степени доволен и, подозвав полковника Ляхова, вступил с ним в оживленный разговор.

Через две-три минуты шах подошел к первому пулемету... Генерал доложил его величеству, как производить наводку и открывать огонь.

Заинтересованный пулеметом, шах быстро откинул в сторону свою драгоценную саблю, опустил на сиденье треноги, навел заряженный заранее пулемет на отдельную мишень в рост и нажал спусковой рычаг. Мишень немедленно упала.

— Хорошее оружие! — поднялся шах. — Быстро обучена батарея и очень хорошо, — обратился к начальнику команды Магомет-Али, — прикажите выучить.

Сады-хан подозвал коноводов. Посмотрев на расторопное навьючивание, шах в последний раз выразил свое удовольствие полковнику (Ляхову) и просил передать команде „аннам“, по туману на человека. Смотр окончился...»

Личный состав бригады шахской гвардии состоял до половины из персов, остальные — из шахсеванов, курдов, бахтиар, лоров и других представителей кочевых племен. Число тегеранцев ограничивалось. Это были добровольцы, обученные инструкторами из России: 240 офицеров, 1200 конных казаков и 350 пеших пластунов. Инструкторами являлись казачьи офицеры и урядники. Число их постоянным не было, оно менялось в зависимости от потребностей обучения шахских казаков.

Добровольцы поступали в бригаду конной гвардии при наличии собственных коней. Всем остальным, в том числе личным оружием. шахских казаков обеспечивало государство.

Шах не жалел для русских офицеров-инструкторов ни орденских

наград, ни генеральских чинов своей армии. Сложилось правило, что офицер-инструктор, награжденный орденом Льва и Солнца 2-й степени с лентой сартина 2-го класса, получал еще и генерал-майорские эполеты. Орден Льва и Солнца высшей, 1-й степени с лентой мир пенджа давал право на чин генерал-лейтенанта шахской армии.

Численность офицерского состава определенной не была — их число зависело только от бригадного начальника. Обычно молодые офицеры после производства еще несколько лет ходили на положении рядовых, а уж потом назначались на освободившиеся должности младших командиров. В пластунском батальоне командирами отделений были только офицеры.

Бригада шахской гвардии не случайно называлась казачьей. Своей формой она являлась «слепок» с российских кавказских казачьих войск — Кубанского и Терского. Персидские казаки носили красные рубахи-бешметы с синими погонами и папахи хорошего курпея с красным верхом. Личным оружием являлись, как и у кавказского казачества, шашки и кинжалы, русские трехлинейные винтовки.

С самого начала формирования казачьей шахской гвардии русские инструктора требовали от новобранцев действительного знания своего воинского ремесла, будь то конник или пластун, пулеметчик или артиллерист. Отбор в уникальную воинскую часть персидской армии был строг. Гвардии шаха в отличие от остальной персидской армии выплачивалось жалованье, поэтому персы считали службу в ней при Его Величестве почетной и выгодной в денежном исчислении.

Воедино Персидская казачья бригада с самого начала своего существования почти не собиралась. Причина состояла в том, что на нее возлагалось поддержание порядка не только в столице. С начала 1908 года она отдельными сотнями и даже взводами была разбросана по крупным городам страны.

Уникальность этого соединения в шахской армии состояла в том, что ей не приходилось демонстрировать свою «преданность» правителю. Она с самого начала формирования стала самой надежной опорой престола Мохаммеда Али-шаха и ей в скором будущем пришлось действовать в самых различных провинциях страны.

Начальником (командиром) бригады являлся полковник Генерального штаба Владимир Платонович Ляхов, которому помогали три русских офицера и пять казачьих урядников. Их число постоянно менялось. Русские инструкторы-казаки и пластуны были с Кубани и Терека. Отбор их был достаточно строгим.

Ляхов, приписной казак станицы Новосуворовской Кубанского

казацкого войска закончил те же военно-учебные заведения, что и его непосредственный начальник Н.Н. Юденич: 1-й Московский кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище и Академию Генерального штаба. То есть его высокая военнoproфессиональная подготовка сомнений не вызвала. Происходил из дворян Курской губернии.

Прослужив недолго в лейб-гвардии Измайловском полку, оказался на Кавказе. В 1906 году, во время Первой русской революции, во главе воинского отряда начальник штаба 21-й пехотной дивизии восстановил законность и порядок в Осетии. После этого ему было поручено «обучение персидской кавалерии». В должности командира Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады полковник В.П. Ляхов пробыл с 10 сентября 1906 года по 12 июля 1909 года.

Ляхов и его помощники из казачьих инструкторов хорошо понимали значимость бригады шахской гвардии для правителя из династии Каджаров. Полковник Ляхов в интервью газете «Речь», в одном из ее июльских номеров, говоря о задачах и расквартировании бригады, сказал следующее:

«Задачи Казачьей бригады в Персии сводятся к охране всех финансовых учреждений в Тегеране и в провинции (140 человек), охране управления Энзели-Тегеранской дороги, охране консульств и миссий, содействию губернаторам (450 человек)...»

То есть Казачья Его Величества Шаха бригада несла такую службу военных людей, которая не доверялась персидской армии. Под ее охраной находились банки и казначейства, иностранные дипломаты и главная торговая дорога страны, которая шла из каспийского порта Энзели в столицу.

Генштабист Ляхов со своей бригадой и стал той реальной военной силой, которая помогла шаху Мохаммеду Али не только удержаться на престоле, но и одержать верх над «взбунтовавшимся» меджлисом. То есть казаки из русских инструкторов и персов сохранили эту восточную монархию в исторической ситуации, когда она могла рухнуть.

Полковник В.П. Ляхов в майских событиях показал себя тем человеком, решительность действий которого позволила Мохаммеду Али-шаху Каджарскому сохранить за собой престол, а России — нейтрального (перед Первой мировой войной) соседа. Ко дню 22 мая он по разным поводам стал собирать в столице большую часть своей бригады, дисциплинированность и организованность которой на фоне всей остальной персидской армии выглядели поразительными. Равно как и надежность ее для правителя из Каджаров.

К решающему столкновению с меджлисом и конституционалистами Ляхов смог собрать в Тегеран воедино до 500 шахских казаков (конных и пластунов, обе батареи, пулеметчиков), которые разместились в бригадных казармах, то есть в военном городке.

Обстановка в Тегеране требовала от шаха принятия «хирургических» действий, то есть применения военной силы. И полковник Ляхов это понимал. Шах действительно решился на подавление вспыхнувшего в столице мятежа вооруженной рукой, поскольку переговоры с противной стороной давно зашли в тупик. Принц Зюлли-Султан и конституционалисты торжествовали. Но, как оказалось, зря.

В конце мая шах Мохаммед Али оказался не просто в затруднительном положении, а в критическом и опасном для его особы. Он продолжал оставаться в своем дворце, улицы вокруг которого были полны возбужденного, враждебно настроенного к шаху народа. Если бы верным Каджарам войскам была отдана команда очистить подходы к шахскому дворцу, то это могло превратиться в уличное побоище с большими жертвами с обеих сторон.

Шахские вельможи, «держа нос по ветру», почти все оставили и дворец, и своего повелителя. Дворцовая прислуга в своем большинстве последовала их примеру. А ведь еще совсем недавно и те, и другие заверяли Мохаммеда Али-шаха в своей преданности.

Венценосцу требовалось тихо покинуть собственный дворец, блокированный уличными толпами. Полковник Ляхов, русские инструктора шахской гвардии — офицеры и казаки, отважились на такую операцию, подвергая себя смертельной опасности. Монарх решился укрыться на загородной даче российского посольства в Зергенде «под охраной русского флага» и посольской стражи.

Более того, Мохаммед Али-шах, напуганный хаосом в столице, решил сесть в бест (или бяст). В мире ислама это было право, предоставляемое наиболее почитаемым мечетям или священным местам, в которых любой правоверный мог найти защиту от смертельной угрозы. То есть «севший в бест» становился в стенах мечети или в священном месте неприкасаемым для своих врагов, таких же, как и он, мусульман.

Истории известны случаи, когда бест не помогал беглецам. Ненависть врагов порой была сильнее «неприкасаемости» святого места. К тому же то, что шах «сел в бест», означало для противной ему революционной партии, то есть для сторонников принца Зюлли-Султана и конституционалистов, победу.

В таком случае меджлис вполне реально мог с помпой провозгласить

Зюлли-Султана новым шахом, а тот — начать кровавые расправы со своими политическими противниками, со сторонниками низложенного Мохаммеда Али. То есть речь могла пойти о гражданской войне в стране со всеми ее страшными последствиями, о чем не раз свидетельствовала история.

Вне всякого сомнения, полковник Ляхов убедил шаха бежать из дворца. Операция была разработана до мелочей. События памятного для иранской истории дня 22 мая 1908 года разворачивались так.

Утром на учебном плацу бригады шахских казаков, как обычно, шли строевые занятия. Когда они закончились, сотни гвардейцев прошли церемониальным маршем мимо бригадного начальника.

Внезапно был подан условный сигнал, по которому старшие офицеры подскакали к полковнику Ляхову. Они выслушали из его уст короткие приказания, и вернулись к своим полкам, сотням и батареям.

После этого конные полки шахской гвардии, выйдя из ворот казарменного городка, понеслись галопом по тегеранским улочкам к центру столицы. Два неполных полка кавалерии с одной конной батареей неслись к площади, где находился дворец, в котором заседал меджлис. Два других персидских казачьих полка спешили к шахскому дворцу. Батальон пластунов занял площадь перед ним.

Выход Казачьей Его Величества Шаха бригады из военного городка оказался настолько стремителен, что тегеранцы ничего не заподозрили. Но по городу пронесся слух, что артиллерийские орудия готовятся обстрелять меджлис. Толпы возбужденных людей, среди которых оказалось немало вооруженных чем попало, бросились к зданию меджлиса.

Все внимание противников шаха было приковано к ожидавшимся событиям у меджлиса. О дворце Мохаммед Али-шаха забыли. Когда походы к нему обезлюдели, дворцовые ворота медленно растворились, и из них галопом вылетела карета. Ее сопровождал небольшой вооруженный, решительно настроенный конвой. Вокруг кареты, у ее дверец скакали полковник Ляхов, русские казачьи офицеры и урядники. Карета во весь конский мах понеслась к бригадным казармам, где ее уже нетерпеливо поджидали.

Исследователи событий, связанных с побегом Мохаммеда Али-шаха утром 22 мая из своего дворца, считают, что маршрут движения кареты оставался тайной для конвоя из русских офицеров и казаков. Якобы перед каждым поворотом шах лично показывал направление дальнейшего движения. Но тот, кто находился в карете, стремился оказаться только в одном месте столицы — в казарменном городке Персидской казачьей бригады.

Когда карета влетела (а не въехала) в ворота военного городка, заранее выстроенный бригадный оркестр заиграл государственный гимн каджарской Персии. Находившиеся на учебном плацу казаки шахской гвардии по-русски приветствовали своего повелителя возгласами «ура!».

Полковник Ляхов позаботился и о том, чтобы посланные к меджлису конные полки с артиллерией сразу же возвратились в казармы. Дело свое они сделали, нагнав страху на парламентариев и на тех, кто собирался защищать меджлис.

Бригадные казармы находились на окраине столицы. Конная батарея, проскочив город, снялась с передков, развернулась перед загородным шахским дворцом и направила стволы орудий на городские ворота (Тегеран тогда был окружен разрушавшимися глинобитными стенами бастионов и полузасыпанным крепостным рвом).

Персидские казаки одновременно стали сильными конными и пешими караулами оцеплять район вокруг своих казарм. Они были во всеоружии, имея при себе полный запас патронов. Усиленно охранялись ворота военного городка. Случайным людям вход в него был запрещен.

Удачное, а самое главное — беспрепятственное бегство Мохаммеда Али-шаха в распоряжение своей гвардейской бригады в тот же день «побудительно» подействовал на многотысячный тегеранский гарнизон. «Храбрые» сарбазские (пехотные) полки с барабанным боем и при оружии выступили из своих казарм. Они один за другим прибывали к шаху, «уверяя его таким образом в своей преданности монархии». Хотя было известно, что в гарнизонных войсках имелось немало сторонников меджлиса.

Когда стало ясно, что гарнизон столицы якобы перешел на сторону шаха, «утвердившийся» в своем военном превосходстве над противниками власти династии Каджаров правитель Персии сделал заявление, «услышанное» в стране:

«Мои предки завоевали себе престол силой оружия — и я с мечом моим буду его оборонять. Если надо, я стану во главе моей верной бригады... чтобы победить или умереть».

Мохаммед Али-шах этими монаршими словами высказался о реалиях дня: его мечом будет Персидская казачья бригада полковника Ляхова. И что если в Тегеране начнутся вооруженные выступления противников Каджаров, то первыми в бой пойдут шахские казаки-гвардейцы, а не кто другой.

В тот же майский день ситуация в столице стала накаляться. На улицах появилось много фанатичных проповедников, которые призывали, как бывает в таких случаях, городскую чернь, по-европейски — люмпенов, к

бунту. То есть к погромам и грабежам, к убийствам «неверных», шахских приверженцев. Назывались имена Мохаммеда Али-шаха и русского полковника Ляхова. Раздавались призывы идти громить казармы шахской казачьей гвардии. Тегеран бурлил, но не «загорался».

Военный город Казачьей Его Величества Шаха бригады стал «полниться» подметными письмами. Их забрасывали не кто иной, как муштехиды — наиболее влиятельные муллы из числа противников Каджарской династии. Цель таких писем была ясна — повлиять на умонастроение шахских казаков-персов, которые являлись мусульманами.

Вот тут-то и сказалась дисциплинированность шахских гвардейцев, обученных и воспитанных русскими казачьими офицерами и урядниками. Персидские казаки уверовали в правоту действий своего начальника в лице полковника В.П. Ляхова, и эта правота «утвердила в них верность шаху, которому они присягали».

Противостояние в столице, начавшееся 22 мая, затягивалось: ни та, ни другая сторона не решались применить силу и пролить кровь. Но такое состояние безвластия в стране и анархии на тегеранских улицах долго продолжаться не могло.

9 июня Мохаммед Али-шах наконец-то объявил «возбужденный его врагами» Тегеран на военном положении. Он назначил временным генерал-губернатором персидской столицы русского полковника Ляхова, подчинив ему все войска и полицию, имевшуюся в городе и его окрестностях.

На следующий день, 10 июня казачья бригада получает приказ занять в центре столицы «штаб революционных выступлений — мечеть Сапех-Салара, которая находилась рядом со зданием меджлиса, и попытаться разоружить находившихся в ней революционеров-фидаев. По имевшимся данным, в мечети находилось 150 вооруженных людей, а во дворце, который занимал парламент, — 200 фидаяев, имевших огнестрельное оружие. Небольшие отряды фанатиков обосновались в зданиях Тавризского и Азербайджанского энджуменов».

Полковник Ляхов, действуя со всей решительностью, однако, хотел избежать кровопролития и стрельбы на улицах города, в его центре. Персидские казаки без пальбы заняли мечеть. Но собравшаяся в ней толпа религиозных фанатиков вытеснила их на улицу.

Попытка шахских сил овладеть мечетью Сапех-Салара, как считается, послужила сигналом к открытию фидаями огня по сотням Казачьей Его Величества Шаха бригады, которые заняли стратегически важные пункты в столице, чтобы установить контроль над Тегераном.

До серьезных, ожесточенных боев, в том числе уличных, дело тогда не

дошло благодаря решительности полковника Ляхова и других командиров Казачьей бригады, прежде всего персов. Все началось с того, что казачья артиллерия несколькими залпами разрушила здание меджлиса, в котором «гнездилась» шахская оппозиция. Войска и «мятежники» понесли потери.

На следующий день после разрушения артиллерийским огнем дворцового здания, в котором заседал меджлис, то есть 11 июня, персидские казаки произвели по городу аресты влиятельных лиц из среды фидаев и конституционалистов. Их аресты сразу же свели на нет очаговое вооруженное противостояние в столице.

Казачьи разъезды патрулировали по городским улицам, готовые применить оружие. Таким образом, порядок в городе был восстановлен. Грабежи и убийства прекратились, поскольку шахские гвардейцы получили право расправляться с участниками разбоев на месте.

Шах всегда помнил тех, кто помог ему отстоять отцовский престол. Его казаки-гвардейцы действовали под истинно хладнокровным командованием русских инструкторов — офицеров и урядников. Все они получили высокие пожалования от персидского монарха — высшие ордена, украшенные алмазами наградные шахские портреты и восточное оружие, прочие милости Его Величества.

Больше всего почестей, разумеется, получил начальник бригады полковник В.П. Ляхов. Он имел представительный вид, будучи внешне очень похож на императора Александра III. Человек энергичный, прямой и деятельный, он имел большое личное влияние при шахском дворе. Исследователи отмечают его «рыцарское отношение к шаху».

Полковник Ляхов три года успешно командовал Персидской казачьей бригадой (с 1906-го по 1909 год). Он имел от шаха три высшие награды страны пребывания: драгоценный портрет государя, осыпанный бриллиантами, орден «Сардари» (за усердие и особые заслуги) с бриллиантовыми звездами и лентой, драгоценное наградное оружие — шашку 1-й степени, тоже осыпанную бриллиантами.

В иранскую историю начала XX века имя русского офицера Владимира Петровича Ляхова вошло, как говорится, с красной строки. Имя персидского казачьего полковника вписано в одном ряду с российскими монархами.

...Последующие события приняли удивительный оборот. Окончательно «нейтрализованная» огнем восьми казачьих пушек по зданию меджлиса почти 100-тысячная персидская армия сразу же изъявила покорность своему монарху, не помышляя больше о заступничестве за разбежавшихся из столицы парламентариев, многие из которых были

людьми знатного происхождения.

Можно утверждать, что желающих «связываться» с казачьей бригадой шахской гвардии среди армейских военачальников не нашлось. Хотя в среде персидского генералитета, что не было большим секретом, были и сторонники конституционалистов, и «революционного принца» Зюлли-Султана.

Армия тогда состояла из иррегулярной (племенной) конницы, артиллерии и 72 пехотных (сарбазских) полков, по 100–200 человек в каждом. То есть они имели численность «небольшого» батальона или даже одной пехотной роты. Сарбазы имели собственное вооружение и снаряжение. Командование полками сарбазов передавалось по наследству, поэтому ими нередко командовали мальчики 8—10 лет.

О наличии людей и оружия в полку их командиры или не знали, или имели весьма смутное представление. Они же «занимались обучением подчиненных», которые в своей массе сидели по домам. Армейская служба являлась «кормлением» для наследственных командиров. Сарбазские полки часто подчинялись вождям «своих» племен, а не губернаторам останов.

Иностранцы, которым приходилось наблюдать за парадами, смотрами и учениями персидской пехоты, удивлялись многому. То есть о европейской организации и выучке сарбазских полков не было и речи. Корреспондент-газетчик Н.П. Мамонтов в «Очерках современной Персии» описывал такую картинку из обучения сарбазского полка правильному строю:

«...Под звуки громкого марша, оглушаемого барабанной трескотней, Силахорский сарбазский полк проходил „толпой в образе колонны“.

Ротные командиры, спотыкаясь по усыпавшим дорогу камням, неуклюже взмахивали саблями, поднимая эфес к шапке; взводы шли не равняясь, совершенно не в ногу; винтовки беспомощно смотрели своими штыками то в небо, то в землю, рискуя проколоть идущего сзади.

Среди солдат наряду с белобородыми стариками прыгали мальчишки лет двенадцати; одной ротой командовал, очевидно, по наследству ребенок не старше 10 лет, едва поспевавший впереди тихо ковылявшей роты...»

Персидская кавалерия (сувари) являлась, по сути дела, иррегулярной, феодально-племенной. Ее основу составляли всадники из кочевых племен бахтиар, курдов, туркмен, лоров и других. Конными отрядами командовали ханы, подчиняясь по иерархической лестнице вождю (сардару) своего племени. Племенные же вожди далеко не всегда соглашались с тем, что ими кто-то еще должен командовать.

Личный состав шахской кавалерии в своем большинстве постоянной службы не нес, будучи в «бессрочном отпуске». Частью армейская конница

командами находилась в распоряжении губернаторов останов.

Генерал-майор В.А. Косаговский, в 1894–1903 годах командир Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады, в силу своей должности занимался инспектированием кавалерии шахской армии. На описании одного иррегулярного конного полка, составленного из курдов-кочевников, собственноручно поставил следующую отметку:

«Небезопасны даже для своих. Совершенно к службе не пригодны».

Шахская артиллерия, довольно многочисленная для персидской армии, состояла из двух сотен давно устаревших орудий, преимущественно бронзовых, заряжаемых с дула. Таких пушек уже многие десятилетия не имела ни одна европейская армия. Орудийные расчеты на стрельбах откровенно «блистали» полной необученностью. То есть артиллерия персидской армии имела плачевное состояние даже в дни мирные.

Но при этом в тегеранском арсенале хранилось до 50 скорострельных полевых и горных орудий Шнейдер-Крезе, для которых не находилось обученных пушкарей. Эти орудия были закуплены еще шахом Музаффер-эд-Дином в Германии с полным боевым комплектом, зарядными ящиками и запасными частями. В столичном арсенале не нашлось специалиста-артиллериста, который смог бы разобраться с этим «вооружением».

Артиллерия и в Персии была привилегированным видом войск. Так, командир 4-орудийной артиллерийской батареи, стоявшей в порту Энзели, в 1907 году имел чин эмир-пенджа (генерал-майора). Он вошел в историю российско-персидских отношений тем, что за серьезный проступок в официальной церемонии был наказан большим числом ударов бамбуковыми палками по пяткам.

Проступок же его заключался в следующем. В том году к Энзели прибыл из Баку и встал на рейде русский миноносец. На следующий день после его прибытия был день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Федоровны. По такому случаю командир эсминца произвел установленный салют из корабельного орудия.

Первые выстрелы произвели на жителей Энзели паническое впечатление. Одни на лодках по реке и по дороге бросились в близкий Решт, другие попрятались в укрытиях. Когда командир энзелийских береговых укреплений, имевший чин эмир-тумана (генерал-лейтенанта) разобрался, что к чему, то он приказал эмир-пенджу произвести ответный салют, то есть соблюсти все дипломатические тонкости в ходе визита военного корабля России в порт Персии.

Однако отсалютовать береговая батарея из четырех медных (!) пушек до конца не смогла. Оказалось, что порох отсырел и не воспламенялся. За

подобный недосмотр эмир-туман приказал подвергнуть эмир-пенджа столь суровому физическому наказанию, как битье по пяткам.

О какой-то технической грамотности офицеров персидской армии говорить было трудно. Мамонтов в своих «Очерках», увидевших свет в Тифлисе, рассказывает о том, как по шахскому указу в Казачьей бригаде формировалась пулеметная команда. Инструктору капитану Ушакову было приказано получить четыре пулемета из столичного арсенала. Пулеметы стояли на артиллерийском складе, будучи поставлены на треноги:

«Капитан Ушаков... выбрал четыре, более приличных по виду и менее испорченных внутри, которые много лет пролежали в разбитых ящиках во дворе арсенала под открытым небом.

— Сэркар капитан, эти пулеметы брать нельзя, они испорчены. Возьмите лучше вот эти, — показал начальник арсенала на забракованные.

— Почему, ага?

— Механизм плохо работает... Вот, видите, орудие не поворачивается.

— А вы поверните ручку, — поднял капитан рукоять рассеивающего механизма.

Начальник арсенала слегка смутился...»

О боеспособности и дисциплинированности такой немалой армии всерьез говорить не приходилось, хотя к 1909 году ее состав исчислялся в 90—100 тысяч человек. «Регулярность» шахской армии, за исключением одной-единственной Казачьей бригады полковника Ляхова, была условной даже на бумаге.

...Мохаммед Али-шах правил совсем недолго — с 8 января 1907 года по 16 июля 1909 года. При нем Персидское государство впало в «удручающее» внутреннее расстройство, и шахская, правительственная власть своей устойчивости во многом была благодарна военному вмешательству России. Свидетельством тому были события мая — июня 1908 года.

Россия, взвесив все «за» и «против», пошла, не афишируя официально, на военную поддержку венценосного правителя соседнего государства. Вернее, на поддержку династии Каджаров, которой принадлежал персидский престол. То есть одна монархия пришла на помощь другой монархии.

Причин на то было достаточно много, и прежде всего исторических. После последней Русско-персидской (иранской) войны 1826–1828 годов, второй по счету в XIX столетии (первой была война 1804–1813 годов), и подписания Туркманчайского мирного договора отношения между двумя соседями стали складываться как нельзя лучше.

Подписанный 10 февраля 1828 года в Туркманчае, селении Южного Азербайджана, по дороге между Тавризом и Тегераном, мирный договор, по своей сути, действовал вплоть до 1918 года. Это касалось неприкосновенности линии государственной границы, взаимных торговых дел, российских консульств в Персии, мореплавания по Каспию, работы дипломатов в Тегеране.

Положения Туркманчайского договора, пусть и временные (секретные), в части, касательной для русских войск, действовали и в начале XX века. Шахское правительство их не оспаривало, а наоборот, использовало для определения статуса экспедиционных войск России на персидской территории.

Это касалось отдельной Статьи IV к мирному договору между Россией и Персией, подписанной в Туркманчае в тот же день 10 августа 1828 года. Статья гласила следующее:

«Поскольку корпусу русской армии, который... временно оккупирует Азербайджан (Южный, Иранский. — А.Ш.), будет предоставлена неограниченная свобода расквартирования сообразно с удобствами или волей главнокомандующего русской армией на всей территории этой провинции, условлено, что персидские войска, все еще остающиеся в какой-либо части Азербайджана (Южного, Иранского. — А.Ш.), незамедлительно очистят ее и отступят во внутренние провинции Персии».

Следует заметить, что после Русско-иранской войны 1826–1828 годов Персия, пусть и не сразу, старалась держаться добрососедских отношений со своим гораздо более сильным во всех отношениях соседом. И Россия тоже стремилась к таким отношениям, взаимовыгодным для двух государств.

Такому взаимному стремлению не смогло помешать даже убийство в Тегеране в 1829 году российского посла А.С. Грибоедова, автора нашедшей в то время комедии в стихах «Горе от ума». Император Николай I, по сути дела, оставил убийство опального писателя и разгром российского посольства в персидской столице без последствий, хотя в Европе ожидалось «какие-то» карательные санкции и, вполне возможно, военные действия на пограничном Араксе.

Персидский же владыка, осознавший все возможные последствия такого злодейства в отношении полномочного посла Российской империи, поспешил отправить в Санкт-Петербург своего наследника. Тот, будучи милостиво принят при дворе, преподнес царствующему самодержавно Романову редкой красоты и стоимости сокровище — знаменитый алмаз «Шах», который и по сей день украшает Алмазный фонд Московского

Кремля.

Как бы там ни было, Российская империя первой трети XIX столетия была заинтересована в мире и согласии с шахской Персией, в ее внутренней стабильности. Веских причин на то у нее после подписания Туркманчайского мирного договора, который оказался долговременным, было несколько.

Во-первых, исчезла военная напряженность, поскольку Персия окончательно отказалась от своих притязаний на Закавказье (Восточную Грузию с Тбилиси, Восточную Армению с Ереваном, Северный Азербайджан, Нахичеванское ханство) и Дагестан (прежде всего на бывшее Дербентское ханство). Государственная граница по реке Араке окончательно установила территориальное размежевание между Российской империей и шахской Персией.

Во-вторых, установились тесные дипломатические контакты между Санкт-Петербургом и Тегераном. Россия желала добрососедских отношений со своим южным соседом, немалая часть населения которого была родственна немалой части населения Кавказского наместничества. Речь шла в первую очередь об Азербайджане. Северная его часть (бывшие Бакинское, Гянджинское, Шемахинское, Кубинское и другие ханства) стали частью российской территории на Кавказе. Южная (большая по численности населения) часть за рекой Араке с центром в городе Тевризе (Тебризе) продолжала оставаться частью Персидского государства.

Была и другая составляющая теплых дипломатических отношений. Главным и давним соперником Российской империи на Востоке являлась султанская Турция (Оттоманская империя, Оттоманская Порта, Блистательная Порта). Об этом лучше всего свидетельствует десяток русско-турецких войн, последние из которых велись и на Кавказском театре военных действий. Шиитская Персия же исторически являлась противником суннитской Турции, не раз сталкиваясь с ней в больших и малых войнах, имевших порой религиозную окраску. То есть в случае возникновения серьезной конфликтной ситуации на дипломатическом поприще «иранский» фактор мог сказать свое слово.

В-третьих, между Россией и Персией с древности сложились серьезные, взаимовыгодные торговые и экономические отношения. По персидской территории проходил Шелковый путь, едва ли не самый оживленный сухопутный торговый путь Древнего мира и Средневековья, связывая между собой Восток (начинался он в Китае) и Запад (Европу). От Шелкового пути на его персидском участке па север, по Каспию и Волге, через Москву и Вольный город Новгород, шел оживленный торговый путь,

который выходил в Балтийское (Варяжское) море.

Древняя Русь, Великое княжество Московское, Русское царство и, наконец, Российская империя имели веками прямую выгоду торговли с Персией. В начале XX столетия Россия ввозила в Персию значительное количество своих традиционных отечественных экспортных товаров. Это были: ткани, изделия из металлов, сахар и другое. Российские (в своем большинстве — армянские) купцы вели торговые дела во многих персидских (прежде всего северных) городах. Оживленно велась приграничная торговля.

В-четвертых, от безопасности границы России и Персии зависела внутренняя стабильность соседей. Это показали революционные события 1904-го и последующих годов в российском Баку, персидских Тевризе и Гиляне. То есть для династий Романовых и Каджаров революционный противник тогда был общим.

Революционеры из российского Закавказья «стимулировали» антишахские выступления по ту сторону пограничного Аракса. Движение фидаев-революционеров, центром которого стали северо-западные останы (провинции) Персии, в которых доминирующим населением являлись азербайджанцы, нарастало с каждым годом. Революционное движение в этой части страны то тлело, то разгоралось. Но каждый раз шахские власти демонстрировали слабость силы в борьбе с ним.

Фидаи же постоянно получали «подпитку с российского Кавказа». Связи у них с революционным бакинским подпольем перед Октябрем 17-го года виделись самыми тесными, не говоря уже о событиях в Персии после окончания Гражданской войны в России и установления в 20-х годах советской власти в Закавказье.

Необходимость оказания военной помощи шахской Персии при дворе императора Николая II, в официальных кругах города на Неве особых разногласий никогда не вызывала. Министры иностранных дел в лице В.Н. Ламбсдорфа, А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, равно как и главы Военного ведомства А.Н. Куропаткина, В.В. Сахарова, А.Ф. Редигера, В.А. Сухомлинова, А.А. Поливанова, были достаточно единодушны в том, что южный сосед России должен находиться «во внутреннем успокоении».

В противном случае «внутренние неурядицы», «внутреннее расстройство» шахской Персии отражались на положении дел в стране, на всегда зыбком мире на южных границах Российской империи. И не только в Закавказье, но и в Туркестане.

Внутренняя нестабильность в Персии серьезно «била» по государственной казне России, поскольку во время внутренних, в том числе

революционных потрясений у соседа резко падали обороты внешней торговли двух соседних стран.

К тому же Персия традиционно была своеобразным «полигоном» для противников Российской державы, опасавшихся роста ее влияния на Ближнем Востоке. Это были в первую очередь Турция, терявшая свои последние владения, Германия, имевшая большое влияние на Турцию, и Британия, которая с непродолжительной эпохи царствования Павла I всячески «стерегла» от России свое главное колониальное сокровище — Индию. То, что император Павел I приказал всему Донскому казачьему войску выступить в Индийский поход, на берегах Темзы помнили более века.

Оказание военной помощи шахскому правительству являлось для Санкт-Петербурга мерой вынужденной в силу выше изложенных причин. Речь, разумеется, велась только об оказании вооруженной рукой помощи династии Каджаров для наведения должного порядка в стране. И какое-то время поддерживать его «своим присутствием» в северных районах Персии, прежде всего в столичном регионе, Иранском Азербайджане, на побережье Каспия, в Хорасане.

Хорасанская граница с российским Туркестаном проходила по легко доступной конному человеку (или многим всадникам) пустыне и не самым высоким горам. Поэтому пограничной страже, часть которой составляли местные жители — туркмены, постоянно приходилось быть начеку. Со стороны Персии часто задерживались контрабандисты, которые не за самую высокую плату соглашались выполнять и шпионские задания турецкой агентуры.

Спокойствие в Хорасане имело для российского Туркестана еще одну значимость. Приграничье его было заселено туркменским племенем иомудов, воинственность которого выражалась и в том, что его отряды совершали набеги на туркмен других племен, проживавших на хорасанской границе в ту и другую стороны.

Такие набеговые разбои прекратились после разрешения спорных территориальных вопросов на границе между Россией и Персией в черте Хорасанского остана. Для этой цели была учреждена должность «российского, пограничного с Персией комиссара».

Иомуды заселяли приграничье (районы Астрабада, Шахрудо-Бастама и ряд других), на сопредельной территории которого стояли войска Туркестанского военного округа, ответственного в случае военного конфликта за Хорасанский театр. Стратегическое значение его заключалось в том, что кратчайший путь от линии Средне-Азиатской железной дороги

(по которому могла осуществляться скорейшая переброска русских войск) к Тегерану шел через Хорасан.

Этот путь шел через территорию кочевий племени туркмен-иомудов. Кочевники-иомуды в конце XIX перемещались по приграничью двух соседних государств: с октября по апрель — в Персии, остальное время проводили со своими стадами в Закаспийской области Российской империи.

Что тогда из себя представляли воинственные туркмены-иомуды, можно судить по донесениям российских военных агентов (дипломатов). Они, в частности, писали, что «требуется громадное искусство, чтобы управлять этой толпой, не желающей признавать никакой власти».

Само собой разумеется, что штабу Туркестанского военного округа, находившемуся в Ташкенте, приходилось принимать охранительные меры. Для обеспечения безопасности российскому пограничному комиссару в урочище Гумбет-Хауз был выделен конвой в составе 140 нижних чинов — кубанских казаков из Закаспийской казачьей бригады.

Но это было еще не все. Для оказания экстренной помощи конвою пограничного комиссара в Чатлы выставили отряд в сотню конников: 70 казаков-кубанцев и 30 всадников Туркменского конного дивизиона, тоже входившего в состав Закаспийской казачьей бригады. Для связи с комиссарским конвоем, располагавшимся в урочище Гумбет-Хауз, в Ак-Тепе содержался казачий пост в 20 человек.

Это была реальная сила, чтобы в мирное время поддерживать престиж России в хорасанском приграничье. Иных способов контролировать непредсказуемость приграничного туркменского племени иомудов на севере Хорасана тогда не виделось.

События внутреннего характера у южного соседа России не требовали посылки сколько-нибудь значительных экспедиционных сил на продолжительное время. Для этого вполне хватало части сил Кавказского военного округа, в первую очередь Кавказских казачьих войск — Кубанского и Терского в «объеме» ряда первоочередных казачьих полков, подкрепленных кавказскими стрелками и опять же казачьей конной артиллерией.

Значительно меньше войск отправлял в Персию — в ее Хорасанский остан — Туркестанский военный округ. Впрочем, у этого округа были и другие, не менее важные задачи, так же как прикрытие государственной границы с Афганистаном, на который исторически «имели виды» британцы, «дорожившие» Индией, и с Поднебесной империей — циньским Китаем.

То есть на конечной стадии практическим решением вопроса посылки военной экспедиции в Персию занимались царский наместник на Кавказе, генерал от кавалерии, Георгиевский кавалер граф И.И. Воронцов-Дашков, имевший штаб-квартиру в Тифлисе (Тбилиси), и окружной штаб. Информация о состоянии дел в Персии стекалась в разведывательное отделение штаба Кавказского военного округа.

К слову говоря, Воронцов-Дашков был утвержден почетным казаком по станицам Ветлянской и Городофорпостинской Астраханского казачьего войска, по станице Краснохолмской Оренбургского войска, по станице Нижнекудрячской Войска Донского, по кубанской станице Васюринской. А также был утвержден почетным стариком станиц Кубанского казачьего войска — Новоалександровской, Новотроицкой, Воронежской, Рязанской, Пашковской, Новодмитровской, Ключевой, Марьянской, Баговской, Нефтяной, Кореновской, Брюховецкой, Губской и Гривенской, Терского казачьего войска станицы Аки-Юртовской.

Царский наместник на Кавказе в 1907 году был зачислен в казачье сословие, будучи приписан к станице Новотроицкой, что граф И.И. Воронцов-Дашков принял с благодарностью.

Оказание военной помощи Каджарской династии не носило характера похода какой-то части Российской Императорской армии в пределы соседнего государства. Основу экспедиционных войск составили иррегулярные конные полки кавказского казачества. Эти действия получили в истории названия «секретных Персидских экспедиций», поскольку русские войска без международной «проработки» посылались в Персию несколько раз.

Если говорить о «секретности» этих экспедиций, то она заключается в том, что ими конкретно занимались не в Санкт-Петербурге, а в Тифлисе, в штабе Кавказского военного округа. Поэтому информация о вводе какого-то числа русских войск в Персию, об их действиях там, дислокации и перемещениях получала достоверную известность в европейских столицах спустя много дней. То есть речь в таких случаях шла о событиях уже свершившихся, а не протекающих.

«Секретные Персидские экспедиции» русских войск позволили перед самой Первой мировой войной покончить с внутренней анархией в стране, с мятежными действиями кочевых племен на ее окраинах, прежде всего на северо-западе и западе, в Иранском Курдистане, подавить выступления революционеров всех мастей, обеспечить стабильность ситуации в самой столице Персии, в Тегеране. Шахская власть в лице Мохаммеда Али оказалась неспособной стабилизировать внутреннее положение в стране.

Шах Мохаммед Али потерял престол в результате государственного переворота, осуществленного силой оружия шахской гвардии в лице Персидской казачьей бригады и действий мятежных националистов. Монарху пришлось искать личную безопасность в российском посольстве. О тех событиях 16 июня 1909 года будет рассказано ниже.

Мохаммед Али-шах Каджар, родившийся в 1872 году, правил Персией совсем недолго, хотя и, как тогда казалось, утвердился на престоле после событий мая и июня 1908 года. Он был низложен, находясь в Тегеране. При этом заговорщики откровенно не желали расправиться ни с ним, ни с его семьей.

Однако о дальнейшем пребывании свергнутого правителя в стране, имевшего здесь немало сторонников, не могло быть и речи. В противном случае Персия могла оказаться в огне вооруженных столкновений в «ходе брожения умов разноплеменного своего населения». Шахская власть же военной силы имела немного, и потому, по сути дела, добровольное оставление отечества Мохаммедом Али-шахом, уже бывшим, было только на благо Персии.

Соседняя Россия не отказала изгнаннику в приюте. Впрочем, этот вопрос был больше политический, чем доброжелательный. Низложенный 37-летний Мохаммед Али-шах получил разрешение российского правительства поселиться с семьей в Одессе. Это место было назначено ему, а не выбрано низложенным восточным правителем.

Одесса, как известно, является юродом с южным климатом и, что не менее было важно в той ситуации, находилась на достаточном удалении от Кавказа и российско-персидской границы. То есть бывший шах мог чувствовать себя в известной безопасности от своих недругов. А те могли не опасаться внезапного появления низложенного повелителя, вознамерившегося вернуть себе престол, в своем отечестве.

Мохаммед Али-шах со своей немалой семьей и свитой прибыл в Россию в сентябре 1909 года. Одесса и условия обитания в ней ему, как известно, в целом понравились. Более того, российский самодержец Николай II сохранил за Мохаммедом Али право пользоваться титулами «Шах» и «Величество», подтвердив тем самым высокий статус его особы из правящей в Персии Каджарской династии.

По решению российского государя при низложенном правителе Персии, имевшем в приютившем его с семьей государстве немало привилегий, был назначен «состоять» подполковник Дагестанского конного полка Я.В. Хабаев. Он фактически исполнял роль адъютанта Его Шахского Величества.

С пребыванием бывшего персидского правителя на российском Юге связана история поступления в 1912 году его дочери Хадидже-Ханум в Одесский институт благородных девиц Николая Первого, основанный в 1829 году для «девиц благородного звания». Однако устав этого закрытого женского института второго разряда ведомства императрицы Марии Федоровны не предусматривал прием воспитанниц-иноверок, в том числе мусульманок. Веской причиной тому было то, что весь процесс обучения и воспитания в таких учебных заведениях был основан «на (христианской) религии», а его прямой целью было «утверждать в сердцах девиц веру в Бога».

Однако отечественной истории до этого были уже известны случаи обучения в подобных женских учебных заведениях девочек-мусульманок. Так, в 1913 году закончила курс Императорского воспитательного общества благородных девиц (Смольный институт в Санкт-Петербурге) Нафисат Мухамед-Шафиговна Шамиль, дочь генерал-майора русской армии Мухамед-Шафига (младшего сына имама Шамиля) и Биби-Маргям.

За устройство принцессы Хадидже-Ханум в местный Одесский Институт благородных девиц взялся не кто иной, как сам министр иностранных дел России С.Д. Сазонов. Он отправил соответствующее отношение светлейшему князю А.А. Ливену, который управлял канцелярией по учреждениям императрицы Марии Федоровны. В письме главы российского МИДа среди прочего говорилось:

«.. Хадидже-Ханум (с разрешения отца. — А.Ш.) посещает дачу института, завтракает, готовит уроки, пьет чай и обедает вместе с воспитанницами; на всех окружающих производит впечатление живой, наблюдательной, сердечной и при этом с большим усердием относится ко всем занятиям.

За два месяца своего посещения института (июнь и июль) Хадидже-Ханум настолько свыклась с обстановкой института и проявляет такое искреннее желание учиться, что Шах и Шахиня просят принять ее в начальный, 7-й класс института. Знания принцессы вполне соответствуют требованиям, предъявляемым для поступления в этот класс...»

Его Величество Мохаммед Али-шах, заботясь об образовании любимой дочери, разрешил принцессе проводить время вместе с воспитанницами Института благородных девиц с 11 часов утра до 8 часов вечера. Такое воспитание девочки из мусульманской семьи, даже знатной, было в то время явлением необычным и крайне редким. Тем более что речь шла о европейском образовании.

Императрица Мария Федоровна дала свое высочайшее распоряжение

принять в Николаевский институт персидскую принцессу Хадидже-Ханум «бесплатной приходящей воспитанницей» с начала 1912/13 учебного года.

При этом она утвердила «весьма желательную» просьбу министра иностранных дел Сазонова «в знак Всемиловейшего внимания к Шаху освободить Его Величество от взноса необходимой за его дочь платы». Эти расходы венценосная супруга-вдова императора Александра III и мать царствующего императора Николая II взяла на себя.

Свергнутого властителя из Каджарской династии «с миром» отправили в изгнание сперва в гостеприимную Россию, но подальше от Кавказа. Однако остаток своей жизни низложенный шах провел в итальянском курортном городке Сан-Ремо, тихо скончавшись там в апреле 1924 года. Бедствовать бывшему монарху, ставшему политическим эмигрантом, вместе с семьей особо не пришлось.

На престол был возведен его малолетний сын Султан Ахмед, в пользу которого отец отрекся от трона и которому судьба уготовила стать последним шахом из династии Каджаров. Он родился 21 января 1898 года и в день своей коронации, когда его украсили одеждой падишаха, усыпанной бриллиантами, 16 июня 1909 года ему было всего одиннадцать «мальчишечьих лет». Естественно, что самодержцем в откровенно плохо управляемой Персии он быть не мог.

Юный правитель стал свидетелем того, как с престола свергали его отца, на защиту которого с оружием в руках так никто и не встал. Даже шахские телохранители и любимцы. Султан Ахмед-шах не обладал реальной властью, от его имени страной правили регенты из числа персидской знати и вожди племен бахтарма, занимавшие при дворе высокие должности. Шах своим именем лишь «узаконивал» их власть в Тегеране. К тому же придворные вельможи враждовали между собой «за место под солнцем», то есть у шахского трона.

Султан Ахмед-шах правил Персией до 1923 года, когда молодой годами монарх был со всей восточной вежливостью отправлен в изгнание в Европу. Официально же он лишился трона 31 октября 1925 года, когда шахом был провозглашен Реза Пехлеви, бывший казак Персидской казачьей бригады. Так на смену династии Каджаров пришла династия Пехлеви, которая просуществовала совсем немного, будучи свергнута народом, поднятым против монархии шиитским духовенством.

Остаток своей недолгой жизни низложенный Султан Ахмед Каджар провел во Франции. Изгнанник умер в феврале 1930 года, когда ему шел всего лишь 33-й год. Известно, что о возвращении себе шахского престола он не мечтал и попыток к тому не делал.

Реза-хан Пехлеви прибыл в Тегеран узаконивать свою уже фактическую власть в стране во главе 4-тысячного вооруженного отряда. Основу его составляли шахские казаки, хорошо обученные военному делу русскими инструкторами — казачьими офицерами и урядниками. Отряд беспрепятственно двинулся на Тегеран из древнего города Казвина (Казбин, Касбин), который половину XVI века был столицей династии Сефевидов. По пути разрушались линии связи.

Коррумпированное правительство Персии было свергнуто почти без единого выстрела. Реза Пехлеви всегда с уважением относился к старой России, помня свою службу в Персидской казачьей бригаде. По собственному волеизъявлению он, еще не будучи возведенным на шахский престол, затвердил договор Ирана с Советской Россией, в силу которого та отказывалась от своего исторического влияния в соседней Персии.

Так 1919 год стал последней страницей «секретных Персидских экспедиций» России начала XX столетия. То есть это был удар по державности Российской империи уже после ее гибели в феврале 1917 года. Москва уже никогда не имела на своего южного соседа такого влияния, которым обладала старая Россия на рубеже XIX и XX веков.

Что же касается бывшего шахского казака Резы, то иранский меджлис объявил Реза-хана, который до этого сам себя назначил премьер-министром, шахом Резой Пехлеви 16 декабря 1925 года.

Но к этому дню он уже обладал всей полнотой власти некоронованного монарха в стране.

Реза-шах Пехлеви сразу же позаботился о династической составляющей своей власти, назначив наследником престола своего старшего сына, Шахпура Мохаммеда Реза Пехлеви. Так Каджарская династия осталась за бортом истории, канув в прошлое. К этому следует заметить, что официальную церемонию коронования первого шаха из династии Пехлеви сопровождали сцены действительно широкого народного энтузиазма. Или, иначе говоря, в Персии о Каджарах не печалились.

Следует заменить, что все вышеназванные персидские шахи из династий Каджаров и Пехлеви были заинтересованы в установлении дружественных отношений со своим северным соседом, и прежде всего в военном отношении. Не случайно и в русском, и в персидском языках есть вполне уместная по такому случаю поговорка: «Хороший сосед лучше дальнего родственника».

Стремясь установить дружеские, доверительные отношения с высшим военным командованием России, шахи Персии на официальном уровне не

забывали жаловать высокими орденскими наградами генералитет Романовской державы, прежде всего глав ее Военного ведомства. Среди военных министров старой России в начале XX столетия были награждены:

Генерал от инфантерии, генерал-адъютант Куропаткин Алексей Николаевич, занимавший пост министра с января 1898 года по февраль 1904 года. Он получил орден Льва и Солнца 2-й степени со звездой и зеленой лентой.

Генерал от инфантерии Редигер Александр Федорович, занимавший пост министра с июня 1905 года по март 1909 года. Он имел орден Льва и Солнца 1-й степени с алмазами.

Генерал от кавалерии, генерал-адъютант Сухомлинов Владимир Александрович, занимавший пост министра с марта 1909 года по июнь 1915 года. Был награжден орденом Льва и Солнца 1 — й степени с алмазными знаками к нему.

Генерал от инфантерии Поливанов Алексей Андреевич, занимавший пост министра с июня 1915 года по март 1916 года. Удостоился двух орденов от шаха — Льва и Солнца 1 — й степени и Короны с алмазами.

Генерал от инфантерии Беляев Михаил Алексеевич, занимавший пост министра с января 1917 года по март того же года. Он имел орден Льва и Солнца 2-й степени.

...«Секретными Персидскими экспедициями» — их организацией, проведением — занимались в столице Кавказского наместничества два человека. Первым, разумеется, был царский наместник, генерал от кавалерии граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков, человек на Кавказе известный и популярный. Его наместничество стало в истории горного края целой эпохой, не исключая и дел военных.

Непосредственным же исполнением экспедиционных дел, вплоть до мелочей, занимался узкий круг работников штаба Кавказского военного округа, прежде всего его генерал-квартирмейстерской части, ведавшей оперативными делами. Идеологом же «секретных Персидских экспедиций» являлся царский наместник в Тифлисе, пользовавшийся полным доверием у государя-самодержца.

Воронцов-Дашков был известен не только как человек из ближайшего окружения императоров Александра III и Николая II, но и как умелый администратор, действительно много сделавший для экономического и культурного развития Кавказского края, как человек там весьма уважаемый. Один из крупнейших российских землевладельцев военного образования не имел, учился в Московском университете. С началом Крымской (или

Восточной) войны 1853–1856 годов ушел добровольцем в русскую армию, службу начал в лейб-гвардии Конном полку.

В последние годы Кавказской войны блестящий столичный аристократ командовал личным конвоем князя А.И. Барятинского. Удостоился за боевые заслуги ордена Святого Георгия 4-й степени (за штурм крепости Ура-Тоби) и наградного Золотого оружия. Граф

Воронцов-Дашков примерно воевал против горцев имама Шамиля и в Туркестанском крае. Всего в 29 лет близкий друг будущего императора Александра III получил звание генерал-лейтенанта, командовал лейб-гвардии Гусарским полком.

С началом Русско-турецкой войны 1877–1878 годов начальствовал на болгарской земле над кавалерией Руцукского отряда (за исключением казачьей). После победной для русского оружия войны служил в столичном гарнизоне, командуя 2-й Гвардейской кавалерийской дивизией, в которую входили (в отличие от 1-й) всего четыре полка лейб-гвардии: Драгунский, Конно-Гренадерский, Уланский и Гусарский.

Впечатляющий взлет И.И. Воронцова-Дашкова по служебной лестнице начался с воцарением на престоле Александра III Александровича, с которым он сдружился во время освободительной войны на болгарской земле. Тогда цесаревич-наследник стоял во главе Руцукского отряда. Высокие назначения следовали одно за другим — главноуправляющий государственного коннозаводства, министр императорского двора и уделов, канцлер Российских Царских и Императорских орденов, член Государственного совета Российской империи.

Граф Воронцов-Дашков был известен и как убежденный монархист. После убийства террористами-народовольцами государя Александра II некоторое время являлся начальником царской охраны и одним из организаторов «Священной дружины».

В феврале 1905 года, после восстановления поста царского наместника на Кавказе, Илларион Иванович Воронцов-Дашков направляется императором Николаем II, который всегда благоволил к преданному другу своего отца, в Тифлис, в столицу Кавказского наместничества. Наместник на Кавказе осуществлял не только гражданскую (светскую) власть, но и стоял во главе всех российских войск, находившихся на территории наместничества.

Под его личной ответственностью находилась охрана государственной границы в Закавказье с сопредельными странами — Турцией и Персией. А также защита интересов России (как говорится, в части касательной) на этих территориях в вопросах торговли, консульских дел, борьбы с

контрабандой, защиты личностей и интересов российских граждан, таможенных дел и еще многое другое.

В число обязанностей кавказских наместников входили и ведение (то есть организация) военной разведки в целях обеспечения безопасности государства, сбор и анализ разведывательной информации. Эта задача во все времена существования царского наместничества виделась немаловажной.

Султанская Турция (Оттоманская Порта, Османская Порта, Блистательная Порта) на протяжении целого столетия почти всегда являлась потенциальным военным противником России в Кавказском регионе и в бассейне Черного моря. Об этом лучше всего свидетельствовали Русско-турецкие войны 1806–1812, 1828–1829 и 1877–1878 годов, Восточная (она же Крымская) война 1853–1856 годов,

и, наконец, Первая мировая война 1914–1918 годов.

Не без «присутствия» Стамбула шла самая длительная в российской истории Кавказская война. Не случайно предводитель «немирных» горцев Северного Кавказа имам Шамиль вошел в историю как человек, имевший чин генералиссимуса Турции.

С Персией (Ираном) отношения были совсем иного плана. После двух вялотекущих русско-персидских войн в начале XIX столетия, стабилизации границы по реке Араке и Тальшским горам, разделившей Северный Азербайджан с Южным Азербайджаном (собственно персидским владением), присоединением к России Эриванского ханства (Восточной Армении) обстановка на линии государственной границы больше не грозила всполохами открытого военного противостояния.

Но... России после всего этого достался сосед, о стабильности внутривнутриполитического положения которого говорить не приходилось. Откровенная слабость шахской власти, всемогущество вождей кочевых и полукочевых племен, вмешательство извне, отсталость экономической жизни, постоянные мятежи против правительства в

Тегеране, небезопасные дороги — все это прямо или косвенно отражалось на приграничном положении Российской империи.

К этому можно было бы добавить еще и то, что кавказские и персидские революционеры всех мастей находились в тесной связи друг с другом. Одни боролись с царизмом, другие — с шахской властью, занимаясь вооруженным насилием и террором по отношению к правительственным службам.

Граф Воронцов-Дашков оказался тем государственным мужем императорской России, который лично много сделал для развития горного

края с обилием в нем христианских и мусульманских народов, вечно склонных к вооруженным насилиям. Один из его известных современников, российский глава правительства С.Ю. Витте писал о нем:

«Быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том краю, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией...

Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время, когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда еще не оскорбил ни словом, ни жестом...»

Кавказский наместник, генерал от кавалерии граф И.И. Воронцов-Дашков, получив на то инструкции из Санкт-Петербурга, оказал шаху и его администрации помощь в наведении порядка. Но речь шла не о всей территории Персии, а только о ее северных останках, приграничных с Россией, и областях, приближенных к столичному Тегерану.

Толчком для организации «секретной Персидской экспедиции» 1909 года стали революционные события в Иранском (Южном) Азербайджане. В его столице, городе Тавризе, началось «с размахом» брожение умов и поступков, подавить которое шахские власти оказались не в силах.

Одновременно «вспыхнул» соседний остан, Гилян, крайне важный для России Энзелийским портом. В гиланской столице Реште революционерами-фидаями был убит губернатор. Дальше события развивались стремительно. Фидай, собравшись с силами в городе Казвине, и ханы бахтиарских племен, преследуя при этом разные цели, двинулись на Тегеран.

В 1909 году в Персию был направлен под начальством генерал-майора И.А. Снарского экспедиционный воинский отряд в составе двух батальонов стрелков, четырех казачьих сотен кубанцев и терцев, трех артиллерийских батарей — скорострельной, горной и гаубичной. Затем отрядполнили еще казаками. В следующем году был поставлен вопрос о выводе русских войск с иранской территории, но обстановка к этому явно не располагала.

Генерал-майор Иван Александрович Снарский был выбран для этой роли не случайно. Выпускник Варшавского пехотного юнкерского училища, офицерскую службу начал в Санкт-Петербургском гренадерском полку. Боевое крещение получил в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Командовал пехотным полком, гренадерской бригадой и, наконец, 1-й Кавказской стрелковой бригадой. Хорошо знал Восток по Кавказу,

отличался решительностью в поступках. Его кавказские стрелки и стали пехотой посылаемого в Персию экспедиционного отряда.

События развивались так. Основанием для отправки экспедиционного отряда из состава войск Кавказского военного округа стало секретное указание из Санкт-Петербурга на имя тифлисского наместника. Телеграфная депеша графу И.И. Воронцову-Дашкову была краткой:

«Главный штаб.

Секретно.

20 апреля 1909 г. № 1124

В виду ожидавшегося в Тавризе нападения на консульства и европейские учреждения и подданных со стороны революционеров и населения Тавриза, доведенного до отчаяния голодом, Главнокомандующему войсками Кавказского военного округа телеграммой от 7-го сего апреля Особого при Совете Министров Совещания было сообщено, что Государь Император повелел немедленно двинуть форсированным маршем в Тавриз отряд достаточной силы для защиты русских и иностранных учреждений и подданных, подвоза к ним продовольствия, а также для поддержания обеспеченного сообщения Тавриза с Джульфою».

Отряд генерал-майора И.А. Снарского был сформирован предельно скоро. Уже в середине апреля по приказу генерала от кавалерии графа Воронцова-Дашкова он прибыл на пограничную железнодорожную станцию, изготовившись перейти пограничную реку Араке.

Экспедиционный отряд во многом благодаря «секретности» своего создания был немногочислен в силах, но мобилен и способен к маршброскам и маневренным действиям в незнакомой местности, при плохих дорогах.

В состав отряда его начальник взял из состава своей 1 — й Кавказской стрелковой бригады два батальона, доукомплектованных за счет других батальонов кавказских стрелков.

В экспедицию целые полки казачьей конницы, пусть и мобильной, «легкой на подъем», не брались. Опять же в силу «секретности» военной экспедиции. Было взято по две сотни из 1 — го Полтавского Кошевого Атамана Сидора Белого полка Кубанского казачьего войска и 1-го Сунженско-Владикавказского генерала Слепцова полка Терского казачьего войска, в котором служило много казаков-осетин.

Артиллерия экспедиционного отряда была сильной, но способной к быстрому передвижению. Это были батареи скорострельная, горная и гаубичная. Орудия в них были способны вести огонь в любых условиях

театра военных действий — в уличных боях, в горах, при отражении ударов больших масс конницы.

Штаб Кавказского военного округа позаботился и о надежном инженерном обеспечении «секретной» экспедиции. Отряду придали саперную роту. Саперам предстояло обеспечивать переправу войск через реки, «улучшать» дороги, в случае надобности возводить полевые (лагерные) укрепления, уничтожать искусственные препятствия на путях движения отряда и еще многое. В случае «опасной надобности» саперы легко становились пехотными солдатами. Что и показали последующие события.

Отряд генерал-майора Снарского в Джульфе не задержался. Переправившись через Араке (переправу обеспечивала пограничная стража), военная экспедиция по хорошо известному «торговому» пути двинулась к Тавризу, в котором уже «бушевали революционные страсти». Отряд имел боевое охранение, поскольку вероятность нападения фидаев и примкнувших к ним отрядов кочевых племен, прежде всего шахсеванов, была реально велика.

Командир отряда получил из штаба кавказского наместника предельно строгие инструкции по действиям на территории Персии, которые гласили следующее:

«.. Все сношения войсковых начальников в занимаемых русскими войсками городах с местными персидскими властями и с населением должны во всех случаях производиться через находящихся в этих городах дипломатических агентов Российско-Императорского Правительства.

...Войскам отряда воспрещается вмешиваться в какой бы то ни было форме в борьбу между правительственными персидскими войсками и восставшими против законного персидского правительства элементами населения.

...Совместное с русскими войсками пребывание в населенных пунктах и передвижение по охраняемым русскими войсками дорогам каких-либо вооруженных отрядов и партий, деятельность которых имела бы разбойничий характер, — не допускается.

...Решение вопроса об употреблении в дело оружия зависит исключительно от войскового начальства.

...Раз принятое решение должно быть проводимо в исполнение бесповоротно и с полной энергией».

То есть инструкция изначально требовала от командира экспедиционного отряда, устремившегося от границы на Тевриз, не вмешиваться в вооруженное противостояние в остане Восточный

Азербайджан. Требовалось исключить в происходящих событиях любое сношение с силами разбоя и насилия. И, по сути дела, давалось разрешение на применение оружия в случае опасной надобности. И поступать так на свое усмотрение.

События на северо-западе Персии показали, что силы отряда генерал-майора И.А. Снарского слишком малы. В июне того же 1909 года он получает усиление в лице кубанского 1-го Лабинского генерала Засса казачьего полка. Полк в шести сотнях прибыл к отряду походным порядком, нигде не задерживаясь в пути.

Гораздо позднее, в конце сентября русский воинский отряд, стоявший у самой границы, в городе Ардебиле, близ Талышских гор, пополнился двумя сотнями 1-го Кубанского полка Кубанского казачьего войска.

Одновременно с вводом на территорию Персии «секретной» экспедиции из войск Кавказского военного округа подобная операция была проведена штабом Туркестанского военного округа. Она тоже проводилась в режиме самой строгой секретности и касалась Хорасанского остана, то есть северо-восточной части соседней с Россией страны.

В Хорасане усиливаются консульские конвои и отдельные посты на главных путях-дорогах. В июне месяце в столицу остана город Мешхед вводятся из состава кубанского 1-го Таманского генерала Бескровного казачьего полка сотня и взвод, то есть усиленная конная сотня при трех офицерах. В урочище Гумбет-Хаузе теперь расположились казачья сотня от этого полка и сотня всадников Туркменского конного дивизиона. В Турбет-Хейдаре встала сотня 1-го Кавказского полка кубанцев.

Таким образом, казаками и туркменскими всадниками из состава Закаспийской казачьей бригады были заняты ключевые точки в северной, приграничной части Хорасана. Но это было еще не все.

Отдельные конные команды появились в Кермане и других важных пунктах этого остана.

Ввод войск в Хорасан оказался делом своевременным. Российская торговля несла здесь серьезные убытки от грабежей на дорогах, в которых были замешаны как туркмены-иомуды, так и военнослужащие шахской армии. Резко упал подвоз в порты для погрузки на суда хорасанских товаров — хлопка и шерсти. Это отразилось на работе... Нижегородской ярмарки. Участились враждебные действия в отношении российских подданных в Мешхеде.

В главном городе Хорасанского остана казакам-таманцам однажды даже пришлось применить пулеметы, чтобы навести в городе порядок. Из них был открыт огонь по «вооруженному скопищу туземцев», которые

преградили казакам в помещение Русско-персидского банка. После этого последовало самым решительным образом разоружение местных фидаев.

Силы «секретной Персидской экспедиции» 1909 года вводились на территорию сопредельного государства по двум маршрутам: Джульфа-Тавриз-Тегеран и Астара-Решт-Казвин-Тегеран. Весной эти грунтовые дороги позволяли войскам быстро перемещаться походным порядком.

После этого разбойные дела в остане заметно пошли на убыль, поскольку в конфликтных ситуациях, грозивших кровопролитием, казаки решительно брались за оружие. Хорасан перестал быть похожим на «мятежный» остан. Но заслуг в этом местного губернатора и мешхедского гарнизона не виделось ни хорасанцам, ни в Тегеране.

Управлением генерал-квартирмейстера Кавказского военного округа был разработан и третий маршрут на столицу Персии, начинавшийся в портовом Энзели. Но от использования его с полной нагрузкой тогда отказались, поскольку Энзелийский порт не мог обеспечить быструю разгрузку русского воинского отряда. В последующих экспедициях переброска войск и военных грузов по

Каспийскому морю из Баку на иранское побережье стала основным маршрутом.

Серьезность внутривосточной ситуации в шахском государстве потребовала гораздо больше экспедиционных войск, чем предполагалось в Санкт-Петербурге и Тифлисе. Надежды на то, что персидская армия возьмет на себя хотя бы часть бремени наведения порядка, не оправдались. Хаос в стране рос на глазах.

Из Баку в Энзели перебрасываются кубанский 1-й Лабинский казачий полк, 206-й пехотный Сальянский полк из состава 52-й пехотной дивизии (ее штаб находился в Дагестане, в Темир-Хан-Шуре), который дислоцировался в самом Баку, артиллерия. Переброска людей, орудий и грузов с судов на берег, в Энзели, проходила на лодках (большегрузных киржимах).

Коней приходилось выгружать с палуб судов прямо в морскую воду. Казаки добирались до берега в лодках, держа за поводья плывущих за ними лошадей, с которых были сняты седла.

Из Энзели Лабинский полк прибыл в древний Казвин, главный город одноименного остана, стоявший на полпути из Тавриза и Решта в Тегеран. Близость его к столице стала основанием для того, чтобы в Казвине расквартировать сильный русский отряд. Казвинским отрядом сперва командовал генерал-майор К.Р. Довбор-Мусницкий (начальник 2-й Кавказской стрелковой бригады), а с сентября 1910 года — генерал-майор

А.П. Фидаров из состава Терского казачьего войска, магометанин по вероисповеданию, бывший инструктор Персидской казачьей бригады.

Уже в том 1909 году стало ясно, что соседняя Турция делает «с прицелом на будущее» все для роста антироссийских настроений в Персии. На «бытовом уровне» велась соответствующая пропаганда среди кочевого населения Иранского Курдистана. Откровенную враждебность проявляли губернаторы западных, приграничных останов. В штаб Кавказского военного округа поступали тревожные донесения о характере действий таких шахских администраторов, подобные следующему:

«Они усиленно советуют курдам делать нападения на наши разъезды с тем, чтобы наши репрессии в отношении курдов восстановили бы против России последних...»

Такое наставничество разбойным людям, разумеется, давало свои плоды. Кочевники в конце февраля совершили грабительский налет на селение Шейхахмед, принадлежавшее «русскому старшине купцов». Перед этим был убит ротмистр российской пограничной стражи. Подобных примеров было много.

Генерал-майор И. А. Снарский не мог не отреагировать на убийства подданных России, грабеж их имущества. Пользуясь данной ему властью в районах дислокации экспедиционного отряда, он стал накладывать на местных курдов по законам военного времени контрибуцию (она бралась преимущественно скотом). Стали приводиться в исполнение приговоры пограничного суда, касающиеся дел об убийствах российских подданных.

Войска «секретной Персидской экспедиции» летом 1909 года взяли под бдительный контроль все важнейшие дороги, которые вели от границы к Тегерану. Их охрана обеспечивалась казачьими постами, имевшими достаточно надежную связь друг с другом. Безопасность передвижения по дорогам сразу сказалась на отношении местного купечества и населения окрестных селений к русским военным людям.

Было налажено конвоирование купеческих караванов, которые везли от границы российские товары и товары персидские в Россию. Это сразу же почти свело на нет большие разбойные дела на торговых путях. Из консульства в городе Урмия, центре остана Западный Азербайджан, к примеру, приходили такие сообщения по делам торговым:

«Можно с уверенностью утверждать, что если бы мы не прибегли к периодическому командированию с караванами русских конвоев, то весь наш товарооборот с богатым урмийским рынком совершенно бы прекратился, и, таким образом, заветная мечта турок убить нашу торговлю... и подорвать наше влияние была бы уже свершившимся фактом.

Достаточно сказать, что за неполные два месяца русскими казаками были проконвоированы по дороге Хой-Урмия около 10 тысяч верблюдов с грузом: сабзы, сахара, керосина и мануфактуры на сумму около 1 млн рублей».

Хой являлся торговым городом вблизи российской границы. А мануфактура, керосин и сахар были на то время главными товарами из России, которые находили большой спрос в персидской «глубинке» у людей богатых и у людей бедных.

В конце 1909 года осложнилась ситуация в приграничном городе Ардебиле, в окрестностях которого проживали полукочевые племена шахсеванов. Вслед за грабежами в Ардебиле вожди шахсеванов потребовали от российского консула ни много ни мало как сдачи оружия и патронов консульского казачьего конвоя.

Тогда в Тифлисе было решено поставить в городе отдельный воинский отряд. Он начал свое движение из Баку через пограничную Астару и 28 октября занял Ардебиль. Отряд пришел силой в почти 700 человек и состоял из двух пехотных батальонов (в составе мирного времени), двух кубанских казачьих сотен 1-го Полтавского полка при двух пулеметах. Огневая мощь отряда состояла из двух орудийных расчетов артиллерийской бригады Кавказской гренадерской дивизии.

Однако в таких силах Ардебильский отряд оказался не готов навести должный порядок в приграничье остана Восточный Азербайджан. Тогда в конце ноября на его усиление прибыл 16-й гренадерский Мингрельский Великого Князя Дмитрия Константиновича полк, дислоцировавшийся в Тифлисе. Вместе с ним марш-бросок совершили горная батарея из артиллерии кавказских гренaдер и остальные четыре сотни 1-го Полтавского казачьего полка.

И после создания отдельного Ардебильского отряда экспедиционные войска получали новые усиления. В декабре 1909 года, когда после бегства из останов Восточный и Западный Азербайджан, Хорасан разгромленных фидаев, на севере Персии наметилось «некоторое успокоение». Штаб Кавказского военного круга вернул в российские пределы большую часть Ардебильского отряда.

Ардебиль, бывший «болевой точкой» у российской границы, больше не нуждался в значительном русском гарнизоне. На начало 1910 года в нем оставались два батальона пехоты — мингрельских гренaдер и сальянцев, горная батарея и две сотни казаков-полтавцев. Этих сил вполне хватало, чтобы контролировать ситуацию в северной части остана Восточный Азербайджан. Ардебильский отряд существовал до конца 1914 года, до

начала Первой мировой войны.

Экспедиционные войска, взяв под свой контроль главные пути на севере Персии, постоянно находились в «боевом соприкосновении» с разбойными отрядами курдов и шахсеванов. Дело порой доходило до настоящих боев на горных дорогах, в селениях и городах. Таких, как Тавриз, фактически находившийся некоторое время в руках местных революционеров-фидаев.

Энергичные действия русских экспедиционных сил в 1909 году, в большей части следующего года дали желаемые результаты. Но, как оказалось, это было временное «успокоение». С начала следующего года ситуация стала меняться в худшую сторону.

Сперва это коснулось российской консульской деятельности в Персии. Обеспокоенный этим председатель Совета министров Столыпин обратился к кавказскому наместнику графу И.И. Воронцову-Дашкову с просьбой усилить казачьи конвои консульств, в частности в городе Реште, центре провинции Гилян. В Реште функции консульского конвоя уже несла службу полусотня казаков с двумя пулеметами.

В конвои консульств на персидской территории направляли только казаков, в данном случае кавказских. В одном из документов российского МИДа о казачестве говорилось так:

«...Казачьи конвои — это часть Русской армии, одной из задач которой является, очевидно, охранение не только самой Империи от чужеземных на нее посягательств, но и интересов ее, ее должностных лиц и подданных, равно как и ее достоинства за пределами русской границы в тех случаях, когда чужеземная власть бессильна это сделать».

К октябрю 1911 года в конвоях при российских консульствах числились почти тридцать офицеров и более семи сотен казаков и всадников Туркменского конного дивизиона. Наиболее сильными конвоями обладали следующие консульства: в Реште — 8 офицеров и 178 казаков; в Хое — 10 офицеров и 151 казак; в Тавризе — один офицер и 40 казаков; в Гумбет-Хаузе — один офицер и 50 казаков, а также три взвода туркменских всадников.

Квартирование казачьих сотен и взводов консульской охраны во многих случаях находилось в соприкосновении с гарнизонами персидской армии. Так, в городе Казвине стоял местный сарбазский (пехотный) полк, а численность всего казвинского гарнизона доходила до 800 человек. Начальник конвоя казвинского консульства хорунжий Некрасов (из кубанского 1 — го Лабинского полка) докладывал начальству о том, что шахский гарнизон в отношении конвоя «держится дерзко».

Из состава войск Кавказского военного округа для охраны дипломатических миссий (консульств) России в Персии в 1911 году выделялись, разумеется, при строгом отборе офицеры и казаки следующих полков.

Терского казачьего войска:

- 1-го Сунженско-Владикавказского полка (25 человек);
- 1-го Кизляро-Гребенского полка (109 человек);
- 1-го Горско-Моздокского полка (182 человека);
- 1 — го Хоперского полка (9 человек).

Кубанского казачьего войска:

- 1 — го Полтавского полка (12 человек);
- 1-го Кубанского полка (19 человек);
- 1-го Уманского полка (22 человека);
- 1-го Черноморского полка (18 человек);
- 1-го Лабинского полка (126 человек);
- 1-го Запорожского полка (15 человек).

Из состава войск Туркестанского военного округа для конвоев консульств в остане Хорасан в том же 1911 году были откомандированы люди из частей Закаспийской казачьей бригады:

- Кубанского 1-го Таманского полка (111 человек);
- Кубанского 1-го Кавказского полка (33 человека);
- Туркменского конного дивизиона (более трех взводов).

«Секретная Персидская экспедиция» потребовала от двух военных округов России, в первую очередь от Кавказского, гораздо больше сил, чем это предполагалось. В конвои российских консулов уже назначались не десятков-другой казаков, а целые сотни с пулеметными командами. Причем МИД постоянно требовал от Военного ведомства обеспечить не только безопасность дипломатов, российских подданных, но и самой «Империи от чужеземных на нее посягательств» на территории шахской Персии.

Причина таких настоятельных просьб российского МИДа к Военному министерству крылась в том, что «чужеземная (шахская) власть бессильна была это сделать», то есть «охранить» интересы (прежде всего торговые) России в Персии, ее дипломатов, должностных лиц и просто рядовых подданных.

Казачьим конвоям консульств приходилось постоянно сталкиваться с враждебными действиями со стороны местной администрации, разбойно настроенными кочевыми племенами и с турецкими военными, которые около города Урмии занимали спорные (не демаркированные) участки границы Турции и Персии. Дело порой доходило до боевых столкновений с

потерями для той и другой сторон.

Одним из самых ярких боевых эпизодов Персидского похода русских войск 1909–1912 годов стал бой отряда из 20 казаков-терцев 3-й сотни 1-го Горского-Моздокского полка во главе с сотником Лазарем Бичераховым 4 ноября 1911 года близ города Хоя с курдами. Дело обстояло так.

27 октября сотник Бичерахов со своими конниками сопровождал в город Урмию состоящего при российской православной Урмийской миссии иеромонаха Григория. На обратном пути 4 ноября в двадцати верстах от Хоя конвой подвергся ружейному обстрелу курдов, число которых превышало сотню всадников. Они занимали горный кряж, нависший над дорогой.

«...Сотник Бичерахов приказал им крикнуть по-персидски:

— Мы русские казаки, вас не тронем — очистите дорогу!

Два верховых курда подскочили на 500 шагов, произвели выстрелы по казакам и усаkali обратно. Курды открыли частые залпы, на что сотник приказал казакам спешиться и рассыпаться в цепь.

Продвинув цепь на тысячу шагов, Бичерахов убедился, что фронтальной атакой курдов не сбить с кряжа — сила огня противника была в пять раз больше. Младшему уряднику Цыбину с четырьмя казаками он приказал зайти с правого фланга, занять позицию и поражать курдов фланговым огнем.

Продвинувшись на открытой местности на 800 шагов, сотник Бичерахов получил первую рану в левую ногу — выше колена навывлет, но виду нижним чином не подал. Несмотря на ожесточенный огонь со стороны гор и ближайших селений на флангах, отряд продвинулся на 600 шагов, где Бичерахов получил вторую рану в грудь навывлет, третья пуля вошла в правую ногу.

Раненому оказал помощь урядник Захарченко, сотник лежал на совершенно открытом пространстве, пули ложились рядом. Не в состоянии двигаться, но не потеряв сознания, Бичерахов продолжал командовать цепью через урядника: приказал двум казакам прорваться через курдов и дать знать командиру дивизиона в Хое. Казаки выполнили приказание довольно быстро.

Есаул Гапузов выступил к месту схватки, по дороге подвергаясь обстрелу из всех окрестных селений. Рассеяв курдов и прибыв на место перестрелки, командир дивизиона нашел команду в образцовом порядке».

Об этом неравном бое близ города Хоя в Южном Азербайджане командир 1-го Горско-Моздокского полка Терского казачьего войска полковник Тигран Арютинов доложил по команде. В своем рапорте среди

прочего он отмечал на вполне вероятное участие в нападении на казачий конвой турецких военнослужащих:

«...Часть огня велась из маузеровых ружей, каковых нет ни у персов, ни у курдов. Вся команда проявила удивительную храбрость и умелость».

Приказ о награждении отличившихся не заставил себя долго ждать. Сотник Лазарь Бичерахов удостоился Военного ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами, а его казаки — Знака отличия ордена Святой Анны, то есть Анненской медали.

Казак станицы Новоосетинской Лазарь Бичерахов будет воевать в Персии и в годы Первой мировой войны. Станет Георгиевским кавалером и начальником первого армейского конно-партизанского отряда на Персидском фронте. Будет командовать казачьими отрядами в Закавказье. В годы Гражданской войны в белой армии дослужится до генерал-лейтенанта и закончит свой жизненный путь белоэмигрантом.

«Секретная Персидская экспедиция» втягивала в себя все новые и новые пополнения из войск Кавказского и Туркестанского военных округов. К декабрю 1911 года на территории Персии находились несколько сильных по составу русских экспедиционных («командированных») отрядов. В северно-западной части Персии их было четыре — в городах Тавризе, Казвине, Ардебиле и Хое.

Тавризским отрядом командовал генерал-майор Н.Н. Воропанов, начальник 2-й Кавказской стрелковой бригады. Отряд состоял из следующих войск:

- 11 батальонов кавказских стрелков и мингрельских гренадер;
- кубанских казачьих полков: 6 сотен из 1-го Полтавского и 1,5 сотни 1 — го Лабинского;
- терских казачьих полков: 2 сотни из 1-го Сунженско-Владикавказского и 1 сотни из Горско-Моздокского;
- 2 саперных рот, искровой роты (связисты-телеграфисты) и команды подрывников;
- отряд имел из тяжелого оружия 2 орудия и 22 пулемета.

Казвинским отрядом командовал генерал-майор В.Д. Габаев (Габашвили), командир 1-й бригады Кавказской гренадерской дивизии. Отряд состоял из следующих войск:

- 11 батальонов кавказских стрелков и пехотных 205-го Шемахинского и 206-го Сальянского полков;
- 6 сотен терского 1-го Кизляро-Гребенского казачьего полка;
- кубанских казачьих полков: 2 сотни 1-го Кубанского и 2 сотни Лабинского;

- 1 саперной роты;
- отряд имел из тяжелого оружия 12 орудий и 16 пулеметов.

Ардебильским отрядом командовал генерал-майор А.П. Фидаров, командир 2-й бригады Кавказской гренадерской дивизии. Отряд (позднее он был еще усилен) состоял из следующих войск:

- 5 рот пехотинцев-сальянцев и мингрельских гренадер;
- 2,5 сотни кубанского 1-го Лабинского полка;
- саперной команды и 2 горных орудий.

Хойским отрядом (фактически стоявшим на прикрытии северного участка персидско-турецкой границы) командовал генерал-майор Бокщанин, начальник 1-й Кавказской стрелковой бригады. Отряд состоял из следующих войск:

- 2 батальонов кавказских стрелков;
- 2 сотен терского 1-го Горско-Моздокского полка;
- саперной команды;

- отряд имел из тяжелого оружия 4 горных орудия и 4 пулемета.

Всего в декабре 1911 года из состава войск Кавказского военного округа на территории Персии в экспедиционных отрядах находилось: пехоты — 25 батальонов и 1 рота (больше 6 полков), конницы — 25 казачьих сотен (больше 6 полных полков), 2 саперные роты и 2 саперные команды, 1 рота искровых телеграфистов при 38 полевых и горных орудиях и 42 пулеметах.

Примечательно, что всем четырем командирам экспедиционных отрядов на период служебной командировки в Персию были даны (в строевом отношении) права начальников дивизий.

О том, как русских военных встречали в Персии, свидетельствует среди прочих в своих воспоминаниях командир вошедшего в состав Казвинского отряда терского 1-го Кизляро-Гребенского казачьего полка полковник А.Г. Рыбальченко:

«Настроение жителей Казвина к русским пришельцам было недружественное; и хотя никаких явно враждебных выступлений и не было проявлено против нашего отряда со стороны персов, но уличные демонстрации и закрытие базаров и лавок в городе все же указывали на то, что наши войска в Персии явились нежеланными гостями.

Наш местный консул Г.Вл. 0-ко успокаивал начальника отряда, объясняя закрытие лавок и базаров якобы наступившим праздником Байрама, но на самом деле базары и лавки закрыты были неспроста.

Так, уже за несколько дней до прихода в Казвин 1-й сотни гребенцов все лавки и базары по настоятельному требованию главарей дашнак-цутюнского комитета были закрыты, а один из торговцев персов, не

пожелавший подчиниться этому требованию, был убит террористами.

С приходом же в город частей отряда по улицам начались манифестации и траурные процессии. Ежедневно то там, то здесь можно было встретить толпу персов и даже детей, одетых в белые передники, с черными флагами в руках.

Эти манифестанты, предводительствуемые главарями, расхаживали по улицам, пели патриотические песни, означавшие в переводе: „смерть нам, правоверным, если не умрут русские гяуры“, т. е., другими словами, на улицах открыто проповедовалось избиение русского отряда...»

В северо-восточной части Персии (в остане Хорасан) экспедиционные войска были сведены в четыре экспедиционных отряда под общим командованием генерал-майора А.Е. Редько, начальника 4-й Туркестанской стрелковой бригады.

Самым крупным отрядом был Мешхедский (в начале 1912 года он получил усиление). Им начальствовал командир 1-го Семиреченского генерала Колпаковского казачьего полка полковник Н.Ф. Вязигин. В Мешхеде стояли:

- 1 батальон 18-го Туркестанского стрелкового полка;
- 3 сотни 1-го Семиреченского полка с 6 пулеметами;
- 1 сотня кубанского 1-го Кавказского казачьего полка с 2 пулеметами;
- 1 сотня кубанского 1-го Таманского казачьего полка с 2 пулеметами;
- конно-разведывательная команда;
- 6-орудий 4-й Кубанской казачьей батарее.

Астрабадский отряд состоял из:

- 2 сотен кубанского 1-го Таманского казачьего полка;
- 1 сотни Туркменского конного дивизиона;
- пулеметного взвода.

В Кучанском и Барфрушском отрядах числились:

- 1 батальон 1-го Туркестанского стрелкового полка;
- 1 сотня 1-го Семиреченского казачьего полка;
- 1 сотня кубанского 1-го Таманского полка;
- 1 сотня Туркменского конного дивизиона;
- конно-разведывательная команда и 4 пулеметных расчета.

Хотя командиры отдельных отрядов «секретной Персидской экспедиции» обладали на местах достаточно большой самостоятельностью в действиях и принимаемых в экстренных случаях решениях, они придерживались строгих требований инструкций, которые были им даны. Это были указания начальников штабов Кавказского и Туркестанского

военных округов. Требования инструкций сводились к следующему.

Русские войска введены в Персию для защиты подданных России и обеспечения вооруженной рукой ее интересов, которым грозит революционное движение среди населения соседней страны.

Экспедиционные отряды не вмешиваются во внутренние дела страны пребывания, не берут на себя какие-либо управленческие функции, защищая российских подданных, консульства и «другие правительственные учреждения».

Оружие разрешалось применять только при «действительной необходимости подавлять опасные народные волнения». В таких случаях требовалось действовать решительно, твердо, без колебаний, «дабы население прониклось сразу сознанием нашей силы».

Указывалось особо на необходимость установления «правильных» отношений с местным духовенством, уважать религиозные чувства местного населения, «не нарушать покой» мусульманских святынь.

С началом «секретной Персидской экспедиции» встал вопрос об ее обеспечении. Провиант в большей части закупался на местах. Поскольку ввод русских войск в Персию прямо отвечал внутренним интересам шахского государства, то Санкт-Петербург и Лондон предъявили персидскому правительству соответствующие требования о возмещении понесенных расходов, высказанные в ультимативном порядке.

Российские требования официально Тегерану были опубликованы в газете «Русский инвалид» в ноябре 1911 года. Отдельным пунктом в них шла речь о возмещении персидским правительством расходов, вызванных нынешней экспедицией в Персию. Об этой части российских требований говорилось в таких словах:

«...Размеры причитающейся нам суммы и способы ее уплаты будут установлены дополнительно, после получения ответа персидского правительства».

Естественно, что меджлис на заседании в ноябре 1911 года отверг такие требования не только потому, что шахская казна была пуста и надежд на ее пополнение в ближайшем будущем не виделось. Это дало повод кавказскому наместнику принять решение о вводе на территорию сопредельной страны новых экспедиционных войск. Впрочем, такие требования и отказ от их выполнения большого дипломатического конфликта не вызвали.

Усилий экспедиционных войск был вызван тем, что осенью на территории северной Персии начались (военные) операции против полукочевых шахсевенских племен. Это была нешуточная борьба с целью

приведения шахсевен к «повиновению» государству, в котором они жили.

У шахского режима многие годы была одна большая «головная боль». Особенно много хлопот ему, русским войскам на иранской территории и, соответственно, штабу кавказских войск в Тифлисе, доставляли воинственные полукочевые племена шахсевенов (шахсеванов). Они еще с конца прошлого столетия фактически вышли из подчинения официального Тегерана и сделали разбой одним из источников своих доходов.

Это была этнографическая группа тюрков-азербайджанцев (частью — курдов), в своем большинстве проживающая на территории персидского остана Южный Азербайджан (в окрестностях городов Ардебиль и Казвин) и отчасти в Муганьской степи Северного Азербайджана. В своем большинстве мусульмане-шахсевены являются суннитами. Они исторически делятся на ардебильских и мешкискинских шахсевенов.

В переводе с азербайджанского «шахсевены» означает: «любящие шаха», «преданные шаху», «любимцы шаха». Уже сам перевод этого слова говорит об историческом предназначении уникальной этнографической группы тюркской части населения шахской Персии.

В конце XVI века эти кочевые племена были искусственно образованы из самых храбрых и воинственных родов Персии шейхом Сефи как надежнейшая опора воцарившейся династии Сефеидов. В основе этого искусственного тогда объединения «лежали» выходцы из племен тюрков-кызылбашей. Считается, что какая-то часть шахсевенов были курдами. Шахсевены стали в средневековой Персидской державе шахской гвардией.

Подобное искусственное образование воинственных племен и расселение их вблизи персидской столицей случайностью или «иронией судьбы» назвать никак нельзя. Шах Аббас I был сильно озабочен влиянием и всесилием вождей племен кызылбашей. И он нашел способ, как можно было серьезно ослабить реальную силу предводителей племен кочевых тюрков.

С целью их ослабления и была проведена «операция» по созданию племен «любящих шаха». Их воины составили конную гвардию шаха, типичного восточного владыки. Аббас I дал своим любимцам огромные привилегии в сравнении с другими своими верноподданными. В районах городов Ардебиль, Савве и Казвина, в Муганьской степи шахсевенам были выделены крупные земельные владения, прежде всего хорошие пастбища.

Шахсевены (всего до 60 тысяч человек) на начало XX столетия заселяли отдельными «пятнами» северо-восточную часть иранского Азербайджана, занимая земли между горным хребтом Савелан и городом Ардебилем. Они делились примерно на 50 родов, во главе которых стояли

беки, обладавшие значительной полнотой власти над соплеменниками.

Мужская часть населения шахсевенских племен была сплошь вооружена и могла выставить для военных действий до 12 тысяч всадников. На то время винтовки самых различных систем и приметные патронташи на несколько десятков патронов стали неотъемлемой частью одежды воинов шахсевенов, состоявшей обычно из коричневых шаровар и синей (или белой) куртки.

Уже в конце XIX века большая часть кочевых племен шахсевенов перешла на оседлость. Свои шатры и палатки тюрки-сунниты стали менять на типичные персидские сельские жилища. Теперь они стали отходить от своего традиционного занятия — кочевого скотоводства, хотя и продолжали обладать огромными стадами овец, табунами лошадей и верблюдов.

Однако еще на рубеже двух веков шахсевены продолжали считаться шахской гвардией, такой же непослушной и мятежной, как янычары султанской Оттоманской Порты. В странах мусульманского Востока такое явление исторически было скорее правилом, чем исключением из него. Поэтому поведение шахсевенских племен в самой Персии не называлось «мятежным», как это видели европейцы.

«Любящие шаха» стали потенциально опасной военной силой внутри страны для правителей Персии, которые к концу XX столетия растеряли немалую часть своей деспотической власти над страной. И в первую очередь над кочевыми и полукочевыми племенами, населявшими окраины страны: шахсевенами, лурами, курдами, бахтиарами, кашкайцами и многими другими.

Шахсевены уже много лет дестабилизировали обстановку в стране. Даже при присутствии на ее территории русских войск они продолжали совершать разбойные нападения на мирные селения возле резиденций самих шахских генерал-губернаторов. Разбой на дорогах — торговых путях стал для них уже привычным и очень прибыльным занятием.

Отряды конных шахсевенов бесчинствовали у самой российской границы, по ту сторону которой, в Муганьской степи, проживали их соплеменники. Так что российской пограничной страже по реке Араке и в Талышских горах приходилось быть всегда начеку. Свидетельством тому могут быть частые стычки с вооруженными контрабандистами и иными лицами, которые шли через южную границу России со стороны Персии.

К тому же шахсевены были той частью мусульманского мира Персии, которую нельзя было назвать «любящей европейцев». Поэтому русский или армянский купец, передвигавшийся по дорогам Персии с грузом товаров, был желанной добычей всякого разбойного люда. Для российской казны

каждый такой разбой являлся ощутимой утратой.

Действовали шахсевены почти безнаказанно: шахские власти и сама династия Каджаров просто не имели реальной военной силы для обуздания вооруженной рукой «любящих шаха». Те такое соотношение сил отлично понимали и потому действовали со все большим размахом. Теперь отряды всадников шахсевенских племен стали заходить все чаще и чаще за пределы зоны своего расселения.

Особенно прославил себя перед Первой мировой войной шахсевенский племенной вождь Мамед-кули-хан, называвший себя ни много ни мало Мамед-кули-Шахом. Не просто ханом, а Его Величеством шахом.

Шахские власти долго ничего не могли с ним ничего поделать и смогли схватить, лишь заманив шахсевенского хана с его приближенными в ловушку, после чего их публично повесили. По этому поводу российский комиссар на границе с Персией в марте 1812 года докладывал в Тифлис:

«...Бежавшие из Тегерана главнейшие виновники грабежей и убийств на границе Мамед-кули-хан и 9 шахсеванских вождей сегодня прибыли в Астару (иранский город на границе с Россией. — А.Ш.), арестованы».

Мамед-кули-хан был известен не только тем, что много лет действовал, то есть разбойничал и грабил персидские селения, вполне безнаказанно. Он «прославился» еще и тем, что называл самого себя Мамед-кули-Шахом.

После трех лет безуспешной борьбы с самозванным шахом тегеранским властям удалось заманить этого вождя шахсевенов в ловушку, уготовленную ему и его ближайшим сподвижникам в Астаре. Их арест был произведен российскими военными, беглецов из персидской столицы, как опасных преступников, передали шахским властям. Мамед-кули-хан. самозванный шахсевенский шах, был повешен.

Первым районом, в котором русские экспедиционные войска столкнулись с шахсеванами, стали приграничный с Россией город Ардебиль и его окрестности. Чтобы замирить местные шахсевенские племена, потребовались большие воинские силы. Это и заставило штаб Кавказского военного округа заметно усилить Ардебильский отряд.

Командир отряда генерал-майор Афоко Пациевич Фидаров, сам магометанин, родом из селения Зильги Терской области, жестоко наказывал тех, кто как-то открыто враждебно относился к военным людям из России. Купца, который отказывался им что-либо продавать или угрожал на базаре, немедленно арестовывали, его лавку конфисковывали с запретом заниматься торговлей.

Нападавших на чинов экспедиционного отряда предавали военно-полевому суду. Если таких преступников не находили, то наказывался весь городской квартал, где было совершено вооруженное нападение. Такие кары приводились в исполнение без всяких на то колебаний, что весьма быстро действовало на «беспокойных» ардебильских жителей.

Пришлось экспедиционным отрядам в Иранском Азербайджане столкнуться и с фидаями-дашнаками, которые терроризировали местное армянское население. Впрочем, русские войска уже одним своим появлением в Тавризе заставили ряд предводителей фидаев со своими вооруженными дружинами бежать из главного города северной части Персии. Так, известный азербайджанский революционер Саид-Уль-Леналик поспешил укрыться в Урмии.

После замирения ардебильцев и окрестных шахсеев главные «экспедиционные события» развернулись в столице остана Восточный Азербайджан — Тавризе. То, что именно в нем произошел наибольший всплеск революционных событий, не случайно. После революции 1904-го и последующих годов в России сюда бежало немалое число революционеров из Закавказья. Они и стали «играть руководящую роль в происходящей смуте» на территории Иранского Азербайджана.

Кавказский наместник граф И.И. Воронцов-Дашков не раз докладывал об этом в Санкт-Петербург. Тавризские события не заставили себя долго ждать. Местные фидайи и революционеры-беглецы с российского Кавказа разгромили тавризский правительственный арсенал и «вооружили захваченным оружием народные массы».

После этого в городе, обширная часть которого оказалась в руках фидаев, сразу начались обстрелы и спонтанные нападения на части русских войск. Вспыхивали уличные бои. Приступом брались здания, в которых укрепились фидайи и просто вооруженные горожане. В городе была прервана телефонная связь. Эти «революционные события» проходили в Тавризе с 4 по 15 декабря 1911 года.

Первый серьезный бой произошел за тавризский караван-сарай, на крышах которого засели фидайи. Когда отряд, состоявший из казаков-лабинцев и мингрельских гренадер, проходил по улице мимо караван-сарая, то был «жестоко» обстрелян. Гренадерам и кубанским казакам во главе с хорунжими Лукой Барановым и Федором Кофановым пришлось «подняться на крыши» и в рукопашных схватках выбивать оттуда фидаев, имевших к тому же подавляющее численное превосходство.

Стрельба по русским военным велась через бойницы, сделанные в стенах домов и каменных заборах. Отрядные дозоры в центре города

обстреливались даже из древней тавризской цитадели, с ее стен и башен. В случае преследования нападавшие легко скрывались в лабиринте узких улочек восточного города.

Бывший в то время за начальника Тавризского отряда полковник В.В. Чаплин (командир 1-го Кавказского стрелкового полка) не сразу пошел на применение артиллерии. Только тогда, когда дозоры и караулы стянулись к месту расположения отряда в районе Баги-Шамаль, он приказал обстрелять из пушек тавризскую цитадель, где скопилось большое число вооруженных горожан и местных революционеров.

Собирая воедино отряд, Чаплин приказал гренадерам и казакам-кубанцам оставить взятый приступом караван-сарай. Однако командовавший там подполковник 16-го Мингрельского гренадерского полка А.П. Немирович-Данченко приказ выполнить не смог. «Шайки фидаев» с 9 часов утра блокировали караван-сарай со всех сторон, подвергая его перекрестному обстрелу из соседних зданий и из-за заборов.

Попытка прорыва осажденных через единственные ворота не удалась и «сопровождалась рядом жертв при невозможности не только поражать, но даже видеть замаскированного противника».

Когда в штабе отряда стало известно об этом, на помощь был послан есаул Андрей Сомов с двенадцатью казаками из 1-го Сунженско-Владикавказского полка. Но едва терцы выехали из ворот Баги-Шамалья, как попали под град ружейных пуль, сыпавшихся на них со всех сторон.

Расчищать путь по улице для терских казаков пришлось огнем из двух орудий, двух пулеметов и из винтовок гренадер-мингрельцев. Верховые есаул Сомов со своими казаками пробился в караван-сарай. Их кони превратились во вьючных животных, поскольку из караван-сарая вывозили часть хранившегося там отрядного имущества.

Во время событий в городе Тавризе, столице Иранского Азербайджана, одну из самых жарких схваток пришлось выдержать группе солдат (около 25 человек) из 16-го гренадерского Мингрельского полка во главе с поручиком Н.И. Федоровым. Они засели в одном из городских зданий и в течение дня отбивались от атаковавших их толп фидаев, которые пытались поджечь дом, обложив его сеном, политым керосином.

Гренадеры-мингрельцы выстояли в том уличном бою, хотя в живых их осталось всего пять человек. Последние защитники горящего дома пробились на штыках в расположение своего отряда и вынесли из боя тяжело раненного в ногу с раздроблением кости поручика Н.И. Федорова. Офицер стал одним из героев тех тавризских событий, будучи уже в чине штабс-капитана, награжден (но с опозданием на год) орденом Святого

великомученика и победоносца Георгия 4-й степени.

Столь долгое и обидное для представленного к награде офицера рассмотрение дела свидетельствовало прежде всего об одном. В Санкт-Петербурге в Военном ведомстве шли споры о том, возможны ли георгиевские награждения в мирное время, когда нет официальных свидетельств о том, что Россия применяет военную силу в сопредельном государстве, каким была для нее Персия. О единичных награждениях спорить не приходилось, а вот в отношении целых списков представлений разговор шел самый придирчивый.

Отрядные врачи, осматривая раненых, пришли к выводу, что большинство пулевых ран является тяжелыми. В заключении говорилось, что все раны «имели больших размеров, с рваными краями выходные отверстия, ясно свидетельствующие об использовании персами разрывных пуль».

С утра 8 декабря начался обстрел российского консульства. Его защищал консульский конвой из 18 казаков во главе с подъесаулом 1-го Уманского полка Николаем Федоренко, получивший небольшое подкрепление из казаков и гренадер. Часть конвоя, заняв крышу здания консульства, завязало перестрелку с нападавшими фидаями.

Тогда те попытались поджечь конюшню, где находились 40 лошадей. Тогда подъесаул Федоренко, взяв с собой двенадцать человек, зашел в тыл фидаям, разведившим огонь у дверей конюшни, и обратил их в бегство.

В тех событиях в Тавризе на стороне русского отряда выступили персидские казаки во главе с инструктором, войсковым старшиной Александром Блазновым из терской станицы Ермоловской. Они изгнали «мятежников» из губернаторского дома и подняли российский флаг над крепостью Арком. Она была занята Блазновым с отрядом в 10 шахских казаков.

Героически обороняли с 9 по 13 декабря в окрестностях Тавриза пост Аджи-чай восемнадцать казаков из 1-го Сунженско-Владикавказского полка во главе с сотником Семеном Алехиным из терской станицы Государственной. Сам Алехин, будучи ранен в руку, продолжал руководить защитой поста у моста через одноименную речку.

Чтобы вырвать гарнизон сторожевого поста из кольца окружения, начальник Тавризского отряда 11 декабря послал на выручку две пехотные роты с тремя автомобилями и пулеметами. Но автомобили на дороге, покрытой гололедом, забуксовали.

Тогда на выручку поста поспешила сотня конных терских казаков, которая подоспела вовремя. Терцы сразу же завязали перестрелку с

фидаями, которые атаковали пост. Тем после подхода двух пехотных рот с пулеметами и еще одной казачьей сотни — кубанцев — пришлось отступить подальше, очистив мост через речку Аджи-чай.

Штаб Кавказского военного округа подал срочную помощь Тавризскому отряду. 13 декабря к городу подошла походная колонна 5-го Кавказского стрелкового полка с четырьмя расчетами горных орудий, имея в авангарде сотню казаков-терцев Горско-Моздокского полка. Колонна в условиях наступившей зимы совершила марш-бросок в 100 верст, по глубокому снегу перейдя два горных перевала.

Одновременно от пограничной Джульфы на Тавриз заспешил кубанский 10-й Полтавский казачий полк под командованием полковника Э.А. Нальгиева.

Колонна усиленного артиллерией 5-го Кавказского стрелкового полка, подойдя к городу, приступом взяла глинобитные тавризские стены. Когда перестрелка здесь утихла и фидаи оставили место боя, то здесь насчитали до 60 убитых персов и подобрали 15 скорострельных винтовок самых разных систем.

В это время к колонне прибыл есаул Сомов с пятнадцатью казаками-сунженцами. Они вышли из города под вечер кружным путем. Таким образом, была установлена связь русского отряда с подошедшим укреплением. Его появление под стенами Тавриза подействовало на «мятежников отрезвляюще». Пальба в городской черте у Баги-Шемаля стала заметно ослабевать.

Тавризцам стало ясно, что штурм города русскими с непредсказуемыми последствиями неминуем. 14 декабря в 15 часов на крышах многих домов появились белые флаги, а над древней цитаделью был поднят... российский флаг. Уличных боев не последовало — «взбунтовавшееся население было вынуждено покориться русским и сложить оружие».

Декабрьские бои в Тавризе обернулись для экспедиционных войск немалыми потерями в людях. В донесении штаба Кавказского военного округа в Главное управление Генерального штаба были названы следующие цифры. Убиты: один офицер и 38 нижних чинов, ранены: 5 офицеров и 46 нижних чинов. Всего 90 человек.

О потерях со стороны фидаев в документе не говорится, но в любом случае они были более значительными. Российский консул в Тавризе Миллер определял число вооруженных людей в городе в 8-10 тысяч. Часть фидаев бежала из города, а один из их предводителей — Амманулла-Мирза укрылся в английском консульстве.

После «замирения» Тавриза были взяты под контроль главные дороги в остане, прежде всего из Тавриза в Софиан. Казачьими отрядами занимаются Маранд и Джульфа. В первом случае операция проводилась силами полутора сотен, во втором — полусотней казаков-кубанцев.

.. События в остане Восточный Азербайджан, в Тавризе, проходили одновременно с такими же событиями в городе Урмия, центре остана Западный Азербайджан. Декабрьские события здесь начались с того, что предводители фидаев стали агитировать местных курдов разгромить российское консульство, истребить в Урмии христиан и занять Кушинский перевал, через который шла горная дорога в близкую Турцию. Был «испорчен телеграф», и связь Урмии с хойским отрядом прервалась.

В ответ на это российский вице-консул в Урмии организовал патрулирование города казачьими разъездами и дал понять местному губернатору, что в случае начала враждебных действий он будет взят под арест.

Хойский отряд был усилен несколькими казачьими сотнями. Конные патрули взяли под свой контроль дорогу из Хоя в Урмию. Это настолько подействовало на урмийских фидаев и окрестные курдские племена, что они сочли за благо для себя отказаться от вооруженного выступления. То есть на то время они отказались от любых вооруженных нападений на русские отряды, казачьи разъезды и военные обозы, российские консульства и их персонал.

...Одновременно с событиями в Тавризе и вокруг Урмии произошла вспышка насилия в Реште, столице остана Гилян. В тех декабрьских событиях Гилян оказался «эпицентром революционных выступлений», поскольку эта прикаспийская провинция уже давно не контролировалась шахскими властями.

Когда русские экспедиционные войска вступили в Решт, город был во власти «шайки талышинцев Керим-хана и Сеид-Ашрефа, терроризировавшей население». Причем местный губернатор «мирно уживался с ними». Здесь было совершено несколько убийств купцов-персов, которые отказались бойкотировать товары из России.

Не менее сложной оказалась ситуация в портовом городе Энзели. Здесь был убит начальник местной полиции, ночью совершено покушение на губернатора, получившего четыре смертельных ранения пулями (организатором убийства стал мулла), нападению подвергся патруль от 205-го пехотного Шемахинского полка (ранены два человека, в том числе старший патруля поручик Юсуф Беков).

Напавшие на патруль фидаи укрылись в мечети. С крыши мечети и ее

второго этажа, с крыш соседних домов началась пальба. В ответ стрельбу начали солдаты-шемахинцы. В перестрелке приняла участие и казачья команда терцев в составе десяти человек во главе с урядником Демченко.

«Эта команда, оставленная ранее в Энзели от 3-й сотни (1-го) Кизляро-Гребенского полка в распоряжении этапного коменданта, услышав тревогу и переправившись через залив на баркасе, врзалась в толпу напавших на патруль персов-революционеров, нанося им удары шашками, чем и способствовала рассеянию толпы».

После этого столкновения патрули взяли под свой контроль большую часть города, в котором нашли два склада с оружием и боеприпасами. В здании энзелийского энджумена нашлось 300 различных ружей и много патронов к ним, которые были реквизированы.

Поскольку обстановка в городе накалялась, команда канонерской лодки «Красноводск» взяла на себя охрану энзелийского консульства и банка пароходства общества «Кавказ и Меркурий». Из Решта спешно прибыла казачья сотня. Однако беспорядки в городе, забастовка в порту (прибывшие с военными грузами пароходы не разгружались и не грузились товарами в обратный рейс), уличные стычки между патрулями и горожанами продолжались.

Министр торговли и промышленности России в письме военному министру по поводу событий в Энзели констатировал следующий факт: «Полное разорение русской торговли».

Город Решт «вспыхнул мятежом» в день 8 декабря. Военные патрули стали забрасываться камнями, а стрельба по ним из домов и крыш велась до вечера. Местный российский консул Некрасов со всей решительностью взял на себя руководство наведением порядка в гилианской столице. Свидетель тех событий писал:

«...Энзелийские события 8 декабря имели тесную связь с перестрелкой, происшедшей в тот же день и в городе Реште.

В этой перестрелке с нашей стороны принимали участие

6-я Гребенская сотня и 6-я сотня 1-го Кубанского полка, а со стороны персов — шайка талышинцев Сеид-Ашрефа, революционная банда турецкоподданных армян и команда персидских жандармов и полицейских сарбазов под личным начальством местного полицмейстера».

В ходе обысков в Энзели «подозрительных» домов и нежилых строений нашлось большое количество оружия и боеприпасов. Было изъято: 165 ружей разных систем (в том числе 27 трехлинейных винтовок и 48 берданок), три ящика патронов для трехлинейных винтовок, 42 ящика с новыми берданочными гильзами, присланными из Вены и адресованными

в Тегеран. Это было видно по штемпелям на ящиках.

Пришлось арестовать муллу, организатора убийства энзелийского губернатора, «призывавшего народ к вооруженному восстанию и изгнанию русских из Персии». Были взяты под стражу «несколько главарей революционеров», терроризировавших население и руководивших забастовками.

Есаул Дмитрий Репников, сотенный командир 1 — го Кубанского полка, с казаками-кубанцами и терцами выдержал два огневых боя и занял городской арсенал и караван-сарай, где укрывались фидаи, потерявшие десять человек убитыми, до двух десятков ранеными (подобранных казаками) и трех взятых в плен с личным оружием.

В том деле отличились подъесаул Кибиров, хорунжие Глебовский и Григорьев, которые «быстро рассыпали подчиненных в цепь, умело применились к местности и открыли меткий ответный огонь». В ходе той стрельбы казаки потерь в своих рядах не понесли, но лишились шести коней.

Во время уличных боев в городе Реште у площади Зибак-майдан отличились командир сотни 1-го Лабинского казачьего полка Кубанского казачьего войска, распорядительный есаул Петр Абашкин и его подчиненный урядник Нефедов. Подвиг последнего, посланного сотенным командиром с тремя казаками за помощью в расположение полка, состоял в следующем. Пробираясь по городским улицам, лабинцы натолкнулись на отряд вооруженных персов в 10–15 человек, которые при виде их быстро спрятались за двери дома, выставив оттуда стволы своих ружей. Казаки, прижавшись к стенке, стали осторожно приближаться к двери.

«Один из персов выстрелил в урядника, ружье дало осечку, а урядник ответным выстрелом уложил перса наповал. Затем молодецкий урядник Нефедов, ухватившись за дуло другого ружья, сильным движением вытянул перса вместе с ружьем на улицу, где казаки и зарубили его шашками».

В городе был обнаружен и склад бомб. Поскольку специалистов для обращения с ними среди пехотинцев-шемахинцев не нашлось, рештский консул Некрасов обратился за помощью к командиру канонерской лодки «Карс», капитану 2-го ранга Н.Э. Викорсту. Тот отправил в Решт в сопровождении казачьего конвоя двух корабельных минеров и пулемет.

Когда стало ясно, что «выступление» подавлено, рештский полицмейстер бежал из города, а главарь «шайки» талышинцев Сеид-Ашреф и мулла Азис, подстрекавший толпу к нападению, укрылись в спасительном для них турецком консульстве.

Трое из «бежавших главарей шайки» — Юсуф Сартип-хан, Мирза

Фотула-хан и Селим-хан — удачно бежали из города. Но по дороге на Казвин на почтовой станции Рудбар их настигла погоня — сотник Карин с двумя казаками. Три (талышинских?) хана были арестованы, доставлены в Решт и «понесли заслуженную кару по приговору полевого суда».

События в городе Реште закончились не только «огневым подавлением», но и изъятием оружия из местного арсенала и изгнанием «мятежников» из караван-сарая, превращенного ими в свою штаб-квартиру. Казакам удалось внезапным налетом обезоружить вооруженную охрану конюшни, в которой талышинцы Сеид-Ашрефа укрыли 41 верховую лошадь.

Затем последовали события, которые коснулись губернской власти, настроенной неблагосклонно и к собственному шаху, и к России. В резиденции губернатора остана нашелся целый арсенал оружия и боеприпасов. Начальник русского Казвинского экспедиционного отряда генерал-майор В.Д. Габаев (Габашвили) докладывал главнокомандующему войсками Кавказского военного округа:

«.. Шемахинцами (205-й пехотный Шемахинский полк. — А.Ш.) и казаками был обыскан дом губернатора, причем найдено и отобрано 3 горных орудия, 3 полевых, 1 мортира, 2 знамени, более 1000 ружей трехлинейных, Лебеля и разных систем и до 5 тыс. патронов к ним, а также склад бомб и 62 ящика с артиллерийскими снарядами.

Я распорядился охранять оружие особым караулом, а затворы и замки от орудий запаковать в ящики и отправить под охраной в Энзели для препровождения в Баку».

В близком от Решта городе Казвине дело до прямых столкновений не дошло по причине того, что командование расквартированного в нем экспедиционного отряда сразу же взяло ситуацию под свой жесткий контроль.

«В Казвине тоже все чаще и чаще стали попадаться на глаза подозрительные, вооруженные с ног до головы, бахтиары и фидаи, разъезжавшие среди бела дня по базару и вызывающе посматривающие на непрошенных русских гостей.

Ввиду этого по распоряжению начальника отряда город был разделен на полицейские участки, назначен отрядный полицмейстер, штаб-офицер, а в помощь ему от каждой части наряжены по одному офицеру и по одному нижнему чину от каждой роты и сотни. Кроме того, с 8 декабря в Казвин ежедневно по ночам высылались особые патрули...

После некоторого успокоения к концу декабря месяца, в Казвине вновь было замечено враждебно приподнятое настроение к нам населения и

обнаружен усиленный провоз персами оружия в город. Пришлось принять новые меры предосторожности, установив особое наблюдение за приезжающими в город лицами.

Для этого на заставах Поляковской, Казвинской и Султан-Абадской (по дороге на Хамадан) и в караван-сараях у Исфаганских ворот были выставлены от (1-го Кизляро-) Гребенского полка наблюдательные посты, по 4 человека каждый, которые и осматривали всех проезжающих, препровождая задержанных с оружием в консульство...»

Царский наместник на Кавказе, генерал-адъютант граф И.И. Воронцов-Дашков, поддержал начальника Казвинского экспедиционного отряда генерал-майора В.Д. Габаева в вопросе о награждении отличившихся в тех боях. Тот рапортовал в штаб Кавказского военного округа, как с полей войны:

«...За лихие, умелые действия ходатайствую о награждении Есаула Абашкина и Хорунжего Некрасова, а также молодца урядника Нефедова.

.. энергичные действия командиров сотен в Реште Есаула Репникова и Подъесаула Жукова Кубанского полка, Подъесаула Кибирева и сотника Карина Гребенского полка... полагаю, заслуживают поощрения наградой по службе».

Из Тифлиса, столицы Кавказского наместничества, в Генеральный штаб за подписью Воронцова-Дашкова, человека, лично близкого к императорам Александру III и Николаю II, в Главное управление Генерального штаба телеграммой было послано предложение для последующего представления на утверждение государю:

«Главнокомандующий войсками Кавказского военного округа ходатайствует о разрешении входить с представлением вне всякой нормы к боевым наградам отличившихся в Персии как офицеров, так и нижних чинов».

Император Николай II благосклонно отнесся к представлению на боевые награды в мирное время, тем более что речь шла о «достоинстве империи» в соседнем государстве. «За боевые отличия, за отлично усердную службу и труды, понесенные в Персии», было награждено немало военнослужащих экспедиционных войск. Так, среди офицеров награды получили: в 1-м Кавказском стрелковом (имени) генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича полку:

Золотым оружием с надписью «За храбрость» — подполковник Владимир Попов и капитан Владимир Левестам.

Орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами — полковник Виктор Чаплин.

Орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом — подполковник Павел Бежанбеков, капитан Георгий Мицкевич, поручик Николай Шагубатов и подпоручик Василий Букия.

Орденом Святой Анны 2-й степени с мечами — подполковники Александр Микулинский и Анатолий Сурханов, капитан Николай Циклауров, поручик Николай Гребенщиков.

Орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами — капитан Евгений Дзерожинский, штабс-капитаны Владимир Ветошников и Андрей Мемжал.

Орденом Святой Анны 3-й степени с мечами — штабс-капитаны Степан Котельников, Михаил Невестам, Георгий Антонов и Борис Меркулов, подпоручики Георгий Цветков и Иосиф Овсянников.

Орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом — поручик Павел Малюженко и прапорщик Иван Шарин.

Орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» — поручики Борис и Дмитрий Черновых, Дмитрий Хитрово и Ростислав Чикваидзе, подпоручики Ерванд Бабаджанянц, Федор Осипов и Сергей Гиголов.

Орденом Святого Станислава 2-й степени — капитан Александр Щербович-Вечор.

Орденом Святой Анны 3-й степени — капитан Федор Иванюков, штабс-капитан Николай Числов и поручик Петр Мишутушкин.

Орденом Святого Станислава 3-й степени — поручики Александр Леонович и Николай Мишутушкин.

Можно заметить, что награждение боевыми орденами и Золотым оружием «За храбрость» в мирное время сразу 35 (!) офицеров одного полка — явление уникальное в истории Русской армии. Но все эти высочайшие пожалования были заслужены действиями в ситуации, сравнимой только с «объявленной» войной. В ситуации, когда неприятель имел значительное превосходство и числом, и силой огня, когда лилась кровь. И когда русский экспедиционный отряд, многочисленным не бывший, потерял убитыми и ранеными почти сотню бойцов.

Семь награжденных офицеров оказались в рядах 7-го Кавказского стрелкового полка (капитаны Евгений Гапонов, Федор Щербинин и Василий Сервианов, штабс-капитан Александр Дидебулидзе, поручики Виктор Иванов и Владимир Честноков, подпоручик Андрей Яроцкий).

Восемь офицеров чествовали с наградами за боевые заслуги в 16-м гренадерском Мингрельском полку. Это были: подполковник Александр Немирович-Данченко, капитан Петр Сергеев, штабс-капитаны Евгений

Сперанский, Григорий Асламазов (Асламазянц) и Михаил Фриц, поручики Павел Стецюк, Сергей Кирьяков и Георгий Сиамайшвили.

Среди конных полков с Кавказа одним из наиболее отличившихся оказался 1-й Сунженско-Владикавказский (имени) генерала Слепцова полк Терского казачьего войска. Здесь высочайше были награждены за проявленные отличия следующие офицеры:

Ордена Святой Анны 2-й степени с мечами удостоился есаул (вскоре произведенный в войсковые старшины) Андрей Сомов.

Ордена Святого Станислава 2-й степени с мечами — подъесаул Георгий Кротов.

Ордена Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом — сотник Тихон Рымарь.

Ордена Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» — хорунжий Хотавшуко Машуков.

Ордена Святого Станислава 3-й степени — сотники Григорий Усачев, Василий Кириллов и Владимир Болтенков.

К слову говоря, многие из вышеназванных офицеров храбро сражались и в годы Первой мировой войны. Так, подъесаул Георгий Кротов, казак станицы Терской, в Персидском походе получил ранение. Во время Великой войны командовал сотней 2-го Сунженско-Владикавказского казачьего полка. Дослужившись до войскового старшины, стал командующим полка (в апреле 1917 года). Участвовал в Терском восстании 1918 года. В Гражданскую войну полковник Г.П. Кротов служил у белых в 1-м Горско-Моздокском полку.

Наград за Персидский поход удостоились и несколько артиллеристов. Во 2-м Кавказском стрелковом артиллерийском дивизионе это были: командир 2-й батареи подполковник Григорий Буженицкий (мечи и бант к уже имеемому ордену Святого Владимира 4-й степени), капитан Николай Семенов (орден Святого Станислава

2-й степени с мечами) и поручик Владимир Сопов (орден Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом).

В 3-м Кавказском батальоне, участвовавшем в Персидской экспедиции, были награждены три офицера: капитан Митрофан Корнилов, поручик Павел Невраев и подпоручик Федор Петров.

В других воинских частях число награжденных офицеров заметно уступало полкам, дивизиону и батальону, указанным выше. Причиной этого стало то, что эти воинские части по воле судьбы оказались в самом пекле революционных, антишахских выступлений, выполняя при этом роль орудия власти и законности. И отстаивая при этом российские интересы на

земле сопредельного государства, «лишая его враждебности к империи», то есть к соседней России.

Среди тех, кто удостоился Золотого (Георгиевского) оружия — сабли с Георгиевским темляком, был Николай Федоренко, кубанский казак из станицы Славянской, выпускник Ставропольского казачьего юнкерского училища. Участвовал в Русско-японской войне, будучи офицером Терско-Кубанского и Дагестанского полков. Георгиевским кавалером стал в 1911 году, в ходе Персидского похода, в котором исполнял должность начальника консульского конвоя.

В Первой мировой войне Н.А. Федоренко — штаб-офицер 2-го Уманского полка. Был награжден орденами Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Святой Анны и Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом, Святой Анны и Святого Станислава 2-й степени с мечами, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В Гражданской войне командовал Корниловским конным полком Добровольческой армии, погиб в бою под станицей Михайловской на Кубани.

Когда эти награждения состоялись, царский наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков отправил в Царское Село следующее благодарственное сообщение:

«Его императорскому величеству.

Войска Тавризского отряда, выслушав всемилостивейшую телеграмму Вашего Императорского Величества, просят повернуть к стопам Верховного Вождя Русской армии чувства беспредельной любви и преданности и твердую решимость в каждую минуту снова отстоять кровью честь Русской армии во славу обожаемого Монарха нашей Родины».

В отчете за 1910 год о действиях русских экспедиционных войск в Персии, составленном генералом А.В. Самсоновым для штаба Кавказского военного округа и доклада выше, говорилось следующее:

«.. Мы всегда стремились поскорее вернуть наши войска обратно (в Россию. — *Л.Ш.*). Местное население, не разбираясь в тонкостях политических соображений, всякий раз видит в этом якобы нашу слабость, наше поражение...

Азиат покоряется только силе и никаких других высших, а тем более гуманных и рыцарских соображений, не понимает».

Самосоновский отчет из Тифлиса был отправлен в Санкт-Петербург. Император Николай II, ознакомившись с документом из канцелярии своего наместника на Кавказе, собственноручно написал на нем одно-

единственное слово:

«Верно».

Россия, как казалось со стороны, «завязла» в революционных событиях в Персии 1911–1912 годов. Ей пришлось увеличить численность своих экспедиционных войск. На территорию соседней страны вводятся дополнительные полки и отдельные сотни Кубанского, Терского и Семиреченского казачьих войск, артиллерия, несколько стрелковых батальонов. Шаху в тех событиях на свою многотысячную армию рассчитывать не приходилось. И даже, наоборот, опасаться.

Серьезные нападения иранских революционеров на русские воинские отряды случались только в северных городах, Тавризе и Реште. Боев с фидаями и просто с шайками самых заурядных местных разбойников случалось много, но все они отличались скоротечностью и больше напоминали вооруженные стычки. Постепенно движение революционеров-фидаев сошло на убыль, и наконец шахская администрация оказалась способной сама бороться с их остатками.

Теперь у Санкт-Петербурга и Тифлиса иранских забот стало намного меньше, но военных не умаялось. В декабре 1911 года российский военный министр В.А. Сухомлинов докладывал председателю Совета министров В.Н. Коковцеву о положении дел в Персии следующее:

«...Считаю настоятельно необходимым скорейшую выработку указаний для действий войск в Персии, а также для усиления их. Для сей последней цели необходимо или немедленное объявление частичной мобилизации войск КавВО или же перевозка на Кавказ потребного числа не мобилизованных войск из Европейской России».

Это было то указание военного министра, которое в следующем, «тревожном» году пришлось исполнять новому начальнику штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу. В Закавказье дополнительные войска перебрасывать не стали, приказав обойтись собственными, прежде всего казачьими силами.

В «силовом» отношении ситуация по ту сторону российско-иранской границы почти не менялась, власть шаха для окраин страны значила мало. Тот же В.Н. Коковцов, как глава Кабинета министров России, получил и донесение из Тифлиса от генерал-адъютанта графа И.И. Воронцова-Дашкова. В нем с тревогой отмечалось следующее:

«Российский генеральный консул в Азербайджане (Иранском Южном Азербайджане. — А.Ш.) указывает на факт пребывания в настоящее время в пределах Персии значительного числа русских подданных армян, грузин, татар (азербайджанцев), участвовавших в революционном движении в

России, а затем скрывшихся в Персии, где они играют руководящую роль в происходящей там смуте».

Тогда еще не было такого понятия, как экспорт революции. Но то, что революционеры, организаторы стачек на Бакинских нефтепромыслах и крестьянских «красных сотен» грузинской Гурии, во-оруженных швейцарскими винтовками, закупленными японскими дипломатами для взрыва России изнутри во время войны 1904–1905 годов, нелегально перебрались в соседнюю Персию и пополнили ряды фидаев, являлось именно экспортом революции.

Царский наместник Воронцов-Дашков в декабре 1911 года добивался от столицы санкционирования самых решительных действий со стороны русских экспедиционных войск. В телеграмме из Тифлиса в Санкт-Петербург он требовал от начальства Генерального штаба:

«.. Дерзкое нападение на наш отряд в Тавризе и истязание раненых требуют примерного возмездия, почему полагаю предложить генералу Воропаеву... взорвать цитадель и учредить полевой суд, в котором судить всех зачинщиков нападения, виновных в истязании раненых...

Приговоры немедленно приводить в исполнение...

Безусловно, необходимо взыскать с населения Тавриза значительную денежную сумму для обеспечения семейств убитых и раненых...

Признаю необходимым такие же меры применить в Энзели, Реште и других пунктах Персии, где были случаи оскорбления и убийства русскоподданных».

Такое «вхождение» российской стороны во внутренние дела шахской Персии вызывало естественное неудовольствие со стороны союзников Санкт-Петербурга по Антанте. Прежде всего их «заботило» наличие русских войск в этой стране и особенно их присутствие в Иранском Курдистане, на границе с Турцией (Месопотамией, современным Ираком, бывшим тогда арабскими провинциями султана. — А.Ш.). Не случайно в одном из донесений военных агентов (военных атташе), поступившем в Тифлис, в окружной штаб, сообщалось следующее:

«Французы, немцы и англичане турок не опасаются, но увеличение мощи России в Курдистане — это своего рода кошмар для наших союзников...»

На северном участке персидско-турецкой границы имелся большой по протяженности спорный участок пограничной территории. Турция воспользовалась слабостью шахской власти и ввела туда свои войска. Вполне вероятно, что этот горный район остался бы за Стамбулом, не окажись поблизости русский Хойский отряд. По этому поводу военный

министр В.А. Сухомлинов докладывал в январе 1912 года председателю Совета министров В.Н. Коковцову следующее:

«Посылка нами отряда в г. Хой, в целях положить наконец предел распространению не выгодного для нас в стратегическом отношении захвата турками пограничной полосы персидской территории вызвала в Турции принятие ряда мер к упрочению ее положения в этой полосе».

Разведывательное отделение штаба Кавказского военного округа имело о том достоверную информацию. К началу 1912 года турецкие армейские войска заняли проходы на горных перевалах между Хоем и Дильманом, а также участок персидской территории к западу от караванного пути Хой — Урмия. Численность турецких войск в западной части так называемой Персидской спорной полосы оценивалась в 6 тысяч пехоты при пулеметной роте и 12 скорострельных пушках. Число кавалерии определялось «неустановленным».

Но это были еще не все меры турецкой стороны для решения в свою пользу территориального спора на линии государственной границы с Персией. Турецкие власти раздали местным курдским племенам многие тысячи старых винтовок, снятых с армейского вооружения, и массу патронов к ним.

Командование русских экспедиционных войск из состава Кавказского военного округа приняло незамедлительное решение вытеснить турок из иранского приграничья. Генерал-белоэмигрант Е.В. Масловский, находившийся тогда на месте событий (был начальником штаба одного из русских отрядов в остане Западный Азербайджан), так описывал те события в ходе операции по вытеснению турецких войск в их пределы:

«...К намеченному отряду турок направлялся внезапно и скрытно отряд из трех родов оружия, силою значительно больше турецкого. Отряд выступал вечером, с расчетом подойти к туркам до рассвета. При приближении к турецкой заставе или отряду наш отряд выделял из себя заставу, сильнейшую турецкой, и направлял ее обходом с задачей отрезать туркам путь отступления в пределы Турции.

Заняв удобный для наблюдения и обороны пункт, эта наша застава водружала на видном месте русский флаг. То же делал и остальной отряд, располагавшийся перед фронтом турок. С наступлением утра пробуждавшаяся турецкая часть, к своему изумлению и испугу, обнаруживала один, а потом и другой русские отряды.

При первой экспедиции турецкий начальник, выйдя с белым флагом в сопровождении нескольких человек, в энергичных выражениях потребовал объяснения, на каком основании русские войска выставили свои заставы и

отряды на их территории. На это начальник русского отряда спокойно ответил, что территория не турецкая, а персидская, и раз турки выставили свои отряды и заставы, то тоже будут делать и русские.

При этом турецкому офицеру было объяснено, что впредь наши заставы никого не будут пропускать из Турции, т. е. ни подкрепления, ни снабжения. Турецкий офицер удалился и после короткого размышления увел свой отряд на соседний турецкий пост...

После этого случая турецкие части почти всегда, очевидно, получив инструкции из Турции, уже ничего не спрашивали, а, завидев утром русские войска, снимались и уходили кружным путем в Турцию.

Таким образом, мирным путем, без дипломатических осложнений, одной угрозой наши части к концу июня 1912 года очистили весь Западный Азербайджан (провинция в Иране. — А.Ш.) от турецких войск».

Действительно, концу июня 1912 года на территории остана Западный Азербайджан и Иранского Курдистана уже не оставалось турецких войск. Они ушли восвояси, а на персидско-турецкой границе не случилось ни одного вооруженного инцидента, хотя поводы к тому были. В Хое, Дильмане и Урмии расквартировались русские отряды, по своему составу преимущественно казачьи. Они взяли под свой контроль местные торговые пути.

Местное христианское население желало, чтобы присутствие русских воинских отрядов на севере Персии носило долговременный характер. В обращениях на имя императора Николая II и к российской Государственной думе, в парламенты Великобритании, Франции и Соединенных Штатов указывалось, что «отозвание русских войск из Урмии грозит резней христианского населения».

К лету 1912 года затянувшаяся «секретная Персидская экспедиция», которая многим напоминала необъявленную войну в Персии силам, враждебным (по разным причинам) России, казалось, могла завершиться. Такого мнения был не кто иной, как царский наместник на Кавказе граф И.И. Воронцов-Дашков. О влиятельности его при дворе императора Николая II спорить не приходилось.

Воронцов-Дашков считал, что часть экспедиционных войск из Персии можно было отозвать в российские пределы. Кавказский наместник предлагал для контроля за ситуацией в сопредельной стране оставить в ней несколько сильных воинских отрядов. Местами их дислокации, по его мнению, должны были стать города Энзели и Решт в остане Гилян, Тавриз и Ардебиль в Восточном Азербайджане и Хой в Восточном Азербайджане.

Всего предлагалось содержать в Персии войска общей численностью

8300 человек. Основу их должна была составлять казачья конница. Однако командиры русских экспедиционных отрядов, начальник окружного штаба генерал-лейтенант Н.Н. Юденич придерживались прямо противоположного мнения. Они оперировали многими фактами того, что внутривосточная ситуация в шахском государстве еще далека от стабилизации.

Более того, речь шла о том, что в результате ухода русских войск, в Персии «легко могут вновь возникнуть серьезные беспорядки, особенно при наличии турецких интриг и подстрекательства». Если в Гиляне и Иранском Азербайджане ситуация действительно была под контролем, то на северо-востоке страны, в Хорасанском остане обстановка стала накаляться.

Здесь были установлены тревожные факты раздачи местными властями населению оружия, свободной торговли трехлинейными винтовками.

Однако от этого разрядки внутривосточной ситуации во владениях шаха не произошло. На протяжении всех 1912 и 1913 годов из русских экспедиционных отрядов, находившихся на персидской территории, приходили в штабы Кавказского и Туркестанского военных округов донесения о серьезных боевых столкновениях. Так, в одном из них, из Хорасана, за подписью генерал-майора А.Е. Редько, сообщалось следующее:

«Для уничтожения шайки был выслан разъезд в 45 казаков от 3-й сотни 1-го Таманского полка под командой подъесаула Кобцева. Разбойники были настигнуты, в перестрелке 8 чел. убиты, отобраны 43 винтовки, 4 револьвера, 10 лошадей. У нас убитых и раненых нет».

В том же Хорасане, в городе Мешхеде, «у гробницы святого имама Резы» проходили «побуждения» народа к враждебным действиям против России. В донесениях командования русского отряда в этом остане указывалась, что «почва в Мешхеде, этом центре персидского фанатизма, очень благодарная ввиду наличия там многочисленного, враждебно настроенного к нам влиятельного духовенства...».

Общее мнение командования экспедиционных войск относительно позиции шахской власти в Тегеране было таково: «Нельзя придавать никакого значения заверениям центрального персидского правительства о данных им распоряжениях по умиротворению населения...»

Показательно, что боевые столкновения происходили не только на суше, но и на побережье южного Каспия. В одном таком столкновении приняла участие канонерская лодка «Ардаган», пришедшая на помощь бывшей на марше казачьей сотне, которая подверглась у селения Лерасы

нападению большой «шайки местных разбойников». С русской Каспийской флотилии в Санкт-Петербург, в Морское ведомство докладывали по телеграфу кратко об этом боевом эпизоде так:

«Секретная телеграмма командира канонерской лодки „Ардаган“ капитана 2-го ранга Вейнера из Энзели от 6 апреля 1912 г. За № 338.

Морскому министру.

Пришел в Лисар 4 апреля. Конвоировал фураж Тальшского отряда, идущий на киржимах (большие персидские мореходные лодки. — А.Ш.). Став на якорь, по мне открылся беглый огонь из домов селения, стрельба холостым отрядом не подействовала. Защищая казаков, могущих попасться в плен ввиду дальности главного отряда, дал 8 боевых выстрелов, после чего нападающие отошли в лес. Ранен нападающими 1 казак. Мною разрушен один дом перса.

Вейнер».

...Граф И.И. Воронцов-Дашков, исполнявший самым добросовестным образом обязанности царского наместника, в том числе и как глава расквартированных на всегда беспокойном Кавказе войск, нуждался в надежных помощниках. Поэтому он был откровенно рад прибытию нового генерал-квартирмейстера (начальника оперативного отдела штаба округа) и в скором времени — начальника окружного штаба, переложив на его плечи едва ли не всю заботу о войсках. Этим человеком был генерал-лейтенант Н.Н. Юденич, имевший отличный послужной список.

Его назначение на Кавказ было не случайным. Служил в Туркестане, окончил Академию Генерального штаба, опять находился на должностях офицеров Генерального штаба, боевое крещение (с ранением и награждением орденами с мечами) получил на полях Маньчжурии. По Японской войне генерал был хорошо известен в русской армии.

В Тифлисе Юденич был тепло встречен генералом от кавалерии и генерал-адъютантом, графом Илларионом Ивановичем Воронцовым-Дашковым. Кавказский наместник Его Императорского Величества по совместительству являлся еще и главнокомандующим войсками приграничного с Турцией и Персией военного округа и войсковым походным атаманом Кавказских казачьих войск — Кубанского и Терского.

Юденич, имевший опыт работы в штабе Казанского военного округа, быстро освоился на новом месте, встретив взаимопонимание со стороны своих новых сослуживцев. События на Кавказе, начиная с 1912 года и включая время Первой мировой войны, показали, что Николай Николаевич Юденич стал здесь для истории одним из самых победных полководцев России в Великой войне.

С его именем напрямую связано и ведение «секретной войны в Персии», руководство действиями так и не образованного «Персидского фронта». Хотя такой неустоявшийся термин можно часто встретить в военно-исторической литературе, в том числе и зарубежной, и чаще всего в исторической публицистике.

Единомышленником Юденича в кавказских делах стал опытнейший генштабист, генерал от инфантерии Александр Захарьевич Мышлаевский, помощник по военной части царского наместника. Собственно говоря, на плечи этих двух военачальников и легла вся тяжесть подготовки горного края, размещенных здесь русских войск к войне против Турции, которую Берлин и Вена вовлекли в свой союз против Антанты, вернее — против России.

Как начальник штаба приграничного военного округа, Н.Н. Юденич стал обладателем всей разведывательной информации, прежде всего проходившей по дипломатическим каналам, о подготовке Турции и ее армии к войне. Ему было известно, что турецкие эмиссары активно ведут антироссийскую деятельность в соседней Персии (Иране) и даже в Афганистане. Об этом постоянно сообщали начальники отрядов пограничной стражи, которые были хорошо осведомлены о событиях, происходивших за кордоном. Особенно настораживал тот факт, что в турецком Генеральном штабе увеличивалось число германских офицеров-советников.

Наместник И.И. Воронцов-Дашков и российский Генеральный штаб возложили на начальника штаба Кавказского военного округа непосредственное участие в работе военно-дипломатических миссий по Востоку. Для Юденича, естественно, важным здесь было все то, что происходило в сопредельных с Россией государствах — Турции и Персии. Приходилось заниматься и Афганистаном, но в гораздо меньшей степени.

Обстановка в Европе тем временем все более накалялась, хотя стороны порой делали и примиренческие шаги. Еще в августе 1911 года в Санкт-Петербурге было подписано российско-германское соглашение по иранским делам. Оно частично смягчило возникшее в те годы острое противоречие государственных интересов двух держав, оттянуло на несколько лет развязывание военного конфликта между сторонами. Но определяющим фактором этого, разумеется, данное соглашение не было.

Возрастание международной напряженности на Ближнем Востоке привело к тому, что Тифлис стал волей дипломатических коллизий проводником российской политики в этом регионе. Причина крылась прежде всего в давних и серьезных разногласиях между Британией и

Россией. Известный английский дипломат Грей так высказался по этому поводу:

«...В отношении Персии мы хотели получить практически всю нейтральную зону и не можем ничего уступить там России; в отношении Афганистана мы не можем сделать каких-либо уступок России, так как мы не в состоянии получить согласие эмира; в отношении Тибета изменение, которого мы добиваемся и на которое необходимо согласие России, очень незначительно, и мы не можем ничего дать взамен. Таким образом, по всей линии мы хотим что-либо получить и не можем ничего дать. Вот почему трудно найти путь к совершению выгодной сделки».

Начало 1912 года ознаменовалось новыми разногласиями между Лондоном и Санкт-Петербургом по поводу все той же Персии. Причиной их стало назначение... американца Моргана Шустера главным финансовым советником тегеранского правительства. Это стало прямым ущербом для российских интересов в этой восточной стране.

Известно, что генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу, как начальнику штаба приграничного Кавказского военного округа, пришлось заниматься персидскими делами вплотную. Буквально через месяц после своего назначения на эту должность он получил секретное предписание Генерального штаба подготовить несколько воинских частей, прежде всего конных казачьих, для возможного ввода их на иранскую территорию для защиты государственных интересов России в этой соседней стране.

Американский финансист Морган Шустер деятельно вел в персидской столице антироссийскую экономическую политику, которая почему-то давала возможность укрепиться в этой восточной стране германской агентуре. Здесь стали один за другим возникать инциденты, которые провоцировались Шустером. После одного из них в северные провинции Ирана, заселенные азербайджанцами, вступили войска Кавказского военного округа, чтобы стабилизировать там обстановку, которая грозила «аукнуться» для России в ее Северном Азербайджане и в нефтепромысловом городе Баку, не считая уже понесенного вреда торговым отношениям двух соседей.

Российское правительство откликнулось на сложившуюся у южных границ ситуацию решительно, угрожая шахской Персии военным походом на Тегеран. Санкт-Петербург потребовал отставки Моргана Шустера. Шаху и его Кабинету министров пришлось без проволочек принять условия категоричного ультиматума северного соседа, памятуя исход двух русско-иранских войск первой половины прошлого столетия.

Обстановка на российско-иранской границе смотрелась

взрывоопасной. Штаб Кавказского военного округа в дни дипломатического конфликта работал с полной нагрузкой, словно в условиях предвоенного или военного времени. Помимо пехотных батальонов, полков кубанских и терских казаков с конноартиллерийскими батареями, которые были уже введены в Южный Азербайджан, в случае возникновения военного конфликта предстояло направить в Иран и немало других окружных войск. Штаб округа во главе со своим новым начальником продемонстрировал готовность отомобилизовывать полки и бригады в самые сжатые сроки.

Показательно, что Россия делала самые разные шаги для утверждения своих позиций в соседней стране. Среди них было и создание личной гвардии шаха Мохаммеда Али в образе Персидской казачьей бригады. Она состояла из персов, но ими командовали русские офицеры (были и офицеры-персы) и казаки урядники. Этой уникальной воинской частью, равно как и военным присутствием Кавказского округа в Иране, генерал-лейтенанту Н.Н. Юденичу пришлось заниматься самым непосредственным образом. История Персидской казачьей бригады была такова.

По соглашению между Россией и Великобританией от 18 августа 1907 года в сферу российского влияния входила северная часть Персии, выше параллели, проходящей через город Хамадан. Дальше к югу шла полоса, которая объявлялась нейтральной. От города Шираза начиналась сфера британского контроля. Таким образом, Россия на договорной основе с Лондоном контролировала персидские провинции Гилян, Мазандеран и Северный Азербайджан, окрестности столичного Тегерана и города Мешхеда в Хорасане, примыкавшего к Туркестанскому краю.

Экономические связи России с Персией были значимы для двух соседей. Первая активно торговала своими традиционными товарами в иранских городах, вторая вывозила много шелка через порт Энзели на Каспийском море. Но трудности жизни российского купечества в стране, внутренне неустроенной, были огромны. К 1908 году она находилась в состоянии полной анархии.

Шахской гвардии — Персидской казачьей бригаде постоянно приходилось бороться с самыми различными разбойными шайками, которых развелось много даже вблизи самого Тегерана. Порой такая борьба больше напоминала военные экспедиции то в одну провинцию, то в другую. Так, осенью 1912 года был схвачен и по приговору военно-полевого суда повешен знаменитый разбойник Исмаил-Хаджи, уроженец Эриванской губернии, бежавший с сибирской каторги и разыскиваемый кавказскими властями России.

Исмаил-Хаджи был типичным «опаснейшим» разбойником, который с российского Кавказа бежал в более благодатную для грабителя с большой дороги Персию. Там он разбойничал три года, будучи сподвижником не менее известного Ибрагим-бека, тоже бежавшего с Кавказа в шахские владения и поступившего на службу к тавризскому губернатору.

После разгрома русскими войсками «разбойничьих шаек фидаев» в Тавризе Исмаил-Хаджи был вынужден на какое-то время бежать в спасительную для него Турцию. Проживая в ее столице, Стамбуле (Константинополе), он оказался в ближайшем окружении Ибрагим-бека, тоже укрывшегося на турецкой территории. По данным российского посольства в Тегеране, Исмаил-Хаджи исполнял при своем сюзерене — «убийце и каторжнике» обязанности личного адъютанта.

В «смутных» событиях тех лет главарь многочисленной шайки разбойников Исмаил-Хаджи оказался приметной «сильной» личностью. Российский вице-консул в иранском городе Хое так характеризовал его деятельность в докладной записке:

«Исмаил-Хаджи... зарекомендовал себя перед революционным персидским сбродом особой жестокостью в истреблении русских солдат, попавших в руки тавризских защитников персидской конституции».

В феврале 1912 года закончилась оживленная переписка штабов Кавказского и Туркестанского военных округов, кавказского наместника графа И.И. Воронцова-Дашкова с правительством России относительно дальнейшей судьбы «секретной Персидской экспедиции». То есть решался вопрос, оставить ли в этой стране часть русских войск, в первую очередь консульскую охрану, а остальные войска вернуть в Россию. Или, наоборот, усилить русские отряды, поскольку серьезной стабилизации ситуации в северной и западных частях Персии не наблюдалось, что отражалось на российских государственных интересах.

На сторону военных встали промышленники и торговые круги, которые терпели серьезные убытки. Многого стала недосчитываться и государственная казна. Поэтому императором Николаем II было затверждено решение усилить русские экспедиционные отряды в Персии. И в первую очередь сделать это за счет армейской пехоты, хорошо подкрепленной полевой и горной артиллерией.

Армейские силы Кавказского военного округа по отрядам на территории Персии в начале 1912 года распределялись следующим образом (полки и батареи по численному составу были по штатам мирного времени, то есть неполного состава).

Тавризский отряд (самый крупный среди других по боевому составу).

Пехота: батальоны и роты 1-го, 5-го, 6-го и 8-го Кавказских стрелковых полков, 16-го гренадерского Мингрельского полка при 16 пулеметах.

Артиллерия: 3 батареи Кавказской гренадерской артиллерийской бригады и гаубичный взвод. Всего 14 орудий.

Саперная рота, искровая рота, автомобильная команда (6 автомашин) и интендантство.

Казвинский отряд (самый близлежащий к Тегерану):

Пехота: 3 батальона 206-го пехотного Сальянского полка, 205-й пехотный Шемахинский полк, 2-й и 4-й Кавказские стрелковые полки при 16 пулеметах.

Артиллерия: 3 артиллерийские батареи; 12 орудий.

Саперная рота, автомобильная команда.

Ардебильский отряд (самый близкий к российской границе):

Пехота: батальон пехотинцев-сальянцев и рота мингрельских гренадер.

Артиллерия: 1 батарея; 4 орудия.

Хойский отряд (самый близкий к персидско-турецкой границе):

Пехота: батальоны 3-го и 7-го Кавказских стрелковых полков при 8 пулеметах.

Артиллерия: 2 батареи, 8 орудий.

Саперная полурота.

Туркестанский военный округ обеспечил своими силами два отряда в Хорасанском остане:

Мешхедский отряд состоял из батальона пехоты, пулеметного взвода (4 пулемета) и конно-разведывательной команды. Артиллерия отряда состояла из 6 орудий 4-й Кубанской казачьей батареи.

Кучанский отряд имел такой же армейский состав (без артиллерии), усиленный одной сотней Туркменского конного дивизиона.

Конница в экспедиционных силах состояла из десяти казачьих полков: Кубанского войска (6), Терского войска (3) и Семиреченского войска (1). Все полки были первоочередными, то есть укомплектованными казаками срочной службы, а не запасниками, находившимися «на льготе».

На северо-западе Персии, будучи разбросанными сотнями и взводами, в середине 1912 года стояли (некоторые в неполном сотенном составе) следующие полки:

Терский 1-й Сунженско-Владикавказский полк — в Тавризе, Маранде, Мараге и в Хое, а также на постах вдоль дорог Джульфа — Тавриз и Джульфа — Хой.

Терский 1-й Горско-Моздокский полк — в Тавризе, Хое, Когне-Шехре, Хан-Тахты, Куши и ряде других пунктов.

Терский 1-й Кизляро-Гребенской полк — в Казвине и Реште.

Кубанский 1-й Полтавский полк — в Тавризе и на постах вдоль дороги Джульфа — Тавриз.

Кубанский 1-й Екатеринодарский полк — в Ардебиле.

Кубанский 1-й Лабинский полк — в Ардебиле, на постах вдоль дороги Астара — Решт и в ряде селений.

1-й Кубанский полк Кубанского казачьего войска — постами вдоль дороги Астара — Решт и в Ардебиле.

В Хорасанском остане стояли полки Закаспийской казаьей бригады:

Кубанский 1-й Таманский полк — по одной сотне в Мешхеде, Астрабаде и в составе Карфрушского отряда.

Кубанский 1-й Кавказский полк — одна сотня в Мешхеде.

1-й Семиреченский казачий полк — в Мешхеде (три сотни и пулеметная команда) и в Кучанском отряде (одна сотня).

Большая часть казачьих полков, входивших в состав «секретной Персидской экспедиции» в кампаниях 1911, 1912 и 1913 годов, имела хороший послужной список участия в боях и вооруженных столкновениях с революционерами-фидаями, племенными отрядами шахсеванов и курдов. Причем в таких делах участвовали и отдельные казачьи сотни, и полки в половинном или почти полном сотенном составе.

1-й Лабинский полк участвовал в боях у селений Талыб-кишлаг, Сумарин, Резай, в городах Тавризе и Реште (1911 год), у селений Кулубеглю, Ансар, Сенджава, Киранда, Тазакенд и других (1912 год).

1-й Горско-Моздокский полк отличился в делах вдоль дороги Дильман — Хой (1911 год) и в двухдневном бою у селения Зин-дешт (1912 год), у селений Диза-Мергеверская, Кала-Зива и Сир (1913 год).

1-й Сунженско-Владикавказский полк — в Тавризе (1911 год) и в экспедициях против племен шахсеван (1912 год).

1-й Кубанский полк — в городе Реште (1911 год), у селения Ансар (1912 год).

1-й Кизляро-Гребенской полк — в городах Реште и Энзели (1911 год), у селений Хоредешт и Сейнаки (1912 год).

1 — й Полтавский полк — у поста Аджичай (1911 год) и селения Балюлана (1913).

Кубанские 1-йЕкатеринодарский, 1-й Запорожский и 1-й Черноморский — в экспедициях против шахсеванских племен в остане Восточный Азербайджан (1912 год).

Все это были крупные боевые столкновения. Так, в бою 22 мая 1912 года у селения Консул-кенды участвовали 5 сотен (из шести) кубанского 1-го Лабинского казачьего полка. То есть в деле оказался почти весь полк кубанских казаков. В сентябрьских боях того же года у селений Хородешт и Сейнаки участвовала половина (три сотни) терского 1-го Кизляр-Гребенского полка.

Причем основная часть вооруженных столкновений приходилась на мелкие стычки, как то: обстрелы, нападения на одиночных военных или небольшие их группы, засады на дорогах, убийства в городах, грабеж небольших обозов. В качестве примеров можно привести такие случаи.

В апреле 1912 года в селении Калата, в 50 верстах от города Нишапура, местные курды обстреляли офицерский разъезд во главе с хорунжим фон Бергом, который занимался маршрутными съемками, то есть картографическими работами. Казаки открыли ответный огонь из винтовок и «поразили нескольких кочевников». На помощь разъезду из Нишапура «для поимки и наказания разбойников» подоспела казачья сотня. Дело в курдском селении закончилось тем, что «главари разбойников были уничтожены, а один взят живьем».

В том же Хорасане 30 апреля шайка разбойников до 60 человек напала на отрядного священника отца Птицына, который ехал в сопровождении двух казаков-таманцев. Кубанцы начали перестрелку, убив одного из нападавших. Замешательство нападавших позволило военному священнику и его конвою благополучно вернуться к отряду.

На поиск разбойников был послан усиленный разъезд в 45 казаков во главе с подьесаулом Кобцовым. Он настиг шайку и разбил ее в перестрелке, причем 8 разбойников были убиты, остальные рассеялись, оставив казакам 10 лошадей. Трофеями стали 4 винтовки и 4 револьвера. Разъезд потерь не имел.

В 1912 году продолжались действия против шахсевенских племен, причем их воины многократно провоцировали ответные карательные действия со стороны русских отрядов. С большим трудом удалось пресечь массовый грабеж кочевниками селений, в окрестностях города Ардебиля, у самой российской границы в районе Талышских гор. Награбленный здесь скот шахсевенами распродавался, а вырученные деньги большей частью шли на закупку патронов.

Опасность шахсевенских племен для процесса умиротворения в Персии была «по-ермоловски» отмечена кавказским наместником графом И.И. Воронцовым-Дашковым, хорошо знавшим менталитет, нравы, традиции и обычаи народов горного края. В марте

1912 года он писал на имя начальника Главного штаба о ходе «секретной Персидской экспедиции» буквально следующее:

«...Имея дело с кочевниками, надо знать, что среди них мирных от немирных отличить трудно и консулы то и дело, по примеру экспедиций в 1909–1911 годах, будут останавливать действия отряда, указывая на жестокость, а между тем иной войны с разбойничьими кочевыми племенами Шахсевен не может быть, как только жечь их селения, истреблять имущество и угонять стада».

Пожалуй, наиболее серьезными оказались столкновения с ардебильскими шахсевенами и курдами. С наступлением осени 1911 года они участвовали в нападениях на казачьи разъезды и военные патрули, сопровождавшие обозы по дороге Астара — Ардебиль. В одном из случаев кочевникам били шестерых пехотных солдат-сальянцев, надругавшись над их трупами.

С наступлением весны 1912 года Ардебильский отряд генерал-майора А.П. Фидарова, хорошо знавший Персию по службе в Казачьей Его Величества Шаха бригаде, провел операцию в горах Багров-дага. В поход выступили один батальон 206-го пехотного Сальянского полка, две сотни казаков лабинских при двух горных орудиях. Целью экспедиции было наказание кочевников племени гялышей за совершенные разбойные нападения.

Целый месяц ушел на преследование кочевников в лесистых горах. При этом экспедиции пришлось оставить весь свой колесный обоз в Астаре. Племенное ополчение гялышей понесло в нескольких столкновениях такие потери в людях и лошадях, что у них «навсегда отбилась охота нападать на русские войска».

После этого карательного похода в горы против разбойничьего кочевого племени генерал-майор Фидаров (начальником отрядного штаба был капитан Е.В. Масловский, будущий военный историк-белоэмигрант) начал планомерное «замирение» племен Ардебильского района. Имея под своим командованием 1200 штыков (12 пехотных рот), 1 000 шашек (десять казачьих сотен), 10 горных орудий и 8 выучных пулеметов, он добился ощутимых результатов.

Фидарову, который повел Ардебильский отряд воевать в горах, пришлось оставить для охраны города, дорог от него на Астару и Дыман четыре роты пехоты, две казачьи сотни при двух пулеметах. Этого оказалось вполне достаточно для обеспечения безопасности отрядных тылов, населения Ардебилля и продвижения по горным дорогам.

Оставшимися силами Фидаров «запирал» все горные проходы, и,

таким образом, шахсевены, кочевавшие весной в Муганьской степи, оказались отрезанными от своих летних кочевий на Савелане. Теперь им приходилось или с боем прорываться со своими стадами через русские заслоны, или же подчиняться. Чтобы не терять скот под пулями, кочевники выбрали меньшее зло, то есть сложили оружие.

Такая «арифметика» свидетельствовала о том, что центральная власть из Тегерана почти не контролировала положения в стране, в которой борьба с революционерами-фидаями и племенами шахсеванов и курдов, открыто разбойничавшими на торговых дорогах, велась силами русских экспедиционных войск, в основном казачьих.

Секретные донесения, поступавшие из Персии и Тегерана в Санкт-Петербург, в столицу Кавказского наместничества Тифлис достаточно единодушно свидетельствовали о слабости шахской власти и его Кабинета министров. Так, в одном из таких донесений из канцелярии пограничного комиссара говорилось следующее:

«...Денег у Шаха совершенно нет, и он не знает, откуда их достать...

Наблюдается совершенное отсутствие какой-либо организации и системы действий, у него нет ни одного умелого, авторитетного человека, который бы взял все дело в свои руки и повел бы твердо и настойчиво к намеченной цели...»

Обеспечение стабильности внутренней жизни Персии, то есть поддержка вооруженной рукой шахской власти, не закрывало собой положения дел на турецком порубежье Персии. Становилось ясно, что именно турецкая агентура становится все чаще и чаще организатором многих выступлений против российского присутствия в этой стране, соседствовавшей с Россией. То есть пограничные дела становились для русских экспедиционных сил не менее значимыми, чем, скажем, проблема отношений с кочевыми курдскими племенами.

Становилось фактом, что ирано-турецкая граница постепенно превратилась в объект разведывательной деятельности турок. Их командование внимательно следило за действиями русских экспедиционных войск по ту сторону государственной границы. Для начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича это большим секретом не являлось. Донесений по таким случаям к нему на стол ложилось много. Суть их состояла в следующем.

Турки основательно изучали театр будущих боевых действий и тактику действий русских экспедиционных отрядов в горах. С этой целью по ту сторону государственной границы, в Персию постоянно засылались турецкие военачальники различных рангов. Это были, как правило, или

офицеры приграничных гарнизонов, или профессиональные разведчики. Они налаживали отношения с про-турецкими силами, прежде всего среди вождей курдских и других племен. Так, командующий 11-го корпуса султанской армии, расквартированного перед Мировой войной в районе города Ван, Джабир-паша совершил инкогнито поездку в Урмийский район.

После возвращения в Турцию из нелегальной «командировки» Джабир-паша заявил французскому вице-консулу (немало поразив того сказанным) следующее:

«.. Убедившись на деле, что такое персидская конституция и какая анархия царит в Персии, я лично считаю, что приход русских войск в Персию есть проявление человечности и гуманности, а не результат каких-либо агрессивных намерений».

Информацию схожего содержания с сопредельной стороны (то есть из Турции) разведывательное отделение штаба Кавказского военного округа добывало не раз. Многие давались пограничной стражей, которая в старой России подчинялась Министерству финансов. Известно, например, высказывание в Стамбуле одного из султанских чиновников: «Русские поступают в Персии очень умно и осторожно, а потому симпатии почти всего населения на их стороне».

...Назревавшая большая война в Европе неизменно должна была «аукнуться» и на Ближнем Востоке, то есть в воздухе «запахло» очередной русско-турецкой войной. В такой ситуации кавказского наместника Воронцова-Дашкова и его начальника штаба генерал-лейтенанта Юденича заботила позиция курдских племен, проживавших на территории Персии. Они имели прямые сношения с племенами курдов, проживавшими на сопредельной части Турции, которые выставляли в султанскую армию многотысячную иррегулярную конницу для действий в горах.

О воинственности и непредсказуемости поведения населения Курдистана говорить много не приходилось. Как и все его предшественники на посту начальника окружного штаба, Юденич приказывал усиленно собирать разведывательную информацию о племенах куртинцев (курдов), проживавших не только на территории Восточной Турции, но и в Персии. Так, в одной из собранных характеристик племенных вождей рисовались такие портретные личности:

«Селим-паша — около 70 лет, отличается вероломным характером. Во время последней Русско-турецкой войны был на русской стороне, в отряде Тер-Гукасова, но бежал к туркам. В случае войны, вероятно, воздержится от решительных действий, а затем перейдет на ту сторону, где будет сила и успех;

Дервиш-Хамед-бей — около 50 лет, с разбойными наклонностями, фанатик;

Хаджи-Муса-бей — влияние его распространяется как на курдов, выставивших полки легкой конницы, так и на остальных. Уверяет, что достаточно лишь простого его распоряжения, чтобы поднять восстание. Курды пойдут за ними в огонь и воду».

...Официально участие русских экспедиционных войск в военных операциях на стороне шахского режима не объявлялось. Из Тифлиса в Генеральный штаб Российской Императорской армии, в его Главное управление за подписью генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича была отправлена не одна телеграмма о боевых делах кавказских войск на сопредельной персидской территории. Так, в одной из них говорилось:

«...Отряд в составе 5 сотен 1-го Лабинского (казачьего) полка, 2 сотен 1-го Екатеринодарского (казачьего) полка, 6 рот 205-го пех. Шемахинского полка, 6 рот и 2 пулеметов 206-го пех. Сальянского полка, 4 пулеметов 81-го пех. Апшеронского полка, 6 горных орудий 52-й арт. бригады и команды сапер 2-го Кавказского саперного батальона выступил из Ардебилля для наказания шахсеван, за дерзкие их выступления против наших войск.

Генерал Юденич».

На одной из таких оперативных телеграмм из штаба кавказского наместника император Николай II собственноручно начертал такую высочайшую резолюцию:

«Нужно, чтобы наши экспедиционные или карательные отряды были таковыми не с одной доблестью, но и по своей силе».

Операции против шахсеван носили характер необъявленных боевых действий. Юденич доносил в российскую столицу о бое с шахсеванами на Ахбулахском перевале экспедиционного отряда генерала Фидарева во всех подробностях, особенно отмечая мужественные поступки кубанских казаков:

«...Командующий сотней подъесаул Баштанник, желая выяснить обстановку, выскочил вместе с одним казаком на несколько сот шагов вправо, на имевшуюся там седловину. Седловина эта оказалась занятой шахсеванами, которые открыли огонь почти в упор. Подъесаул Баштанник, видя себя в критическом положении, соскочил с лошади, залег в ложину и начал отстреливаться, потеряв из виду бывшего с ним казака Кононенко. Сделав несколько выстрелов, он был ранен в указательный палец правой руки, после чего, потерял возможность отстреливаться, начал ползком отходить к своим, причем был контужен под челюсть, в грудь и левую ногу.

Не имея сил уйти самому от наседавших шахсеван, подьесаул Баштанник стал звать на помощь.

Взвод хорунжего Крамарова с присоединившейся частью людей полусотни подьесаула Баштанника под командой подьесаула Кирпы заняли другую седловину и, спешившись, отбивали наседавших шахсеван ружейным огнем.

1-я сотня, находящаяся правее подьесаула Кирпы, сбив отдельных всадников, продвинулась на следующие высоты и, заняв их, удерживала натиск, не давая обойти правый фланг.

.. Призыв о помощи подьесаула Баштанника, окруженного шахсеванами, услышал подьесаул Крыжановский, который с конным вестовым поскакал по направлению криков и вместе с подоспевшим к нему с несколькими казаками хорунжим Брагуновым разогнал нападавших шахсеван. Недалеко от подьесаула Баштанника был найден тяжелораненый казак Кононенко.

...С наступлением сумерек хорунжий Крамаров с урядником и казаком, видимо, увлекшись преследованием, были отрезаны шахсеванами, что выяснилось только при сборе всех частей к перевалу.

Тотчас же на розыски была послана специальная команда разведчиков, которая нашла их убитыми и ограбленными вблизи сел. Берзенд.

Потери отряда во время боя: убиты — 1 офицер, 4 казака; ранен — 1 офицер.

Полковник Букретов».

В бою на Ахбулахском перевале конные отряды шахсеванов были разгромлены только к вечеру. Это свидетельствовало о том, насколько упорной и ожесточенной оказалась та схватка в горах недалеко от российской границы.

Тот бой оказался решающим для выполнения поставленной задачи экспедиционным отрядом генерала Фидарева. Военный союз шахсеванских племен оказался на грани полного поражения в противостоянии шаху. Вскоре из штаба Кавказского военного округа в столицу на имя главы Военного ведомства была послана телеграмма такого содержания:

«...Генерал Фидарев телеграфирует, что шахсеваны настолько серьезно разгромлены, что не помышляют о сопротивлении. Для захвата партии главарей... двинулся из Хиова в горы (к горному хребту Савелан. — А.Ш.) отряд полковника Кравченко... шахсеванами сдано около 1 000 винтовок.

Граф Воронцов-Дашков».

Спустя некоторое время на берега Невы последовала новая телеграмма

из столицы Кавказского наместничества. В городе Ардебиле все ханы шахсевенских племен дали клятву: впредь ни при каких обстоятельствах не поднимать оружия против России. Теперь на границе с Персией для пограничной стражи жизнь стала действительно спокойной.

Примечателен такой исторический факт. Шахсеваны после военного поражения от русских экспедиционных войск неоднократно высказывали желание стать вместе с их землями подданными Российской империи. Но Южный Азербайджан в отличие от Северного так и остался одной из провинций шахского Ирана.

Однако в штабе Кавказского военного округа скоро поняли, что усмирить мятежных шахсеван не удалось. Боевые столкновения с ними русских отрядов вскоре возобновились. Через Тифлис в Санкт-Петербург для адресата в Зимнем дворце поступил, к примеру, такой документ:

«Его Императорскому Величеству.

...Казвин, Персия. Командир 1-го Кизляро-Гребенского ген. Ермолова полка ТКВ (Терского казачьего войска. — А.Ш.)

Рапорт

Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доношу, что командир дивизиона вверенного мне полка... получил донесение от разведчиков 5-й сотни о том, что сел. Чайнаки занято персидскими мятежниками с присоединившимися к ним шахсеванами, всего около 600 человек, и о том, что шайкой этой предполагается сделать нападение на дивизион, решил предупредить это и самому напасть на шайку.

Вызвав из порта Энзели канонерскую лодку „Красноводск“ для совместных действий с дивизионом со стороны моря, на рассвете, подойдя к сел. Чайнаки, повел наступление. В то же время с „Красноводска“ по мятежникам был открыт орудийный огонь. Спешенный дивизион в числе 125 казаков бросился в селение, из которого мятежники открыли сильный огонь, но были выбиты, отступили в горы, где и рассеялись.

В дивизионе смертельно ранен казак 4-й сотни Еремин. Со стороны мятежников убиты 26 и ранен 31.

Казак Еремин происходит из казаков ст. Червленной Кизлярского отдела Терской области.

Полковник Рыбальченко».

Боевое донесение командира терского казачьего 1-го Кизляро-Гребенского полка в виде рапорта на имя Его Императорского Величества был прочитан императором Николаем II. Об этом свидетельствует надпись на документе, сделанная рукой военного министра России, генерала от кавалерии Сухомлинова:

«Его Величество изволил читать...»

Среди тех, кто оставил мемуарные записи о действиях русских экспедиционных войск в Персии, был генерал-майор Евгений Васильевич Масловский. Он начал Первую мировую войну на Кавказе в чине полковника, имея за плечами Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Академию Генерального штаба. Исполнял дела генерал-квартирмейстера Отдельной Кавказской армии, командовал 153-м пехотным Бакинским полком (награжден орденом Святого Георгия 4-й степени), затем был генерал-квартирмейстером штаба Кавказского фронта и начальником 39-й пехотной дивизии. В Гражданскую войну — в белой Добровольческой армии. Умер в белой эмиграции, в Париже, на 95-м году жизни.

Масловский-эмигрант в отечественной военной истории известен своим исследовательским трудом «Русские отряды» в Персии, опубликованном впервые в Париже в 1966 году.

Одним из самых интересных боевых эпизодов в ходе «секретной Персидской экспедиции», достоверно описанным генералом-белоэмигрантом Масловским, является взятие крепости Киранда (Керянда). Она была захвачена партией капитана Масловского из Ардебильского отряда в ходе боев с 6 по 9 апреля с шахсевенами (курдами) у подножий Багров-дага, к востоку от селения Сенджава.

Кирандская крепость представляла из себя старинный замок в горах с тремя угловыми башнями. Единственные ворота находились в стене, обращенной к горам, что делало обстрел их из орудий почти невозможным. Рядом с замком находился огромный сад, окруженный валом и рвом, наполненным водой. Курды могли вести ружейный огонь из бойниц стен и башен, укрывшись за валом надо рвом. Одновременно кочевники засели в несколько ярусов на соседней горе за камнями, выступами скал.

Партия капитана Евгения Масловского (4 офицера, 84 казака) перед штурмом крепости провела под вечер двухчасовой бой у селения Сенджава, будучи оттуда неожиданно обстреляна местными жителями. У селения партия, которая в этих местах проводила «исправление» карт, то есть картографические съемки, попала в окружение, но ночью «прошла» сквозь ряды шахсевен.

Сотник Фостиков в ночи смог найти узкое горное ущелье с крутыми берегами, которого курды не занимали. Казаки, обмотав травой копыта коней, не куря и не разговаривая, цепочкой прошли ущелье и вышли из окружения. Положение партии капитана Масловского было критическим: у него на человека оставалось по 10–15 патронов.

Генерал-майор Фидаров, получив с проводником картографической партии донесение о бое, выслал подкрепление (62 казака, 15 пехотинцев, посаженных на лошадей, конную команду саперов и два расчета горных орудий, патроны) с приказанием «наказать шахсевен за проявленную дерзость».

Пока подходила помощь, Масловский разведал расположение неприятеля и пришел к выводу, что Кирандскую крепость придется брать штурмом. Удалось выяснить, что шахсевенов здесь собралось более 2 тысяч. Партия подошла к замку на рассвете, обнаружив ее, вражеская застава открыла огонь.

После установки на позиции горных орудий по замку был открыт огонь; мелинитовые гранаты повредить ему не могли, оставляя только царапины на стенах и башнях, сложенных из дикого камня. Атакующая цепь казаков и пехотинцев-шемахинцев в шагах шестистах залегла под пулями, которые густо неслись из сада, со стен и башен, с соседней горы.

Тогда капитан Масловский приказал артиллеристам начать обстрел садового вала и склона Багров-дага. На этот раз огонь горных орудий оказался удачен. На склонах горы шрапнель несколько раз накрывала конные толпы шахсевен, которые поспешили оставить вершину, открыв тем самым доступ к единственным крепостным воротам.

Казаки с шашками наголо и пехотинцы, сбив неприятельских стрелков с вершины садового вала, ворвались внутрь крепости и завязали там рукопашный бой. Из защитников замка в плен были взяты всего несколько человек. После боя в саду и крепости насчитали 157 убитых шахсевен. Среди них оказались «наиболее сильные главари, Шюкюр-хан с двумя сыновьями».

Потери победителей составили два казака убитыми и девять человек ранеными, в том числе двое тяжело. Среди раненых оказался хорунжий Гавриил Бабиев — казаки его взвода первыми ворвались в сад. О том бое за крепость Киранда генерал-майор Фидаров из Ардебилля по телеграфу лично доложил императору Николаю II, в то время отдыхавшему с семьей в крымской Ливадии.

Показательно, что, когда партия капитана Масловского возвратилась в Ардебиль, она была самым теплым образом встречена горожанами, которым Шюкюр-хан «досадил много», то есть грабил многократно.

В следующем мае месяце ардебильские шахсевены нанесли по отряду генерал-майора Фидарова ответный удар. Они ночью напали на возвращавшихся из России в Ардебиль сотенного командира 1-го Лабинского полка есаула Маймулина и шестерых казаков. В схватке на

дороге есаул был убит, а несколько казаков ранены.

В ответ на такую «дерзость» генерал-майор Фидаров принял решение подальше оттеснить шахсевен от Ардебиля. Операция проводилась отрядом в 200 пехотинцев-сальянцев, пяти сотен (численность каждой из них не превышала 65 человек) казаков-лабинцев при двух горных орудиях. Всего около 500 человек.

Отряд, чтобы застать шахсевен врасплох, совершил ночной марш по Ардебильской котловине. Однако фактор внезапности был утерян после того, как в 6 часов утра 22 мая головная застава была обстреляна сторожевым дозором шахсевен. Так завязался бой, который шел девять с половиной часов.

Племенные ополчения шахсевен, численность которых в разных источниках оценивается от около 2 до около 4 тысяч всадников, собравшихся на высотах, несколько раз конными лавами обрушивались на русский отряд. Тому пришлось фронт держать на четыре стороны света. Отбивая атаки, казачьи сотни сами ходили вперед. Горные орудия вели огонь шрапнелью.

Терпя неудачи, часть шахсевен спешила и попыталась подползти к противнику. Однако «замолкшая» рота пехотинцев-сальянцев, у которой кончились патроны, получила боезапас и возобновила огневой бой, после чего вместе с казаками, прикрывавшими ее фланг, пошла вперед. Шахсевены, не принимая рукопашного боя, смешались, рассыпались и бежали частью в снежную полосу (гор) Савелана, частью в окрестные селения.

Масловский в своих воспоминаниях писал о том бое: «...Приходилось сбивать их (шахсевен) шаг за шагом с каждого гребня, с каждой высоты, причем они, сбитые с одной, занимали следующую, командуя над предыдущей позицию. Условия местности и значительное количество превосходящего противника затянули бой на 9 часов, но мужество, энергия и взаимная выручка офицеров и нижних чинов одолели врага».

В том бою подвиг совершил хорунжий Некрасов, который, прикрывая своих казаков, выносивших раненых, один сразился с большой группой шахсевенов. Получив три тяжелые раны, он был найден на поле боя и сумел выжить.

После боя 22 мая русские отряды из Ардебиля, Сераба и Агара провели еще несколько операций против шахсевенских племен. В конце 1912 года воинственные кочевники — «любящие шаха» — приняли решение об «общей сдаче». Только в начале сентября ардебильские шахсевены сдали русским отрядам почти тысячу винтовок. Разоружение

продолжалось до конца сентября.

20 октября собравшиеся в городе Ардебиле все ханы шахсевенских племен торжественно поклялись больше никогда не поднимать оружие против России. Более того, после этого события часть шахсевен (особенно тех, кто имел кочевья к северу от реки Араке) неоднократно высказывали «стать вместе с их землями российскими подданными».

После этого события на русско-персидской границе наступило спокойствие, особо не нарушавшееся и в годы Первой мировой войны.

Заключительным аккордом в наведении порядка на персидской территории южнее границы России стало следующее донесение начальника штаба Кавказского военного округа в Главное управление Генерального штаба. Генерал-лейтенант Н.Н. Юденич представил в Санкт-Петербург список 22 шахсеванских ханов и беков, оставленных заложниками в городе Ардебиле.

Казалось, что внутреннее положение в Персии изменилось к лучшему. По крайней мере, вооруженное сопротивление шахской власти (и одновременно русским экспедиционным войскам) окончательно сломлено, и его последние очаги еще тлели в горах Иранского Курдистана и Гилянского остана. В Иранский Азербайджан после событий в Тавризе и вокруг Ардебилы пришло «успокоение умов», выступления фидаев были подавлены силой оружия, шахсевенские племена это оружие сложили. Гораздо спокойнее стало в Хорасане.

Однако обеспокоенность не покидала ни царского наместника на Кавказе графа И.И. Воронцова-Дашкова, ни начальника окружного штаба генерал-лейтенанта Н.Н. Юденича. Свое «беспокойство» в видении развития персидских дел они докладывали в Санкт-Петербург. Суть этих докладов состояла в том, что экспедиционные силы умять в Персии сегодня никак нельзя.

В Военном ведомстве пошли навстречу настойчивому царскому наместнику и начальнику окружного штаба, непосредственно занимавшемуся вопросами присутствия русских войск в сопредельном государстве. В российской столице понимали, что относительное спокойствие в Персии напрямую связано с нахождением на ее территории русских воинских отрядов. Такое спокойствие могло в один день принять образ крайней неустойчивости.

Чтобы усилить их силу, было принято такое решение: увольнение нижних чинов в запас, отслуживших положенный срок на

Кавказе, было осенью 1912 года задержано до 1 января 1913 года. Такой высочайший указ был подписан императором Николаем II. Таким

образом, в экспедиционных отрядах до конца года (и на начало 1914 года) оставались наиболее опытные воины — старослужащие рядовые и унтер-офицеры.

...К концу 1913 года в Санкт-Петербурге стало окончательно ясно, что внутривосточная ситуация в соседней Персии шахской властью берется под контроль. И что с «самовольством» шахсеванских племен наконец-то покончено. По крайней мере, они больше не выступали с оружием в руках против правительственных властей, прекратились «опасные» разбои на дорогах и нападения на русские воинские команды.

Утихомирились и курдские племена, которые «своеволием» и независимостью от власти шаха в Тегеране еще совсем недавно мало чем отличались от шахсеванов. Однако положение дел в горном Иранском Курдистане для России желало много лучшего: турецкая агентура из сопредельной стороны (граница была почти ничем не прикрыта) старалась всю.

После военного разгрома тавризских и голянских революционеров, племен шахсеванов и иных кочевников, создания атмосферы безопасности на торговых путях обстановка в Персии в самом конце 1912 года и в начале следующего года резко обострилась. Причиной стали раздоры среди членов правящей Каджарской династии, которые перешли в вооруженное противостояние.

Инициатором династической распри стал принц Салар-уд-Доулэ, который вознамерился вернуть на престол Мохаммеда Али-шаха. Собрав отряд примерно в 500 своих сторонников (цифры называются и больше), он объявился в окрестностях прикаспийского города Астрабада, на восточной окраине остана Мазендеран. То есть в той части этого остана, где проживало небольшое по численности племя каджаров.

Оттуда принц отправил телеграмму российскому государю, в которой «высвечивалось» его намерение вести вооруженную борьбу с тегеранским правительством. Можно было считать, что «мятежный принц крови» рассчитывал на то, что Россия в схватке за престол династии Каджаров останется нейтральной.

События в Астрабаде закончились тем, что шахские войска разбили отряд принца Салар-уд-Доулэ, который никакой боевой стойкости не выказал. Для Тегерана это была большая победа, поскольку спокойствие в персидской столице обеспечивалось присутствием сильного русского отряда в близком городе Казвине.

В силу всех вышеизложенных причин сокращение экспедиционных сил, прежде всего Казвинского отряда, было связано с большим риском

«растерять» влияние на южного соседа Российской империи.

После «успокоения» шахсевенских племен летом 1913 года произошла вспышка «разбойной активности» кочевников-курдов в приграничье с Турцией. 15 июня курды близ селения Гулистан совершили нападение по дороге из Урмии на конвой в 30 терских казаков урмийского вице-консула Голубинова, обстреляв его из нескольких десятков винтовок.

Терцы во главе с хорунжим Александром Агоевым из станицы Чернойарской приняли огневой бой, и курдам, числом примерно в 150 человек, пришлось укрыться в старинной крепости Кала-Зева. Вскоре из отрядного лагеря пришла помощь — две роты кавказских стрелков, два взвода казаков, команда разведчика при двух горных орудиях во главе с подполковником князем В.Г. Павленовым.

Ко времени прибытия поддержки вождь местных курдов Абдулла-бек уже начал отход со своими воинами в сторону турецкой границы, к селению Диза. Оно было обстреляно из горных орудий, а потом стала готовиться атака селения. С наступлением темноты курды заблаговременно бежали из Дизы, потеряв 31 человека убитыми и бросив 11 тяжелораненых.

Через месяц русскому отряду пришлось выдержать еще один сильный бой с племенным ополчением курдов. Их вожди Курдо-бек и Пиро-бек со своими конниками ограбили селения Шейбаны и Туляки, но в селении Мована кочевники встретили отпор со стороны христиан-айсоров, которые засели в церкви и стали отстреливаться от нападавших курдов.

Урмийский консул дал срочную телеграмму начальнику Азербайджанского отряда генерал-майору Н.Н. Воропанову. Тот сразу же выслал отряд, во главе походной колонны которого двинулся дивизион (две сотни) терского 1-го Горско-Моздокского полка. Когда терцы подошли к айсорскому Мовану, курды уже ушли из него в свои селения Бюлилан и Амби.

Узнав о приближении русских, беки отправили семьи и имущество в горы, к турецкой границе. Курды засели в каменных строениях и, когда терские казаки в конном строю подошли к Бюлилау, их обстреляли. После этого курды оставили селение и вновь начали огневой бой тогда, когда казаки прошли Бюлилан. В итоге столкновения курды бежали в горы. Казачий дивизион потерял несколько человек ранеными и убитым сотника Баева.

В конце того же июля месяца случился конфликт в «спорной Персидской зоне». Турецкий воинский отряд (около 60 солдат-аскеров) вошел в нее и занял там позицию. Начальник Азербайджанского отряда для разрешения конфликта на этот раз отправил туда стоявшую в Нагоде сотню

шахских казаков.

При подходе сотни турки столь поспешно бежали на свою территорию, «что оставили на месте всю служебную переписку». Она, имевшая свою «доказательную ценность», была передана российскому консулу в Соуджбулаге полковнику Иясу.

В 20-х числах сентября курды, проживавшие к югу от Урмийского озера, начали «бунт», который закончился убийством в Соуч-Булахе консула полковника Ияса. Кочевники долго носили по городу его голову, надетую на пику. С получением известия о «злодействе» на место происшествия выступил отряд силой в пехотную роту, полусотню казаков при двух орудиях. Ему в поддержку из Тавриза спешно прибыл отряд в составе 1 — го Сунженско-Владикавказского казачьего полка, двух рот кавказских стрелков при двух орудиях под командованием полковника К.А. Толмачева.

Итогом этой карательной экспедиции стали арест и «наказание» зачинщиков «бунта». Курдское селение, жители которого совершили убийство российского консула, сровняли с землей, то есть разрушили.

...Такая ситуация, сложившаяся в Персии к началу 1914 года, которая по логике устремленности внешней политики России должна была быть дружественной своему северному соседу (или в крайнем случае, — нейтральной), в Санкт-Петербурге постоянно прогнозировалась. Равно как и оценивалась деятельность русских экспедиционных отрядов в этой восточной стране.

Этими вопросами лично занимался министр иностранных дел С.Д. Сазонов. В официальном документе (письме) российского МИДа главе Военного ведомства В.А. Сухомлинову от 18 декабря

1913 года говорилось:

«...Наступившее в последнее время известное успокоение в политической жизни в Персии дало мне повод пересмотреть основания командировки Казвинского отряда и пребывания его на персидской территории, причем при сношении с Наместником ЕИВ на Кавказе выяснилось, что мы могли бы сократить отряд до состава одного казачьего полка...

Изложенные соображения... (по сокращению российского военного присутствия на территории Персии в северной ее части. — А.Ш.) удостоились Высочайшего одобрения (то есть императора Николая II. — А.Ш.)

Уменьшение Казвинского отряда является тем более своевременным, что Шахское Правительство уведомило нас о своем решении удвоить

численность Тавризского отдела Персидской казачьей бригады, доведя таковой до 1288 человек, с просьбой командировать в Персию 2 русских офицеров и 4 урядников для инструктирования...»

В этом письме речь велась о северо-западных и центральных областях Персии, то есть о ее турецком приграничье, ситуация в котором была для России в лице штаба Кавказского военного округа. И наместник граф И.И. Воронцов-Дашков, и начальник окружного штаба Н.Н. Юденич прекрасно понимали, что если в Европе вспыхнет давно ожидаемый военный конфликт, то Турция в стороне не останется. Та работа, которая проводилась германской военной миссией в султанской армии и на флоте, не давала никакого оптимизма на сей счет.

И в Тифлисе, и в Санкт-Петербурге, когда до начала Мировой, Великой, Отечественной войны оставались считанные месяцы, просчитали ситуацию в случае появления турецких войск в Иранском Курдистане и западной части Южного (Персидского) Азербайджана. То есть люди военные и дипломаты иллюзий здесь не строили. Они трезво оценивали боевые возможности тех русских войск, которые оставались на территории Персии.

Не строились иллюзии и относительно Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады, созданной усилиями русских военных инструкторов. Можно было, разумеется, рассчитывать на симпатии к России ее командования и рядовых казаков. Но боеспособность этой лучшей части шахской армии в соотношении с боевыми качествами турецких войск, стоявших на границе с Персией, желала быть намного лучше.

Тот же глава российского МИДа в письме военному министру прямо высказался за продолжение присутствия какой-то части русских экспедиционных войск в Иранском Азербайджане. На основе данных, поступивших к нему по дипломатическим каналам, Сазонов вполне резонно считал, что военная сила шаха не способна сдержать наступление турок, вздумай они перейти персидскую границу. В том декабрьском письме подчеркивалось:

«Дальнейшее присутствие наших войск в Азербайджане будет необходимым, так как несколько сотен персидских казаков, конечно, не были бы в состоянии оказать в случае надобности серьезное сопротивление попыткам турок проникнуть на персидскую территорию».

Ситуация в случае военного конфликта на границе в черте западной части Иранского (Южного) Азербайджана прогнозировалась вполне объективно, что и подтвердили начальные боевые действия на Кавказе в

Первой мировой войне:

«...На наших войсках будет по-прежнему лежать обязанность сдерживать... турецкие наступления... а равно им придется оказывать поддержку персидским казакам в их столкновениях с более значительными массами курдов, преимущественно турецких».

Сложившиеся отношения между Россией и Персией давали первой право, по сути дела, без согласования с Тегераном вводить войска на ее территорию в российском приграничье. Российский посол, разумеется, информировал об этом шахское правительство в лице министра иностранных дел.

С объявлением войны Германии и Австро-Венгрии стало со всей очевидностью ясно, что в самом скором времени на стороне держав Центрального блока выступит султанская Турция. Другого варианта вступления ее в Великую войну быть не могло. Поэтому русские войска стягивались из внутренних военных округов, прежде всего из Туркестанского, на Кавказ заблаговременно.

Но главная причина в такой переброске заключалась в том, что Кавказский военный округ в первые дни войны отдал на Восточный фронт половину своих сил — 2-й Кавказский армейский корпус (командир — генерал от артиллерии Самед Бек Мехмедаров), который со 2 августа вошел в состав 10-й армии. Заменить его должны были войска Туркестанского военного округа, то есть 2-й Туркестанский армейский корпус, которым в первые дни фактически командовал генерал-лейтенант Н.Н. Юденич, а затем генерал от инфантерии М.А. Пржевальский.

Вместе с армейскими войсками на Кавказ в ожидании вступления в войну Турции из Туркестана перебрасывались и казачьи войска. Это касалось в первую очередь Закаспийской казачьей бригады. Она состояла из 1-го Таманского и 1-го Кавказского кубанских казачьих полков, 4-й Кубанской казачьей батареи (6 полевых орудий) и Туркменского конного дивизиона. Дивизион, развернутый за счет добровольцев в Текинский конный полк, был отправлен на Восточный фронт.

Закаспийской казачьей бригадой на начало войны командовал Генерального штаба генерал-лейтенант Николаев (оренбургский казак). Бригадный штаб возглавлял Генерального штаба капитан Степан Сычев (донской казак).

Бригада стояла в Закаспийской области, в селении Каши близ Ашхабада (ныне столица Туркмении) и Мерва. В середине августа полковые сотни, стоявшие на границе, стали стягиваться воедино. 25 августа бригаде было приказано спешно грузиться в эшелоны и по

железной дороге прибыть в порт Красноводск. Временно близ Ашхабада (в Каши) оставалась одна сотня казаков-таманцев.

Здесь бригада — люди, кони, орудия и прочее — погрузилась на пароходы. Лошадей поднимали на корабельные палубы на лебедках. После непродолжительного перехода через Каспий пароходы пришли в Баку. Отсюда бригада по железной дороге проследовала в Тифлис, «на могущий быть Кавказский фронт против Турции». В столице Кавказского наместничества Закаспийскую казачью бригаду, выгрузившуюся из эшелонов, ожидал приказ:

«Закаспийской бригаде двигаться в направлении Персии, к Джульфе и на станции Шах-тахты выгрузиться и ждать распоряжения».

Два полка кубанского казачества с конной батареей вновь грузятся в эшелоны. О том, что на Кавказе скоро грянет война, «свидетельствовала» железная дорога, которая уходила от Тифлиса к персидской границе: все ее многочисленные мосты и туннели уже были взяты под охрану караулов от сотен 1 — й Кубанской пластунской бригады.

Закаспийцы выгрузились из эшелонов на маленькой приграничной станции Шах-тахты, которая стояла на берегу реки Араке, на противоположном берегу которой начиналась персидская земля.

Здесь уже стоял биваком 1-й Горско-Моздокский полк Терского казачьего войска, которым командовал полковник Кулебякин. Терцам тоже предстояло войти на территорию Персии.

2 сентября Закаспийская казачья бригада, получив на то приказ, перешла вброд пограничную реку Араке и вошла в Персию. Один из участников этого события, Федор Елисеев, тогда хорунжий 1-го Кавказского наместника Екатеринославского генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полка, вспоминал:

«За время столь продолжительного передвижения бригады по железной дороге через Баку, Елисаветполь, Тифлис и Александрополь не было ни одного „отсталого“ от своего эшелона казака. Мы этому обстоятельству и не удивлялись. Вернее сказать, мы удивились бы тому, что казак умышленно отстал от своего полка, от своей сотни, от своего собственного коня. Это было бы что-то ненормальное и позорное».

Как требовал приказ из Тифлиса, из штаба Кавказского военного округа, бригада в два перехода дошла до города Маку, центра Макинского ханства, и стала на его окраине походным лагерем, ожидая новых приказаний. Вблизи проходила персидско-турецкая граница, а дорога вела на сопредельный город-крепость Баязет. В войну 1877–1878 годов осажденный русский баязетский гарнизон, которым командовали

полковник Исмаил-хан Нахичеванский и капитан Штоквич, прославил себя стойкостью и мужеством.

Дорога от Аракса к городу Маку желала быть много лучше. «Дорога первобытная, на ней каменя в обхват человека». Впереди бригады шла авангардная сотня, а в походе от каждой сотни выделялись боевые дозоры. Хотя война с Турцией еще не была объявлена, приходилось «сторожиться», то есть быть в пути бдительными. Местные кочевые курды славились своими разбоями.

Колонна почти в три тысячи всадников, с артиллерией и полковыми обозами путь проделала, как и приказывалось, в два перехода. На ночлег бригада, пройдя походным порядком от границы с Россией 40 верст, расположилась биваком у большого селения Диза. Здесь произошла первая закупка провианта у местных жителей. Русские деньги брались персами с удовольствием.

Утром бригадная колонна двинулась к Маку, который находился в узком горном ущелье. Прodelав «скучный и трудный путь», казачьи полки вступили в столицу Макинского ханства. Хорунжий Ф.И. писал в своих мемуарах о своем первом знакомстве с этим заштатным персидским городком:

«...Черные, загорелые, в обтрепанной одежде, персы сидели на крышах своих жилищ, они молча созерцали вход русских в их город. Какой-то перс при прохождении нашей батареи вслух считает число наших орудий:

— Бир... эки... ючь... ялды... сакиз...

— Это шпион! — говорю быстро своему командиру сотни, подъесаулу Маневскому. — Его надо арестовать!

Маневский улыбается моей прыти и отвечает:

— Да нет... Это он считает для собственного интереса».

Чтобы излишне не «тревожить» в таких случаях местных жителей (на то был соответствующий приказ), бригада расположилась на городской окраине, на лугу. Здесь проходила дорога в Турцию, до границы оставалось всего 20 верст.

В Маку уже стояли русские войска — батальон кавказских стрелков и одна сотня кубанского 3-го Таманского казачьего полка. Они вместе с Закаспийской казачьей бригадой составили сводный Макинский отряд в Персии. Его командиром стал Генерального штаба генерал-лейтенант Николаев.

На второй день прибытия бригады в город Маку кубанцы начали охрану персидско-турецкой границы «в сторону Баязета». Охрана велась

казацкими разъездами с одновременной разведкой подходов непосредственно к линии границы сильными офицерскими разъездами, то есть каким-то числом казаков во главе не с урядником, а с офицером своего полка.

5 октября кубанцы на биваке отметили свой войсковой праздник. По такому случаю состоялись торжественный молебен и парад всей бригады в пешем строю. «Казаков угостили улучшенным обедом с вином». После этого состоялась праздничная джигитовка.

Охрана персидской турецкой границы в преддверии велась усиленная и круглосуточная. Да и к тому же шахская пограничная стража здесь как таковая просто отсутствовала. На охрану границы (и, разумеется, бивака отряда со стороны Турции) на сутки заступала казачья сотня. От нее на 12 часов высылались (поочередно) офицерский разъезд силой в один казачий взвод, который «безостановочно курсировал по всем тропам» на выходе из Макинского ущелья. Ночи в горах стояли холодные.

Разъезды «сторожили» вероятного противника на виду Большого и Малого Арарата, в провале между которыми сходились границы трех государств — России, Турции и Персии.

К северу от выхода из Макинского ущелья шла горная долина, где стояли кочевья курдов с их громадными черно-бурыми шатрами. Болотистая местность, усыпанная громадными валунами, отделяет кочевья от черты турецкой границы, на которой то там, то здесь стояли посты пограничной стражи. «Они нам машут своими фесками, чтобы мы не приближались к ним».

Хорунжий Елисеев, впервые познакомившись с кочевниками-курдами, так отзывается о них в своих записках: «Курды живут на границе и там, и здесь. Проводников и шпионов их можно набрать сколько хочешь».

В ожидании объявления войны Закаспийская казачья бригада несла охрану границы Персии с Турцией ровно полтора месяца. За это время изменился состав Макинского отряда — в Тифлисе было принято решение его усилить и сделать чисто казачьим.

Батальон кавказских стрелков и сотня 3-го Таманского казачьего полка ушли в столицу остана, город Хой. На смену им в Маку прибыл 12-й пластунский батальон 2-й Кубанской пластунской бригады. Он состоял из казаков-запасников, вставших в строй сразу после начала Великой войны.

Макинский отряд заблаговременно получил боевую задачу ввиду ожидавшейся скоро войны на Кавказе. Суть его заключалась в следующем: с объявлением войны ударить по крепостному Баязету, где, по данным разведки, находился сильный турецкий гарнизон, с востока. С севера по

Баязету наносил удар гораздо более сильный Эриванский отряд генерал-лейтенанта Д.К. Абациева в составе (неполной) 2-й Кубанской пластунской бригады генерал-майора И.Е. Гулыги и 2-й Кавказской казачьей дивизии.

.. Султанская Турция первой открыла военные действия против России. Утром 16 октября 1914 года турецкий флот под командованием немецкого адмирала Сушона, в котором германские крейсера ходили под чужим флагом, нанес удар с моря по Одессе, где миноносцами была потоплена канонерская лодка «Донец», обстреляв из орудий Севастополь, Феодосию и Новороссийск.

Турция вопреки некоторым суждениям историков вступила в Великую войну хорошо подготовленной, с отмобилизованной армией, пополненной иррегулярной конницей (в своем большинстве — племенной курдской) и военным флотом, пополненным двумя германскими крейсерами. То есть о слабости и неподготовленности султанской армии говорить не приходилось. Стамбул заранее готовился к участию в большой войне, стремясь удержать за собой остатки некогда огромных территориальных владений и лелея надежду что-то возвратить из утерянного.

В подтверждение тому можно привести один малоизвестный в истории факт. Речь идет о том, как Российская империя едва не стала «денежным донором» для Стамбула в его планах усиления своей военной мощи.

В начале XX столетия, когда султанская Турция с помощью кайзеровской Германии стала наращивать свои вооруженные силы, армию и флот, ее «интерес» к мусульманскому населению Российской империи как к потенциальному противнику заметно возрос. Причем этот интерес имел вполне конкретное выражение.

Пожалуй, первым «забило тревогу» касательно будущего противника России в Мировой войне Министерство иностранных дел. По дипломатическим каналам в начале 1910 года стало известно, что в Стамбуле идет деятельная разработка обширного плана по сбору средств на усиление турецкой армии и флота.

Казалось бы, в этом ничего особенного не было: бывшая некогда в зените военного могущества Оттоманская Порта, основательно одряхлевшая, постоянно теряющая части своей территории с нетурецким населением, решила модернизировать вооруженные силы. Тем более что современным (европейским) требованиям они никак не отвечали. Ни в организации войск, ни в их вооружении, ни в их подготовке. Только этим можно было объяснить обращение Турции к Германии с просьбой предоставить немалый по численности штат военных инструкторов.

Готовящийся в Стамбуле план по сбору средств на военные нужды обеспокоил российский МИД одной своей статьей. Это было обращение к российским мусульманам оказать турецкой армии (!) посильную материальную помощь.

Опасность такого обращения виделась в том, что подавляющее большинство мусульман России проживало на территориях, недавно приращенных к империи. Или, говоря иначе, на ее колониальных окраинах, недавно завоеванных и потому считавшихся не вполне неблагонадежными. Речь шла о Туркестане и Кавказе, как Северном, так и о Закавказье.

Естественно, что Россия не могла допустить вред единству Российского государства. Поэтому совсем не случайным стало появление на свет циркулярного письма Департамента духовных дел Министерства внутренних дел, касающегося зачистивших в Крым и на Кавказ, в Туркестан и на Волгу «проповедников», имеющих турецкое подданство. То есть действия таких людей носили вполне определенную направленность.

Впрочем, Первая мировая война показала, что Турция просчиталась с «мусульманским фактором» внутри России. Идеи панисламизма здесь никак не прижились. В Стамбуле такое объясняли тем, что виной всему стали «малая культурность низших слоев мусульманского населения», «невежество их духовенства» и «религиозная ненависть между существующими мусульманскими сектами».

То есть из России ожидаемых крупных сумм денег на модернизацию султанской армии и флота в Турцию так и не поступило. Свидетельств тому нет. Зато эти «вполне достаточные» деньги нашли в столице кайзеровской Германии, в Берлине.

Германия делала все для того, чтобы «привязать» к себе султанскую Турцию. При этом затрагивались интересы Российской империи не только на Кавказе, в Персии, но и на Ближнем Востоке. Примером может служить строительство железной дороги из южной части собственно Турции в ее «арабистанское» владение — Месопотамию (современный Ирак). Дело обстояло так.

Стремясь еще более поставить под свой контроль Османскую империю, кайзеровская Германия стала инициатором и строителем на ее территории Багдадской железной дороги, которая строилась немцами на правах концессии. Эта железнодорожная линия должна была соединить Босфор с Персидским заливом. Ее возведение «открывало» Берлину и его союзнику Стамбулу прямые подступы к границе турецкой Месопотамии с Персией и «облегчало строить планы» не только в отношении этого южного соседа России, но и касательно отдаленных от юга современного

Ирака независимого Афганистана и британской колонии Индии.

Строительство, да еще ускоренное, Багдадской железной дороги вызвало немалую тревогу не только в Лондоне, но и в Санкт-Петербурге, прежде всего в русском Генеральном штабе, не говоря уже о тифлисской штаб-квартире Кавказского наместничества, о штабе Кавказского военного округа. О стратегической значимости этой железнодорожной магистрали спорить руководству стран Антанты не приходилось: турки могли быстро и в значительном количестве перебрасывать войска на приморский юг Месопотамии и южную часть границы с Персией.

В России в числе наиболее решительных противников этого немецкого начинания на Ближнем Востоке оказался граф С.Ю. Витте, министр финансов и в последующем глава Кабинета министров. Государственник Витте прямо указывал императору Николаю II на то, что строительство Багдадской железной дороги в корне противоречит государственным интересам России на Ближнем Востоке и Кавказе, в частности в соседней Персии.

Последний царствующий Романов, не желая «натягивать» отношения с династией Гогенцоллернов, пошел на подписание с Берлином договора, по которому Россия ни только не противилась строительству Багдадской железной дороги, но и обязывалась протянуть к границе Месопотамии своими силами железнодорожную ветку на Ханекен. Но она так и не была построена.

...Вступление Стамбула в Великую войну на стороне Берлина и Вены стало фактом. Венценосный полковник Николай Романов приказал открыть военные действия против Турции. Получив такую телеграфную депешу из Санкт-Петербурга, царский наместник на Кавказе, он же главнокомандующий Отдельной Кавказской армии, граф И.И. Воронцов-Дашков отдал из Тифлиса подчиненным ему войскам приказ следующего содержания:

«.. Турки вероломно напали на наши прибрежные города и суда Черноморского флота. Высочайше повелено считать, что Россия в войне с Турцией. Войскам вверенной мне Армии перейти границу и атаковать турок».

Данный приказ тифлисского наместника Воронцова-Дашкова по кавказским войскам был отдан 19 октября. Телеграфной строкой его продублировали и в отряды, находившиеся на территории Персии. В ночь на 20 октября авангардные части Отдельной Кавказской армии повсеместно перешли турецкую границу, сбив заслоны пограничной стражи и почти сразу же столкнувшись с армейскими турецкими войсками.

Это свидетельствовало о том, что противная сторона загодя готовилась к такой встрече. Состоялись первые бои, отличавшиеся упорством, у Кепри-Кея, Караургана, в Пассинской долине...

Участник начала войны против Турции с персидской территории хорунжий, ставший в годы Гражданской войны казачьим полковником, Федор Иванович Елисеев в своих мемуарных брошюрах-тетрадках так рассказывает о том дне, когда для него и его товарищах по 1-му Кавказскому полку началась война:

«Бивак Макинского отряда спал, когда около полуночи в ночь на 20 октября 1914 года сигнальные трубы пропели тревогу и ординарцы командира полка быстро побежали по своим сотням, приглашая всех господ офицеров к нему. Бивак мгновенно ожил. Сотни уже под седлом. Мы — у командира полка. Взволнованный, с телеграммой в руке, он вышел к нам из палатки и, как никогда раньше, отечески, сердечно и твердым голосом произнес:

— Господа! Турция объявила войну России, и нашему отряду приказано немедленно же выступить на Баязет. С нами Бог! — И он снял папаху и перекрестился. Его примеру последовали и все мы.

...Командир полка обходил сотни, каждой говорил хорошее напутственное слово и предлагал коротко прокричать „ура“ за державного вождя Русской армии, государя императора и за Россию. Казаки дружно, коротко, но не раскатисто кричали „ура“, и командир шел к следующей сотне».

Приказ, уже боевой, о выступлении на Баязет пришел в полки из бригадного штаба быстро. Закаспийцы двинулись к границе в походных колоннах, имея впереди разведывательные сотни. Одна из них пошла на пограничное персидское селение Базыргян, другая — на сильный гарнизоном турецкий пограничный пост Гюрджи-Булах вблизи подошвы Малого Арарата. Там казаки-кубанцы на рассвете того же 20 октября приняли свой первый бой с турками.

Пограничный пост Гюрджи-Булах и одноименное турецкое селение были взяты после короткого, но жаркого боя. Часть гарнизона поста (турки и «курды в белых штанах», человек тридцать) при бегстве сдались преследовавшим их казакам. Султанские солдаты были вооружены старыми десятизарядными винтовками большого калибра, стрелявшими свинцовыми пулями, делающими большие раны. Такие же винтовки имели и местные курды-ополченцы. Винтовки с патронами были получены ими в большом числе заранее от местных властей.

Той части гарнизона поста Гюрджи-Булах, которая избежала гибели и

плена, удалось бежать в сторону недалекого Баязета. Оставив на границе усиленные сторожевые посты, полки отошли на персидскую территорию, за селение Базыргян, и разбили на ночь боевой бивак, не ставя походных палаток.

Так 20 октября 1914 года русский Макинский отряд «открыл» для себя первую страницу своего участия в Великой войне на территории Персии. Теперь Хоский остан стал для отряда, которому предстояло наступать на город-крепость Баязет, тыловой базой.

На следующий день казачья бригада выступила в поход, в полном составе перейдя персидско-турецкую границу. После короткой перестрелки занимает курдское селение, брошенное жителями, до Баязета оставалось верст двадцать...

Вскоре крепость была взята, турки бежали из нее без боя, поняв бессмысленность кровавой защиты Баязета. Закаспийская казачья бригада стала участником этого дела, в боевом составе полностью выйдя с территории Персии. Однако от полков продолжали высылать боковые заставы и конные разъезды в «свой персидский тыл», где курды стали «шалить» над проходящими обозами русских войск.

Глава вторая

Всполох Мировой войны на Ближнем Востоке. «Хирургическая операция» в Персии действиями экспедиционного корпуса генерала Баратова. Шахская жандармерия и кочевые племена в руках графа Каница. Гилянский Кучек-хан.

Первая мировая война стала с начальных ее дней Великой для всех ее участников. Величие мирового военного пожара, опалившего и Ближний Восток, крылось прежде всего в стратегических планах Антанты и держав Центрального блока. То есть в стратегических задумках Берлина и Санкт-Петербурга (ставшего с началом войны Петроградом), Парижа и Вены, Лондона и Стамбула, Токио и Софии...

Шахская Персия в планах воюющих сторон достаточно ясно и хорошо просматривалась. Случайностью такое внимание не было: Персия прикрывала собой пути в российское Закавказье и Туркестан, в Афганистан и Британскую Индию.

Война повергла в прах многие претензионные планы, в том числе и план создания мифического Великого Туранского государства, частью которого должна быть территория Персии, то есть современного Ирана. Его автор и исполнитель, военный министр султанской Турции Энвер-паша на пути превращения идеи в реальность «споткнулся» в ходе горной войны о русскую Отдельную Кавказскую армию и волю генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, ее командующего. Все началось у селения Сарыкамыш, конечной станции узкоколейки русских южнее Карса.

Здесь Энвер-паша взял на себя командование 3-й турецкой армией, отстранив от этой должности Гассана-Иззета-пашу. Полководец султана Мехмеда V решил устроить русским войскам тактическое окружение в духе «Канн» германского стратега генерала А. фон Шлиффена. Но Сарыкамышская наступательная операция закончилась сокрушительным разгромом: один корпус 3-й армии был наголову разбит, второй попал в плен.

В Первой мировой (Великой) войне Энвер-паша стал наиболее яркой фигурой панисламизма. То есть выразителем религиознополитической идеологии, в основе которой лежат представления о духовном единстве мусульман всего мира независимо от социальной, национальной и государственной принадлежности и о необходимости их духовного объединения под властью халифа.

Именно идеология панисламизма лежала в основе планов мушира (маршала) Энвер-паши по созданию «Великого Туранского государства», в котором нашлось место и для Персии.

Энвер-паша в истории Великой войны порой называется «турецким Наполеоном». Но историки делают это с известной иронией, поскольку ни одному из «великих планов» полководца султана Мехмеда V сбыться не пришлось.

Турецкая армия в 1914–1918 годах так и не прорвалась через Кавказ и северную Персию, не дошла победоносным маршем до Казани (через Терек вдоль по Волге) и Самарканда (через иранскую провинцию Хорасан и соседний с ней Афганистан). Именно это задумывалось в Стамбуле перед войной под «сенью» советов высокопоставленных германских инструкторов. А те уверенно чертили на секретных оперативных картах стрелы через линии турецко-персидской и персидско-русской границ.

На картах Ирана рисовались реальные зоны влияния турецкой и германской агентуры, расположения созданных ими вооруженных отрядов. Штриховались и территории кочевых племен, вожди которых были готовы за определенную плату и широкие обещания поддержать силой племенных ополчений планы Стамбула и Берлина, касающиеся южных пределов Российской империи.

Речь шла и о «крушении» интересов России в пределах владений ее соседа в лице персидского шаха. Следует заметить, что отношения России и Персии на рубеже двух веков и в начале XX столетия были достаточно дружественными и благожелательными для двух монархий — европейской и восточной. Соседство двух государств носило, как хорошо известно, взаимовыгодный характер во многих отношениях, прежде всего в торговых связях.

Энвер-паша верил в реалии возможности создания исламского «Великого Туранского государства» до последних своих дней, будучи уже не военным министром султана Решада Мехмеда V, а всего лишь именитым басмаческим курбаши в звании мушира, то есть маршала Турции, на земле бывшего русского Туркестана, ставшего советской Средней Азией.

Только к тому времени сторонников реализации «туранской идеи» у Энвер-паши уже совсем не оставалось. Ни в родной Турции, ставшей из султанства республикой, ни тем более на туркестанской земле, где шла Гражданская война, известная в советской истории как «борьба с басмачеством», которая растянулась более чем на десять лет.

В шахской Персии, по религиозным мотивам, приветствовать идею создания исламского «Великого Туранского государства» не могли.

Причина крылась в том, что два течения в исламе — суннизм и шиизм — не могли «соединиться» в реализации идеи и планов мушира Энвер-паши. Причем противостояние суннизма и шиизма в странах Востока, порой кровавое, хорошо просматривается и по сей день, примером чему могут быть события в Ираке.

Германия в лице ее Генерального штаба поддерживала панисламистские иллюзии мушира Энвер-паши. Немецкие высокопоставленные военные советники в Стамбуле среди прочего подсказывали военному министру султана мысль о том, что пора превратить соседнюю с Турцией шахскую Персию в новый фронт Великой войны, в данном случае против «неверной» России.

При этом учитывалось то, что в 1914 году, с началом Первой мировой (Великой) войны шахская Персия официально заявила о своем строгом нейтралитете. Здесь следует отметить то, что Петроград и Лондон к такому заявлению отнеслись с должным уважением, понимая его значение для своих воюющих государств.

Как известно, планы вторжения турецкой армии на Кавказ и в Персию разрабатывались турецким командованием при деятельном участии германского Генерального штаба. Все последующие военные действия на территории Персии шли под «надзором немецких военных советников в турецких войсках и германской агентуры на земле Ирана».

Посланцы кайзеровского генералитета — Кольмар фон дер Гольц-паша, Диман фон Сандерс, адмирал Вильгельм Сушон — значились в ближайшем окружении султана и его военного министра Энвер-паши. Первые два из них напрямую занимались «персидскими делами».

Турцию к началу активных действий на персидском направлении подтолкнули успехи держав Центрального блока — Австро-Венгрии и Германии на Балканах. Вступление Болгарии в войну на стороне Берлина и Вены обернулось созданием противниками Антанты единой линии связи с Турцией. Теперь германская военная помощь Стамбулу шла непрерывно и без излишних препятствий по железной дороге.

Следует заметить, что германская разведка в сотрудничестве с турками трудилась в Персии, как говорится, «не покладая рук». Центрами агитации против России и Англии, чье военное присутствие на персидской территории вызывало одобрение не у всего иранского населения, были избраны столичный Тегеран, древняя столица Персии, город Исфаган и Теббес.

Собственно говоря, планы Берлина и Стамбула на восточной «окраине» русского Кавказского фронта были стратегически масштабны.

Речь шла о вовлечении Персии и соседнего с ней Афганистана в войну против держав Антанты. То есть против России с ее мусульманским населением Закавказья и Туркестана. И против Индии (тогда единой с Пакистаном), имевшей протяженную афганскую границу, тоже с немалой долей мусульманского населения.

То есть речь шла, ни много ни мало, как о поднятии мусульманского Востока на «священную войну» против «англо-русских завоевателей». В случае ее объявления в тылу русской Кавказской армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, раз за разом громившей турок, мог возникнуть новый фронт на территории Персии, российского Закавказья и Туркестана. В Берлине считали такой план не просто заманчивым, а вполне реалистичным.

В Афганистане в то время отмечалось внутреннее «брожение». То есть и в нем, как и в Персии, внутривосточная ситуация стабильностью не отличалась. Британское правительство (по его данным) имело сведения о подготовке в этой стране военной силы до 12 тысяч человек, которая под командованием сына афганского эмира должна была пойти на иранский город Мешхед, столицу пограничной провинции Хорасан, часть населения которой составляли афганцы.

Англичане считали, что подготовка такого похода на Мешхед афганского войска является следствием «настояний» Стамбула перед эмиром Афганистана с целью «побудить» Персию присоединиться к вооруженной борьбе на защиту ислама. То есть речь шла о провоцировании «священной» войны против Великобритании и России. Но такие «достоверные сведения» британской разведки жизнью не подтвердились. Но в штабе русской Отдельной Кавказской армии с такой информацией от союзников приходилось считаться всерьез.

Все это «тайное» для русского командования на Кавказе секретом не являлось. Не случайно в одном из приказов Отдельному Кавказскому кавалерийскому корпусу так говорилось о действиях Германии и Турции в южном российском приграничье, прежде всего в Персии:

«Они хотели поднять против России и Англии не только Персию, но и Афганистан и Индию, повлиять таким образом на ход военных операций и на наших первостепенных, главных фронтах...»

Разведывательное отделение штаба Отдельной Кавказской армии констатировало тревожный факт: летом 1915 года Германия активизировала свои усилия в Персии и Афганистане. Тогда в Персию прибыла немецкая миссия во главе с полковником Боппом. Она была послана в помощь обосновавшемуся в Исфагане графу Каницу, военному агенту германского

Генерального штаба, наделенному самыми широкими полномочиями и снабженному «достаточными» суммами денег.

У себя на родине граф Ганс Вильгельм Александр фон Каниц был достаточно известной политической фигурой. Он родился в апреле 1841 года, происходил из старинной аристократической фамилии. Прежде чем заняться военно-дипломатической деятельностью на Востоке, был членом прусской палаты депутатов и германского рейхстага. Отличался крайне правыми взглядами, принадлежа к консервативной партии.

Следует заметить, что опытный разведчик-востоковед граф Ганс фон Каниц действовал в древней персидской столице успешно. Он смог заручиться поддержкой вождей ряда кочевых племен, прежде всего воинственных бахтиар, курдов и кашкайцев, и влиятельных лидеров шиитского духовенства. Те и другие считали, что наступил благоприятный момент для избавления их страны из-под опеки Британии и России.

В самой Персии и в ее столице для действий германской и турецкой агентуры ситуация складывалась вполне благоприятная. Немалая часть аристократической элиты страны, включая племенных вождей и высшее духовенство, в 1915 году считала выгодным оказаться в стане врагов России и Англии. Она считала, что победа Германии и ее союзников над Антантой «не за горами». То есть это явилось «плодом» информационной войны Берлина и Стамбула, которая велась на персидской территории не без видимого успеха.

В самом Тегеране стало вполне очевидным, что шахская власть далеко не так прочна, как это было перед началом Великой войны, в 1914 году. Некоторые политики из ближайшего окружения Султан-Ахмед-шаха открыто заявляли, что стране надо поторопиться встать на сторону «побеждающей» Германии и ее союзников.

Они считали, что победа в Великой войне может обернуться для Персии приобретением новых земель и прочих богатств (то есть военной контрибуции) при дележе территории Российской империи и британской Индии. Лидером таких «воинственно мыслящих» политиков был не кто иной, как сам премьер-министр Мустоуфи-эль-Мамелек.

Возникновение такого политического «поветрия» в персидской столице напрямую было связано с деятельностью посла Германии в Тегеране принца Генриха XXXI Рейсского и его дипломатов, профессиональных разведчиков. Они убеждали иранскую элиту в том, что сегодня их стране нечего опасаться ни России, ни Великобритании, войска которой крайне неубедительно действовали на юге Турецкой Месопотамии.

Деятельность и графа Каница, и принца Рейсского из Германии

координировал так называемый Центральный комитет по персидским делам. Он был образован в Берлине перед Великой войной. Кайзеровское правительство обеспечило эту действительно перспективную «восточную» структуру в достатке специалистами, деньгами и «предметами боевого снабжения» для воинов ислама, противников России и Англии.

Следует заметить, что эти два посланца Германии в одном из древнейших государств Востока сумели создать сеть осведомителей, то есть шпионскую сеть. У графа Ганса Каница и принца Генриха Рейсского имелись свои люди при дворе и правительстве, в шахской армии и влиятельных торговых кругах, не говоря уже о таком их «детище», которой стала персидская жандармерия. То есть их действия полностью оправдывали известное иранское изречение: «В стене есть дыра, в дыре есть мыши, у мышей — уши».

Германцы убеждали своих тегеранских друзей и в том, что русские с трудом обеспечивают войсками свой Кавказский фронт, а о посылке какой-либо силы в Персию и речи быть не может. То есть, свободных войск Россия на Кавказе не имела, это было действительно так на протяжении всей Великой войны.

Главным фронтом для империи Романовых являлся тот, который проходил по границе с кайзеровской Германией и Австро-Венгрией. В истории он известен как Русский (или Восточный) фронт. Кавказский же фронт на протяжении всей войны обеспечивался подкреплениями, вооружением, боеприпасами и всем прочим по «остаточному принципу». Более того, в первую военную кампанию из состава Отдельной Кавказской армии «изъяли» целый армейский корпус. Для противной стороны секрета в этом не виделось.

Такое убеждение тегеранских друзей Германии было не простой агитационной фразеологией. После отступления английских войск в Кут-эль-Амара и последующей их там капитуляции туркам на Кавказском театре военных действий Антанте представляла фактически одна русская армия.

Германцы считали, что с теми немногочисленными казачьими отрядами, что еще оставались на территории Иранского Азербайджана, можно справиться без больших усилий. Впрочем, сами персы, в первую очередь племенные вожди, с таким мнением, памятуя недавние годы, соглашались не очень.

Кайзеровское правительство денег на превращение Персии в своего союзника (или в новый очаг Великой войны) денег не жалело. Тут ему Стамбул помощником быть не мог: Турция в Великую войну жила на

немецких дотациях. Изрядные суммы шли не только на подкуп племенных вождей бахтиаров и кашкайцев, обладавших реальной военной силой, но и сановников Султан-Ахмед-шаха, составлявших ближайшее окружение юного венценосца.

Караваны с оружием под охраной отрядов кочевников (прежде всего курдинцев — курдов) по горным тропам Курдистана из турецкой Месопотамии один за другим прибывали в Исфаган и Таббес. Там оружие и боеприпасы распределялись между племенами и отрядами наемников.

Вместе с этими караванами на территорию Персии прибывали немецкие военные, офицеры и нижние чины. Им предстояло выполнять роль военных инструкторов (и отчасти командиров) в создаваемых воинских формированиях. К слову сказать, по организованности и дисциплине весьма далеких от регулярности армейского организма.

Интересен и такой малоизвестный факт: в города Исфаган и Таббес из российского Туркестана, где находились лагеря для военнопленных, пробрались в тот, 1915 год немало бежавших австрийских и турецких военнослужащих, прежде всего офицеров. Такое случайностью не было.

Дело обстояло так. Появившиеся на сопредельной стороне Закаспийской области российского Туркестана беглецы сразу же встречались эмиссарами граф Каница. С ведома местных персидских властей их направляли в специальный (сборочный) лагерь в Нейбед-абаде. Там вчерашние военнопленные, профессионально подготовленные у себя дома, получали личное оружие и готовились к ведению партизанской войны в условиях горной местности. Обучение велось, в основном, немецкими офицерами.

О недопустимости такого недружелюбия к России ее посланник в Тегеране фон Эттер не раз делал официальные представления шахскому правительству. Однако премьер-министр Мустоуфи-аль-Мамелек, уже сделавший свой, пусть и тайный, выбор в пользу Берлина и Стамбула, на такие представления отвечал «в лучших традициях уклончивой восточной дипломатии». С которой, к слову говоря, российская дипломатия была прекрасно ознакомлена за несколько долгих столетий русско-персидских отношений.

Российский посланник фон Эттер обращал внимание главы шахского Кабинета министров и на факты «сеяния» вражды к русским на базарах, улицах и площадях многих городов Персии. Такие «германо-турецкие агитаторы» в обличье почитаемых на мусульманском Востоке дервишей вели и публичные проповеди, и духовные беседы в домах уважаемых и богатых людей. Причем такая агитация велась публично и никем не

пресекалась.

Воинственность же дервишей в истории мусульманского Востока, будь то Персия или Турция, Судан или Аравия была описана не раз. Не случайно же в военной истории англо-египетского Судана сторонников «святого Махди» британцы называли «армией дервишей». Поэтому в Стамбуле и Берлине с большим пониманием сделали ставку на фанатизм этой группы людей исламского мира, видевших в европейцах только «неверных врагов».

Содержание таких публичных проповедей и духовных бесед было на редкость одинаковым. Об этом свидетельствует в своей книге «Персидский фронт», изданной в 1923 году в Берлине, белоэмигрант А.Г. Емельянов. С 1915 года он, земский деятель, находился в Персии. Очевидец такой воинственной пропаганды против России на «бытовом уровне» писал о содержании речей дервишей следующее:

«Мусульмане всего мира восстают против гнета и насилия. Сунниты (в данном случае турки. — А.Ш.) уже подняли меч против креста...

Шииты (то есть подавляющее большинство населения Персии. — А.Ш.), очередь за вами! У порабощенных народов есть один друг — народ немецкий!...

У ислама защитник перед Аллахом — пророк, а на грешной земле — германский император!»

Летом второго года Первой мировой (Великой) войны обстановка внутри Персии и ситуация вокруг нее накалились до предела, чему доказательств было больше чем достаточно.

В начале июля 1915 года от англичан появились сведения о том, что из Исфагана к границам Афганистана начали движение (или готовятся отправиться) караваны с оружием и «немецкими агитаторами». Караваны имели набербованную германцами, хорошо вооруженную охрану и поэтому никем не досматривались, даже поставленной для этого шахской жандармерией.

Более того, такие караваны с оружием прибывали и в столичный Тегеран, где беспрепятственно разгружались в германской и турецкой дипломатических миссиях. После этого немалая часть оружия и патронов «расходилась по надежным рукам» не только в Тегеране, но и в местах, близких к российской границе.

О предназначении такого контрабандного оружия, завозимого в страну в большом числе, гадать не приходилось. Такая достоверная информация постоянно приходила в столицу Кавказского наместничества, Тифлис, где располагался штаб Отдельной Кавказской армии. Ее же получала и английская разведка. В том и другом случаях источники достоверной

информации были самыми разными.

Лондон был самым серьезным образом заинтересован в безопасности самой ценной жемчужины в английской короне — колониальной Индии. Поэтому он поставил перед официальным Петроградом вопрос о соответствующих охранных мерах на территории Персии. И, в частности, охраны ее границы с Афганистаном, прежде всего в Систане и Белуджистане, то есть в самой крайней юго-восточной иранской провинции, обширной и пустынной.

Великобритания настаивала на том, чтобы Россия взяла на себя охрану персидско-афганской границы в «беспокойном» остане Хорасан, в котором, к слову сказать, компактно проживали много афганцев. Российский военный министр поставил такую задачу перед штабом Туркестанского военного округа в Ташкенте, ответственным за «свой» участок линии государственной границы.

То есть речь шла о создании отдельного экспедиционного Хорасанского отряда, введение которого на персидскую территорию не предусматривалось никакими соглашениями. Но проведения такой спецоперации требовали ситуация военного времени, логика предотвращения появления очага Великой войны на земле Афганистана, который сам к России враждебности не проявлял. Более того, старая Россия и Советский Союз три четверти XX столетия имели в лице нейтрального Афганистана дружественного соседа.

Помимо этого, Лондон предложил установить «наблюдение» по черте, которая, согласно заключенному в 1907 году договору между Англией и Россией, разделяла Персию на две сферы влияния и центральную часть страны. Эта черта, обговоренная дипломатами двух МИДов, проходила по линии: город Ханекен на турецкой границе — город Иезд в центре страны — селение Зюльфагар на афганской границе.

Россию с ее военным присутствием на северо-западе Персии торопила союзная Британия. Впервые такое официальное пожелание было высказано Лондоном в начале июля 1915 года: он хотел силой русского оружия ликвидировать назревавшее «брожение» в нейтральной стране и пресечения любых ее попыток присоединения к врагам Антанты.

Когда стало определенно ясно, что шахская Персия может войти в «согласие» с Германией и Турцией, британское правительство сделало заявление о том, что относительно Персии в условиях идущей Великой войны оно вместе с российским правительством имеет полную свободу действий. Оправданием такому заявлению служило то, что Мировая война «диктовала враждующим сторонам свои условия», далекие от равноправия

в межгосударственных отношениях.

Глава российского МИДа С.Д. Сазонов официально предупредил посланника Персии в Петрограде, что после окончания войны Персия подвергнется разделу между Англией и Россией. Это произвело на Персию «очень сильное впечатление», поскольку с единением держав Антанты «шутить не приходилось».

Для России ситуация внутри Персии осложнялась еще тем, что Персидская казачья Его Величества Шаха бригада, которая выделялась в персидской армии своей боеспособностью, в серьезных боевых делах таковой не была. Хотя, с другой стороны, работа русских (казачьих) инструкторов не пропала даром. Равно как и их влияние в шахской гвардии, самой элитной части персидской армии.

Бригада являлась едва ли не единственной военной опорой Султан-Ахмед-шаха, который личной антипатии к России не проявлял. Более того, он был обязан престолом русским офицерам Персидской казачьей бригады. Считается, что он реально оценивал собственную власть, то есть власть династии Каджаров, среди своих верноподданных. Поэтому в принимаемых ответственных решениях шах колебался, порой стараясь из двух зол выбирать меньшее.

Германские резиденты смогли за непродолжительный срок подготовить противовес «шахским казакам». Этой воинской силой стала персидская жандармерия, которая обучалась шведскими (настроенными откровенно прогермански) и турецкими (частично) инструкторами на немецкие субсидии, имела современное армейское вооружение.

И казачья бригада, и жандармерия формировались из местных жителей. По данным английского исследователя Перси Сайкса в его труде «История Ирана», численность «шахских казаков» (то есть шахской гвардии) в 1915 году доходила до 8 тысяч человек (сабель).

Численность персидской жандармерии, разбросанной отдельными отрядами по всей стране, к лету 1915 года составляла 7224 нижних чина (солдат) и 75 офицеров. Из этого числа командного состава 30 были шведами, имелись также немцы и турки. Жандармские команды, как и «шахские казаки», занимались охраной государственных учреждений.

О соотношении этих сил, вроде бы полярных по сути своего создания, в нейтральной Персии генерал-лейтенант Генерального штаба Ю.Н. Данилов высказался в таких словах:

«.. Проводником русского военного влияния в Северной Персии являлась Персидская казачья бригада, издавна находившаяся под командой русского генерала и имевшая в своем составе несколько русских офицеров.

Однако значение ее чрезвычайно уменьшилось с того времени, как в противовес ей для охраны персидских учреждений были сформированы персидские жандармские команды, в которых инструкторами состояли шведские офицеры, симпатизировавшие Германии и способствовавшие успеху ее политики».

Как показали события Первой мировой войны на персидской земле, Казачья Его Величества Шаха бригада не стала на сторону враждебных России сил. Более того, часть ее приняла участие, пусть и малое, в боях против этих сил.

Шахские казаки в 1914–1918 годах занимались охраной дорог, борьбой с разбоями в тылу русского Экспедиционного корпуса генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова. Так, в ноябре 1915 года две сотни шахских казаков (при двух орудиях и двух пулеметах) под командованием есаула Мамонова приняли участие в бою при Сенне в Иранском Курдистане. В августе следующего года две сотни персидских казаков действовали против мятежных кочевых племен под городом Исфаганом.

Персидские казаки иногда входили в состав русских экспедиционных отрядов. Так, в октябре 1916 года в составе Курдистанского отряда находились из состава шахской казачьей бригады два орудийных и два пулеметных расчета. Командовал персами войсковой старшина Горбачев.

Когда в остане Гилян создавался для борьбы с местными повстанцами Кючек-хана Энзели-Урмийский отряд, от персидского правительства в его состав вошли две конные сотни и два орудия Персидской казачьей бригады под командованием войскового старшины П.П. Мамонова. Казачий офицер за доблесть на войне в Персии был представлен к ордену Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени.

К началу июля 1915 года на иранской территории находилось четыре русских воинских отряда — в городах Казвин и Ардебиль, в провинции Хорасан и Азербайджанский. Это было то, что осталось от «секретной Персидской экспедиции» 1909 года и последующих лет. Отряды отличались немногочисленностью, но высоким «качеством» боевого состава.

Казвинский отряд (город Казвин располагался к северо-западу от Тегерана) насчитывал в своем составе полбатальона пехоты, 7 казачьих сотен при 2 орудиях. Всего около тысячи человек.

Ардебильский отряд (город Ардебиль находился вблизи российской границы у Талышских гор) состоял из 2 батальонов пехоты,

3 казачьих сотен при 4 орудиях.

Хорасанский отряд имел в своем составе 4 казачьи сотни, что вполне

хватало для контроля ситуации в этом остане.

Ближайшим резервом Казвинского и Ардебильского отрядов мог быть только особый отряд, состоявший преимущественно из конной и пешей пограничной стражи, стоявший на самой российско-персидской границе. Отряд состоял из 3 пехотных батальонов, 11 конных сотен и 2 дружин государственного ополчения (прибывших на усиление охраны границы).

Поскольку немногочисленный Казвинский отряд находился вблизи Тегерана, германская агентура старательно распускала в столице слухи о том, что это все, что Россия может «бросить» в Персию, в страну, где каждое кочевое или полукочевое племя, каждый губернатор провинции имел собственное вооруженное ополчение. То есть под большое сомнение ставились реалии возможностей русского оружия — 1915 год для России действительно не был годом 1909-м.

Помимо этих воинских сил, Россия имела на территории своего южного соседа еще и Азербайджанский отряд генерал-майора Ф.Г. Чернозубова. Он располагался в провинции Западный Азербайджан и прикрывал собой с началом войны тот участок персидско-турецкой границы, который примыкал к территории России. По сути дела, это была восточная оконечность Кавказского фронта. Не будь его, турки могли совершенно беспрепятственно выйти на берега пограничной реки Араке.

Генерал-белоземigrant Е.В. Масловский в одной из своих работ так описал ситуацию с наличием русских войск на персидской территории к началу Первой мировой войны и развитие событий в ее начале:

«...В Персии, в районе Тавриза и Урмии, по политическим причинам еще в мирное время, с 1910 года, Россия держала значительный отряд. Теперь он состоял из 9 батальонов пехоты, 24 сотен казаков и 24 орудий.

Новую, перед войной образованную 4-ю Кавказскую казачью дивизию и составили эти 24 казачьи сотни.

Задача отряда — наблюдать и обеспечивать направление из Моссула (Турция) на Тавриз и Урмию в Персии и из г. Ван на Умию. Части отряда с небольшими боями постепенно продвигались на запад, к декабрю 1914 года заняли Котур на границе с Турцией, Сарай и Баш-Калу в самой Турции.

Так русские войска проникли во фланг и тыл турецким войскам Ванского вилайета (округа)...»

С началом войны Азербайджанский отряд станет основой для формирования 7-го Кавказского корпуса, оперативной зоной действий которого станут северо-западная часть Персии (так называемый Урмийский район) и сопредельная турецкая территория. То есть здесь шла горная война со всеми ее трудностями.

Азербайджанскому отряду и пришлось принять на себя в Персии первый удар сил турецкой армии. Ситуация в пограничной провинции (остане) Западный Азербайджан осложнилась с началом февраля 1915 года. Германские военные советники из окружения Энвер-паши спланировали фланговый удар через территорию этой самой крайней северо-западной персидской провинции в направлении на нефтеносный Баку. При этом учитывалось, что русский Азербайджанский отряд занял на севере Персии города Тавриз (30 января) и Дильман (на западном берегу озера Урмия).

Передовые отряды турецких войск на персидской земле, пока еще не многочисленные, были разбиты отрядом генерал-майора Ф.Г. Чернозубова еще в январе 1915 года. Сильный бой произошел северо-западнее Тавриза, губернского города остана Восточный Азербайджан.

Турецкое командование решило силами армейского корпуса (две пехотные дивизии с их артиллерией) и отрядами курдской конницы (численность их постоянной в Великую войну никогда постоянной не была) войти на персидскую территорию в районе озера Урмия. Корпус получил название экспедиционного и был сформирован в районе озера Ван из 3-й и 5-й сводных дивизий. Местные курдские племена подкрепили его своими конными ополчениями, которые сводились в полки.

Сводные (пехотные) дивизии формировались на основе жандармских и пограничных батальонов, с началом Великой войны ставших частью султанской армии. Их личный состав был хорошо, профессионально подготовлен к действиям в горах Иранского Азербайджана и сопредельной Турецкой Армении.

Командовал корпусом Халил-бей. Это был дядя султанского военного министра Энвер-паши, который, встретивший Великую войну в чине жандармского старшего лейтенанта. Корпусным командиром был назначен с присвоением полковничьего чина. Генерал-майором (пашой) стал в апреле 1916 года одновременно с назначением командующим 6-й армии, действовавшей в Месопотамии и Персии. Имел известность жестокого человека за кровавые расправы с мирным армянским и айсорским населением в горной Ванской области.

В конце апреля корпус Халил-бея с курдской конницей перешел турецко-персидскую границу. В их планах было наступление через российскую границу по реке Араке на города Елисаветполь (ныне Гянджа) и Баку. Но надо сразу заметить, что это была поистине «наполеоновская замашка».

Вполне возможно, что экспедиционному корпусу Халил-бея удалось бы углубиться в Иранский Азербайджан. Но тут в турецких тылах восстало

армянское население вокруг озера Ван. Причиной восстания стало то, что турки и курды почти полностью вырезали свыше 100 селений армян-христиан вокруг города Ван, особенно в округе Шатах. В живых оставляли только молодых женщин, которые уводились в курдские селения.

Почти одновременно антитурецкое восстание подняли айсоры (ассирийцы), проживавшие в горной области Хеккияри, юго-восточнее озера Ван. Они тоже были людьми христианского вероисповедания.

Халил-бею пришлось отрядить на подавление этих восстаний одну из своих сводных дивизий (5-ю) и немалую часть конных курдских отрядов. То есть теперь ему говорить о походе на Елисаветполь и Баку не приходилось. Из Стамбула от него племянник, женатый на племяннице султана, требовал любой ценой удержаться на персидской территории, в горах Иранского Азербайджана.

Генерал-майор Чернозубов, в свою очередь, получил приказ выбить турок с этой территории и тем самым парализовать здесь действия германской и турецкой агентуры, настраивавшей местное население (особенно курдские племена) против русских. В задачу Азербайджанского отряда входило и наступление через границу на направлении западнее озера Урмия.

Чернозубовский отряд получил усиление, основой которого стала 3-я Забайкальская казачья бригада, в составе 3-го Верхне-удинского и 2-го Аргунского полков со 2-й Забайкальской казачьей батареей. Всего: один генерал-майор, 8 штаб-офицеров, 63 обер-офицера, 2550 казаков, 2660 лошадей, 18 орудий и 191 обозная повозка.

Бригада перевозилась из крепости Карс по железной дороге в 13 эшелонах до пограничной станции Джульфа на реке Араке. Оттуда казаки-забайкальцы двигались в Урмийский район походным порядком. Начальнику бригады К.Н. Стояновскому командующим Отдельной Кавказской армии генералом от инфантерии Н.Н. Юденичем 23 апреля был отдан следующий приказ:

«...Вследствие серьезных боев в районе Дильмана вверенная Вам бригада с ее артиллерией назначается в распоряжение начальника Азербайджанского отряда генерал-майора Чернозубова на усиление его войск.

Бригада будет перевезена по железной дороге от Карса до Джульфы. Посадка на железнодорожный транспорт в г. Карсе назначена на 25 апреля с утра, к таковому времени частям бригады должно прибыть к Карсу.

По прибытии в Джульфу Вам надлежит получить указания от генерала Чернозубова, которому Вы должны донести заблаговременно о времени

своего прибытия в Джульфу».

Ситуация на Кавказском фронте менялась быстро. Уже 25 апреля, в день убытия казачьей бригады забайкальцев из Карской крепости, она приказом того же Юденича была переподчинена начальнику Кавказской кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту Густаву Класс Роберту Шерпантье. Однако районом боевых действий оставался все тот же горный район западнее озера Урмия.

Путь по железной дороге занял двое суток. Выгрузившись на станции Джульфа, бригада в Тавризе присоединила к себе 3-й Кубанский казачий полк, и к 1 мая забайкальцы уже оказались на персидском театре Мировой войны.

В начале мая русские войска на левом крыле Кавказского фронта перешли в наступление. 3-я Забайкальская казачья бригада наступала южнее озера Урмия в направлении города Ван, стоявшего на берегу озера Ван. Вперед были высланы разведывательная сотня казаков-аргунцев и несколько разъездов.

Вскоре разведка, далеко ушедшая вперед, донесла, что в селении Миандоабе находится турецкий отряд численностью до 400 человек, частью конный.

Бригада двигалась вперед, имея ненадежных проводников из числа местных жителей. В горах стояла страшная жара. Источники чистой питьевой воды встречались редко, провианта и фуража, взятого с собой, в полках и батареях имелось «в обрез».

10 мая забайкальцы вышли к реке Джагита-чай. На противоположном берегу на возвышенном месте находилось селение Миандоабе. После двух орудийных залпов шрапнели казачьей батареи и при виде русской конницы, начавшей переходить реку, турки оставили селение и, беспорядочно отстреливаясь, отошли к западу. Сотни 2-го Аргунского полка их преследовали. На поле боя были найдены два десятка турецких аскеров, у казаков был ранен один человек.

Вперед вновь ушли конные дозоры. У Амир-абада они обнаружили большие силы неприятеля — до 10 рот пехоты, подкрепленных несколькими сотнями конных курдов. Шедший в голове походной колонны 2-й Аргунский полк сделал привал у моста через реку Татаву, ожидая подхода главных сил бригады, чтобы обеспечить их переправу.

Два дня забайкальцы простояли у реки в поисках в этой безлесистой местности средств для переправы через Татаву артиллерии и обозов. Мост через реку был настолько узок и ненадежен, что перейти по нему кони и люди могли только цепочкой. Переправа началась на рассвете, в пять часов

утра 13 мая и закончилась уже вечерних сумерках.

В кавалерийском ударе на высотах к юго-западу от селения Миандооба участвовала кавалерийская дивизия генерала Шерпантье силой в три драгунских и одного полка казаков-кубанцев. Забайкальцы в бою 15 мая находились в резерве, отличившись лишь тем, что взяли у турок в селении Ипдыркаш запасы продовольствия и фуража.

18 мая от Забайкальской казачьей бригады вперед по горной дороге была выслана усиленная разведка: две конные сотни и пулеметный взвод. Казачьим разъездам удалось установить, что впереди находятся части 36-й пехотной дивизии турок и значительные силы курдской конницы.

Удалось установить, что турецкие пехотинцы имели на вооружении 5-зарядные винтовки системы Джамбозар (по образцу винтовки системы Маузер), патроны с остроконечной пулей, из расчета 150 штук на человека при себе и 120 штук в запасе (в обозе). Неприятель имел ручные гранаты (по образцу болгарского офицера Тюфенчиева). Форма одежды была защитного цвета.

Бригада вошла в город Урмия и встала там биваком, пользуясь трофейным провиантом и фуражом. Здесь ожидался подход чернотубовского Азербайджанского отряда. Вперед и на фланги были высланы разъезды от (бурятского) 3-го Верхнеудинского полка. Они то и дело имели стычки с небольшими отрядами конных курдов. Те, обстреляв с вершин гор казаков, тут же скрывались.

Рейд русской конницы (36 драгунских эскадронов и казачьих сотен) с 22 конными орудиями под командованием генерал-майора Чернотубова западнее озера Урмия по территории остана Западный Азербайджан преследовал немаловажную цель — заставить приграничные курдские племена Персии сложить оружие. Демонстрация значительной силы конницы возымела свое действие: полукочевые племена курдов на какое-то время притихли, отказавшись даже от разбоев на горных дорогах.

Обманчивая тишина позволила генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу перебросить большую часть усиленного Азербайджанского отряда из северо-запада персидской территории на линию фронта севернее озера Ван. Турецкое командование, делавшее большую ставку на «партизанство курдов в тылу у русских», было неприятно удивлено появлением значительных сил кавалерии противника в горах Турецкой Армении.

Полки и батареи чернотубовского Азербайджанского отряда в новых боях с турками проявили себя с самой лучшей стороны. О напряженности боев в горах с турками может свидетельствовать такой показательный факт. В двухдневном бою 6 и 7 июля казаки 2-го Аргунского полка

израсходовали около 26 тысяч патронов.

3-я Забайкальская казачья бригада вновь оказалась на территории Персии в конце июля 1915 года. Она была отведена на отдых после боев у озера Ван. Местом отдыха был назначен город Дильман (там находились тыловые продфуражные склады и санитарные учреждения) на западном берегу озера Ван.

Забайкальцы расположились не в самом небольшом городке, а в верстах 30 от него, у селения Кегнешагр, в местности, где имелись пастбища для лошадей. Конский состав бригады после нескольких месяцев боев в горах нуждался в отдыхе и «ремонте» не менее, чем люди. Так, командир 3-го Верхнеудинского казачьего полка полковник Веттерштрандт в своем донесении по команде писал буквально следующее:

«Вследствие систематического неполучения от интендантства зернового фуража... невозможности приобрести таковой покупкой строевые лошади не кормятся зерновым фуражом около месяца... при настоящей усиленной службе полка число лошадей, способных к работе, в скором времени выйдет до минимума — полк в конце концов будет не способен нести службу».

Бригадный начальник генерал-майор К.Н. Стояновский делал все от него возможное для восстановления боеспособности казачьих полков и артиллерийской батареи, поскольку последние недели люди сражались на пределе своих возможностей. Но его, пожалуй, более заботило состояние конского состава, без которых конники могли обратиться в пехоту. Которой, к слову сказать, на войне в горах «без лошадей делать было нечего». Стояновский докладывал выше:

«...Во 2-м Аргунском полку годных к походу лошадей — 108; неудовлетворительных, нуждающихся в отдыхе не менее месяца — 270; нуждающихся в отдыхе не менее 2 месяцев — 97 и негодных — 178.

В 3-м Верхнеудинском полку первых — 73, вторых — 238, третьих — 115, четвертых — 219; в штабе бригады в той же последовательности — 21, 33, 5, 12. В это число включены все лошади — строевые и обозные.

В батарее все артиллерийские лошади негодны...

Требуется ковка лошадей, а запаса подков нет...»

Бригада, расположившаяся на непродолжительный отдых у Дильменда, спокойной бивачной жизни не знала. Полторы казачьей сотни были задействованы на постах «летучей почты». Постоянно выделялись конвои для охраны транспортов и сопровождения начальствующих лиц. Много людей приходилось выделять на заготовку топлива и для прочих хозяйственных нужд.

Отдых на войне для людей, уставших морально и физически, материально плохо обеспечиваемых, порой негативно сказывался на состоянии воинской дисциплины и организованности. То есть речь шла о прозе любой войны во все времена и эпохи. В силу этого генерал-майор Стояновский отдал полковым командирам приказ такого содержания:

«...Ячмень для лошадей дробить на мельницах...

Отточить шашки и не рубить ими дрова...

Немедленно пополнить недостающие пики...

Пересмотреть вьюки, захламленные казаками, все, обременяющее коня, безжалостно выбросить, уложить седельные подсумки...

Соблюдать, чтобы казаки всегда ходили в поясах...

В Дельман увольнять только командой с ответственным старшим и по записным сотенных командиров, неблагонадежных в пьянстве совсем не увольнять».

Для поддержания воинского порядка и дисциплины приходилось принимать и «хирургические меры», которые популярными назвать никак было нельзя. Был наказан «за развал сотни» 14 сутками домашнего ареста сотенный командир 3-го Верхнеудинского полка подъесаул князь Ухтомский. Все младшие командиры этой сотни — урядники и вахмистры были разжалованы в рядовые и переведены в другие подразделения. На их места были назначены «добросовестные казаки».

На бригадное начальство во время отдыха у Дельменда свалилась еще одна дисциплинарная «беда». Из-за отсутствия дров для приготовления пищи «по своей безграмотности» казаки спиливали и рубили шашками на дрова телеграфные столбы. Связисты ставили новые столбы, которые исчезали в следующую же ночь. С этой «бедой» удалось справиться только отдаванием под суд казаков, уличенных в таком способе добывания топлива.

В начале августа отдых у Дильменда для бригады, которой придавались две добровольческие армянские дружины, закончился с получением приказа сосредоточиться в селении Кегнешагры. Турецкие войска грозили новым вторжением в Иранский Азербайджан, а местные курдские племена опять взялись за оружие.

Чтобы исключить внезапное появление перед собой неприятеля, от бригады в боевое охранение был выделен сводный отряд есаула Мыльников. Ему предписывалось выступить к селению Хаптиану для наблюдения за Бажергинским ущельем, через который должна была прорываться с гор в Урмийский район курдская конница. Однако боевые действия на этом направлении возобновились только в середине сентября.

Постоянно велась разведка в горных районах. Для этой цели

использовались казачьи разъезды. Большую помощь оказывали добровольцы айсоры, отважно «ходившие» по вражеским тылам. Так было установлено передвижение больших турецких сил на Багдад — на юг Месопотамии против англичан и к границам Персии.

В это время в экспедиционных войсках стали делать противотифозные прививки. Люди плохо переносили их. Вспышки эпидемии тифа в ряде мест приводили к тому, что отдельные воинские части «отбывали карантин».

Протурецкая активность курдских племен в остане Западный Азербайджан в начале осени 1915 года стала проявляться в Урмийском районе, близ города Ушпуэ. Туда выступил сводный отряд в составе трех сотен казаков-забайкальцев и кубанцев с пулеметным взводом. Русскими войсками занимается город Урмия.

С конца декабря столкновения с отрядами конных курдов стали, по сути дела, каждодневными. Обстреляв казачьи отряды, курды обычно скрывались в «бесконечном хаосе гор». Преследование нападавших в родных для них местах результата не давало.

Однако когда такие нападения курды совершали вблизи своих селений, то в таких случаях о бегстве они помышляли не часто. Горные селения оборонялись стойко, и казачьи разъезды одерживали верх зачастую тогда, когда получали подкрепление.

Показателен в этом отношении бой казачьего разъезда прапорщика Павла Судакова из 3-го Верхнеудинского полка. 1 ноября разъезд у горы Бейзан подвергся нападению конного «скопища куртинцев» и был окружен. Однако казаки уже отменно владели тактикой конного боя в горах и, используя складки местности, без потерь вырвались из окружения.

В Иранском Курдистане русским приходилось постоянно сталкиваться с азиатским вероломством и коварством неприятеля. Воинственные курды в своих домах могли встретить «неверного» со всем гостеприимством. Но стоило тому только-только покинуть этот дом, как гость часто становился «объектом вооруженного нападения».

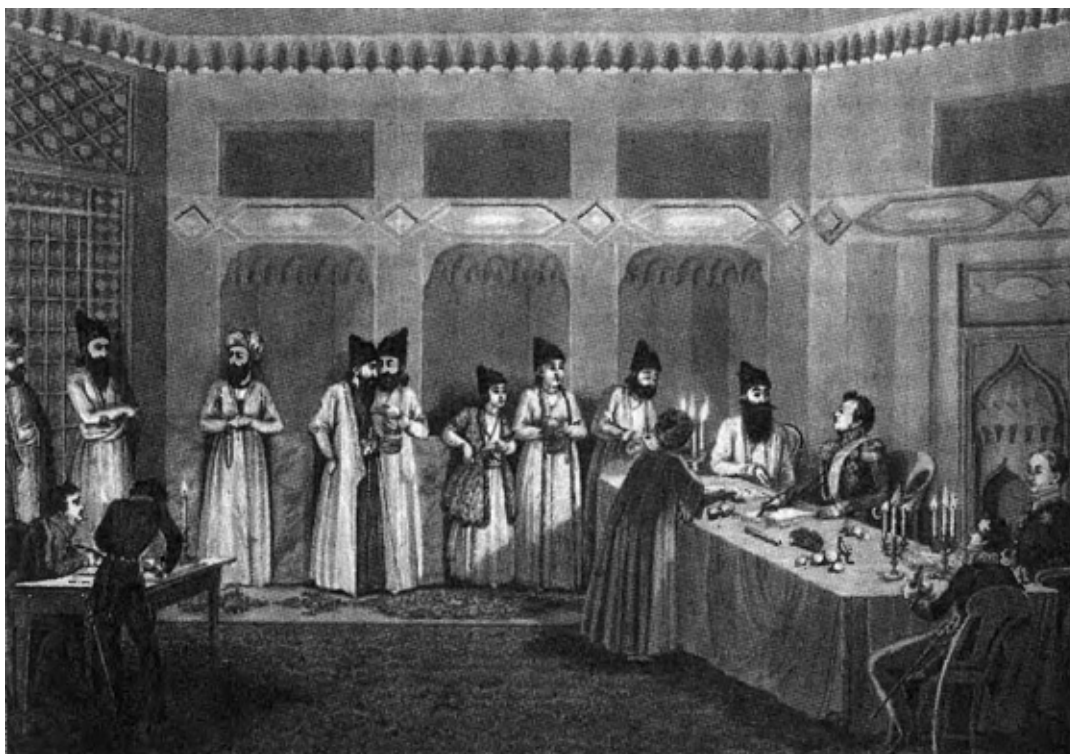
Когда казачьи разъезды проходили через вроде бы «мирные» курдские селения, им при всяком удобном случае стреляли там в спину. Или обстреливали с тыла сразу после того, как казаки оказывались за сельской околицей.

Казаков ожесточали не только предательские действия местных жителей — курдов, которые «постоянно» заявляли о своем миролюбии и дружественном отношении к русским военным. Те постоянно подвергали попавших в их руки пленных (обычно раненых) и тела убитых противников

самым жестоким истязаниям и надругательствам.

В кампании 1915 года большую известность для русских войск в Персии получил бой у курдского селения Софиан, происшедший 2 ноября. Собственно говоря, этот бой был, «как две капли воды», схож с подобными вооруженными столкновениями в горах Иранского Курдистана. Дело обстояло так.

Казачий разъезд хорунжего Николаева при следовании дорогой через селение Софиан был встречен местными курдами с белыми флагами и заверениями в том, что они против русских не воюют. Но сразу же за селением казаки подверглись нападению отряда конных курдов, в четыре раза превосходивших их по численности. Разъезду, занявшему возвышенное место, пришлось начать огневой бой с атакующими всадниками.

Подписание Туркманчайского мирного договора между Россией и Персией

Алмаз «Шах», преподнесенный правителем Персии Николаю I

Наср-Эд-Дин-шах

Наср-Эд-Дин-шах в Золотом зале своего дворца

Мозафареддин-шах

Амад-шах

Император Николай II

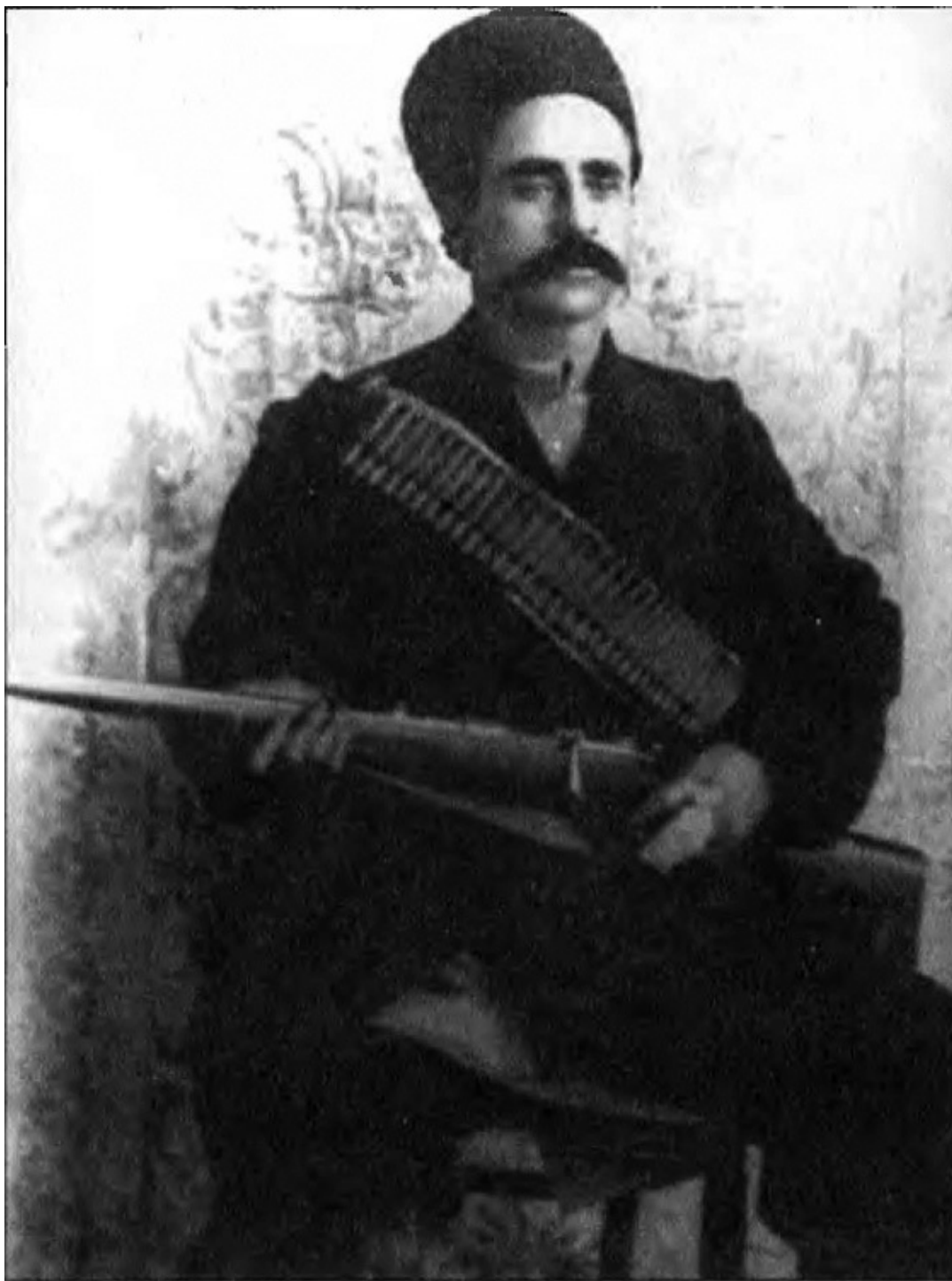
Наместник его императорского величества на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа генерал-адъютант граф И. И. Воронцов-Дашков

Генерал В.А. Косоговский, командир Персидской казачьей бригады

Тегризские повстанцы

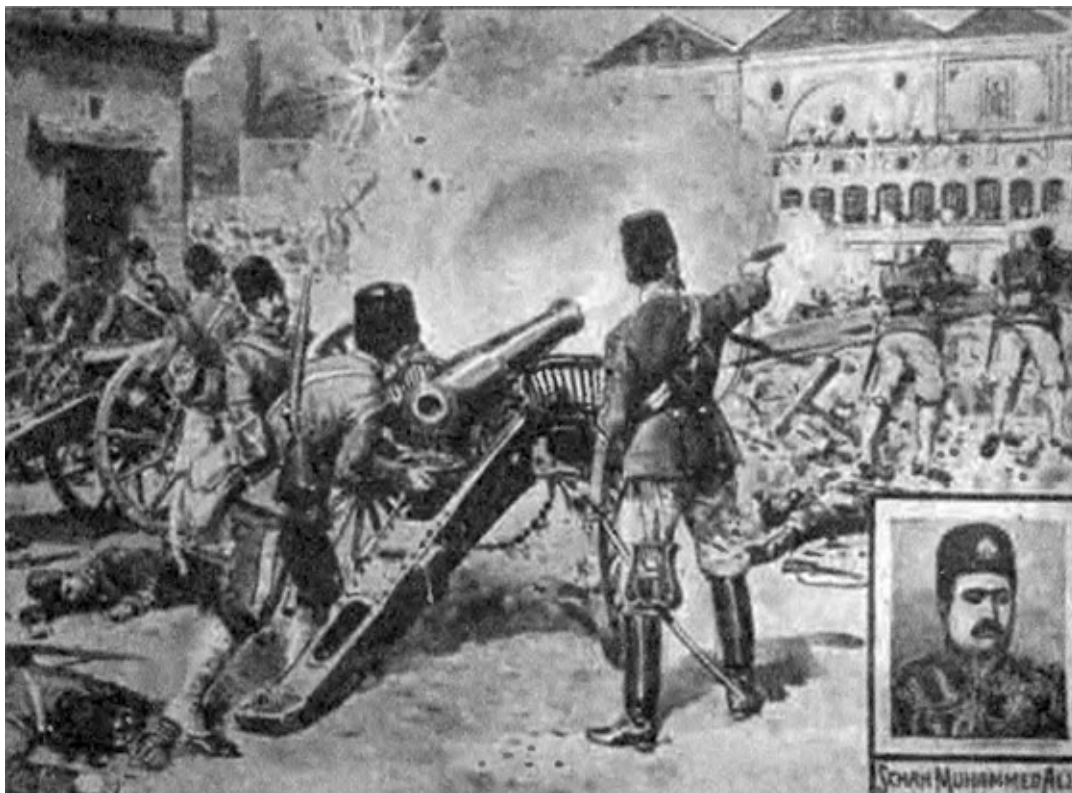
Сатар-хан

Повстанцы, соратники Сатар-хана

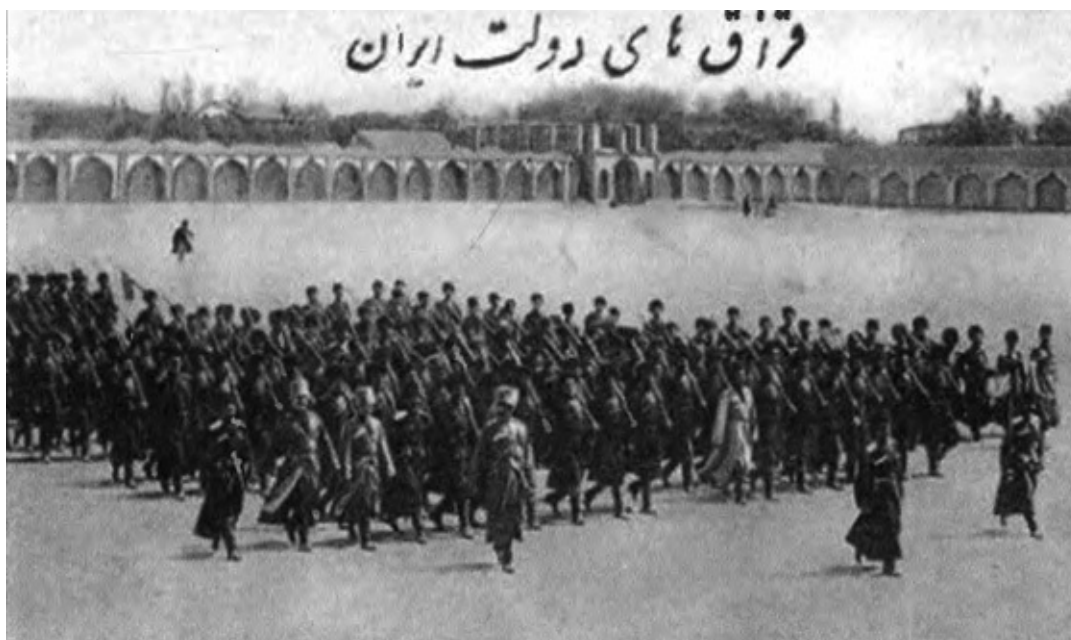
Генерал-лейтенант В. П. Ляхов

Расстрел Меджлиса. 24 июня 1908 г.

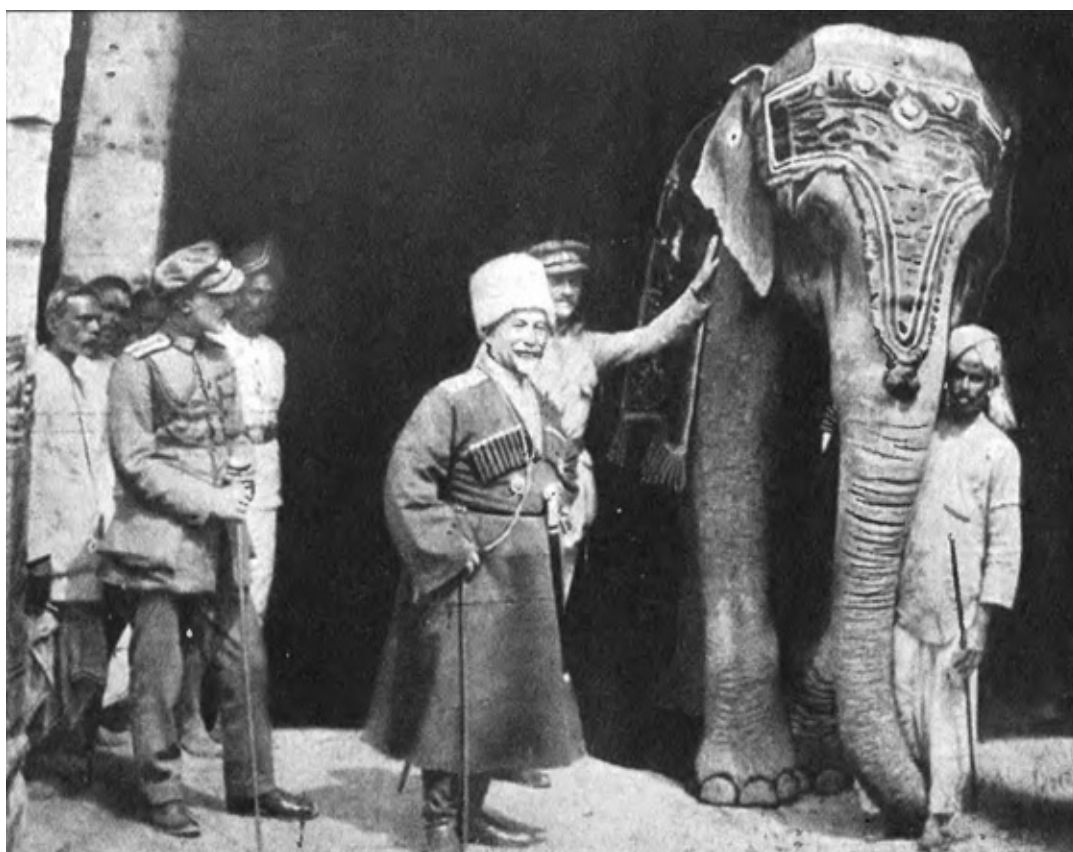
Ахмад-шах в 1909 году

Тегеран, парад казачьей бригады

Чины Персидской казачьей бригады

Генерал от кавалерии Н. Н. Баратов

Генерал от инфантерии Н. Н. Юденич

Участник Персидских походов А. Г. Шкуро

Терские казаки-артиллеристы

Ахмад-шах. Слева от него генерал Реза Пехлеви

Реза-шах вскоре после переворота

Когда началась схватка, разъезд сразу же был обстрелян в спину из близкого Софиана. Казаки оказались под перекрестным огнем. Среди них был убит урядник Степан Сапожников. Нападавшим конным и спешившимся курдам удалось отрезать казакам путь отступления к своим.

Перестрелка продолжалась два часа, в ходе которой казаки не позволили нападавшим приблизиться к себе. Курдские всадники, лихо подсакивая к возвышенности, на ломаном русском языке кричали, чтобы казаки сдавались в плен. Но в ответ им летели только пули.

Когда патроны стали заканчиваться, хорунжий Николаев повел разъезд на прорыв. Казаки, вскочив на коней, «ударил в шашки». Они вырвались из кольца окружения, недосчитавшись еще одного человека — Мирона Полоротова. Тела погибших казаки вынести из боя не смогли. В противном случае разъезду грозила гибель. Отстреливаясь на ходу от преследователей, хорунжий со своими подчиненными ушел к своему отряду.

Утром следующего дня с карательной целью на селения Софиан и Джалдиан (оттуда тоже с тыла велась стрельба по казачьему разъезду) выступили две сотни казаков с пулеметным взводом. Экспедицией командовал есаул Косяков. Но им уже готовилась хитроумная ловушка.

По дороге в Софиан были встречены пять курдов, шедших под белым флагом в город Ушнуэ. Они заверили казачьих офицеров в том, что вооруженные люди, участвовавшие во вчерашнем нападении, ушли из Софиана и Джалдиана на юг, в горы. Но когда казаки оказались перед селением Софиан, над которым тоже в большом числе развивались белые флаги, их с близкого расстояния встретила частая ружейная пальба. Сразу же начался обстрел и с тыла.

Курды отступили от Софиана только тогда, когда от огня казачьих винтовок и пулеметов потеряли несколько десятков человек. Казачьи сотни ворвались в селение Софиан, из которого жители бежали заблаговременно, «чувствуя за собой вину». На сельской окраине были найдены раздетые и страшно изуродованные тела Сапожникова и Полоротова.

Есаул Косяков и его помощник подъесаул Церельников повели казачьи сотни к селению Джалдиан. Здесь их поджидал многочисленный отряд курдов, укрепившийся на возвышенных местах. Вновь завязался огневой бой, который продолжался до наступления темноты.

Ворваться в Джалдиан казакам в тот день так и не удалось, и они стали отходить с поля боя. На обратном пути селение Софиан было предано огню вместе с запасами продовольствия и фуража его жителей. Тела двух погибших в предыдущий день казаков были взяты с собой. Товарищи похоронили их на чужой земле с воинскими почестями и по христианскому обряду.

Через несколько дней селение Джалдиан, жители которого бежали, было взято с боем, после жаркой перестрелки. Располагавшаяся рядом старинная крепость Калапасоо тоже была брошена курдами, которых

«загнали в горы, где их ожидала суровая зимовка». Впрочем, для кочевников, привыкших к шатрам и палаткам, такую зимовку суровой можно было назвать только с определенной натяжкой.

Большие запасы хлеба и фуража (сена), найденные в Джалдиане и Калапасоо, были сожжены. Вывезти все это возможностей не было. Захваченный трофейный скот пополнил отрядный провиант. Конфискация скота у кочевников являлась в ходе Первой мировой войны на Кавказском фронте одной из самых действенных мер наказания за диверсионную, разбойную деятельность в русских тылах.

Операции в Урмийском районе проводились не только против «немирных» курдских селений, но и по занятию городов на важнейших путях в горах, которые вели к близкой турецкой границе. Так, в середине ноября южнее озера Урмия силами сводного отряда был взят город Соудж-Булат.

Отряд состоял из двух казачьих сотен (по одной из 3-го Кубанского и 3-го Верхнеудинского), одной пешей роты 291-й армянской дружины, взвода 4-й конно-горной Кавказской батареи и искровой станции (радиостанции). То есть это был по своему составу типичный сводный отряд русских экспедиционных сил для действий в горной местности на северо-западе и западе Персии.

Заняв гарнизоном этот персидский город, отряд начал вести конными разъездами «интенсивную разведку», оттеснением курдских отрядов от русской коммуникационной линии, которая шла от железнодорожной станции Джульфа до Урмии и дальше на Миандоаб. Редкий день проходил без перестрелки с курдами с казачьими дозорами.

Русские отряды в остане Западный Азербайджан действовали в одном западном направлении, забираясь все дальше и дальше в горы Иранского Курдистана, все ближе к границе с Турцией. Сестра милосердия Кавказского фронта Христина Семина в своих мемуарах «Трагедия Русской армии Первой Великой войны 1914–1918 гг.» рассказывает о том, в каких условиях войска совершали переходы в горах:

«...Из Урмии мы ехали все время на запад, к горам, которые виделись вдали синей полосой. К ним поднималась постепенно и почти незаметно огромная равнина-степь без кустов и деревьев, но вся покрытая травой и цветами. Местами ее пересекали неглубокие овраги, по дну которых бежали весенние ручьи. Первая ночевка была прямо в степи. Когда солнце стало спускаться к горам, весь отряд остановился. Один из офицеров стоял на дороге и показывал, кому куда заезжать. И скоро все кругом оживилось. Выросли палатки; загорелись костры, и тысячи людских и конских ног

стали вытаптывать свежую, нетронутую степную траву... Пелена дыма скоро покрыла всю местность кругом, и вся она заполнилась сложным, но не громким шумом лагеря».

Действующие силы русского Азербайджанского отряда уходили все дальше и дальше в горы. За ними поспешали отрядные тылы, среди которых был и полевой лазарет. Сестра милосердия Христина Семина в своих мемуарах вспоминала о той походной жизни:

«Кругом горы! Мы все время поднимаемся. А впереди нас все горы и горы. Все покрыты дубовым лесом. Иногда ущелье совсем суживается, и тогда тропа подходит к самому краю пропасти над рекой, бурлящей где-то глубоко под нами... Жутко и посмотреть в пропасть... А каково сорваться в нее с нашей узкой тропы?.. Хорошо еще, что лошади не боятся этого обрыва...

Только через трое суток мы догнали штаб. Нам отвели место на биваке и сказали, что мы должны развернуться и быть готовыми к приему раненых. Мы здесь вышли уже на большое плоскогорье с перелесками и полянами, между которыми бежала речка. На одной из полян мы поставили палатки — нашу и для лазарета. Санитары и все наше хозяйство поместились на другой поляне, рядом. Главные войска ушли вперед, а со штабом остались несколько сотен казаков для охраны.

Мы поставили большую палатку, на двадцать пять человек, натянули холст на походные кровати, набили подушки сеном; развели марганец, борную кислоту для обмывания ран и стали ждать раненых. Их привезли на вьючных носилках. Потом привезли их еще. Потом привезли просто больных, а потом, наконец, и просто тифозных...

Мы у себя не задерживали ни раненых, ни больных. Перевяжем; накормим; отдохнут сутки, и отправляем дальше, в Урмию, в лазарет...»

Бои в горах давали много работы полемому лазарету, в котором служила сестра милосердия Христина Семина. Она описывает лазаретные будни так:

«...Сегодня у нас полная палата раненых казаков-забайкальцев. Таких спокойных и безразличных даже к своему ранению людей я за всю войну еще не видала. Что ни спросишь — все один ответ:

— Да! Подходяще!

— Видно, что ему тяжело лежать в такую жару раненому; весь потом обливается, не может сам повернуться; другой не может и пить попросить! Подойдешь, поправишь подушку, дашь пить...

— Что тяжело лежать-то? Жарко?

— Подходяще, сестрица. — Никогда не пожалуется, не застонет...

— Болит рана? — спрашиваю.

— Подходяще... — вот и весь ответ...»

В таком «заурмийском» положении Азербайджанский отряд генерал-майора Ф.Г. Чернозубова застала высадка в каспийском порту Энзели (Бендер-Энзели) русского экспедиционного корпуса для действий на территории Персии, где уже отгремели первые бои с турками и их союзниками в образе курдских племен иранского приграничья.

К тому времени в шахской нейтральной Персии вызрела военнополитическая ситуация, грозившая России новыми очагами войны на ее южных границах. И причиной тому являлись «заблаговременные» враждебные действия Берлина, Стамбула да и союзной им Вены. Австро-Венгерская империя династии Габсбургов тоже имела «свои виды на Ближнем Востоке», не говоря о том, что она воевала с империей династии Романовых.

Германия и Турция с началом второй военной кампании Великой войны, то есть с начала 1915 года, стали делать все от них возможное, чтобы столкнуть шахскую Персию с позиции нейтрального государства. Об этом ярко пишет в своей книге «Великий князь Николай Николаевич» генерал-лейтенант старой русской армии Юрий Никифорович Данилов.

В годы мировой войны он был и генерал-квартирмейстером Ставки Верховного главнокомандующего, и командиром армейского корпуса, и начальником штаба Северного фронта, и командующим 5-й армией этого фронта. Затем служил в Красной Армии, руководил группой военных экспертов при подписании сепаратного Брест-Литовского мира. С августа 1920 года — в стане Белого дела. Стал белоэмигрантом, закончившим свой жизненный путь в Париже.

Генштабист Ю.Н. Данилов был известен в среде русского генералитета своими стратегическими воззрениями, мотивированным пониманием стратегической ситуации, в том числе на Кавказе и Ближнем Востоке. То есть в этих вопросах он являлся признанным авторитетом, и с его суждениями в наши дни трудно не соглашаться.

В своей книге, впервые увидевшей свет в Париже в 1930 году, Данилов так оценивает ситуацию, сложившуюся в зоне ответственности Отдельной Кавказской армии после страшного по людским и моральным потерям поражения турецких войск под Сарыкамышем и Ардаганом:

«...Турки после наступательной операции, проведенной ими в конце 1914 г. в Закавказье, которая закончилась для них полным разгромом под Сарыкамышем и Ардаганом, держали себя на кавказско-турецком фронте выжидательно. Небольшие операции проходили только в Месопотамии и

на территории Северной Персии, остававшейся нейтральной.

Однако Германия задалась в этот период времени уже широкой целью при помощи Турции вовлечь в войну не только Персию, но и Афганистан. В дальнейшем ей рисовалось образование союза из магометанских государств и объявление ими „священной войны“ под руководством Берлина, принявшего на себя роль покровителя ислама.

Утверждение немецкого влияния в Персии и Афганистане представляло для России огромную опасность ввиду слабости тех сил, которые Россия могла уделить для востока. Но не меньшие опасности заключались в этом стремлении и для Англии.

Удар со стороны Афганистана или Персии по Индии являлся вполне возможным, и это обстоятельство не только в высокой степени осложняло положение Англии, но и затрудняло переброску индусских контингентов в Европу или привлечение их к обороне Египта, по территории которого пролегал важный для благополучия не только Англии, но и Франции Суэцкий канал.

Сверх того, успев проникнуть через Афганистан на территорию Китая, германские агенты получили бы возможность организации всякого рода беспорядков в глубоких тылах как России, так и Англии...»

Обстановка в нейтральной Персии стала накаляться не в лучшую для Антанты, и для России — в частности, сторону с лета 1915 года. Все началось с того, что «поднятые на ноги враждебными слухами» российские граждане, в своем большинстве этнические закавказцы со знанием местных языков, стали стекаться в город Казвин под защиту стоявшего там русского воинского отряда.

Казвин находился в сотне с небольшим верст от побережья Каспийского моря, на дороге из Тегерана в Тебриз и дальше в российские пределы. Город вполне мог в конфликтной ситуации стать притягательным для Персидской казачьей бригады, которую в тех условиях нельзя было спровоцировать на антиправительственные выступления, и тогда она становилась гарантом общественной безопасности. В силу этих известных причин город Казвин к концу лета оказался переполнен толпами беженцев. Среди них далеко не все были гражданами России.

Это были чиновники и торговцы, служащие различных российских учреждений с семьями, духовные миссионеры. Они покидали столичный Тегеран, города Тебриз, Исфахан, Кум, Хамадан, железнодорожные станции, портовые города на Каспии... Российскоподданные были напуганы всполохами религиозной нетерпимости в стране и враждой к русским, слухами о погромах, столь частых в этом регионе Азии и

совершаемых «ослепленными ненавистью мусульманскими фанатиками».

Слухи о кровавых погромах не являлись чем-то надуманным и ложным. С апреля 1915 года на территории Западной Армении турками началась ожесточенная резня христианского населения, прежде всего армян. Тогда больше всего пострадал Ванский район. При этом германские советники султанской армии оказались «не в стороне» от действий военных людей, им подчиненных.

Беженцев тревожило и то, что персидская сторона спустила российские флаги над консульскими миссиями в Кянгевере (здесь покушались на жизнь консулов России и Англии), Керманшахе, Урмии и в ряде других мест. Более того, толпы «возбужденной черни» занимались «поруганием флага державы». В Исфахане неизвестными террористами был убит российский вице-консул Кавера.

Факт «трудов» германской и турецкой агентуры здесь виделся налицо, поскольку все эти случаи имели прямую направленность против России, воюющей на Кавказе, и ее союзницы по Антанте, Англии. Тоже воевавшей на Ближнем Востоке, в южной части Месопотамии и в Египте с Палестиной.

Нельзя сказать, что такие события в Персии летом 1915 года не беспокоили Петрограда и Лондона. Там понимали, что надо использовать все возможное для нейтрализации германо-турецкого влияния на правительство в пока нейтральной Персии. Ибо в противном случае эта страна могла в Великой войне оказаться на стороне Берлина и Стамбула.

Обстановка накалилась до такой степени, что вскоре дело дошло до открытых вооруженных столкновений. Начала их враждебная России сторона. В начале осени большой отряд персидской жандармерии, которым командовал шведский майор Чальстрем, напал по дороге из Тегерана в Хамадан на русскую миссию барона Черкасова, консула в Керманшахе (город в Иранском Курдистане). Она следовала в этот город с обозом (имущество миссии и ее сотрудников, продовольствие) на основании российско-персидской договоренности о водворении ее по месту службы. Российские дипломаты возвращались в Керманшах, откуда летом их изгнали религиозные фанатики.

Охранявшие караван миссии триста с лишним шахских казаков после короткого боя с жандармами частью рассеялись, то есть бежали, а частью сложили оружие и сдались в плен нападавшим. Барон Черкасов со своими сотрудниками был вынужден спешно возвратиться в Хамадан. Вскоре он вернется в этот город вместе с полком казаков-кубанцев из экспедиционного корпуса и будет исполнять свои консульские обязанности.

Ситуацию внутри и вокруг Персии решили «выправить немалой суммой в английских фунтах стерлингов и золотых русских рублях». Великобритания и Россия официально «заявили о намерениях оказать Тегерану значительную финансовую помощь, сначала в виде единовременных авансов, а затем ежемесячными субсидиями, начиная с 8 сентября 1915 года».

Заявления о такой финансовой помощи подействовали на персидские правящие круги, на шахский двор. Но каким образом? Шах по мотивам личных взаимоотношений уволил церемониймейстера двора Эхтесаболь-Молька, человека влиятельного и хорошо осведомленного. Тот по спорным по сей день побуждениям (не только из чувства мести) довел до сведения посланников России и Британии подробности двуличной игры главы правительства Мустоуфи-эль-Мемалека.

И фон Эттер, и Чарлз Марлинг поняли, что глава Кабинета министров делает все от него возможное, чтобы дать германцам и туркам выигрыш во времени. Для первых — закончить формирование отрядов своих сторонников в самой Персии. Для вторых — перебросить из Месопотамии в Персию регулярные войска. И тогда два союзных по Антанте государства в противодействии таким замыслам оказались бы застигнутыми врасплох.

Теперь фон Эттер и Марлин имели полное право потребовать объяснений, что они и незамедлительно сделали. Министрам Мустоуфи-эль-Мемалека пришлось оправдываться и пытаться убедить посланников России и Англии в том, что они здесь ни при чем. Что якобы в иранском Курдистане, в Керманшахе мятеж против шахской власти подняли расквартированные здесь отряды жандармерии во главе со шведскими, немецкими и турецкими офицерами. И что жандармов поддерживали вооруженные отряды «борцов за веру» — муджахидов.

Министры доказывали, что против мятежников уже посылались отряды шахских казаков, но все безуспешно. Они или разбегались в начале боевых столкновений. Или, как правоверные мусульмане, «садились в бест», то есть укрывались от преследователей, тоже правоверных мусульман, в святых местах — мечетях, мавзолеях. А в святых местах оружие не обнажалось.

Члены правящего кабинета говорили фон Эттеру и Чарлзу Марлингу слова вполне правдоподобные, но дипломаты имели совсем иную достоверную информацию. И не только высказанную им бывшим церемониймейстером шахского двора, но и полученную ими по другим каналам.

Само собой разумеется, что посланники сразу же доложили о

признаниях Эхтесаболь-Молька в Лондон и Петроград. Реакция оттуда не заставила себя ждать. Министры иностранных дел Великобритании и России Эдуард Грей и Сергей Сазонов выступили с резкими официальными заявлениями, которые сразу же стали известны властным структурам шахской Персии.

Их суть сводилась к тому, что заключенный тегеранским кабинетом тайный союз с противниками Антанты развязывает ее державам руки в отношении нейтральной Персии, вплоть до оккупации ее своими войсками и последующего раздела страны. О разделе персидской территории на зоны влияния речь уже не шла.

В условиях идущей Великой войны это были не пустые слова: Антанта не могла допустить того, чтобы Персия оказалась на стороне кайзеровской Германии и султанской Турции. Тогда большая война пришла бы на границы российского Туркестана и британской Индии и свою роль в ней мог бы сказать «мусульманский фактор Востока».

Угрозы, которые прозвучали в адрес Персии из уст глав МИДов двух держав Антанты, заставили официальный Тегеран предпринять ряд шагов в «обратном направлении». Но таких шагов от правительства Мустоуфи-эль-Мемалека в Берлине и Стамбуле вряд ли могли ожидать. Персидскую столицу пришлось покинуть германскому послу принцу Генриху Рейсскому с его дипломатическим аппаратом, а также послам Австро-Венгерской империи и Турции. Из Тегерана пришлось уехать и наиболее одиозным сторонникам персидского-германского сближения.

Изменилось и «лицо» шахского Кабинета министров. В его состав были введены три сторонника сближения Персии с Россией и Англией, то есть с воюющей Антантой. Это были престарелый принц Сапехдар (или Сепехдар), получивший портфель военного министра, представитель Каджарской династии Ферман-Ферма, ставший министром внутренних дел. То есть эти два человека возглавили силовые структуры нейтральной страны. Третий русофил и англофил стал министром без портфеля.

Пока шли эти перестановки и уменьшалось количество дипломатов, аккредитованных в Тегеране, противники Антанты на персидской территории не теряли времени даром. То есть за какие-то считанные дни внутривосточная обстановка в стране накалилась до предела, когда могли вспыхнуть боевые столкновения в жизненно важных центрах Персии.

В непосредственную близость от столицы стали сходить немалые числом вооруженные отряды кочевых племен, в первую очередь воинственных бахтиаров, обитавших западнее Исфахана. Кочевники

«подбадривали друг друга» призывами истребить русскую казачью бригаду, стоявшую в Казвине. Съехавшиеся туда беглецы из различных городов страны являли собой богатую военную добычу, взятие которой всегда являлось «делом жизни» кочевых племен, где каждый дееспособный мужчина имел оружие и коня.

Вокруг города Хамадана и на перевале Султанбулаг полным ходом началось возведение различных оборонительных сооружений. Полевыми фортификационными работами руководили опытные немецкие и турецкие офицеры. Такое строительство всегда требовало больших средств и много рабочих рук, но в данном случае деньги были.

В священном для мусульман-шиитов городе Кум (к югу от Тегерана) с легкой руки графа Каница было создано два прогерманских комитета. Один — «национальной обороны», другой — «защиты ислама». И тот, и другой комитеты выпускали воззвания с призывом к правоверным взяться за оружие.

Глава персидского правительства Мустоуфи-эль-Мемалек, внешняя политика которого отличалась известным двуличием, в стороне от этих событий не был. Он стал настойчиво уговаривать правителя юного Султан-Ахмед-шаха покинуть столицу и перебраться в священный Кум. Появление там шаха могло консолидировать силы, которые выступали против держав Антанты.

В своей книге «Персидский фронт. 1915–1918» свидетель тех событий А.Г. Емельянов так описывал возможный сценарий последующих событий. С прибытием шаха в город Кум ожидалось объявление антирусского джихада, то есть священной войны против России. После этого по всей стране начались бы истребление иноверцев (не только российскоподданных) и грабеж их имущества, нападения на русские казачьи отряды, инциденты на государственной границе и тому подобное.

Фигура шаха могла стать действительно «козырной» в том противостоянии, учитывая значимость восточного монарха из династии Каджаров в умах большинства его верноподданных, прежде всего этнических персов. Белоэмигрант Ю.Н. Данилов так описывал ту ситуацию вокруг юного Султан-Ахмед-шаха:

«...Угроза беззащитному Тегерану заставила германцев подумать об оставлении этого пункта. Новым центром для продолжения из него своей агитационной деятельности был избран германцами г. Исфahan.

Германский посланник принц Генрих XXXI Рейсский употреблял все усилия, чтобы настоять на переезде в этот пункт шаха, дабы не потерять над ним своего влияния. Шах колебался, учитывая значение русских побед.

Чтобы склонить повелителя Персии на сторону немцев, император Вильгельм особой телеграммой предлагал обеспечить шаху при всяких условиях убежище и обеспеченные средства к жизни. Но телеграмма эта пришла уже тогда, когда немцы фактически покинули город (Тегеран. — А.Ш.) и ушли на юг. Шах остался в районе столицы.

Таким образом, благодаря наступлению русских войск под начальством генерала Баратова авторитет германцев (в Персии. — А.Ш.) был сильно поколеблен...»

Если бы события в нейтральной, но крайне неустойчивой внутри Персии развернулись таким образом, то, вне всякого сомнения, страна могла быть автоматически втянутой в Первую мировую войну на стороне Германии и Турции. Такой прогноз развития событий по сценарию графа Каница и принца Генриха Рейсского, однако, не оправдался. Да и не мог оправдаться: в Берлине и Стамбуле «востоковеды» и «специалисты по Персии» явно преувеличивали свои возможности и способности.

В российском Министерстве иностранных дел с началом Великой войны сочли, что единственным выходом из создавшегося положения — то есть реалий появления враждебного Персидского фронта — может быть только посылка войск в шахские владения. То есть речь шла о применении открытой силы. Глава МИДа С.Д. Сазонов полагал, что достаточная численность экспедиционных войск была около 10 тысяч человек.

Необходимость решения такой проблемы министр иностранных дел поставил перед Ставкой Верховного главнокомандующего и штабом Отдельной Кавказской армии, то есть перед генералом от инфантерии Н.Н. Юденичем. По мнению Сазонова, главные силы экспедиционных войск должны были разместиться под Тегераном.

Ставка, в свою очередь, посчитала, что успокоение северной части Персии (зоны российского влияния) невозможно без «ареста главнейших агитаторов, не исключая германских и турецких дипломатических представителей». Был поставлен вопрос о пресечении вооруженной рукой караванной доставки оружия из сопредельной Турции, то есть из ее Месопотамии. Ставка предлагала выдвигать войска в виде походных колонн с одновременным установлением контроля («быстрого наблюдения») на заранее определенных территориях.

Для того чтобы обеспечить спокойствие в той части Персии, которая прилежала к Туркестану, Хорасанский отряд полковника Гущина усиливался вдвое. Теперь он состоял из 1-го и 2-го Семиреченских казачьих полков при 4 пулеметах (всего 1000 человек).

Семиреченские казаки, имевшие на своем счету захват нескольких

караванов с оружием и боеприпасами, надежно прикрыли в Хорасане пустынную границу с Афганистаном.

У германцев и турок в этом северо-восточном остане Персии, самом огромном по территории, так и не нашлось надежных пособников, готовых взяться за оружие. Так что Хорасан в годы Первой мировой войны оказался одной из самых спокойных персидских провинций. И это несмотря на то что здесь проживали немало кочевых и полукочевых племен, имевших в достатке оружие для мужской половины.

Речь шла о племенах пуштунов (афганцев), джемшидов, теймуров, караях, хазарейцев, белуджей, гоударей. Почти все они имели соплеменников в соседнем Афганистане. То есть если бы эти племена в персидском Хорасане взяли за оружие против русских экспедиционных войск, то их выступление, вне всякого сомнения, имело бы отклик в соседней стране. Однако этого вопреки желаниям в далеких Берлине и Стамбуле так и не случилось.

Англичане, в свою очередь, ввели войска в Систан, заселенный преимущественно кочевниками-белуджами. Так была создана достаточно эффективная завеса от Каспия до Оманского залива против проникновения в Афганистан и Белуджистан германской и турецкой агентуры и доставки туда оружия. Более того, эта мера внесла известное успокоение в восточной, приграничной части Персии.

Вопрос о посылке в Персию значительных экспедиционных сил решался сложно. Отдельная Кавказская армия, немалая часть войск которой была отправлена на европейский Восточный фронт, в это время вела тяжелые бои на Алашкертском направлении. Резервов она почти не имела, равно как и достаточных запас патронов и снарядов (часть их запасов была отправлена с Кавказа), провианта и военного имущества.

Поэтому новый царский наместник в Тифлисе, он же главнокомандующий Отдельной Кавказской армией великий князь Николай Николаевич-младший (бывший Верховный главнокомандующий России) доносил в Могилевскую Ставку о том, что не в состоянии выделить в Персию 10-тысячный отряд, о необходимости которого говорил глава российского МИДа.

Но именно с прибытием великого князя в Тифлис штаб Кавказской армии вплотную начал разработку «секретной операции» по вводу в Персию экспедиционного кавалерийского корпуса. Николай Николаевич-младший, поддержавший предложение главы МИДа России, в телеграфных переговорах убедил Ставку в необходимости проведения операции без промедления.

Однако предложение министра иностранных дел Сазонова великий князь Николай Николаевич-младший и командующий Отдельной Кавказской армией генерал от инфантерии Н.Н. Юденич отклонили. Во-первых, это был пассивный вариант действий. Во-вторых, в военном отношении ошибочный, то есть он не решал стратегической задачи «секретной Персидской экспедиции».

И, наконец, в-третьих, размещение 10-тысячного корпуса в Тегеране для контроля за обстановкой в персидской столице не давало контроля над самой страной. В первую очередь в областях сосредоточения прогерманских сил и границы Персии с Турцией. То есть речь шла о западных, приграничных провинциях, в том числе о горном Иранском Курдистане.

Великий князь и Юденич предложили Ставке Верховного главнокомандующего иной, свой план. Суть его состояла в следующем: с высадкой на каспийском берегу Каспия (в порту Энзели) экспедиционных войск предъявить шахскому правительству ультиматум об удалении с территории страны всей агентуры вражеских Антанте держав.

Одновременно экспедиционные войска составляли две сильные походные колонны на Хамаданском и Керманшахском направлениях. Тем самым прерывалось сообщение вражеской агентуры внутри страны с соседней Турцией. То есть прогерманские вооруженные отряды (жандармерия и конные племенные ополчения) лишались возможности получить поддержку извне.

В случае открытого вооруженного противодействия экспедиционным силам предусматривалось ведение активных действий против вражеских сил. То есть уничтожение прогерманских отрядов и действия по их интернированию (если это были турецкие и иные иностранные формирования на территории Персии).

В итоге с высочайшего волеизъявления нового Верховного главнокомандующего полковника Николая II Романова посылка экспедиционных войск стала делом решенным. Сила экспедиционного корпуса определялась в 2 пехотных батальона, 2 дружины государственного ополчения, 39 казачьих сотен и кавалерийских эскадронов при 20 конных и горных орудиях. Первоначальная численность корпуса составляла всего 8 тысяч человек.

Основу Кавказского экспедиционного корпуса кавалерийского (переименованного затем просто в Кавказский кавалерийский корпус) генерала от кавалерии Н.Н. Баратова в 1915–1918 годах составляла кавказская казачья конница. Она была хорошо приспособлена для действий

в горной и пустынной местности, способна совершать в любое время года марш-броски, обладала высокими морально-боевыми качествами, отличалась в самую лучшую сторону своей организацией и высоким уровнем воинской дисциплины.

Была и другая веская причина того, что основу экспедиционных войск в Персии составила именно казачья иррегулярная конница. На обширном театре предстоящих военных действий, где хороших дорог было крайне мало, а расстояния огромны, жизнь воина зачастую зависела от его коня.

Первоначально состав Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса, организационно вошедшего в состав Отдельной Кавказской армии, был на 1 декабря 1915 года таков:

- 1-я Кавказская казачья дивизия (4 полка, 24 сотни);
- 2-я Кубанская и 1-я Терская казачьи батареи (12 конных орудий);
- взвод 2-й отдельной Кавказской мортирной батареи (2 гаубицы);
- 47-я саперная полурота с командой подрывников;
- 235-я Симбирская и 561-я Саратовская дружины Государственного ополчения;
- автомобильная команда.

1-я Кавказская казачья дивизия (командующий дивизией — генерал-майор Эрнест Раддац, командиры 1-й и 2-й бригад — полковники Александр Перепеловский и Николай Федюшкин) состояла на 1 декабря 1916 года из следующих четырех первоочередных полков:

Кубанского казачьего войска 1-й Запорожский Императрицы Екатерины Великой полк (6 сотен).

Кубанского казачьего войска 1-й Кубанский Генерал-Фельдмаршала Великого князя Михаила Николаевича полк (6 сотен).

(Полк особо отличился в ожесточенных боях за Сарыкамыш. Его казаки и офицеры за проявленную доблесть были представлены к почетному Георгиевскому шитью на мундиры. За отличия в октябрьских боях 1914 года полк был представлен к другой коллективной награде, существовавшей в старой русской армии, — Георгиевской ленте 1-й степени на полковое знамя.)

Кубанского казачьего войска 1-й Уманский Бригадира Головатого полк (6 сотен).

Терского казачьего войска 1-й Горско-Моздокский генерала Круковского полк (6 сотен).

1-й Кавказский казачий конно-артиллерийский дивизион (2-я Кубанская и 1-я Терская батареи), всего 12 конных орудий.

Дивизия имела две штатные казачьи команды — конно-пулеметную и

конно-саперную, которые замыкались на дивизионный штаб.

В состав Кавказского кавалерийского корпуса с самого начала операции в Персии был включен Казвинский отряд, достаточно сильный по своему составу. Более того, в городе Казвине, древней столице династии Сефевидов, разместился корпусной штаб. В этот отряд входили:

— 4-й Кавказский пограничный полк (два батальона, 4 пулемета). Полк был составлен по случаю войны из пеших пограничных стражников преимущественно Закавказья.

— Сводно-Кубанская казачья дивизия (4 полка, 14 сотен).

— 1-я Туркестанская батарея (4 легких орудия).

— Одна конная сотня (Кавказской) пограничной стражи.

— Взвод 41-й ополченческой батареи (2 легких орудия).

— Взвод телефонистов и телеграфистов.

Сводно-Кубанская (затем 3-я Кубанская) казачья дивизия состояла из четырех полков, названия которых говорили о местах их формирования. В основу создания такой «сводной» дивизии было положено объединение в полноценные полки особых (ополченческих) конных сотен кубанского казачества непризывных возрастов. То есть это были добровольческие казачьи сотни. В состав дивизии (другой подобной в русской армии в годы Первой мировой войны не было) входили:

1-й Адагумо-Азовский сводно-кубанский казачий полк.

2-й Екатеринославский сводно-кубанский казачий полк.

3-й Ейский сводно-кубанский казачий полк.

4-й Ставропольский сводно-кубанский казачий полк.

В документах и литературе эти полки часто называются под своими номерами просто сводно-кубанскими полками. Но в действительности они были именными, как все полки Кубанского и Терского казачьих войск на начало XX века.

Сформирование такой добровольческой казачьей дивизии имело огромный моральный, патриотический резонанс. Поэтому не случайным стало то, что высочайшим указом государя императора Николая II полкам пожаловали не «новодельные» знамена, а старые, исторические, овеянные боевой славой Кавказского казачества во многих войнах, в том числе не в одной русско-турецкой.

На 1 декабря 1915 года Кавказский экспедиционный кавалерийский корпус (вместе с Казвинским отрядом) имел по списочному составу: генералов — 5, штаб-офицеров (старших офицеров) — 29, обер-офицеров (младших офицеров) — 261, строевых нижних чинов — 12 600, нестроевых нижних чинов — 980. Всего по списку, то есть на бумаге, — 13

875 человек, из них 295 офицеров и генералов.

Штаб и управление русского экспедиционного корпуса на территории нейтральной Персии были сформированы в Сарыкамыше с «пропиской» в прикаспийском городе Энзели. Основанием для этого стал приказ по Отдельной Кавказской армии от 24 октября 1915 года за № 9817. Приказ был подписан ее главнокомандующим, генерал-адъютантом, великим князем Николаем Николаевичем-младшим, царским наместником на Кавказе.

В действительности численность личного состава экспедиционных войск на ту дату была несколько меньшей, если учитывать раненых и контуженных, госпитализированных больных (которых в силу климата Персии становилось все больше) и откомандированных по разным причинам людей.

Поскольку главной тактической единицей баратовского корпуса являлся полк казачьей конницы, то следует уточнить его силу по штатам военного времени. Казачий полковник Ф.И. Елисеев так описал штат казачьего полка в Великой войне на Кавказе:

«Сила такого полка исчислялась в 1000 казаков и чуть более 1000 лошадей, включая обозы 1-го и 2-го разрядов. В мирное время каждая сотня имела в строю 120 казаков, а на время войны — 135. Ее составляли: вахмистры — 1; взводные урядники — 4; младшие урядники — 8; сотенные трубачи — 1; сотенные фельдшеры — 1; строевые казаки — 1.

Итого — 135.

А всего в шести сотнях — 810.

Кроме того, в каждом полку были следующие команды: трубаческая, команда связи, обозная, писарская, чины полкового околотка — медицинского и ветеринарного, полковые кузнецы, полковой каптенармус. В них числились около 100 казаков разных званий и рангов.

В полках было около 25 офицеров, 2–3 врача, 2–3 военных чиновника, полковой священник. Каждому из них по закону полагались один конный вестовой и один денщик. Итого, одних вестовых и денщиков свыше 60 казаков.

Каждая дивизия имела пулеметную (8 пулеметов) и конно-саперную команды, которые формировались казаками из всех четырех полков дивизии.

Писари, конные вестовые и денщики для всех офицеров и чиновников штаба дивизии набирались также из полков.

По закону, изданному с начала войны, семьи офицеров могли также иметь при себе денщика из полка. Кроме тех казаков, которые полагались

по штату штабу дивизии, все остальные числились по спискам полка и составляли на полк около 1000 казаков».

Особенностью первоначальных боевых действий Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса на территории сопредельного государства виделось три обстоятельства. Они определяли «лицо» вероятного противника.

Во-первых, открытых столкновений с шахской армией не предвиделось. Султан-Ахмед-шах и его правительство в той ситуации на военный конфликт с Россией и Антантой пойти не могли. В противном случае это стало бы быстрой военной катастрофой для Персии.

Во-вторых, прогерманские и протурецкие силы, значительные по численности, имели в своей основе иррегулярность. Если, разумеется, не считать отряды персидской жандармерии, обученные шведскими инструкторами на европейский лад.

И в-третьих, противостояние с турецкой армией могло начаться только после того, как русские экспедиционные силы вышли к границе Персии с турецкими Западной (Горной) Арменией и Месопотамией (современным Ираком).

Здесь следует отметить следующее. О численности германо-турецких вооруженных отрядов в Персии на конец 1915 года в источниках приводятся довольно противоречивые сведения. Но в любом случае экспедиционный корпус уступал им и в числе сабель, и в числе штыков. Имел он превосходство только в полевой артиллерии.

То есть, по сути дела, экспедиционный корпус был конным корпусом. Это давало ему большую маневренность в стране, в которой отсутствовали железные дороги, если не считать той, что связывала Россию от станции Джульфа со столицей Южного Азербайджана, городом Тавризом и Шерифкале на берегу озера Урмия. Зато древних караванных дорог для вьючного транспорта здесь было много, в том числе и в горных районах.

Формирование экспедиционного корпуса для действий в нейтральной Персии началось в начале октября 1915 года. Этим делом занимались лично генерал от инфантерии Николай Николаевич Юденич и штаб Отдельной Кавказской армии.

Прибывший из Тегерана в Тифлис первый секретарь российской миссии доложил наместнику в присутствии начальника армейского штаба генерал-майора Л.М. Болховитинова о положении дел в Персии. Великий князь Романов приказал посланцу из персидской столицы передать посланнику фон Эттеру следующее:

«Уже собран отряд из отличнейших воинских частей, снабженный

всем необходимым. Этим экспедиционным корпусом будет командовать генерал, недавно отличившийся на турецком фронте, хорошо знакомый с восточными народностями, умеющий с ними обходиться.

Войска немедленно начнут грузиться в Бакинском порту. Из Энзели они будут двинуты в Казвин, в 140 километрах от Тегерана, где и будет находиться ставка командира экспедиционного корпуса».

Собственно говоря, это были начальные действия отправляемого в Персию кавалерийского корпуса. Войска перебрасывались кратчайшим и скорейшим путем — морем, по Каспию. Энзелийский порт был способен одновременно принять немало транспортных (десантных) судов под разгрузку. Морским же путем можно было беспрепятственно и быстро осуществлять снабжение экспедиционных войск.

Вопрос о переброске войск по суше, по короткой железной дороге и походным порядком, не стоял, хотя и рассматривался.

Встал вопрос о командующем формирующемся экспедиционном корпусе. Успех предстоящей операции по ту сторону границы России с Персией во многом зависел от удачного, верного выбора кандидатуры такого человека в генеральских эполетах. Здесь великий князь Николай Николаевич-младший и Юденич были полностью солидарны во мнении, что «тут нужен генерал популярный и решительный, боевой и дипломат, знающий Восток и кавалерист».

То есть речь со всей вероятностью шла о военачальнике из состава Кавказских казачьих войск. После обсуждения ряда кандидатур во главе экспедиционного корпуса был поставлен генерал-лейтенант Николай Николаевич Баратов, начальник 1-й Кавказской казачьей дивизии, который лучше всего отвечал вышеизложенным требованиям.

Он вел свою родословную от грузинских князей Бараташвили, будучи сыном сотника-дворянина Терского казачьего войска. За его плечами была учеба во 2-м военном Константиновском и Николаевском инженерном училищах, Академии Генерального штаба, которую он закончил в 26 лет в 1891 году.

Баратов имел прекрасный боевой послужной список. Полковником участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов, командуя 1-м Сунженско-Владикавказским полком Терского казачьего войска. На его счету были лихие конные рейды по неприятельским тылам в составе сводной группы генерала П.И. Мищенко. За боевые отличия получил производство в генерал-майоры Генерального штаба.

С 1907 года Н.Н. Баратов служил начальником штаба 2-го Кавказского армейского корпуса. В первую кампанию Великой войны, в 1914 году

получил под свое командование первоочередную 1-ю Кавказскую казачью дивизию. Ее полки отличились в Сарыкамышской операции, в которой полному разгрому подверглась 3-я турецкая армия, во главе которой стоял султанский военный министр мушир Энвер-паша.

Новым отличием генерала-генштабиста стала Алашкертская операция лета 1915 года. Тогда Баратов возглавил сводный отряд, которому была поставлена задача ликвидировать угрозу прорыва турецкого 4-го армейского корпуса в тыл главной (Карской) группировке сил Отдельной Кавказской армии. Баратовский отряд не только восстановил, казалось бы, безнадежно утраченное положение на угрожаемом участке фронта, но и нанес неприятелю серьезный урон.

В Баратове как в военачальнике подкупали не только его решительность и расчетливость в действиях. Он был способным кавалерийским генералом, полагавшимся на скрытность маневра и внезапность удара. На войне был удачлив, заботился о подчиненных ему людях, был прост в общении с ними.

Это дало ему большую популярность в кавказских войсках, прежде всего в казачестве. Не случайно казаки Терека и Кубани полюбили новую фронтовую песню неизвестного для них автора, в которой были и такие незамысловатые слова:

*«Наги Баратов бодр и весел,
Всех к победе он ведет.
Что ж, казак, ты нос повесил?
Веселей гляди вперед!»*

В выборе начальника «секретной Персидской экспедиции» современников поражала одна деталь. Считалось, что великий князь Николай Николаевич-младший должен был относиться к генералу Баратову не самым благожелательным образом из-за одного, известного многим случая. Он касался малозначительного, но весьма красноречивого эпизода общения двух людей, которые на протяжении трех военных кампаний будут «заниматься» Персией. Об этом подробно рассказал в своей берлинской книге А.Г. Емельянов.

Случай состоял в следующем. Прибыв в 1915 году на Кавказ, бывший Верховный главнокомандующий России первым делом объехал фронтовые войска, чтобы вникнуть в обстановку, показать себя и людей посмотреть. Встречали великого князя всюду радушно. И потому что был из Романовых, и потому что имел несомненные боевые заслуги перед Отечеством. В полках и дивизиях в таких случаях накрывалось походное угощение («дастархан») в лучших традициях кавказского (горского)

гостеприимства.

«Дастархан» был накрыт для Николая Николаевича младшего и в штабе 1-й Кавказской казачьей дивизии. Обязанности тамады («тулумбаша») на столь ответственном застолье взял на себя сам Баратов, тонкий знаток кавказских обычаев и неистощимый в застольных речах собеседник.

Посреди застолья великий князь, то ли забыв кавказский обычай, по которому без разрешения тамады никто не может обратиться к присутствующим с тостом, то ли не пожелав с ним считаться в силу своего положения, вдруг встал и начал говорить.

«Извините, Ваше Величество, — вежливо перебил его Баратов, — Вы оштрафованы!»

На недоуменный вопрос великого князя, в глазах которого зажглись недобрые огоньки, командир казачьей дивизии спокойно ответил лаконичным, но достаточно емким пояснением сути этого кавказского обычая и предложил подвергнуться штрафу — осушить большой кубок вина.

Сказано было так, что член семьи Романовых без малейших возражений покорился...

Перед генералом-генштабистом Н.Н. Баратовым командованием Отдельной Кавказской армии была поставлена задача «до объявления войны Персией России поднять престиж русского имени, а с момента объявления войны занять Тегеран с целью закрепления политического положения России в Персии».

Начальником корпусного штаба был назначен Генерального штаба полковник Николай Францевич Эрн, начальник штаба 1-й Кавказской казачьей дивизии. Баратов хорошо знал этого человека, своего подчиненного по началу Великой войны на Кавказе.

Это был опытный офицер-кавказец, за плечами которого была учеба в Елисаветградском кавалерийском училище, Академии Генерального штаба и Офицерской кавалерийской школе. Служил в Нижегородском драгунском полку. Участвовал в Гражданской войне на юге России на стороне Белого движения. Умер на 93-м году жизни в чине генерал-лейтенанта парагвайской армии в столице Парагвая, городе Асунсьоне.

Корпусные войска стали сосредотачиваться в Баку и его окрестностях. Большая часть сил перебрасывалась в Персию морем, для чего были мобилизованы Каспийская военная флотилия и гражданские суда, приписанные к портам Каспия: Астрахани, Баку, Красноводску и другим. Часть этих судов самого различного предназначения в мирное время ходила

и по Волге.

Их оказалось вполне достаточно для переброски из Бакинского порта в иранский портовый город Энзели кратчайшим путем людей и лошадей, артиллерии и боеприпасов, различного военного имущества и провианта. Это была для России в Великую войну одна из самых больших десантных операций, проводившихся также на Балтике и в Черном море.

Отправка частей корпуса с Кавказа в Энзелийский порт проходила в сжатые сроки — с 23 по 30 октября 1915 года. В первых числах ноября генерал-лейтенант Н.Н. Баратов доложил в штаб Отдельной Кавказской армии, что корпус в полном составе находится на персидской территории и готов к выполнению поставленной ему задачи.

В оперативное подчинение командира Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса, генерал-майора Генерального штаба Н.Н. Баратова поступали все русские воинские отряды, которые до этого находились на персидской территории. Из них только один

Азербайджанский отряд генерал-майора Чернозубова имел двойное подчинение, поскольку получал прямые приказы из армейского штаба в Тифлисе.

Сам Баратов вместе с начальником корпусного штаба полковником Эрном в сопровождении личного конвоя прибыл в город Казвин 4 ноября, проделав путь из Энзели в 225 верст. Здесь он встречал войска, которые походным порядком, не теряя времени, прибывали с берега Каспия в Казвин, где им устраивался смотр.

Назначались места временного квартирования воинских частей, шло их походное обустройство. Биваки казачьей конницы старались разбивать вне селений, там, где имелись хотя бы сносные пастбища и источники питьевой воды.

Сразу же налаживались караульная и дозорная службы, поскольку на войне расхолаживаться не приходилось. Тем более что путь из Энзели в Казвин проходил по провинции Гилян, где в горных лесах скрывались отряды повстанцев-дженгильдийцев Кучек-хана, не собиравшегося ни перед кем складывать оружие.

Давала о себе знать и агентура «германо-турков», еще не познавшая «уроков войны» и собственных провальных поражений. В штабном для корпуса городе Казвине она пока занималась распространением враждебных слухов и учинением смут на местных рынках.

Городские и сельские рынки в Персии исторически являлись местом вызревания и «вспыхивания» всевозможных мятежных действий, в том числе и на религиозной почве, которые заканчивались кровавыми делами.

Достаточно вспомнить печальную судьбу посла России в Тегеране, писателя Александра Грибоедова, автора знаменитой комедии в стихах «Горе от ума», убитого в персидской столице в 1829 году толпой религиозных фанатиков.

Полки 1 — й Кавказской казачьей дивизии высаживались в Бендер-Энзели со всем своим тыловым имуществом следующим порядком: 1-й Уманский, 1-й Кубанский, 1-й Запорожский, 1-й Горско-Моздокский со взводом гаубиц... Разгрузка судов, прибывающих из Баку, шла днем и ночью.

Казачьи полки экспедиционного корпуса были укомплектованы людьми до полного штата, в том числе и офицерами. Убыль командиров, то есть кадровых офицеров, в начальный период войны оказалась огромной во всей русской армии, но восполнимой. «Качественный состав» офицерского состава можно проследить, к примеру, по 1-му Кубанскому Генерал-Фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полку.

Полковой командир, полковник Владимир Лещенко окончил по 1-му разряду Николаевское кавалерийское училище и Академию Генерального штаба.

Сотенные командиры, подъесаулы Илья Некрасов, Николай Дикий, Александр Зарецкий окончили Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду, а Петр Кобцов — это же училище по 2-му разряду, подъесаулы Степан Харин и Иван Щербаков — Оренбургское казачье училище по 1-му разряду.

В сотнях на должностях младших офицеров стояли казаки, получившие первый офицерский чин прапорщика за боевые отличия из нижних чинов, из урядников. Это были сотники: Аким Живцов, Александр Лузиков, Иван Некрасов, Антон Ефименко, Алексей Коровин.

Хотя шел только второй год Великой войны, в полку имелось уже довольно много и офицеров военного времени другой категории. То есть окончивших ускоренный курс обучения в школах прапорщиков. Среди них значились выпускники 1-й, 2-й и 3-й Тифлиских школ прапорщиков: Григорий Карагичев, Евдоким Кудинов, Григорий Путятин, Федор Щербанев, Василий Филимонов, Иван Богачев и Василий Беззубов. Многие из них занимали офицерские должности «за боевой убылью людей».

Полковой священник, протоиерей Александр Альбицкий окончил Владимирскую духовную семинарию. Одновременно он являлся и благочинным 1-й Кавказской казачьей дивизии.

Схожую картину качественной характеристики офицерского состава

можно наблюдать и по 1 — му Запорожскому Императрицы Екатерины Великой полку Кубанского казачьего войска.

Полковой командир Флегонт Урчукин окончил Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду и Офицерскую кавалерийскую школу.

Сотенные командиры есаул Виталий Солоцкий и подъесаул Вениамин Рудько окончили Николаевское кавалерийское училище по 1-му разряду, подъесаул Деревянко — Киевское военное училище по 1-му разряду, есаул Головин — Оренбургское казачье училище по 1-му разряду, а есаул Алексей Золотаревский то же училище по 2-му разряду, подъесаул Сокол — Тифлисское пехотное училище по 1-му разряду.

Среди младших офицеров полка были несколько человек, произведенных в хорунжие из нижних чинов за боевые отличия: Фоменко, Рыло, Горошко.

Офицерами военного времени, то есть окончившими краткий курс школ прапорщиков Кавказского фронта в Тифлиси, Гори и Телави были: хорунжие Павличенко, Рычка, Солод, Савченко, Гришко, Симоненко, Черный.

Полковой священник отец Ломиковский окончил Петровский Полтавский кадетский корпус.

В четвертом полку 1-й Кавказской казачьей дивизии из Терского казачьего войска, которым командовал полковник В.А. Стопчанский, обладатель Георгиевского оружия, тоже было много офицеров военного времени. Среди них выделялся 35-летний прапорщик Иван Хомич, произведенный в первый офицерский чин за боевые отличия в мае 1915 года. Это был полный Георгиевский кавалер, награжденный Георгиевскими крестами 1-й, 2-й, 3-й и 4-й степеней. Как тогда говорили, терский казак имел «полный бант Егорииев», два золотых креста и два серебряных.

Появление новых, значительных числом русских войск в Казвине, в окрестностях которого находилось много селений шахсевенов, вызвало спровоцированные беспорядки в мусульманской части города. Это вынудило генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова принять должные меры для «обеспечения безопасности чинов русских войск» и обратиться к местным жителям.

Таким обращением стал приказ корпусного командира экспедиционным частям, переведенный на персидский язык и размноженный в количестве 200 экземпляров для публичного оповещения горожан. Баратов приказывал:

— при следовании русских войск по узким городским улочкам

казвинцам не выходить на крыши домов ввиду опасности «быть расстрелянными»;

— в случае, если из какого-либо дома будет произведен выстрел по войскам, то такой дом со всем находящимся в нем будет уничтожать артиллерийским выстрелом или «подземным взрывом».

В заключение своего приказа генерал Н.Н. Баратов выражал уверенность в том, что персидское население окажет русским войскам полное содействие «к скорейшему прекращению деятельности злонамеренных людей». И что русские войска прибыли в Персию именно для этого.

Баратовский приказ-обращение в известной мере возымел свое действие. Вспыхнувшие было в Казвине уличные и рыночные беспорядки утихли сами собой. Стало ясно, что командование русских войск не остановится в деле наведения прежнего порядка и спокойствия перед крутыми мерами. И что пальба в спину на городских улицах будет караться самым суровым образом. Сыграли должную роль и дисциплинированность военных людей России, отсутствие у них намерений посягать на веру и имущество персидских граждан.

В самой Персии «встречей» экспедиционных войск занимался российский посланник фон Эттер. По его настоянию до прибытия в Энзели всех корпусных сил из города Казвина в селение Кередж, всего в одном суточном переходе от Тегерана, был выдвинут авангард русских войск в Казвине — Тегеранский отряд под начальством генерал-майора Ильи Петровича Золотарева, ставшего начальником Казвинского гарнизона. Это было на всякий случай корпусное прикрытие.

Тегеранский отряд состоял из 4-го Ставропольского своднокубанского полка (все 6 сотен) при 4 орудиях 1-й Туркестанской батареи. По сути дела, это был усиленный артиллерией один казачий полк. Отряду была поставлена задача занять, с боем или без боя, селение Киги-Имам по дороге из Казвина на персидскую столицу.

Для такой роли 4-й Ставропольский сводно-кубанский полк был выбран не случайно. Он отличался в лучшую сторону своей организованностью, был хорошо «сколочен». Многие его офицеры, как, например, войсковой старшина Василий Венков, подъесаул Михаил Фостиков и прапорщик Степан Аленов, уже имели фронтовые боевые награды. Среди таких наград значились разных степеней ордена Святого Владимира и Святого Станислава с мечами и бантом, Святой Анны с мечами.

Но первоначально в отряд генерал-майора Золотарева были назначены

большие силы: 7 конных сотен, 300 пехотинцев при тех же 4 орудиях артиллерии из Туркестана, двух пулеметах и саперного отделения (10 человек). Официально было объявлено, что отряду предстоит охрана в Тегеране миссий России и союзных ей государств.

Первое движение русского отряда вызвало в персидской столице «большое беспокойство». Одним из его первых признаков стало то, что послы Германии и Австро-Венгрии «укрылись в американском посольстве». В конце 1915 года Северо-Американские Соединенные Штаты были еще нейтральной державой, но вероятность ее вступления в ряды Антанты в перспективе уже просматривалась.

Такая мера предосторожности случайной не была. Дело состояло в следующем. В одной из своих работ советский военный историк комдив Н.Г. Корсун писал следующее:

«Как доносил русский начальник персидской кавалерии, германцы предполагали произвести вооруженное выступление в Тегеране как против персидской казачьей бригады, руководимой русскими инструкторами, так и против „дружественных России миссий“.

Некоторым казакам этой бригады, которым немцы щедро платили деньги и которых считали искренними своими сторонниками, были розданы деньги и оружие для организации покушения на русского начальника персидской кавалерии и на некоторых персидских офицеров.

Как утверждали (шахские. — А.Ш.) казаки, добровольно предоставившие (своим командирам) бомбы (полученные от германской агентуры. — А.Ш.), сигналом для общего нападения на бригаду (в месте ее расквартирования. — А.Ш.) и погрома европейского (дипломатического. — А.Ш.) квартала должны были послужить взрывы бомб, брошенных в ночь на 2 ноября в казарменный район бригады».

Можно считать, что германской агентурой была предпринята попытка подкупить какую-то часть Персидской казачьей бригады и спровоцировать ее на мятеж в столице. После убийства русских инструкторов мятежные шахские казаки должны были возглавить нападения вооруженной «черни» на дипломатические миссии государств Антанты, прежде всего России и Великобритании, с целью их разгрома и разграбления.

Естественно, что организаторов таких нападений интересовали, в первую очередь документы и шифры миссий. То есть готовящееся нападение на дипломатический квартал, вне всякого сомнения, было делом рук германской и турецкой разведок. О кровопролитии в таких погромах ошибаться не приходилось.

Командованию экспедиционного корпуса из хорошо

информированных источников было известно о силе неприятеля, готового оказать вооруженное сопротивление отряду генерал-майора И.П. Золотарева на ближних подступах к столице и в ней самой. Это были: отряды персидской жандармерии, общей численностью 1500 человек, около полутысячи германских наемников и около сотни бежавших из Туркестана австрийских военнопленных. То есть эти две тысячи хорошо вооруженных людей нельзя было «ставить на одну доску» с племенными ополчениями кочевников.

Имелись сведения и о том, что германская агентура смогла беспрепятственно вывезти из Тегерана в Исфахан огромное количество оружия и боеприпасов: 7 тысяч ружей, немалое число пулеметов, около 2 миллионов патронов и 30 тысяч бомб (ручных гранат?). Все это хранилось в столичных арсеналах.

Ситуация вокруг столицы Персии во многом зависела не сколько от военных событий в самом Тегеране, сколько от результатов наступательной Хамаданской операции и скорейшего установления контроля за дорогой Тегеран — Кум. То есть главные прогерманские и протурецкие силы концентрировались в городах Хамадан и Кум.

Высадка русских войск в порту Энзели, быстрое и почти всегда неожиданное перемещение казачьей конницы породили слух, что на западном персидском побережье Каспия высадились 50 тысяч русских. Вскоре по мере продвижения баратовского корпуса внутрь страны эта цифра «выросла» вдвое.

Высадка Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса в Энзели, движение к Тегерану русского отряда силой всего в один казачий полк вызвали откровенную панику в Тегеране. Причем эта паника искусственно создавалась в городе не где-нибудь, а на базарах, которые на Ближнем Востоке исторически являлись центром политической жизни не в одной только Персии.

Теперь уже премьер-министр Мустоуфи-эль-Мемалек убеждал Султан-Ахмед-шаха не вымыслими, а реальной «картинкой». Юного шаха пугали тем, что он вот-вот станет заложником у России. И что ему надо спешить с отъездом вместе с двором в древний Исфахан, где у него уже есть надежная вооруженная защита «воинов ислама», и объявить этот город временной столицей Персидского государства.

Юного правителя убеждали в том, что он должен удовлетворить такое пожелание «нации и духовенства», «не подвергать опасности династию Каджаров». На имя Султан-Ахмед-шаха пришли «протесты» из останов Запада и Юга страны, то есть из тех провинций, которые являлись сферой

деятельности «военного агента германского Генерального штаба графа Каница».

В эти дни в Тегеране дипломаты Германии, Австро-Венгрии и Турции развили «кипучую деятельность». Их послы, говоря о посягательстве России на территорию нейтральной Персии, говорили о том, что государство Каджарской династии должно объявить ей войну и присоединиться в Великой войне к Берлину, Вене и Стамбулу.

В ходе такой «обработки» со стороны дипломатических миссий трех держав, воюющих с Антантой, шах стал терять самообладание Его Величества и уверенность в себе, как персидского монарха. Только этим можно объяснить то, что Султан-Ах мед-шах просил передать министру иностранных дел России буквально следующее:

«...Он (шах) не чувствует в себе достаточно силы, чтобы продолжить царствовать, и что поэтому желал бы по возможности скорее передать бразды правления своему отцу и снова стать наследником престола».

Султан-Ахмед-шаху давалось немного времени на то, чтобы решиться «начать новую эру царствования, свободную от русского и английского влияния». Однако российскому посланнику фон Эттеру, опытному в восточных делах дипломату, удалось уговорить сомневающегося во многом шаха не уезжать в Исфахан, в этот «германо-турецкий стан».

Вероятнее всего, самым убедительным доводом в словах фон Эттера для шаха стало то, что посланник давал твердые гарантии в том, что войска генерала Баратова двинутся к персидско-турецкой границе, минуя столицу страны. Султан-Ахмед-шах после недолгих раздумий и советов с членами правящей династии Каджаров местом своего дальнейшего пребывания избрал загородный дворец Фараг-абад, всего в четырех верстах от Тегерана. Охрану Его Величества продолжали нести шахские казаки.

Фон Эттеру потребовалось немало усилий, чтобы убедить царского наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича-младшего не вводить войска в столицу Персии. На такое предложение посла он ответил, что «войска, раз двинутые, должны дойти до их назначения».

Все же кавказский главнокомандующий остановил Тегеранский отряд генерал-майора Золотарева в Кередже, всего в 30 километрах от столицы. Вскоре отряд сменил 3-й Ейский сводно-кубанский казачий полк, которым командовал полковник граф Владимир Васильевич Адлерберг, в прошлом офицер гвардии. Такое решение «спасло положение».

Этот полк иногда назывался Тегеранским гарнизоном, готовым в случае необходимости предотвратить враждебные выступления в столичном городе. То есть строить иллюзии на полное успокоение в нем и

полное бегство германской агентуры не приходилось.

Когда паника в Тегеране улеглась, Султан-Ахмед-шах пожелал, чтобы офицеры и казаки Ейского полка, стоявшего в Кередже, свободно посещали его столицу. Шах «охотно слушал полковых песенников и с большим интересом рассматривал русские броневики, прибывшие в корпус».

Потерпев неудачу с «переселением» персидского правителя из столицы в Кум или Исфахан, граф Ганс фон Каниц перешел к активным действиям. Российский посланник и генерал Н.Н. Баратов получили из разных источников достоверные сведения о том, что в районе Султан-абада, расположенном между Кумом и Хамаданом, сосредоточились около 5 тысяч прогермански настроенных вооруженных людей, прежде всего из числа кочевников. В Хамадане на главной городской площади всем желающим повоевать «за веру» открыто раздавалось оружие (винтовки и патроны).

Более того, к Султан-абаду подошел хорошо вооруженный Хамаданский жандармский отряд. И ожидалось прибытие туда же из разных мест еще 5–9 тысяч (по разным сведениям) муджахидов. Командованию экспедиционного корпуса стало ясно, что неприятель не просто концентрирует свои силы, но и собирается «открыть» масштабные военные действия.

Их первый успех был способен породить анархию в стране, где во многих провинциях центральная власть больше походила на номинальную, чем на реальную. К тому же местные губернаторы военной (полицейской) силой не обладали. Поэтому им приходилось «пасовать» перед теми военными отрядами конников, которые порой приводили в столицы вожди местных кочевых племен.

То есть в Петрограде и Тифлисе ясно понимали, что русские (и английские на юге) экспедиционные войска будут гарантом государственной стабильности шахской Персии, в которой Россия имела немалые интересы, в ходе Великой войны. И, вполне возможно, в какое-то время после ее окончания.

Баратов предвидел, что промедление с наступательными действиями в самых решительных целях медлить ему не приходится. Основные силы экспедиционного корпуса разбиваются на пять тактических отрядов. Особенностью их стало то, что действовать им предстояло на вполне самостоятельном направлении, достаточно изолированно друг от друга. Это касалось в первую очередь тех отрядов, которые направлялись в горные области.

Чтобы предупредить вражеские действия, 23 ноября вперед

выдвигаются два сводных конных отряда, которым в наступательной операции отводилась главная роль. Они вышли из города Казвина в юго-западном направлении (на Хамадан) и юго-восточном (на Лялекян — Кум).

Хамаданский отряд полковника-терца Михаила Георгиевича Фисенко, кавалера ордена Святого Георгия 4-й степени и командира первой бригады 1-й Кавказской казачьей дивизии, окончившего Николаевское кавалерийское училище, Московский архивный институт и Академию Генерального штаба, состоял из:

- 1-го Уманского казачьего бригадира Головатого полка (все 6 сотен);
- 2-го Екатеринославского сводно-кубанского казачьего полка (все 6 сотен);
- одного батальона 4-го сводного пограничного полка с 2 пулеметами;
- конно-пулеметной команды 1-й Кавказской казачьей дивизии (4 пулемета);
- 4 конных орудий 2-й Кубанской казачьей батареи;
- 2 гаубиц 2-й Кавказской картечной батареи;
- ползвода 47-й саперной полуроты.

Отряд полковника М.Г. Фисенко выступил из Казвина 24 ноября. В директиве главнокомандующего Отдельной Кавказской армии от него требовались «прочное занятие города Хамадана», «усмирение взбунтовавшихся жандармов и разоружение скопищ, набранных германцами, австрийцами и турками».

Первый бой выпал на долю отряда полковника Фисенко 25 ноября у селения Элчи (бой продолжился у селения Аве), что в 100 верстах от Казвина. Отряд столкнулся с отрядом (им командовал немецкий офицер) персидских жандармов и курдов («попавших на удочку из немецкого золота»), численностью в две тысячи человек. Неприятель в итоге боя, который упорством не отличался, был вынужден ретироваться к недалекому перевалу Султан-булаг.

Здесь полковник Фисенко получил сведения, что на Султан-булагском перевале укрепились до 1400 пехоты с двумя пулеметами, с орудиями, не считая конницы. Неприятель устроил на перевале полевые укрепления, благо камней в округе имелось предостаточно. Было известно, что «муджехиды» оценили «громадные» силы русского отряда, участвовавшего в бою у селения Элчи, «до 10 тысяч человек».

Собственно говоря, численность неприятельских сил то там, то здесь давалась порой противоречивая. Но, что надо подчеркнуть, недалекая от истины. Причина заключалась в том, что источники такой важной военно-

оперативной информации (а порой и дезинформации) были разные.

Что касается численности отдельных отрядов русского экспедиционного корпуса, то их состав и численность постоянно менялись. Это было связано с постановкой боевых задач, походными маршрутами, численностью противостоящих вражеских сил. К тому же крупные отряды порой дробились, а немногочисленные отряды объединялись для проведения крупной операции.

Прогерманские вооруженные отряды превратили Султан-булаг в рубеж своей обороны против наступающего русского отряда. Труднодоступный горный перевал находился на полпути между Казвином и Хамаданом, и обойти его стороной было сложно. По ряду сведений, сюда были стянуты графом Каницом до 10 тысяч «воинов ислама», преимущественно кочевников. На перевале установили два горных и два полевых орудия.

Отряд полковника М.Г. Фисенко уступал защитникам перевала Султан-булаг многократно. Тяжелый бой, начавшийся 26 ноября, за этот рубеж, хорошо прикрывавший дорогу к городу Хамадан, шел двое суток. После этого путь в Иранский Курдистан для экспедиционных войск был открыт.

Русские войска атаковали вражескую позицию на перевале с трех сторон. Сам Фисенко возглавил атаку с фронта — с шоссе, то есть в лоб. На флангах действовали две обходные колонны полковника Николая Яковлева (командира 1-го Уманского казачьего полка) и войскового старшины Владимира Лещенко. Их колонны совершили обходные движения по горным, труднопроходимым даже для всадников вьючным тропам.

Спешенные казачьи сотни дружно атаковали неприятельскую позицию на перевале с фронта и с флангов. «Муджахидам» не помогло и их видимое численное превосходство в ружейных стволах. Они потерпели полный разгром, частью отступили к Хамадану, а частью рассеялись в окрестных горах.

Кубанские казаки, двинувшись в преследование, на дальних подступах к городу провели еще один бой с неприятельским отрядом, попытавшимся в удобном месте перекрыть дорогу. Но этот непродолжительный бой в сравнение со схватками на Султанбулагском перевале не шел.

Преследуя отступающих в конном строю, отряд полковника Фисенко 30 ноября вышел на прямую видимость с древних крепостных стен Хамадана. Этот город в Древнем мире был известен еще с XI века до нашей эры как Экбатана, столица Мидии.

Штурмовать Хамадан казачьему отряду не пришлось. В 5 километрах

от города его встретила депутация почетных горожан, просившая у русских защиты от оккупировавших город германских и турецких наемников, численность которых называлась до 5 тысяч человек с 4 артиллерийскими орудиями и несколькими пулеметами. Помимо этих «муджахидов», в Хамадане находились до 2 тысяч персидских жандармов.

По другим данным, в городе Хамадане находились «половина восставших жандармов (до 3500 человек) под командой шведских офицеров... и официально считалась „взбунтовавшейся“; другая же половина жандармов открыто помогала немцам».

От депутации горожан полковник М.Г. Фисенко узнал, что губернатор Хамадана Сардарь Ляшгар, сын министра внутренних дел Фермана-Ферма, получивший губернаторский пост с вхождением отца в шахский Кабинет министров, арестован шведским майором Демаре. Более того, этот жандармский офицер вместе германским консулом в Хамадане незаконно возложили на себя властные полномочия. Из числа «своих» людей они назначили в городе нового губернатора.

Фисенко не стал сразу же начинать штурм города. Казачьего полковника смущала не численность противной стороны, а то, что в ходе боя может серьезно пострадать сам город с древнейшими памятниками персидской культуры, его древние, особо почитаемые мечети. В таком случае вся ответственность за их разрушения «падала на Россию».

Пока решался вопрос о том, как предстоит брать город-крепость, из него прибыл заранее посланный лазутчик. Он принес хорошие вести: майор Демаре, командовавший хамаданским отрядом жандармерии, бежал. Вместе с ним из Хамадана бежали и все «вооруженные люди», еще утром наводнившие этот город.

Но бежал швед с офицерскими погонами не с пустыми руками, а нагрузив целый караван «конфискованного» им золотом из активов Государственного банка Персии, на сумму свыше 60 тысяч туманов. При этом майор Демаре силой взял хамаданского губернатора Сардаря Ляшгара в заложники и теперь держал путь на юг, по всей вероятности, в Лурестан. Там он надеялся получить пристанище и защиту у вождей племен кочевников-луров.

Германский консул в Хамадане напрасно требовал от шведа вооруженной рукой защитить город, ставший «центром восстания» против России. Не помогли и ссылки на авторитет графа Ганса фон Каница. За персидскими жандармами поспешили оставить Хамадан и другие отряды «защитников ислама». После этого пришлось бежать и самому консулу с его миссией. Он сделал это так «стремительно», что казаки обнаружили в

его доме еще не остывший обед.

Казачья конница полковника Фисенко вступила в Хамадан с развернутыми знаменами. Горожане, уже осознавшие, что их город оказался в зоне боевых действий, были приятно удивлены дисциплинированностью и благожелательностью русских военных. Они старались ни чем не нарушить привычный ритм жизни восточного города с его древним укладом. Ни о каких посягательствах на чувства мусульман речи даже не шло.

В том немаловажном событии боевой летописи русского экспедиционного корпуса показателен следующий исторический факт. Население города Хамадана устроило казачьему отряду «торжественную встречу». Проявления открытой враждебности хамаданцев отсутствовали.

Вместе с отрядом М.Г. Фисенко в город возвратился ранее изгнанный отсюда российский консул Черкасов со своими сотрудниками. Он сразу же приступил к исполнению своих прямых служебных обязанностей.

С первых дней пребывания в Хамаданском остане (провинции) Фисенко и Черкасов не стали устанавливать здесь свою власть, как это совсем недавно сделали шведский жандармский офицер и его коллега, германский консул. Но местным жителям было ясно, что русские казаки каких-либо враждебных выпадов по отношению к себе не потерпят. К тому же бегство Хамаданского жандармского отряда с многочисленными отрядами племенной конницы лучше всего говорило само за себя.

Отряд Фисенко, сделав Хамадан своей временной штаб-квартирой, стал развивать достигнутый успех. Высланные из города казачьи сотни провели несколько удачных боев с различными вооруженными формированиями. Те были разбиты на Бидессурском перевале близ города Кянгевера, у Сахне и Биссутуна.

Ожидаемого ожесточенного и длительного сопротивления казаки в этих столкновениях нигде не встретили. То есть на деле оказалось, что германская и турецкая агентуры в Хамаданском остане тратили большие деньги зря, не считая розданного оружия и боеприпасов.

Так был «погашен» один из главных очагов ожидавшегося вооруженного сопротивления баратовскому экспедиционному корпусу. Здесь следует заметить, что в Тифлисе и Казвине на такой успешный исход дела рассчитывали мало.

В итоге всех этих наступательных действий русский отряд оттеснил разрозненные силы неприятеля от Хамадана на один переход в западном направлении. Полковник Фисенко, выполнив поставленную перед ним боевую задачу, остановил продвижение казачьих сотен у селения Асад-

абад. Одной из причин этого явилось то, что выдвинутые вперед казачьи разъезды потеряли боевое соприкосновение с неприятелем.

Берлинский резидент граф Ганс Каниц прекрасно понимал, что занятие русскими войсками Хамадана и установление контроля над всем Хамаданским останом, к слову говоря, самым мятежным, чревато сильным ударом по германо-турецкому престижу. На графа Каница и его ближайших сотрудников удручающе подействовало то, что сам город был взят стремительным ударом казачьей конницы и пал перед ней бескровно.

Граф Каниц, фактически командовавший всеми мятежными силами в районе Хамадана, решил ответить противнику впечатляющим контрударом. Но город штурмовать он не решился, памятуя то, как он был оставлен русскими. Было решено перерезать шоссе Хамадан— Казвин и отсечь авангардный отряд казачьей конницы от главных сил Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса.

План был задуман хорошо, но в исполнении оказался никуда не годен, поскольку не отвечал реалиям сложившейся ситуации. Когда прогерманские вооруженные отряды заблокировали шоссе, то казачьи сотни полковника Фисенко сразу же выступили на «зачистку» пути в Казвин. Каждый горный перевал, крутой поворот дороги грозили вражеской засадой.

Отряды всадников «германо-турок» контратаковали казаков в горной местности не раз (не говоря об обстрелах с горных вершин), но каждый раз крайне неудачно. Нападавшие при этом всячески избегали огневого боя — дело до длительных ружейных перестрелок пока не доходило.

После этого передовой корпусной отряд двинулся дальше, в горы Иранского Курдистана. Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов поставил перед полковником Фисенко конечной задачей занятие города Керманшаха, вблизи границы с Турецкой Месопотамией, центра одноименного остана. В Керманшахе и его окрестности отступила большая часть персидской жандармерии и племенных ополчений, которые до этого занимали Хамадан.

Пока на Хамаданском направлении развивались такие события, в Тегеране разразилась «политическая буря». Вести о событиях в Хамадане пришли в столицу Персии с большим опозданием, настолько стремительным оказался рейд казачьей конницы к горам Иранского Курдистана. Сторонники премьер-министра Мустоуфи-эль-Мемалека стали готовить город к сопротивлению «неверным», подход которых ожидался со стороны Казвинского остана. Глава Кабинета министров посчитал такой момент удобным для активизации действий сторонников ориентации на

Германию и Турцию.

В день 25 ноября Мустоуфи-эль-Мемалек собрал министров для обсуждения внутривнутриполитической ситуации в стране. Он заявил, что прерывает переговоры о заключении военного союза с Великобританией и Россией под «влиянием общественности». По его словам, страна якобы высказалась в пользу того, чтобы нейтральная в Великой войне Персия приняла сторону единой Турции и «защитницы ислама» Германии. Именно так расценил события того ноябрьского дня в персидской столице генерал-лейтенант Генерального штаба Ю.Н. Данилов.

Пока Тегеран таким образом «бурлил», в него стали поступать из Хамаданского остана самые обескураживающие вести. Сперва город заполонила весть о том, что русская конница прорвала укрепленную позицию на перевале Султан-булаг, а затем бескровно вошла в город Хамадан. После этого политическая ситуация в столице Персии резко изменилась в самую лучшую для держав Антанты сторону.

Юный Султан-Ахмед-шах, набравшись решительности, отправил кабинет Мустоуфи-эль-Мемалека в отставку. Он поручил формирование нового правительства страны стороннику ориентации на Великобританию и Россию Ферману-Ферма. Часть сторонников прогерманской ориентации сочли за благо покинуть столицу, опасаясь непредсказуемости последующих событий.

Политические события в Тегеране действительно стали развиваться стремительно. И не в лучшую для Берлина и Стамбула сторону. Едва глава нового Кабинета министров Ферман-Ферма вступил в свои права, как вопрос о военном союзе с державами Антанты стал обсуждаться более предметно как при шахском дворе, так и в меджлисе (парламенте).

Шах сделал еще один шаг к упрочению своей власти в стране. Он объявил «взбунтовавшимися» против законной власти, то есть уголовно наказуемыми преступниками, всех подданных, которые толкали Персию и ее народ к войне с соседними державами Антанты. Россия граничила с Персией на севере, а британская Индия — на юго-востоке.

И смена правительства в стране, и заявления Султан-Ахмед-шаха стали крупными дипломатическими победами России. В данном случае они были подкреплены оперативным решением начальных задач, которые были поставлены перед баратовским экспедиционным корпусом.

В направлении на город Кум стремительно наступал отряд полковника Ивана Никифоровича Колесникова в составе двух первоочередных казачьих полков — кубанского 1-го Запорожского и терского 1-го Горско-Моздокского. Его конечной боевой задачей было занятие города Кума,

расположенного в 200 верстах южнее Казвина. Кум считался в те дни «главным штабом военных действий против России». Силы неприятеля в городе исчислялись в две тысячи человек при 2 орудиях.

Отряд вел опытный 55-летний полковой командир запорожцев, родом из терской станицы Ищерской, успешно окончивший Ставропольское казачье юнкерское училище и Офицерскую кавалерийскую школу. Во время Великой войны дважды Георгиевский кавалер (был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием) командовал полком и бригадой. Став в октябре 1916 года генерал-майором, командовал сперва 1-й, затем 3-й Кубанскими казачьими дивизиями.

Действия отряда Колесникова были столь же успешны, как и отряда Фисенко под Хамаданом. Но и здесь без боевых столкновений с «муджахидами» не обошлось. В течение двух дней — 3 и 4 декабря — было занято селение Лалежян. Через три дня был взят город Саве (Центральный остан), откуда казаки выбили неприятельский отряд численностью в две тысячи человек.

В этих боях отличился 24-летний выпускник 1-й Тифлисской школы прапорщиков Иван Павлюченко, родом из кубанской станицы Шкуринской. В самом начале Великой войны старший урядник за боевые отличия был награжден Георгиевской медалью «За храбрость» 4-й степени. Затем он будет хорунжим в партизанской сотне и сотником 1-го Запорожского казачьего полка, кавалером пяти боевых орденов.

Через три с половиной года прапорщик И.Д. Павлюченко в годы Гражданской войны в 29 лет станет генерал-майором белой армии.

Будет командовать родным ему 1-м Запорожским казачьим полком, конной бригадой и Кабардинской конной дивизией. В 70 лет белоэмигрантом умрет в Бразилии.

9 декабря русский отряд вступил (но не с налета) в город Кум, из которого перед этим поспешно бежали вооруженные люди из отрядов графа Каница вместе с членами различных комитетов, претендовавшими на выражение народной воли и осуществление власти не только в Кумском остане.

В тех военных событиях генерал-лейтенант Н.Н. Баратов до 8 декабря находился при отряде полковника Колесникова. Объяснялось это отчасти тем, что русским войскам предстояло вступить в священный для шиитов, которые составляли подавляющую часть мусульманского населения Персии. Поэтому «правильные» отношения с кумским духовенством и фанатично настроенными горожанами значили для хода «секретной Персидской экспедиции» очень многое, прежде всего на будущее.

При занятии Кума Баратов приказал полковнику И.Н. Колесникову не вводить сотни в город, где находились особо почитаемые мусульманами-шиитами святыни, до тех пор, пока городского квартала для постоя не укажут местные старейшины и улемы. Они были вызваны в баратовский походный стан вместе с губернатором Кумского остана, и их попросили помочь разместить русские войска в городе так, чтобы это было удобно с религиозной точки зрения и не доставляло беспокойства местным жителям-мусульманам.

Городские старейшины и улемы исполнили такую уважительную просьбу с готовностью. Губернатора же пришлось убеждать, поскольку тот просил генерала воздержаться от ввода войск в городские стены. Баратову пришлось напомнить, что такова воля шаха Персии, опасавшегося вооруженного мятежа в этом городе.

Кумский случай с размещением казачьего полка в древнем иранском городе с особо почитаемыми мусульманскими святынями получил должную, положительную оценку со стороны Султан-Ахмед-шаха и высшего шиитского духовенства.

Поэтому совсем не случайным было желание великого князя Николая Николаевича-младшего поставить во главе «секретной Персидской экспедиции», то есть кавалерийского экспедиционного корпуса, генерала-кавказца, «хорошо знающего восточные народности и умеющего с ними обращаться». Думается, что генерал-лейтенант Н.Н. Баратов с первых дней своего командования этим корпусом оправдал возлагаемые на него надежды. Восток, то есть Кавказ, он знал действительно отменно, часто выступая на войне в нейтральной Персии дипломатом.

Баратов отдал в день 23 ноября подчиненным ему войскам самые жесткие инструкции по пребыванию в мусульманской стране и в священном Куме, в частности. Суть инструкций для людей военных заключалась в следующем: соблюдать предельную осторожность, не поддаваться на возможные провокации со стороны германо-турецкой агентуры, чтобы тем самым не оскорблять религиозные чувства верующих, то есть мусульман-шиитов.

Когда командир экспедиционного корпуса напутствовал передовые отряды, выступающие из Казвина, то он потребовал применять оружие разборчиво. Применять только после того, как командиры твердо убедятся в том, что перед ними вооруженный враг, а не «разгоряченные подстрекательными призывами местные обыватели».

Занятие города Кума еще не означало, что из Кумского остана, то есть от подступов к персидской столице, ретировались все прогерманские

вооруженные отряды. Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов

8 декабря получил сведения, что по направлению на Тегеран из селения Рабат-Керим (всего в 50 километрах к юго-западу от него) готовится выступить походная колонна из «германо-турков», шахских жандармов и разноплеменных «муджахидов».

Речь шла о «банде Эхмир-Хикмета» (эмира Хишмета), одного из предводителей прогермански настроенных «скопищ». Из донесения, которое легло на стол Баратова, можно было судить, что Эмир-Хикмет задумал совершить нападение на Тегеран, разгромить (вырезать) в ней русскую и английскую-миссии, увезти юного шаха и союзных дипломатов в Исфахан и превратить этот город в столицу Персии.

Такое нападение на столичный город можно было бы не принимать всерьез, если бы не было достоверно известно, что в селении Рабат-Керим скопилось значительное число (две тысячи) вооруженных людей. Это были не просто конные ополчения кочевых племен. Под знаменем Эмир-Хикмета, авторитетного военачальника в среде «муджихидов», собрались турки, курды, шахские жандармы, беглые немецкие и австрийские военнопленные. Ими командовали в своем большинстве германские и персидские жандармские офицеры.

В штаб экспедиционного корпуса поступила и такая информация. В ней говорилось, что в селение Рабат-Керим прибыл отряд фидаев, подчинявшийся лично Эмир-Хикмету. («Фидай» в переводе на русский язык означает «жертвующий собой за свободу».) И что сила этого отряда исчислялась в 1100 всадников.

Корпусной командир 9 декабря выслал навстречу неприятелю Тегеранский отряд войскового старшины Петра Константиновича Беломестнова, командующего 4-м (Ставропольским) Сводно-Кубанским казачьим полком. Отряд состоял из 5,5 сотни этого полка (668 шашек) при двух конных орудиях 1-й Туркестанской легкой батареи и нескольких пулеметах.

Отряд совершил 70-верстный ночной переход и на подступах к селению Рабат-Керим был встречен огнем неприятеля: на позициях стрельбу вели 500 персидских жандармов и 1500 курдов и бахтиаров. Беломестнов приказал отряду разворачиваться из походного положения для атаки неприятеля в конном строю. На холмах перед Рабат-Керимом были поставлены оба орудия и пулеметы, которые начали шестичасовую огневую подготовку атаки.

Под прикрытием такой перестрелки казачьи сотни заняли исходные позиции. Опытный войсковой старшина Беломестнов, за плечами которого

было уже 30 лет казачьей службы, лично повел отряд на Рабат-Керим. Неприятельская позиция была атакована кубанскими сотнями в конном строю лавой. Атака, в которой участвовали и спешившиеся казаки, завершилась рукопашной схваткой, которая оказалась победной для казаков. «Банда Эмир-Хикмета» перестала существовать: на поле боя бежавший неприятель оставил 245 убитых, из них половина были изрублены шашками.

Войсковой старшина Беломестнов умело руководил боем. Он не позволил своему сопернику Эмир-Хикмету переиграть себя тактически, когда тот от караван-сарая, больше напоминавшего крепость, стоявшего на перекрестке дорог в Тегеран и Кум, попытался несколькими конными партиями курдов и бахтиаров, по 100–200 всадников в каждой, обойти правый фланг русских. Путь им преградил есаул Василий Венков во главе 1-й и 2-й сотен казаков-ставропольцев, часть из которых он спешил.

На помощь подоспела 3-я сотня полка подъесаула Фостикова, которая сразу пошла в лихую атаку. При первом блеске казачьих шашек вражеские конные партии бросились уходить в разные стороны. Этот эпизод стал переломным в бою за селение Рабат-Керим. Неприятель, выбитый с занимаемой позиции, всюду оттеснялся и обращался в бегство, немалая часть его попала в тактически умело устроенное окружение и была истреблена.

Шахские жандармы и кочевники (курды и бахтиары) в ходе боя «рассеялись», потеряв свое первоначальное единое целое как воинский отряд, силою почти в три кавалерийских полка.

Отряд войскового старшины Беломестного в том бою потерял всего несколько человек убитыми и ранеными. Это объяснялось быстротой атаки, устрашающим видом казачьей лавы, умелым маневрированием сотнями на поле брани. И тем, что разноплеменное вражеское войско мужества и стойкости в боевом столкновении «не выказало».

Под Рабат-Керимом был совершен подвиг, по своему звучанию ставший едва ли не первым на необъявленном Персидском фронте. Его совершил молодой хорунжий 4-го Сводно-Кубанского полка Петр Редьков, посмертно награжденный почетнейшим Георгиевским оружием — Золотой саблей по высочайшему указу от 28 июня 1916 года.

На страницах «Русского инвалида» от 21 июля 1916 за № 194 о подвиге терского казака, недавнего выпускника Елисаветградского кавалерийского училища, рассказывалось так.

Командир взвода 1-й сотни Петр Редьков «по своей инициативе выдвинулся вперед, под губительным огнем противника занял

охватывающее положение, заставил неприятельский резерв развернуться и, сдерживая во много раз превышающие силы персидских жандармов, дал возможность отряду броситься в конную атаку; в решительный момент боя, бросившись во главе (спешившегося. — А.Ш.) взвода в штыки, был убит и смертью своей запечатлел содеянный подвиг».

Бой у селения Рабат-Керим имел для событий в Персии во время Первой мировой войны особое звучание. Эта победа обескуражила и «локализовала» действия прогерманской оппозиции в самом Тегеране. Больше на столицу нападать никто не пытался и не «подбирался» к ней на опасную близость. Суровый урок полного разгрома 2-тысячного отряда Эмир-Хикмета оказался для многих поучительным. Особенно для тех, кто хотел вовлечь Персию в Великую войну.

О «знаковом» бое 9 декабря 1915 года под Рабат-Керимом генерал-лейтенант Н.Н. Баратов доложил телеграфной строкой в Тифлис, главнокомандующему Отдельной Кавказской армии, великому князю Николаю Николаевичу-младшему. Тот в ответ телеграфировал командиру экспедиционного корпуса:

«Передайте Войсковому Старшине Беломестнову и чинам его отряда особую сердечную благодарность за их отличные действия. Генерал-Адъютант Николай».

Казаков Беломестнова поздравили «русские чины Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады». Такая телеграмма была подписана полковником Н.В. Прозоркевичем, командующим бригадой шахских казаков.

Занятие с боями по пути городов Кума и Хамадана стали аккордом начальной стадии действий Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса на персидской земле. Но с занятием этих важных для русского командования со стратегической точки зрения пунктов, узлов пересечения многих дорог военная напряженность внутри нейтральной страны не ослабла.

Эта напряженность в первую очередь выразилась в ситуации, которая сложилась на персидском побережье Каспия, вернее — в его западной части. В приморской провинции Гилян, на территории которой находился порт Энзели, экспедиционным войскам (в их глубоком тылу) сразу же пришлось столкнуться с вооруженными отрядами кочевников небезызвестного Кучек-хана и его сподвижника Хасан-хана.

Их люди в лесистых горах остана при поддержке жителей гилянских селений нападали на небольшие воинские партии, транспорты и обозы (лошади убивались, а грузы грабились). То есть перерезались

коммуникационные линии баратовского корпуса, которые шли вглубь страны от Энзели.

Мирза Кучек-хан прославил себя как предводитель повстанцев Гиляна, поднявших оружие против шахской власти еще в самом начале XX столетия. Он был к тому времени «хозяином» провинции, в которой, помимо собственно гилянцев, народа иранской группы, проживали также галешы, талыши, таты, курды, азербайджанцы. Собственно персы здесь числом не выделялись. И в таком национальном многоцветье Кучек-хан, человек лично храбрый, пользовался широкой поддержкой местных жителей.

Советские историки «рядили» потомственного хана то в одежды «восточного революционера», то в тогу «буржуазного демократа». Но, думается, Кучек-хан был прежде всего тем «стойким» феодалом в иранской истории, который считал Гилян «своим феодалом» и который не собирался ни с кем делиться этой властью. В том числе и с шахом Персии, сидевшим в тегеранском дворце. То есть его «освободительная самостийность» в не столь далекое время прямо называлась «революционностью».

В любом случае, Мирза Кучек-хан был большой фигурой на политической сцене шахской Персии в начале века. Даже враги его, которых у гилянского феодала было много и разных мастей, называли хана честным человеком и «чистым идеалистом», каким только можно было быть на Востоке.

Кучек-хан был предводителем не просто повстанцев, а партизан-дженгелийцев. Они, начиная с 16-го года, «вели неравную борьбу против царских и сменивших их британских оккупационных войск», а также против «правительства шаха». К слову говоря, Мирза Кучек-хан стоял во главе так называемой Гилянской революции 1920–1921 годов, был награжден советским орденом Красного Знамени. В тогдашней Москве рассчитывали с его помощью установить в Персии советскую власть.

Гилянское повстанчество, во главе которого стоял Кучек-хан, имело национально-освободительный характер. С руководителем партизан-дженгелийцев встречался Серго Орджоникидзе. Эта встреча состоялась на борту теплохода «Курск» после того, как в середине мая 1921 года советская Волжско-Каспийская военная флотилия под командованием героя Гражданской войны в России Федора Раскольникова заняла после капитуляции британского гарнизона портовый город Энзели.

После этой беседы Орджоникидзе информировал Ленина: «Ни о какой советской власти в Персии речи и быть не может. Кучек-хан даже не согласился на поднятие земельного вопроса».

Все же Мирза Кучек-хан, много повоевавший против русских войск в Великую войну, а затем с англичанами, пожелавшими в ходе Гражданской войны сделать Каспий, ни много ни мало, как «британским морем» (англичане заставляли угрозой применения силы спускать на судах белой армии Андреевский флаг!), заключил военный союз с большевиками.

Те обещали в обмен на установление советской власти не вмешиваться во внутренние дела страны, в которой «никакого пролетариата нет», бедное крестьянство «темно, забито и пассивно».

Такое обещание убедило предводителя партизан-дженгельдийцев в правильности своего решения. Военный комиссар «красной эскадрой», взявшей у англичан персидский порт Энзели, Батырбек Абуков свидетельствовал:

«Кучек-хан... скрепя сердце решился на провозглашение Персидской Социалистической Республики, предложенное ему комфлотом Раскольниковым».

После этого отряды дженгельдийцев и красных моряков-десантников двинули на Решт, столицу Гилянского остана. 4 июня они заняли город, из которого английское командование поспешило вывести свои войска. Однако вскоре Мирза Кучек-хан разорвал отношения с иранскими коммунистами, его правительство в Гиляне было свергнуто в ходе «персидского Октября».

Кучек-хан в ходе таких событий по своей воле «самоустранился от власти» и вернулся в горные леса, чтобы там дожидаться «выяснения истины». В это время Москва начала дипломатические переговоры с Лондоном и Тегераном, и о маленькой Гилянской Советской республике в ней попросту забыли. Повстанцы-дженгельдийцы были предоставлены сами себе. Мирза Кучек-хан, так и не сдавшийся шахским властям, замерз в горах. Его отрубленная голова в «лучших восточных традициях» с торжеством была доставлена в персидскую столицу.

Кучек-хан действительно был грозой шахских властей в Гилянском остане. Его всадники-дженгельдийцы, по сути дела, беспрепятственно перемещались по горной провинции, встречая содействие в селениях. По некоторым данным, Кучек-хан начальствовал над «шайкой численностью около 1 тысячи человек, терроризировавшей население района Моссул — Энзели — Решт».

По сведениям русской разведки, немецкая агентура обещала огромную сумму, 10 тысяч туманов, за взрыв Менджильского моста, о важности которого говорить не приходилось. Гилянские повстанцы грозили захватить банки в Реште и «вырезать русскую колонию». Поэтому генерал-лейтенант

Н.Н. Баратов решил провести операцию против отрядов Мирзы Кучек-хана, базы которых находились в горах.

Наступательная операция против дженгельдийцев началась 25 декабря 1915 года. Выделенный для их ликвидации воинский отряд действовал походными колоннами по трем сходящимся направлениям: с севера, юга и запада. Схватки проходили в горных заснеженных лесах, где путь преграждали завалы на тропах и обледенелые скалы. Последние схватки, которые определили исход операции, прошли 30 декабря. Войско Кучек-хана оказалось разбитым и рассеянным и уже не угрожало большими нападениями.

Однако ситуация в горах Гиляна продолжала оставаться тревожной всю Первую мировую войну. Штаб экспедиционного корпуса констатировал то, что на каспийском побережье «оставалось еще много враждебного России элемента». Был случай, когда в засаду, устроенную местными повстанцами, попала казачья сотня, принявшая бой в невыгодных условиях.

В тылах Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса действовали не только партизаны-дженгельдийцы Кучек-хана. Постоянную опасность таили в себе воинственные кочевники-курды. На словах вожди их племен заверяли русских в своей доброжелательности к ним. Но на деле все было иначе.

Очевидец тех событий, автор ряда исторических памятков полков кубанского казачества, генерал-майор, атаман Кавказского отдела Кубанского казачьего войска Василий Григорьевич Толстов писал:

«Курды... в тылу подкарауливали казаков, не только одиночных и парных, но и разъезды, и посты летучей почты и безжалостно из засады убивали их или захватывали врасплох, дико истязали, мучили и умерщвляли. Не проходило дня, чтобы курды не убили одного-двух казаков.

Требовалось постоянно быть наготове и зорко следить за этими мнимыми доброжелателями и впереди, и позади, и по бокам».

Командир экспедиционного корпуса остро реагировал на проявления открытой враждебности со стороны местного населения.

Показателен такой случай. Протурецки настроенные персы напали на фуражиров терского 1-го Горско-Моздокского полка. Они убили

9 лошадей и закопали живым в землю попавшего им в руки раненого казака.

Баратов приказал наказать селение, жители которого совершили вооруженное нападение, по законам военного времени. Их имущество

приказано было «продать с аукциона». Из вырученной суммы по 500 рублей получили «потерпевшие» казаки, потерявшие коней, а 5 тысяч рублей отправили на Терек, семье погибшего казака. Остальные деньги были переданы «в распоряжение персидского правительства».

Корпусная разведка на начало января 1916 года определяла численность противника, противостоящего экспедиционному корпусу на территории Персии, в более чем 25 тысяч вооруженных людей. Эти сведения были получены из разных источников, проанализированы и суммированы.

Местами сосредоточения наиболее крупных группировок прогерманских и протурецких сил являлись: районы Сенне-Хамадана и Керманшаха — по 6 тысяч человек, Приморский район (останы Гилян и Мазендеран) — 5 тысяч, окрестности Исфахана и сам город — 4 тысячи, Султанабад — 2 тысячи. В других останах крупных неприятельских отрядов не наблюдалось.

Командовали этими немалыми военными силами неприятеля самые разные люди. Разумеется, выше всех по положению стоял «военный агент германского Генерального штаба граф Каниц». Во главе обученных шведскими инструкторами отрядов персидских жандармов и племенных конных ополчений стояли такие люди, как, например, вождь одного из кочевых племен курдов Эмир-Наджен и немецкий разведчик лейтенант фон Рихтер.

Но при этом корпусному командованию приходилось учитывать два немаловажных фактора, исходя из внутреннего устройства Персии. Во-первых, легкоконные отряды враждебных кочевых племен отличались хорошей маневренностью, и появление их можно было ожидать в самых разных местах. Прежде всего на маршрутах передвижения экспедиционных войск и особенно их подвижных тылов.

Во-вторых, местное население, особенно кочевые и полукочевые племена, враждебно воспринимало появление на их территории любых вооруженных формирований. Поэтому прогермански настроенным племенам бахтиаров, курдов, луров и других приходилось «оперировать» преимущественно в зоне своего расселения и не заходить далеко на земли своих не менее воинственно настроенных соседей.

В начале января 1916 года войска Кавказского экспедиционного корпуса продолжили ведение, говоря современным языком, «зачисток» тех мест, где концентрировались враждебные силы. Одним из таких мест являлся город Султанабад, где скопились до двух тысяч «муджахидов». Местный германский консул Ронер проявлял большую активность, не имея

недостатка ни в деньгах, ни в оружии с боеприпасами.

Для занятия Султанабада был отправлен 1-й Горско-Моздокский казачий полк во главе с 45-летним полковником Владимиром Андреевичем Стопчанским, подкрепленный конными орудийными расчетами. Выпускник Михайловского артиллерийского училища в Великой войне стал обладателем Георгиевского оружия, генерал-майором и командиром казачьей бригады. Занятие Султанабада в день 6 января было исполнено стремительно и бескровно.

Неприятель (вместе с немецким консулом) бежал из города, не помышляя о его обороне. Встречать казачий отряд вышли местный вице-губернатор и армянский архимандрит. Однако ситуация в Султанабаде оказалась не из простых: дипломат Ронер, имевший в наличии большое число огнестрельного оружия, безвозмездно роздал его тем местным жителям, которых считал прогермански настроенными.

Обустроившись походным лагерем в городе, полковник Стопчанский во главе четырех казачьих сотен при двух орудиях 22 января выступил на Буруджир, где, по сведениям лазутчиков, стали собираться «муджихеды», бежавшие из Султанабада. Вперед был выслан для ведения разведки разъезд хорунжего Александра Васищева. Казаки-терцы пробивались к селению Зальян по глубоким снегам, ведя коней на поводу. На этом направлении «муджахиды» от боевого столкновения уклонились.

Продолжая продвижение вперед, 1-й Горско-Моздокский полк 25 января занял город Довлетобад. И вновь терские казаки полковника В.А. Стопчанского не встретили ожидаемого сильного сопротивления противной стороны.

Совсем иная картина сложилась для русского отряда, наступавшего на Кентаверском направлении, к турецкой границе. Здесь отряд пограничной стражи подполковника барона Петра Карловича Медема, выпускника Казанского пехотного юнкерского училища, подкрепленный конными сотнями из состава 1 — й Кавказской казачьей дивизии.

Здесь с начала действий баратовского экспедиционного корпуса впервые русские войска подверглись сильной атаке. Ее провели не прогерманские силы, а турецкие пограничники, «зашедшие» на территорию соседнего государства. 22 января у города Фирузобада турки большими силами (две пешие и семь конных сотен, 6 пулеметов и одно орудие) повели наступление на позиции казаков-кубанцев дивизиона 1-го Уманского полка, которым командовал есаул Александр Иванович Бородин.

Кубанские казаки не только удержали за собой занимаемую позицию у Фирузобада, но и отбили «энергичную» вражескую атаку с большими

потерями для турецких пограничных стражников. Те откровенно надеялись на свое видимое численное превосходство, но в огневом противостоянии откровенно проиграли. Есаул Бородин ожидал продолжения боя на следующий день, но турки ушли на исходные позиции.

Вскоре стало ясно, что всеми действиями против русских войск, в том числе шпионажем, руководят профессионалы-иностранцы.

Убедиться в этом помог случай, происшедший около города Кереджа. Полусотня есаула Василия Венкова проводила прочесывание местности. Она наткнулась на группу вооруженных людей, которых казаки-ставропольцы захватили в плен.

При допросе оказалось, что это были четыре иностранных офицера, которых сопровождал персидский жандарм. Выяснилось, что один из офицеров является послом Турции Асим Беем, а второй — военным агентом (атташе) Австро-Венгрии полковником Геллером. Если четверо из этой группы сложили оружие сразу, то турецкий посол долго не хотел подчиниться требованию казачьего есаула.

Задержанные были незамедлительно доставлены в штаб отряда войскового старшины Беломестнова. У персидского жандарма при обыске нашлось письмо с «расшифровкой депеши на турецком языке». Это была разведывательная информация о продвижении русских войск на Хамаданском направлении. В письме нашлись сведения и о намерениях противной стороны.

Командованию экспедиционного корпуса стало ясно, что последующие военные события на территории Персии развернутся в борьбе за древний город Керманшах. Столица одноименного приграничного остана находилась в предгорьях Иранского Курдистана, на линии расселения соседних племен курдов и луров.

Именно туда уходили разбитые под Хамаданом, Кумом и другими городами прогерманские отряды персидской жандармерии и «муджихидов». К Керманшаху стягивались значительные силы конных ополчений, прежде всего курдских и иных кочевых племен. Сюда бежали немцы, шведы, австрийцы, турки, которые с оружием в руках встретили появление на персидской территории русских войск.

Именно там находились «военный агент германского Генерального штаба» граф Каниц и его ближайшие помощники. Каниц лично руководил фортификационными работами у Керманшаха, занимался распределением оружия, боеприпасов и денег, был на связи с турецким командованием в недалекой Месопотамии. В городе скопилось большое количество самого разного по назначению и происхождению военного имущества.

Керманшах находился в 120 верстах к юго-западу от занятого русскими войсками Хамадана. Он был связан с ним хорошей дорогой. По достоверной разведывательной информации, в январе

1916 года у Керманшаха сосредоточилась большая неприятельская группировка, силой до 20 тысяч человек при 14 орудиях. Основу ее составляли отряды курдской конницы.

Все это делало Керманшах «главной германо-турецкой базой на территории Персии». О его значении свидетельствует тот факт, что незадолго до взятия города войсками Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса, в нем с инспекторской поездкой из соседней Турции побывал сам генерал-фельдмаршал фон дер Гольц-паша, успешно воевавший против англичан на юге Месопотамии.

Германская военная миссия в Стамбуле была всерьез встревожена тем, что ход событий в нейтральной Персии показал, что на ветер выброшены огромные деньги, которые Берлин выделил для вовлечения этой восточной страны в Великую войну. То есть речь шла о видимом провале стратегической берлинской задумки. Потому и цена ей была большая.

Графу Каницу пришлось держать отчет, в том числе и финансовый, перед фон дер Гольцем, он заверил высокое инспекционное лицо чстью прусского офицера в том, что «его» Керманшах устоит перед русским оружием. Для того чтобы этот город «устоял», было сделано действительно многое.

К началу Керманшахской наступательной операции войска русского экспедиционного корпуса оказались отчасти разбросанными: значительные силы оказались в Кумском остане, под Тегераном, в Казвине и Гилянкой провинции, в ряде других мест. Поэтому великий князь Николай Николаевич-младший и генерал от инфантерии Н.Н. Юденич решили продолжить усиление отдельного баратовского корпуса.

На территорию Персии вводится третья конная дивизия — Кавказская кавалерийская дивизия (начальники дивизии — генерал-лейтенант князь Сергей Белосельский-Белозерский, затем Генерального штаба полковник Гавриил Корганов). На Кавказском театре военных действий она была единственной армейской, все остальные конные соединения являлись казачьими.

Это была единственная кавалерийская дивизия русской армии в Первой мировой войне, полностью состоявшая из трех драгунских полков и традиционного четвертого казачьего (обычный состав кавалерийской дивизии из четырех частей — драгунский, уланский, гусарский и казачий полки). Ее состав был таков:

16-й драгунский Тверской Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полк (командиры полка — полковник Эдуард Хартен, затем полковник граф Павел Коцебу), 6 эскадронов.

17-й драгунский Нижегородский Его Величества полк (командир полка — полковник Станислав Ягмин), 6 эскадронов.

18-й драгунский Северский Короля Датского Христиана IX полк (командиры полка — полковник Александр Гревс, затем Генерального штаба полковник Николай Эрн), 6 эскадронов.

Кубанский казачий 1-й Хоперский Ея Императорского Величества Великой княгини Анастасии Михайловны полк (командир полка — полковник Николай Успенский), 6 сотен.

Кавказский конно-горный артиллерийский дивизион, состоявший из 2 батарей, 16 конных и горных орудий (командир — полковник Бородаевский).

Это была привилегированная кавалерийская «полугвардейская», как ее заслуженно считали, дивизия. Она отличалась от других кавалерийских соединений не только своей традиционно высокой боевой выучкой, но и тем, что в ее драгунских полках служили много офицеров аристократических фамилий, прежде всего князей кавказских народов.

Кавказской кавалерийской дивизией командовал только-только назначенный генерал-майор Свиты Его Императорского Величества (вскоре получивший повышение в чине), 48-летний князь Сергей Константинович Белосельский-Белозерский, начавший Первую мировую войну во главе 1 — й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии. Выпускник Пажеского корпуса имел хороший послужной список, одно время был командиром лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. В Гражданскую войну находился в Финляндии, служил в штабе генерала Маннергейма.

Полки этой кавалерийской дивизии относились к числу старейших в старой русской армии. Их боевая летопись была связана прежде всего с войнами России на Кавказе. Тверским драгунским полком одно время командовал будущий генералиссимус А.В. Суворов-Рымникский, князь Италийский. Нижегородский же драгунский полк относился к числу наиболее прославившихся полков регулярной кавалерии, отличившись не раз в Кавказской войне против имама Шамиля.

К слову говоря, Кавказская кавалерийская дивизия до этого уже побывала на земле Персии, и ее люди были знакомы с местными условиями. В апреле 1915 года она была в срочном порядке переброшена с Юго-Западного фронта в пограничный остан Западный Азербайджан, граничащий с Турцией.

Вместе с дивизией в той операции участвовала 3-я Забайкальская казачья бригада генерал-майора кубанца К.Н. Стояновского, с началом Первой мировой войны призванного из запаса. Бригада состояла из 2-го Аргунского и 3-го Верхнеудинского полков со 2-й Забайкальской казачьей батареей.

Тогда, в начале второй военной кампании ожидалось вторжение турецких войск в Персию. Цель прохода турок через ее территорию к российской границе по реке Араке был ожидаем. То есть речь шла о наступательной операции противника на Бакинском направлении. Что, собственно говоря, входило в стратегические планы султанского военного министра Энвер-паши.

Кавказская кавалерийская дивизия эшелонами прибыла на российско-персидскую границу, на железнодорожную станцию Джульфа. Здесь, разгрузившись, полки вместе с дивизионной артиллерией совершили 800-верстовый «показательный» марш по горной местности. Маршрут был проложен через главный город Иранского Азербайджана Тавриз по южному берегу озера Урмия к городу Ван у одноименного озера на турецкой территории.

Мемуарист-белоэмигрант Ф.И. Елисеев в своей книге «Казачи на Кавказском фронте» так описывал тот многотрудный горный поход русской конницы через Иранский Азербайджан в горы Турецкой Армении, к озеру Ван:

«...Движение конной массы произвело колоссальное впечатление на полудиких курдов и на все население Персии. Длительное стройное движение массы конницы, с большим количеством артиллерии и пулеметов, бесконечными колоннами — в воображении местного населения приняло грандиозные размеры.

Курды, после целого ряда понесенных ими неудач, затихли. Наконец, конный отряд выяснил полное отсутствие регулярных сил турок на персидской территории».

Экспедиционный корпус получил на усиление не только одну Кавказскую кавалерийскую дивизию с ее конно-горным артиллерийским дивизионом. По решению главнокомандующего на Кавказе великого князя Николая Николаевича-младшего корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова получил два батальона пограничной стражи. Ожидалось прибытие еще одного такого пограничного батальона.

Таким образом, сила русского экспедиционного (отдельного) корпуса в Персии состояла из 6 батальонов пехоты, 2 дружин Государственного ополчения и 63 казачьих сотен и драгунских эскадронов.

Появление в приграничье остана Западный Азербайджан (в Урмийском районе) значительных сил русской кавалерии, казачьей и драгунской, «сильно» подействовало на неприятеля. Генерал-белоэмигрант Е.В. Масловский сложившуюся ситуацию описал в таких немногословных строках:

«В Персии... генерал Назарбеков продолжал оставаться в районе Дильмана, но, когда решил вновь овладеть городом... в ночь на 19 апреля, турки спешно и весьма скрытно ушли...

Между тем войска Халил-бея, по-видимому, под впечатлением движения конницы 4-го Кавказского корпуса с севера к Вану, несмотря на успешность их действий до того времени, быстро очистили всю Урмию и ушли на запад в пределы Турции».

Конницей 4-го Кавказского корпуса, о которой пишет Масловский, была Закаспийская казачья бригада в составе двух полков с Кубани. Бригада являлась основой отдельного Араратского отряда, «в котором опасными и непримиримыми врагами турецкой армии были три армянские добровольческие дружины, насчитывающие в своих рядах около 3000 штыков».

Наступательные действия русских войск в приграничном с Турцией остане Западный Азербайджан привели к тому, что турки поспешили уйти с северного участка гор Иранского Курдистана. Вместе с турками через границу ушли и те кочевые курдские племена, которым трудно было рассчитывать на нисхождение со стороны русских.

Офицер кубанского 1-го Кавказского казачьего полка Ф.И. Елисеев вспоминал о том, как его полк, входивший в состав Араратского отряда Кавказского фронта, в мае 1915 года столкнулся с турками и курдами, отступившими с персидской территории:

«...Окончилась благодатная Ванская долина, и мы вступили в горы. А через пару дней полку преградили путь скопища курдов какого-то Мансур-бека. Отступая со всем своим племенем, с пожитками и многочисленными стадами овец из-под города Сарай, при поддержке турецких отступающих частей из Персии Мансур-бек занял обширный горный район.

17 мая, перейдя перевал, отряд спустился в небольшую долину. С отрогов хребта нас встретила жарким огнем турецкая пехота, чего мы не ждали. Спешенный полк втянулся в бой. Сотни, разбросанные по разным отрогам, связанные коноводами и двумя штабами — бригады и полка, действовали неуверенно и не смогли сбить турок. Заночевали на позициях. К утру, не обнаружив турок, вошли в село Касрик.

В нашем штабе нам тогда сказали так: „Турецкие войска генерала

Халил-бея, разбитые отрядом генерала Чернозубова под городом Сарай, отступили на юго-запад. Чтобы не быть отрезанным и не нести ненужных потерь, Халил-бей разбил свои отряды побатальонно и приказал спешно самостоятельно, без втягивания в бой, по тропам проскользнуть мимо русских войск и сосредоточиться у Битлиса. С одним из этих батальонов мы и вели бой“».

После того как турки, с которыми вел бой кубанский казачий полк, ночью по горной дороге ушли к Битлису, курдское племя Мансур-бека, с которым казаки-кавказцы вели бой, осталось без «союзника». Мансур-беку не оставалось ничего другого, как явиться под «парламентским» белым флагом в полковой штаб русских. Начались переговоры о капитуляции племенного ополчения.

«После некоторого времени рассматривания друг друга Мансур-бек через нашего армянина-переводчика заговорил:

— Мы — кочевники. Я есть глава одного из курдских племен, обитающих у персидской границы. У меня — до четырех тысяч семейств и стада овец. Мы отступаем с турецкими войсками из-под самого города Сарай. Защищая свои кочевья, имущество и племя, мы воевали против русских. Теперь же все — и мое племя, и кочевья, и стада овец и скота — осталось позади русских войск...

Здесь он замолчал, передохнул и продолжал:

— Я, как глава своего народа, нахожу дальнейшее сопротивление русским войскам бесполезным и вредным и прошу вашей милости остаться под властью русского Белого царя. Если нужно — мое племя сдаст русскому командованию все свое оружие... и мое племя прошу считать мирным.

Все это Мансур-бек изложил спокойно и с полным достоинством.

Наш командир полка полковник Дмитрий Александрович Мигузов, казак Терского войска, отлично знавший психологию кавказских горцев, так же достойно выслушал побежденного вождя мусульман, не перебивая его ни единым словом, и отнесся к нему по-рыцарски. Но — от имени русского Белого царя — потребовал „полной сдачи всего огнестрельного оружия“. Мансур-бек согласился с этим требованием...

Обрадованные тем, что нашему полку без боя сдалось очень сильное племя курдов — до 4000 семейств, в котором вооруженных мужчин всех возрастов было несколько тысяч, мы заснули крепким сном.

Курды — как кочевники, отсюда и полуразбойники — все вооружены огнестрельным оружием и ножами. Молодой курд, не имеющий собственной винтовки, не может жениться, то есть никто за него не выйдет

замуж, как за недостойного. Кроме того, перед войной турецкое правительство выдало всем курдам десятизарядные винтовки старого образца со свинцовыми пулями...

Для полного разоружения курдов была оставлена одна сотня казаков. Остальные пять сотен полка с конно-горной батареей и конной сотней пограничников двинулись дальше на юг.

...Сдача оружия курдами шла туго. Мы все отлично понимали, что для кочевника-курда сдать свое ружье — словно вынуть сердце из своего существа. Оружие, ими сдаваемое, было все старинное — однозарядные винтовки системы „Побиди“. Все это было чистым хламом. Десятизарядные винтовки системы Маузера со свинцовыми пулями крупного калибра, которые они очень любили и которыми были вооружены почти поголовно, явно они спрятали...

Разоружение курдов закончено. Десятка два наших полковых двуколки везли разный ненужный хлам огнестрельного курдского оружия всех калибров и систем. Бегри-бек (брат вождя Мансур-бея) и пять главных курдов были взяты в качестве заложников...»

Баратовский корпус, тыловыми базами которого оставались каспийский порт Энзели и (на российской территории) железнодорожная станции Джульфа, обеспечивался с востока Хорасанской группой войск Туркестанского военного округа. В таком ситуационном положении корпус мог развивать наступление на Хамаданском направлении, на город Керманшах.

Вскоре на усиление экспедиционных войск прибыла казачья пехота в лице 4-й Кубанской пластунской бригады. Она состояла из 19, 20, 21 и 22-го Кубанских и 1-го и 2-го Терских пластунских батальонов. События на Персидском фронтешний раз подтвердили высокие боевые качества пластунской пехоты в горной войне.

Кавказская кавалерийская дивизия стала основой тех сил сводного отряда, которые повели наступление на Керманшах. Продвижение к нему не шло в сравнение с событиями вокруг Хамадана и Кума. Коннице порой приходилось проделывать 50-верстные переходы при перегруппировке отрядных сил.

После занятия города Керманшаха, одного из самых больших в Иранском Курдистане, напишут: «Без боя не сдавалось ни одно селение у шоссе». То есть речь шла большей частью о курдских селениях, расположенных в предгорьях. Племена курдов, мужская часть которых была поголовно вооружена, оказывали упорное сопротивление «чужим военным» на своей земле. Как правило, селения защищались до последней

возможности, чтобы дать его жителям уйти в безопасные места, то есть укрыться с домашним скарбом в окрестных горах.

Керманшах был взят с боя 11 февраля 1916 года. На тот день это была самая большая победа экспедиционного корпуса. Февральские бои в Керманшахском остане подтвердили то, что Турция уже ввела на персидскую территорию значительные силы регулярной армии — 2,5 тысячи солдат (аскеров) и офицеров. Взятые в плен турки принадлежали к 1-му Константинопольскому полку из состава 21-й пехотной дивизии, расквартированной в Месопотамии.

Оборону Керманшаха, помимо турецкой пехоты и персидских жандармов, вели отряды иррегулярной конницы. Это были ополчения племен курдов, бахтиаров, кельхиоров. Среди защитников города оказались остатки «шайки Эмир-Хикмета», совсем недавно пытавшейся напасть на столичный Тегеран.

Русский отряд захватил под Керманшахом турецкий походный лагерь с немалой частью его имущества, брошенного при поспешном отступлении 1-го Константинопольского пехотного полка. Среди богатых трофеев оказались 7 разнокалиберных орудий, 8 пулеметов, немалое число боеприпасов. То есть те тяжести, которые мешали бегству. Точных сведений о потерях неприятеля нет. Схваток в самом городе не случилось.

Граф Каниц, носивший к тому времени погоны генерала кайзеровской армии, при виде ворвавшихся в Керманшах казаков-пластунов, застрелился. Он понял, что ведомая им не один год в Персии крупная игра проиграна, а на его возможной карьере в отечестве «поставлен крест». Керманшах же с его «легкой руки» считался последним оплотом Центральных держав (Германии и Австро-Венгрии) в нейтральной Персии.

Когда полки Кавказской кавалерийской дивизии вступили в Керманшах, который открыл перед ними свои городские ворота, то их встретили местный губернатор и население. Оркестр играл «Боже, царя храни». 1-й Хоперский казачий полк и передовые драгунские эскадроны прошли город, не останавливаясь в нем.

Они повели неотступное преследование разбитого неприятеля, поспешно уходившего, рассыпаясь по пути, в окрестные горы, к границе с близкой Турцией. То там, то здесь вспыхивали перестрелки. На следующий день после занятия Керманшаха, 12 февраля, дивизион казаков-хоперцев занял город Корве.

Державшийся здесь под командованием немецких офицеров отряд персидской жандармерии (примерно 500 человек) и курдские всадники были отброшены к многолюдному (до 70 тысяч жителей) городу Сенне,

который считался «столицей» курдов-суннитов. Суннизм являлся господствующей религией в Турции, почти неохраемая граница с которой была совсем рядом.

Сенне имел заметное влияние на весь Иранский Курдистан. В одном из донесений оттуда в штаб экспедиционного корпуса говорилось о том, что этот город «является одним из мест, где немцы были приняты с радушием».

Разведкой было установлено, что в самом Сенне и его окрестностях скопились до 6 тысяч вооруженных людей, в своем большинстве всадников-курдов. Неприятель имел несколько артиллерийских орудий. Однако дела до большого, продолжительного боя за обладание Сенне не дошло.

Во взятии города курдов-суннитов участвовали 1-й Хоперский казачий полк полковника Николая Успенского и драгунский отряд из двух полков — Нижегородского и Северского, которым командовал полковник Александр Гревс, награжденный за боевые отличия в Русско-японской войне 1904–1905 годов Золотым оружием. После Персии, в декабре 1916 года Гревс будет назначен командующим лейб-гвардии Конно-Гренадерским полком.

Эти три полка Кавказской кавалерийской дивизии решили вопрос взятия Сенне. Неприятельские отряды под городом были рассеяны: курдская конница, не упорствуя в столкновениях, ушла в окрестные горы, где всадники разъехались до поры, до времени по своим селениям. Какая-то часть всадников поспешно бежала в сторону границы, уйдя на территорию Турецкой Месопотамии.

Горожане Сенне, равно как и Хамадана, Кума и Керманшаха, оказывать вооруженное сопротивление русским войскам не стали. К этому их не призывали ни местные губернаторы «от шаха», ни мусульманское духовенство. В 11 часов утра 17 февраля дивизион казаков-хоперцев, которым командовал войсковой старшина Григорий Ларионов, соблюдая предосторожность, вошел в Сенне, который открыл перед кубанцами городские ворота.

Керманшахская наступательная операция оказалась богата на боевые трофеи. К трофеям относилось то, что неприятель не смог унести на себе или увезти на себе, бросив на позициях и складах.

Согласно донесениям, которые легли на стол генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова, корпусными войсками были захвачены, в боевых столкновениях у прогерманских и протурецких отрядов:

- 8 артиллерийских орудий (из них полевых — 5, горных — 3);
- 1700 артиллерийских снарядов разных калибров;

- 1,5 миллиона (!) патронов для ружей (винтовок, карабинов) различных калибров и стран-производителей;
- 100 пудов (!) малокалиберных патронов;
- значительное количество ручных бомб (гранат) и взрывчатых веществ;
- флаг-значок 7-го жандармского полка;
- большое число самого различного ручного огнестрельного и холодного оружия (брошенного при бегстве, снятого с убитых и пленных), военного снаряжения и имущества;
- немалое число коней, годных к строевой службе, и вьючных, обозных лошадей и верблюдов.

Одна показательная деталь: в донесениях русской разведки есть свидетельство о том, что в Керманшахском остане проводились «германские опыты с газовыми вьючными аппаратами». Эти опыты окончились неудачно. В противном случае русским экспедиционным войскам пришлось бы столкнуться с газовыми атаками немцев, которые в кровавой истории Первой мировой войны хорошо известны на Восточном (Русском) и особенно широко на Западном (Французском) фронтах.

Следствием быстрого взятия Керманшаха и Сенне стало занятие города Исфахана в самом центре Персидского государства. Эту операцию провел 1-й Запорожский полк Кубанского казачьего войска, с боем вступивший в этот большой город.

Неприятель бежал от Исфахана, его отряды и здесь «рассеивались». Сказывалось то, что большая часть германских и турецких офицеров после взятия Сенне и самоубийства графа Каница, «генератора сопротивления русским», в Керманшахе скрылась в турецкой Месопотамии.

«Малая война» в нейтральной Персии- против русских экспедиционных войск германским Генеральным штабом и султанским военным министром Энвер-пашой была к началу весны повсеместно проиграна. Этот факт были вынуждены признать и в Берлине, и в Вене, и в Стамбуле.

На силы, которые противодействовали вооруженной рукой (и не только вооруженной) России в Персии, особенно удручающе подействовало то, что все большие и малые победы давались отрядам Кавказского кавалерийского корпуса «малой кровью». Потери людей убитыми, ранеными и пропавшими без вести в каждом случае исчислялись единицами и реже — десятками. И потери в лошадях, что было совсем немаловажно, тоже оказались минимальными. Сказать же это о неприятеле было никак нельзя.

После поражения «германо-турецких сил» под Хамаданом и Кумом, Керманшахом и Сенне, русские войска (преимущественно казачья конница) занялись «зачисткой» местности, прилегавшей к важнейшим дорогам в тех останах, где прошли бои. То есть шли поиск вражеских отрядов и их незамедлительное «разбитие».

Важно было обезопасить караванные пути для движения обозов, тылов, летучей почты и, наконец, самих местных мирных жителей. Это было требование приказов главнокомандующего Отдельной Кавказской армии генерал-лейтенанту Н.Н. Баратову. И в корпусном штабе прекрасно понимали, сколь важна безопасность коммуникационных линий в чужой, беспокойной стране.

В первую очередь надо было обезопасить зону дороги Хамадан—Керманшах, которая дальше шла через государственную границу в горах Курдистана на Багдад. Здесь поисковые рейды, которые осуществлялись преимущественно маневренными и «быстроногими» казачьими сотнями, велись к югу и северу от дороги.

Очистка этой дороги, стратегически важной в той ситуации, от конных отрядов «курдов и враждебных племен» прошла в феврале и марте 1916 года. Но со всей очевидностью воинственные кочевые племена западного приграничья Персии лишь на время присмирели и «спрятали оружие», чтобы при удобном случае вновь взяться за него.

Война кормила кочевые племена персидских окраин веками, она давала им добычу, за участие в ней им (прежде всего племенным вождям) хорошо платили. Первая мировая война 1914–1918 годов исключением из этого исторического правила для Востока не стала.

Такая «зачистка» беспокойных останов, прежде всего в предгорьях Иранского Курдистана, порой приводила к боям, в которых со стороны неприятеля участвовали значительные конные «партии». Так, 15 марта казачьим сотням 1-го Хоперского полка во главе с полковником Успенским пришлось выдержать 4-часовой бой со значительными силами конных курдов. Это дело состоялось близ старинного укрепления (крепости) Карамалан-хан.

Курдская конница рассеялась лишь после того, как потеряла более 300 человек и, по всей вероятности, большое число коней. То есть продолжительный огневой бой (ружейную перестрелку) курды проиграли вчистую. Потери атаковавших казаков-хоперцев выразились всего в 6 раненых. Эти цифры были приведены в донесении полкового командира в корпусной штаб.

Одновременно с наступлением русских экспедиционных войск на

Хамадан, Кум, Керманшах и другие города центральной и восточной части Персии оживились боевые действия на участке отдельного Азербайджанского отряда. Он, являясь левым крылом Отдельной Кавказской армии, обеспечивал безопасность российской границы в остане Западный Азербайджан, то есть в районе озера Урмия.

Здесь со стороны Турецкого Курдистана не прекращались попытки прорыва к озеру Урмия. Причем речь шла не о засылке небольших отрядов конных курдов для проведения всякого рода диверсий, а о наращивании сил на собственно персидской территории. Разведка доносила генерал-майору Чернозубову достаточно полные сведения о приготовлениях противной стороны:

- горная местность вокруг города Ушнуэ занята большими силами курдской конницы, в рядах которой «просматривалось» большое число турецких военных, в том числе жандармов и пограничных стражников;

- после взятия Ушнуэ неприятель был готов двинуться на город Соудж-Булаг, находившийся на самом южном берегу озера Урмия. Для захвата Соудж-Булага якобы был готов выступить конный 4-тысячный отряд с двумя пулеметами;

- со взятием Ушнуэ ожидалось прибытие в него отряда турецкой пехоты в 400 солдат-аскеров, усиленного двумя орудийными расчетами.

Кроме того, приходили вести о том, что противная сторона усиливается в приграничье северной Месопотамии, то есть в сопредельном Иракском Курдистане. Так, штабу Азербайджанского отряда стало известно, что в отряд мосульского вали (губернатора) из Битлиса прибыли германцы: 4 офицера и 200 солдат.

Самым достоверным свидетельством новой вспышки боевых действий в горной области между Урмийским озером и границей стало то, что в город Урмию под защиту русского отряда стало стекаться большое число беженцев-христиан, преимущественно армян. Они, напуганные ожидаемой неминуемой резней и слухами, которые распускала турецкая агентура, оставляли свои селения на западном и южном берегах озера.

Но, с другой стороны, имелись свидетельства, что курдская племенная конница в своей массе ушла из Урмийской области на юг Иранского Курдистана. Такую информацию казачьим разъездам сообщали беженцы-айсоры из селений Омар-Ага, Хитагава и ряда других.

Попытки казачьих разъездов, высылаемых далеко в горы для разведки, собрать более достоверные сведения о неприятелях в конце 1915 года успеха не имели по следующей причине. Глубокие снега покрыли горные перевалы и дороги, высота снега на них порой доходила до стремени коня.

То есть о проходимости путей на Ушнуэ говорить не приходилось.

В штабе генерал-майора Ф.Г. Чернозубова (стоявшем на то время в городе Хое), суммировав все эти разведывательные сведения, пришли к следующему выводу. В условиях наступившей горной зимы неприятель мог наступать в зоне ответственности Азербайджанского отряда только со стороны города Ревандуза на Ушнуэ и Соудж-Булаг «с последующим поворотом на Урмию».

Исходя из таких вполне реальных «прогнозов на зиму», Черно-зубов поставил 3-й Забайкальской казачьей бригаде (вернее — созданному на ее базе сводному отряду) следующую боевую задачу. Генерал-майору Стояновскому со своими казаками-забайкальцами предстояло удерживать занимаемый ими район до подхода ожидаемых армейских резервов. А до этого полагаться только на самих себя, но наступавших турок разбить.

Бригадный начальник Стояновский на то время имел такие силы: 3-й Кубанский и 3-й Верхнеудинский казачьи полки (всего 12 сотен), пограничный полк, 4-ю и 7-ю армянские дружины, 2-ю и 4-ю Забайкальские казачьи батареи (10 полевых и 2 горных орудия), отдельную пулеметную команду (всего 18 пулеметов в отряде).

Усиление отряд Стояновского мог получить только из состава прибывающих в состав Азербайджанского отряда армейских резервов. От железнодорожной станции Джульфа уже двигались 6 батальонов пехоты и 6 казачьих сотен при 12 орудиях и 32 пулеметах. Часть этих сил Стояновский и мог получить на свое усиление. Поэтому Чернозубов предписывал:

«...Приказываю: выяснить силы противника и удерживать Урмию, Кала-Зева, Талау и Соудж-Булаг... отход только в крайнем случае под напором значительных сил к Миандоабской переправе (через озеро Урмия. — А.Ш.), которую занял 2 сотнями (забайкальский 2-й Нерчинский полк».

Этот приказ пришел 12 декабря, а уже 16-го турки и курды «открыли» боевые действия в районе Миандоаба, где стоял отряд кубанских казаков войскового старшины Захарова. Тому пришлось под давлением превосходящих вражеских сил начать отход к Миандоабской переправе.

Стоявшие на ее прикрытии две сотни забайкальцев-нерчинцев пошли на рискованное дело. Они в конном строю бесстрашно атаковали неприятеля во фланг. Лихая атака привела к тому, что турки и курды обратились в бегство. Преследовавшие их кубанцы и нерчинцы «очистили от противника долину реки Татава», который бежал к Амир-Абаду, юго-западнее Миандоабы.

Тот победный бой заметно улучшил положение отряда войскового старшины Захарова. Им была занята новая, более удобная позиция у селения Мехмандар, что позволило надежно прикрыть броды через реку Татаву.

Начальник Азербайджанского отряда, обеспокоенный ситуацией, отправил в Миандоабу стоявшие в городе Тавризе четыре сотни 2-го Нерчинского казачьего полка. Так полк забайкальских казаков, разбросанный по Иранскому Азербайджану, вновь собрался воедино.

Чтобы уяснить ситуацию после боя у Миандоабы, было принято решение провести усиленную рекогносцировку (разведку) в районе города Ушнуэ. На этот раз речь шла не о дозорных казачьих сотнях. В отряд войскового старшины Куклина вошли две конные сотни казаков-верхнеудинцев, две пехотные роты и армянская дружина. Этот отряд двумя походными колоннами со всеми предосторожностями двинулся к Ушнуэ.

Куклинскому отряду вскоре после начала движения пришлось столкнуться с неприятелем. Первыми завязала бой правая походная колонна, которой кохмандовал подъесаул князь Ухтомский. Выйдя из селения Гялас, она по правому берегу реки Рубар-Ушнуэ, по горному хребту вышла к первой линии вражеских окопов. Началась их атака.

Когда цепь спешенных казаков и пехотинцев спустилась в долину, пулеметчики поверх их голов с дистанции в тысячу шагов обстреляли окопы. Засевшие в них турки были лишены возможности вести прицельный огонь. Когда атакующие приблизились к вражеским окопам на 300 шагов и бросились в штыки и шашки, противник, не принимая рукопашного боя, бежал на вторую линию окопов.

Атакующая ситуация повторилась и на второй, и на третьей линии окопов. Только сильная усталость за день людей не позволила подъесаулу князю Ухтомскому захватить четвертую линию турецких окопов.

Провела свой бой и левая походная колонна подъесаула Церельникова. Сначала она перед селением Имам сбила заслон из 60 спешенных курдских всадников. Затем отразила атаку турецких кавалеристов силой до двух эскадронов, которым пришлось покинуть поле боя.

После этого войсковой старшина Куклин отправил на поддержку атаки правой колонны 2 пулемета и конную сотню из армянской дружины. Получив такое усиление, подъесаул князь Ухтомский смог заставить турок отступить к селению Гирдкашан.

Куклинский отряд продолжил движение к Ушнуэ. Турецкие и курдские всадники по пути постоянно нависали над походными колоннами русских. Но все их попытки приблизиться пресекались казачьими взводами,

прикрывавшими отряд с флангов и тыла.

Колонны приблизились к городу Ушнуэ. Однако речь о том, чтобы ворваться в него, не шла. Причин виделось две: заканчивались боеприпасы, а на флангах стала появляться в значительном числе вражеская конница. Поэтому войсковой старшина Куклин приказал отряду закрепиться на достигнутом рубеже.

Боевая задача была выполнена: местонахождение сил неприятеля у города Ушнуэ выяснили, силы его установили, бой с ним выиграли. Отрядный командир отправил донесение, которое ожидалось в чернозубовском штабе. В нем говорилось следующее:

«.. Донося о вышеизложенном, не могу, по долгу службы, умолчать, что как офицерские, так и нижние чины отряда вели себя как истые герои, проникнутые любовью к родине и духом побить врага и готовые броситься в безумную атаку, презрев опасность...»

Куклинский отряд занял выгодную позицию у высоты Молла-Иса, которая позволяла контролировать не только дорогу на Ушнуэ, но и речную долину. Казачьи сотни были отведены на место их прежней стоянки, а для наблюдения за действиями противной стороны у горы была оставлена сводная рота армянских дружинников, состоявшая из добровольцев — жителей Ванского района, в котором турки и курды в 1914 году наиболее жестоко расправились с местными жителями-христианами, то есть учинили поголовную резню.

Спустя два дня после боя при Ушнуэ две роты турок, которых сопровождали несколько сотен конных курдов, атаковали позицию у высоты Молла-Иса. Армянские добровольцы атаку отразили частым ружейным огнем, но, когда курды стали обходить их с левого фланга, сводная рота дружинников стала, отстреливаясь, отходить. В рукопашной схватке часть роты погибла.

Бой закончился тем, что подоспевшие сотники 3-го Верхне-удинского казачьего полка отбросили врага на исходные позиции. Войсковой старшина Куклин писал в донесении, что «...армяне действовали молодцами и нанесли противнику большие потери».

В последние декабрьские дни 1915 года бои на западном берегу Урмийского озера не утихали. 23 декабря курды числом около 500 всадников попытались переправиться через реку Джиготу. Эту попытку «ликвидировали» четыре сотни казаков-забайкальцев из 2-го Нерчинского полка. Куртинская конница сшибку (то есть рукопашный бой. — А.Ш.) не приняла и ушла к себе.

На следующий день этот полк под вечер ворвался в Миандоабу и

выбил оттуда курдов. Но те получили ощутимое усиление, и казаки-забайкальцы отошли в соседнее селение, Кара-Топа, потеряв за день боя 7 человек убитыми и 8 — ранеными. О потерях неприятеля сведений не имелось.

Тот бой нашел отражение во «фронтовых сводках» Ставки Верховного главнокомандования. Эти ежедневные информационные бюллетени печатались во многих российских газетах, исключая разве что антиправительственные и подпольные издания. В сводке за 23 декабря о бое забайкальского 2-го Нерчинского казачьего полка информационно кратко говорилось следующее:

«Кавказский фронт в Персии. К югу от Урмийского озера курдские скопища сделали попытки переправиться на правый берег р. Джигаты, и они с легкостью были прекращены в районе города Асад-Абада».

Турецкое командование, поставившее себе задачу во второй военной кампании закрепиться на персидской территории, у озера Урмия, делало все возможное, чтобы вынудить русские войска оставить этот район. Конец 1915 года примечателен тем, что неприятель использовал здесь в своих целях один из приемов «психологической войны». То есть постарался вызвать панику среди христианского населения Урмийского района, чтобы воздействовать и на противника.

В ночь на 23 декабря в городе Урмия (столице остана Западный Азербайджан) были расклеены листовки, в которых говорилось, что скоро сюда «прибудут» отряды Халил-бея и Хейдар-паши. В том, что это дело рук турецкой агентуры, сомнений не имелось. Итогом такой «диверсии» стало то, что немалая часть жителей Урмии стала в панике покидать губернский город.

После этого случая командование Азербайджанского отряда стало чаще привлекать для борьбы с вражескими лазутчиками казачьи разъезды, которые высылались не только по дорогам, но даже и по горным тропам остана Западный Азербайджан. Досмотру подлежали гужевой транспорт, выючные караваны. Задерживались и разоружались подозрительные лица, особенно те, которые держали путь от турецкой границы.

Такая сеть бдительных дозоров на путях, которые пересекали территорию остана, послужила хорошую службу. Турецкие агенты, оказывавшие вооруженное сопротивление, как правило, уничтожались. Стало больше полезной разведывательной информации.

Удалось установить, что немало шпионских сведений турки получали по телеграфным линиям Южного Азербайджана, которые обслуживались телеграфистами-персами. Последние, ко всему прочему, умышленно

вредили работе русских связистов. Чтобы пресечь такую утечку разведывательных данных, было принято решение снять все телеграфные аппараты в селениях Геогане и Марате.

В последние дни уходящего 1915 года участились обстрелы казачьих разъездов и постов, проезжающих по дорогам из засад. В спину стреляли даже в курдских селениях, жители которых объявляли себя «мирными». Небезопасно стало даже в ближайшей округе города Дильмана.

Нападения совершались не только на казачьи разъезды, но и на представителей местной шахской администрации. Так, в 20 верстах от Дильмана были обстреляны вместе с помощником местного губернатора Юсуф-ханом казаки, которые были отправлены в селения Баджирча и Мамокан для покупки скота на провиант.

Командир Азербайджанского отряда генерал-майор Ф.Г. Черно-зубов решил «примерно наказать» эти курдские селения. Меры наказания выразились в том, что были взяты под арест старшины, на села был наложен штраф в 600 рублей и произведена регистрация огнестрельного оружия «на предмет его отобрания». Об этом были поставлены в известность российский консул в Дильмане Акимович и посольство в Тегеране.

Однако такие меры по отношению к «немирным» курдским селениям применялись не всегда. Особенно в тех случаях, когда в ходе обстрелов гибли и «без вести пропадали» люди и лошади. То есть война накладывала свой жестокий отпечаток на взаимоотношения экспедиционных войск в Персии и враждебно настроенной к ним части местного населения.

«Усмирение» же протурецки настроенных племен в Иранском Курдистане чаще всего проводилось силой оружия. Возможно, такого можно было бы во многих случаях избежать при наличии на местах дееспособной шахской администрации. Но таковая в горных областях запада Персии и местах расселения кочевых племен отсутствовала.

Граница же с Турцией в годы войны никем не охранялась. Жандармские посты бездействовали даже на главных путях, которые пересекали черту государственной границы. К тому же персидская жандармерия открыто поддерживала «германо-турок».

В горах наступила зима. Всякие боевые действия в горных областях между озерами Урмия и Ван прекратились сами по себе. Все перевалы и многие дороги (не говоря уже о вьючных тропах) оказались в снежном плену.

Командование Азербайджанского (Ван-Азербайджанского) отряда вознамерилось было прикрыть расположение своих войск сотенными

казачьими заставами на горных перевалах со стороны Турции. Казаки жили в «конурах». Проблемы с доставкой провианта, дров и фуража привели к повальным болезням. Лошади болели от холодов и бескормицы.

Некоторый выход из такой губительной ситуации нашли в том, что вместо сотен на перевалах стали оставлять казачьи взводы. Такое стало возможным еще и оттого, что неприятель прекратил всякую боевую активность. Турецкие войска в Урмийском районе были немногочисленны и стояли в городах и больших селениях. Племенные ополчения курдов на зиму разошлись по домам.

Стала свертываться и конная разведка. Теперь по горным дорогам, занесенным снегом по пояс, могли передвигаться только пешие люди, да и то из местных жителей. Их зимой и использовали как лазутчиков во вражеский стан. Местные айсоры «за ничтожную плату» становились разведчиками в зимних горах.

Чтобы лишить неприятеля возможности получения разведывательной информации по телеграфу, было принято решение разрушить телеграфные линии в горах, на перевалах. Так, казачий разъезд подьесаула Метелицы 17 декабря разрушил линию в направлении Гумзит — перевал — Делиза, протяженностью в 5 верст. Когда через два дня этот разъезд вознамерился продолжить «работу», то оказалось, что на перевал «верхом нельзя было пройти» из-за выпавших глубоких снегов.

Собственно говоря, последние бои в Урмийском районе стали последними в биографии чернотубовского Ван-Азербайджанского отряда. В следующем году этот отряд по представлению генерала от инфантерии Н.Н. Юденича был переименован во 2-й отдельный Кавказский кавалерийский корпус, который позже стал именоваться 7-м кавказским отдельным корпусом.

В остальном Западный Азербайджан русские экспедиционные войска обустроивались так, чтобы из-за тыловых проблем не испытывать излишних трудностей при ведении боевой работы. Так, для лучшего материального обеспечения войск в приграничье с Турцией и эвакуации оттуда раненых и больных на озеро Урмия для «спрямления пути» была устроена переправа.

Об этой уникальной в условиях Персии переправе через озеро Урмию (пароход шел в сторону города Урмия из Случ-Булаха на восточном берегу) рассказывает в своих мемуарах сестра милосердия Кавказского фронта Христина Семина:

«Пароход этот, собственно говоря, попросту маленький катер, который больше десяти человек к себе на борт не мог взять. Если не поспеть

первым, то попросят садиться на баржу, которую катер тащит на буксире. На катере не было удобств. На барже же было прямо ужасно. Палуба ничем не затемнена. Солнце жарит вовсю. Уборной почти нет (будочка торчит на корме для всех).

Этот катер перевозит по Урмийскому озеру в одну сторону, военные и интендантские припасы, а в обратную забирает раненых и немногочисленных пассажиров. Иногда он тянет за собой две баржи, полные людей и груза. Раненых рядами кладут на палубе баржи. Сопровождают их фельдшер и несколько санитаров. На палубе стоит не прикрытая ничем бочка пресной воды для питья. Еды в дороге не полагалось — путь не долгий. А если кто и заголодает, так и сухарь пожует.

Зато когда пароходик привозил раненых к пристани Даналу, там для них был питательно-перевязочный пункт с врачами и сестрами. Раненых и больных выносили в чистые и прохладные бараки, перевязывали, кормили и отправляли их дальше, в Тифлис. Бараки были построены во время войны. Их было очень много — целый городок. Они стояли совсем на песке, на берегу озера. Там же был и домик для проезжающих сестер и врачей. Были даже баня и лавочки с разной мелочью.

Но не всегда проходили благополучно перевозки раненых даже и по такому маленькому и спокойному озеру. Вода в Урмийском озере настолько насыщена солью, что в ней утонуть прямо невозможно... Нередко бывает и волнение на озере. Когда подует хороший ветер, то плыть на маленьких баржах очень опасно. Когда нет в трюмах никакого груза, волнами их бросает с боку на бок, как простые скорлупки; раненых катает на палубе от одного борта к другому. Иной раз и смоем за борт...

Бывали случаи, что сами баржи переворачивались кверху дном. Бочки с пресной водой срываются со своих мест и катаются вместе с ранеными по палубе. Соленые волны заливают всю палубу, а то и уносят с собой в озеро все, что не привязано крепко... А что не смоят, то вымочат, поломают, разобьют.

Больные и раненые не имеют сил сопротивляться ударам этих волн, и их приходится либо привязывать, либо прятать куда-нибудь. Даже здоровым и крепким людям и тем нелегко бороться с качкой и частыми ударами коротких тяжелых волн... После бури утопленники, люди и животные, плавают на поверхности воды, не идут на дно, как им полагалось бы, если бы вода не была так насыщена солью...

Такая буря была на озере незадолго до моей поездки. Десятки раненых были смыты волнами с баржи, и все они погибли...»

К концу 1915 года стало совершенно очевидно, что все планы

германского и турецкого командований на открытие нового фронта войны на территории нейтральной Персии оказались несостоятельными. Баратовский Кавказский экспедиционный кавалерийский корпус со своей задачей справился. Более того, он сковал инициативу Стамбула и Берлина в действиях на Ближнем Востоке, притянув на себя часть турецких войск, действовавших против англичан в Месопотамии.

Говоря иначе, последняя «секретная Персидская экспедиция» старой России южнее пограничного Аракса имела начальный успех. Но впереди еще было два года войны и третий, 1918 год «исхода русской военной силы» из Персии, так и оставшейся «строго нейтральной» в Первой мировой войне.

Успокоение в «мятежных» останах, достигнутое вооруженной рукой, привело к тому, что мирная жизнь в городах и селениях начала быстро налаживаться. Присутствие русских воинских отрядов служило гарантом безопасности и сознания того, что разбои на торговых путях будут наказаны по законам военного времени. Не могла этого не видеть и шахская администрация на местах.

Баратов, как человек, хорошо знающий Восток в лице родного ему Кавказа, предвидел такую ситуацию после «погашения» деятельности враждебных России сил в невоюющей в Великой войне Персии. В самом конце декабря 1915 года он в одном из своих приказов по Кавказскому экспедиционному кавалерийскому корпусу подчеркнул:

«Мирная жизнь персидского населения, нарушенная боевыми действиями, вошла в свою колею».

Действительно, это было так. Пример персидскому населению, «взбудораженному» вступлением русских войск в страну, показали беженцы — граждане России и Великобритании, нашедшие для себя охраняемую безопасность в городе Казвине. Сотрудники российских и английских миссий стали возвращаться в свои прежние места. Там, где «германо-туркам» удалось спустить с консульств держав Антанты флаги, теперь эти флаги поднимались вновь.

Заработали европейские банки и торговые учреждения, телеграфные линии и почта. Но теперь внешние связи шахской Персии касались, в основном, держав Антанты. Центральные державы (Германия и Австро-Венгрия) и султанская Турция утратили в этой стране свое прежнее влияние. В Персии это хорошо понимали не только при дворе Султан-Ахмед-шаха.

Прошло всего два с половиной месяца, когда из корпусной штаб-квартиры, города Казвина выступили передовые отряды, взявшие

направление на Хамадан и Кум. За ними выступили и другие оперативные отряды, каждый из которых имел свою боевую задачу. Стремительные действия по разным направлениям русской конницы, не всегда подкрепленной артиллерией и пехотными батальонами, возымели свое «предсказуемое» действие.

Потребовалось всего несколько решительных ударов, причем не самыми большими силами, чтобы занять огромную территорию, «шириной в 800 верст по фронту и около 800 верст в глубину». Это была та зона, на военную и политическую активность в которой так рассчитывали «германо-турки» графа Каница.

Советский военный историк генерал-лейтенант Н.Г. Корсун писал: «.. Командированный в Персию экспедиционный корпус... быстро выполнил поставленные ему задачи, и план германо-турецкого командования о создании весьма серьезных военно-политических затруднений России в Средней Азии потерпел полный крах».

Войска Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса расположились гарнизонами и заставами в огромном многоугольнике на карте теперь строго нейтральной Персии. Его углами, таящими в себе военную опасность, были: Энзели — Сенне — Кенгевар — Султанабад — Кум — Казвин.

Однако русское командование на Кавказе в лице царского наместника великого князя Николая Николаевича младшего, боевых генералов Н.Н. Юденича и Н.Н. Баратова не обманывалось в понимании такого «успокоения» в Персии, особенно на ее большой протяженности границе, преимущественно в горах, с воюющей против Российской империи Турцией. В Стамбуле не без подсказки и наставлений из кайзеровского Берлина решили удлинить Кавказский фронт на восток.

Великая война весной 1916 года на территории Персии получала новый логический виток. Вполне прогнозируемый сторонами и весьма важный для противников Антанты в лице России и ее союзницы Британии.

И в Тифлисе, в штабе Отдельной Кавказской армии, и в Казвине, в штабе экспедиционного корпуса понимали, что после разгрома персидской жандармерии, ополчений кочевых племен и прогерманских отрядов в самое ближайшее время через персидско-турецкую границу перейдут регулярные армейские войска Турции. То есть боевые действия на территории Персии примут иной масштаб, иной накал и потери будут несравненно большими.

Глава третья

Великая война приходит на земли нейтральной Персии. Местоположение 1-го Кавказского кавалерийского корпуса становится частью Кавказского фронта. Цена британского союзничества для России. Мосульская и Багдадская «провальные» наступательные операции. Финал.

Баратовский экспедиционный корпус являлся составной частью Отдельной Кавказской армии, которая в начале 1917 года будет развернута в Кавказский фронт, по счету пятый на территории России после Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского. Но стоявший в Персии корпус был отдельным в силу своего местопребывания и первоначального назначения.

По сравнению с армейскими корпусами русской армии в Великой войне он был немногочисленный. И к тому же кавалерийским корпусом с приданной ему в небольшом числе пехотой и артиллерией. На 1 апреля 1916 года в экспедиционных войсках налицо значились 24 836 человек, в том числе 566 офицеров и 24 270 нижних чинов. Корпус имел 17 993 лошади.

По числу личного состава Кавказский экспедиционный кавалерийский корпус весной 1916 года немногим превышал штаты одной пехотной дивизии начального периода Первой мировой войны. Тогда один пехотный полк был численно примерно равен одной конной дивизии, силой в четыре полка. То есть по численности войск отдельный корпус «равнялся» размаху задач, стоящих перед ним.

И в могилевской Ставке Верховного главнокомандующего, и в Тифлисе, в штаб-квартире царского наместника, весной 1916 года экспедиционному корпусу не ставились задачи по ведению наступательных операций против турецких армий. Надо было «удерживать» нейтральную страну, занимавшую территориально стратегическое положение на Ближнем Востоке, от попыток втянуть ее в войну на стороне противников Антанты.

Однако вторжение значительных регулярных войск турок на территорию Персии из Месопотамии и гор Армении было реальностью. Вопрос стоял только во времени. Но проба сил на персидской земле уже состоялась почти на всей протяженности границы Персии с Турцией, за исключением разве что ее южного участка, находившегося в зоне ответственности англичан.

В данном случае (в начале кампании 1916 года) речь шла об ожидавшемся наступлении турецких войск из Месопотамии (прежде всего Багдадского направления) на Персию через Курдистан. И, возможно, с юга современного Ирака, через осланы, заселенные лурями, арабами, бахтиарами, кухгилуйе, кашкайцами и все теми же «беспокойными» курдами.

Русские войска, находившиеся на персидской территории, в начале 1916 года уже набрались опыта ведения боевых действий против собственно султанских регулярных войск и конных ополчений (сведенных в полки иррегулярной конницы) против курдских племен Турции. Этим занимался Азербайджанский (Ван-Азербайджанский) отряд генерала Федора Григорьевича Чернозубова. Он не входил в состав баратовского экспедиционного корпуса (но был в его оперативном подчинении), являясь крайним отрядом на левом фланге линии фронта Отдельной Кавказской армии.

Отряд донского казака генерал-лейтенанта Чернозубова действовал на вполне самостоятельном направлении — Ван-Азербайджанском и к событиям в Персии с началом Великой войны привлекался мало. Другими направлениями действий кавказских войск России на конец 1915 года являлись (с запада на восток) — Батумское, Ольгинское, Сарыкамышское 9 (главное) и Эриванское.

Озеро Урмия (или Урмийское озеро), находившееся на территории северо-западной части Персии, являлось на оперативных картах Великой войны в ее начальный период крайней восточной точкой. Озеро разделяло между собой два ослана — Западный Азербайджан и Восточный Азербайджан.

На 1 октября 1915 года Ван-Азербайджанский отдельный отряд занимал линию фронта в приграничье Персии и Турции, в горах протяженностью в 400 (!) километров. Его боевая сила состояла из 1 батальона пехоты, 9 дружин Государственного ополчения и 49 казачьих сотен.

В зависимости от операционных усилий состав отряда Чернозубова постоянно менялся. К примеру, в начале 1915 года, на 30 мая

1915 года, его сила состояла из 16 пехотных батальонов (дружин), 36 казачьих сотен при 30 орудиях. При этом линия фронта его действий шла по территории ослана Западный Азербайджан от западного берега озера Урмия через реку Зулу, перевал Хенесур, дальше по черте персидско-турецкой границы до реки Ах-чай.

Перед этим чернозубовский отряд, по данным на 1 апреля того же 1915

года, имел в своем составе 12 батальонов пехоты (дружин), 24 казачьи сотни при 24 орудиях. То есть всего за один последующий месяц отряд усилился на один пехотный, два казачьих полка и одну артиллерийскую батарею.

Плотность отрядных войск на линии фронта была крайне малой: на 10 километров фронта приходилась всего одна пехотная рота и немногим более одной казачьей сотни.

Отряд имел две этапные линии снабжения всем необходимым. Первый путь (в 125 километров) шел с российской территории до железнодорожной станции Джульфа через иранские города Хой и Дильман, с ответвлением от Дильмана через перевал Ханесур на город Баш-кала (105 километров) и Хастья (125 километров).

Дорога в горной местности от станции Джульфа до города Дильмана допускала колесное, а далее аробное и вьючное сообщение. То есть в Дильмане отрядные грузы разгружались с автомашин и телег и перегружались на арбы или во вьюки, которые несли на себе караваны верблюдов и обозных лошадей.

Вторая этапная линия отряда (в 132 километра) тоже начиналась на железнодорожной станции Джульфа и шла сперва по остану Восточный Азербайджан через город Маранд на центр этой провинции город Тавриз. Дорога на всем этом протяжении была в виде шоссе, допускавшее движение всех видов транспорта в любое время года. Параллельно шоссе сооружалась до города Тавриза железная дорога от станции Джульфа с веткой к озеру Урмия.

Ван-Азербайджанский отряд к началу ввода экспедиционного корпуса в Персию имел обустроенное санитарное обеспечение. На станции Джульфа располагался полевой запасной госпиталь, в Хое и Урмии — лазареты Красного Креста, а в Тавризе и Дильмане — лазареты Курского губернского земства.

Ван-Азербайджанский отряд, ставший Отдельным корпусом Кавказского фронта, всю войну прикрывал левый фланг русской позиции. Последующие события показали, что он так и не сомкнулся на персидской территории с баратовским экспедиционным корпусом, действуя главными силами в горах Турецкой Армении.

По оперативным планам на кампанию 1916 года командующего Отдельной Кавказской армии генерала от инфантерии Н.Н. Юденича, реально смотревшего на свои возможности, глубокие наступательные действия левого фланга фронта не предусматривались. У армии были задачи гораздо важнее в стратегическом отношении. И выполнялись они,

как показала Первая мировая война, достаточно успешно.

Однако в события на Кавказе, в частности в Персии, вмешались союзники-англичане. Причем они действовали в своих интересах «через голову Тифлиса», обращаясь на имя Верховного главнокомандующего России, венценосного полковника Николая II Романова.

Турки на юге Месопотамии, действуя успешно против англичан, блокировали у Кут-эль-Амаре войска генерала Таунсенда, вскоре капитулировавшие. Лондон запросил Петроград о спешной помощи. Император Николай II, как государь император и Верховный главнокомандующий, отказать союзной по Антанте державе не мог.

Экспедиционный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова получил задачу возможно быстро начать наступательное движение к городу Ханекину на северо-востоке Турецкой Месопотамии (современного Ирака). Цель этого наступления заключалась в том, чтобы здесь создать реальную угрозу не только вражескому тылу, но и, самое главное, их единственной коммуникационной линии в лице Багдадской железной дороги.

В случае успеха операции турецкие войска южнее Ханекина, в Багдаде и Басре оказывались отрезанными от своих главных сил и территории собственно Турции. Обеспечение наступательной операции баратовского корпуса на Ханекинском направлении поручалось на севере Ван-Азербайджанскому отряду генерал-лейтенанта Ф.Г. Чернозубова.

Отряд получил следующую задачу: наступать в горном, труднопроходимом районе «с целью заставить разделиться турок и тем обеспечить операцию экспедиционного корпуса на Ханекин». Войска отряда начали наступление 22 апреля 1916 года. Бои завязались в приграничной северо-западной части Персии, в районе западнее озера Урмия.

Чернозубовский армейский Ван-Азербайджанский отряд повел наступление по четырем оперативным направлениям, как то позволяла горная местность. По сути дела, наступление в Урмийском районе Персии велось только казачьей конницей кубанцев, терцев и забайкальцев с приданной казачьей артиллерией.

Первый отряд состоял из терского 1-го Сунженско-Владикавказского полка (4 сотни) с пулеметной командой 4-й Кавказской казачьей дивизии (2 пулемета). Им командовал генерал-майор

П.П. Воронов, начинавший службу офицером лейб-гвардии Гусарского полка, участник Китайского похода 1900–1901 годов, командир Приморского драгунского полка, входившего в состав Уссурийской казачьей бригады в войне с Японией.

Второй (Урмийский) отряд состоял из двух полков Забайкальского казачьего войска — 2-го Аргунского и 3-го Верхнеудинского (бурятского), каждый из них имел по 6 сотен и по 2 пулемета. Артиллерия состояла из двух полевых орудий 2-й Забайкальской казачьей батареи.

Отрядом командовал сибирский казак генерал-майор В.А. Левандовский, на Кавказе в Великую войну бывший сперва командиром 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка, затем начальником 3-й Забайкальской, а затем Сибирской казачьих бригад. Участвовал в Русско-японской войне.

Третий (Соуч-Булахский) отряд состоял из 3-го Кубанского полка казачьего полка при 2 пулеметах и двух орудиях 2-й Забайкальской казачьей батареи. Во главе его стоял генерал-майор А.Г. Рыбальченко. В 1917 году командующий 4-й Кубанской казачьей дивизии будет награжден Георгиевским оружием, а в мае 1918 года — орденом Святого Георгия 4-й степени.

В четвертый отряд входили кубанский 3-й Таманский казачий полк (6 сотен), забайкальские казачьи полки — 2-й Нерчинский (6 сотен при двух пулеметах) и 2-й Читинский (5 сотен при двух пулеметах). Артиллерию отряда составляли 4 полевых орудия 2-й Забайкальской казачьей батареи и 2 горных орудия.

Командовал отрядом генерал-майор А.М. Назаров, родом из донской станицы Филоновской. В Великой войне сначала командовал Донским казачьим полком, затем был начальником отдельной Забайкальской казачьей бригады. В боях получил тяжелое ранение. В Гражданской войне — сперва походный, а затем войсковой атаман белого Дона. В феврале 1918 года расстрелян большевиками в Новочеркасске.

Первый действительно сильный бой наступающему в горах Ван-Азербайджанскому довелось выдержать 26 апреля. На пограничном перевале Шейхин-Гяруси кубанские казачьи сотни генерал-майора Рыбальченко были встречены сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем турок. Вражеский заслон был сбит, и по ту сторону границы занят город Ровандуз, в который за все русско-турецкие войны на Кавказе еще «не доходила нога русского воина».

Важность местоположения Ровандуза (Ревандуза) состояла в том, что он находился всего в 100 километрах от города Мусула, центра Северной Месопотамии, до которого немцы спешили довести Багдадскую железную дорогу.

Султанское командование поняло всю угрозу взятия противником Ровандуза. Из недалекого Мосула к городу была переброшена целая

пехотная дивизия, и теперь отряду силой всего в 6 казачьих сотен противостояли почти три полка турецкой пехоты. Генерал Рыбальченко был вынужден спешить казаков. Часть кубанцев пришлось отдать в конвой тыловых транспортов, доставлявших боеприпасы и провиант и обратно увозивших раненых. Такие транспорты (вьючные караваны) постоянно подвергались нападениям конных курдов.

Для того чтобы нанести курдам сильное поражение и заставить их хотя бы на время прекратить нападения на тыловые транспорты, обстрелы с тыла позиций казаков, в отряде решили разгромить походный стан кочевников. Его разведка обнаружила в отрядном тылу на вершине одной из гор. Ночью отряд из 46 охотников (добровольцев) незаметно вышел на вершину и укрылся среди камней, всего в сотне шагов от двух лагерей курдов, так и не заметивших смертельной для себя опасности.

На рассвете два куртинских бивака, численностью до 400 человек, подверглись частым и метким залпам из винтовок. Четверть неприятельского отряда оказалась перебитой. Те, кто уцелел, в панике падали со скал, «убивая себя, частью расползлись по камням». В том бою было взято немало пленных и лошадей.

Остатки курдского отряда сочли за благо на время уйти из ближних тылов русского отряда, захватившего Ровандуз. Разгром в тылу русских большого по числу всадников «диверсионного отряда» курдов отрезвляюще подействовал на окрестные кочевые племена. Теперь их старейшины и вожди не торопились откликаться на призывы турецкого командования вести и дальше войну с «неверными».

Так, коммуникационная линия, ведущая к Ровандузу, на какое-то время оказалась сравнительно безопасной от нападений больших «партий куртинцев», что заметно улучшило снабжение отряда генерал-майора Рыбальченко всем необходимым для боевой деятельности в горах. Меньше трудностей стало для отправки в тыл раненых и тяжелых больных. Теперь конвой, сопровождавшие отрядные транспорты, наряжались не в таком большом числе людей, как было раньше.

Ровандузский успех был значим для военной кампании 1916 года. Султанское командование, со своей стороны, вскоре вознамерилось выбить русских из Ровандуза. Ван-Азербайджанский отряд привлек здесь на себя до двух турецких пехотных дивизий с их артиллерией и значительное число курдской племенной конницы. Число ее постоянной никогда не была, поскольку кочевники после неудачи в большом числе разъезжались по домам.

Планировалась здесь Стамбулом и наступательная операция в горах,

чтобы отвоевать у противника Урмийский район, то есть одну или даже две персидские провинции на самой границе с Россией. В случае успеха такой операции, реальность которой была очень мала, Кавказский экспедиционный кавалерийский корпус терял соприкосновение с левым крылом Кавказского фронта.

Турецкая пехота города Ровандуза не отбила, но и не позволила русским продвинуться здесь дальше. В силу этого Ровандузская операция для сторон затянулась. И русские, и турки по многим причинам не могли получить заметное усиление, прежде всего в пехоте и артиллерии. Так прошло лето. Солнце выжгло пастбища в долинах, что самым пагубным образом сказалось на маневренных действиях казачьей и курдской конницы.

В августе начались новые ожесточенные бои, и туркам, которые с ожесточением сопротивлялись, пришлось отступать в направлении города Нирды-Бузан. Столкновения на этом направлении не отличались широким размахом по фронту, поскольку горная местность не позволяла совершать глубокие обходы и охваты флангов противников.

Дороги и караванные тропы вполне надежно контролировались конными разъездами, такие пути хорошо просматривались с горных вершин и перевалов. Броды через реки и речушки, как правило, имели хорошую природную защиту для тех, кто оборонял места переправ через водные преграды. Этому немало способствовала и безлесистость горного края, население которого испытывало известные трудности с топливом.

К тому времени казачья разведка достаточно полно изучила ранее не знакомый им горный район. Поэтому, когда в преследование был послан 3-й Кубанский казачий полк под командованием войскового старшины Прохора Захарова, кубанцы 9 августа умело, со знанием местности «заперли» туркам все выходы к спасительному бегству. После короткого боя тем пришлось в большом числе сдаваться в плен.

Так в плену у казачьего полка оказались остатки (большая часть) 11-го пехотного полка султанской армии в числе 50 офицеров (среди них оказался полковой командир, отдавший свою шпагу казачьему офицеру) и 1528 нижних чинов с личным оружием. Часть солдат-аскеров, как оказалось, бросали по пути оружие и все то из военной амуниции, что мешало бегству.

Пленные после разоружения, изъятия документов и допросов в целях получения информации разведывательного характера под конвоем казачьих команд отправлялись по этапам в тылы. Из

Персии их отправляли в лагеря военнопленных, большей частью в Туркестан и окрестности города Баку. В таких лагерях «трудового фронта

военного времени» офицеры, как правило, содержались отдельно от солдат.

Правда, турки в том деле успели сжечь свое полковое знамя, чтобы оно не досталось врагу в качестве почетного трофея. Такие трофеи (знамена, штандарты, личное оружие военачальников) отправлялись в Тифлис, а оттуда — в столичный Петроград, как прямое свидетельство подвигов воинов-кавказцев. О героях таких дел, которые становились за содеянный подвиг кавалерами Георгиевских наград, в воюющей России много писалось в газетах.

В том славном деле потери конного полка кубанцев исчислялись всего в 12 убитых (в том числе один офицер), 29 раненых (один офицер) и 8 пропавших без вести (то есть казаков, судьба которых в бою осталась не известной для их сослуживцев). Урон победителей был несравненно мал в сравнении с потерями регулярного 11 — го пехотного полка турок.

Весна 1916 года внесла существенное «дополнение» к вооружению казачьей конницы экспедиционного корпуса, которой очень часто приходилось сражаться в пешем строю. Присланные по ошибке в баратовский корпус в большом количестве штыки к винтовкам пригодились как нельзя. «Новатором» в этом деле стал 1-й Уманский казачий полк. Там впервые винтовочный штык, когда в бою в нем не было надобности, стал носиться на ножнах казачьей шашки, крепясь на ременных петлях.

В марте 1916 года заметно обострилась обстановка на Багдадском направлении. Британские войска, испытывая на себе сильное давление турецких войск, на юге Месопотамии попали в критическое для них положение. Просить о помощи английское командование могло только своего союзника, то есть Россию, в лице ее Верховного главнокомандующего Николая II и Тифлис, где размещался штаб Отдельной русской армии на Кавказе.

Петроград и Тифлис имели из английских источников достаточно полную картину ситуации, в которой оказались войска Великобритании на юге современного Ирака, в районе Басры и Персидского залива. Речь шла о войсках генерал-лейтенанта Чарлза Таунсенда у Кут-эль-Амара: 7 тысяч пехоты (в большинстве своем индусы) и кавалерии при 37 орудиях.

На эту группировку британских экспедиционных сил (колонна войск, двигавшаяся по долине реки Тигр) наступали от Багдада турецкие войска Энвер-паши. Он имел до 36 тысяч штыков (то есть полное превосходство в пехоте) и совсем мало артиллерии — всего

7 полевых пушек. Поэтому о равенстве огневой мощи (силе пушечного залпа) сторон говорить не приходилось.

Следует заметить, что союзники России по Первой мировой войне —

Франция, Великобритания, Италия и Румыния — постоянно обращались к августейшему полковнику Николаю II Романову с настоятельными экстренными просьбами о помощи «подсобить». Речь не раз увязывалась с тяжелым положением союзников по Антанте на фронтах — Французском (Западном), Итальянском (сражения на реке Изонце), Румынском (начиная с боев в Добрудже). Такие просьбы приходили и в ходе осложнения военной обстановки на Ближнем Востоке.

Со своей стороны, Россия в ходе Великой войны просила Лондон и Париж о военных поставках — артиллерийских снарядов некоторых калибров, колючей проволоки, аэропланов и прочего. То в таких случаях она очень часто получала испрашиваемое в гораздо меньших количествах или же дело об оказании материальной помощи заканчивалось вежливым, но твердым отказом союзников.

Русскому Кавказскому фронту не раз приходилось откликаться на просьбы англичан о помощи. Ее суть заключалась в том, чтобы оттянуть на себя часть турецких войск. Естественно, это было связано с изменением линии фронта, которое не всегда было на руку русскому командованию, и с несением новых людских потерь, оправданными которые назвать сложно, поскольку неизбежными они для России не являлись.

Так было и в ходе успехов турецкого оружия в Месопотамии, граничившей с Персией, в которой действовал отдельный от Кавказской армии экспедиционный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова. Российский МИД вел с его штабом секретную переписку через Российскую Императорскую миссию (посольство) в Тегеране, информируя о просьбах Лондона и положении дел английской стороны на Ближнем Востоке, прежде всего на иракском юге.

В секретных посольских телеграммах, которые поступали в баратовский штаб в Казвине с начала 1916 года, все чаще и чаще мелькали тревожные нотки. В одной из таких телеграмм, датированной 22 марта, говорилось следующее:

«...Немцы придадут большое значение операциям у Багдада и уверены в успехе. Большинство германских офицеров с Дарданелл направлены на Багдад, куда отбыл герцог Мекленбургский... со 150 пулеметами новейшего типа.

В Турцию прибыли первые части ожидаемой австрийской дивизии, имеющей составить в общем 12 тысяч при нескольких батареях».

Исходя из этой телеграммы, в штабе Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса прогнозировали следующее в развитии военных событий в Персии. Поскольку в городе Каср-и-Ширин уже появился

турецкий воинский отряд «с австрийскими офицерами», то можно было ожидать появление в юго-западном и западном приграничье значительных сил неприятеля. И вполне реальным было то, что часть немецких офицеров, отправленных под Багдад, могла оказаться на территории нейтральной страны.

Стратегическая ситуация в баратовском штабе виделась в таком развитии. Турки подвергают разгрому англичан на юге Месопотамии. Освободившие здесь части турецкой армии перебрасываются на территорию Персии для последующего наступления на Тегеран, Баку и российский Туркестан (с выходом в Афганистан).

Говоря иначе, по всем признакам, начинался новый виток схватки за Персию. В Берлине и Стамбуле не отказывались от нанесения сильного удара по России с ее южных границ, равно как и от удара по самой большой жемчужине в английской короне — колониальной Индии. И в том, и в другом случаях персидская территория являлась исходной позицией для нанесения удара по державам Антанты.

Пожалуй, больше всего заботило развитие такой ситуации одного из самых лучших, одаренных и результативных полководцев России в Великой войне, генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, кавалера орденов Святого великомученика и победоносца Георгия 2-й, 3-й и 4-й степеней. Командующий Отдельной Кавказской армии (в 1917 году — главнокомандующий образованного Кавказского фронта) был крайне озабочен развитием ситуации в Персии.

Юденич был одним из тех полководцев Российской империи, который противился необдуманному шагам при откликах на просьбы союзных держав о помощи. Он был против того, чтобы жизнями тысяч и тысяч солдат и офицеров русской армии Антанта решала свои трудности, в том числе на Кавказе, в частности в нейтральной Персии.

Юденич был тем человеком, который не раз настаивал на том, что не только русские войска, но и английские на территории Персии силой оружия отстаивали положение экспедиционных сил Британии в Месопотамии с ее стратегически важными месторождениями нефти. То есть здесь шла речь о достоинстве России в мировой войне, поскольку Лондон был не прочь защитить ближние подступы к колониальной Индии и свои интересы на берегах Персидского залива чужим штыками и жизнями.

Такая позиция генерала от инфантерии Н.Н. Юденича требовала от него известного мужества и настойчивости. И совсем не случайным было то, что после очередного «вежливого» отказа жертвовать жизнями воинов-кавказцев он был снят с должности главнокомандующего Кавказским

фронтом. Но произойдет это не весной 1916 года, а через год, в революционном 17-м с «легкой руки» Временного правительства и премьера, который до этого недолго был министром-социалистом, А.Ф. Керенского.

Пока же кавказский полководец Юденич, как стратегически мыслящий человек, предложил Ставке Верховного главнокомандующего России, расположенной в городе Могилеве, настаивать перед Лондоном на следующем:

— В западной части Персии и в нефтеносной Месопотамии проводить против турецких войск совместные боевые операции. Тем самым можно было ослабить «наступательные амбиции» турок на Кавказе.

— Высказывалась крайняя желательность «командирования англичанами хотя бы небольшого отряда в район между русским экспедиционным корпусом, действовавшим на Хамаданском направлении, и Багдадской группой великобританских войск».

— Такой шаг британского командования позволял бы «выпрямить фронт русских и совместно с фронтом английских войск прервал бы всякую возможность воздействия германо-турок на восток».

— Появление англичан на юго-западе Персии могло бы вылиться в формирование в сформирование здесь «экспедиционного индийского отряда» (силою не более дивизии).

— Предлагалось высадить этот отряд в Мохаммере, оттуда подняться по долине реки Карун к городу Шустеру (центру английских нефтяных концессий в Персии) и далее достигнуть рубежа городов Хорремабада или Боруджерда, поддерживая связь с английским Багдадским корпусом.

То есть речь шла о действиях союзников в останях Хузестан и Луристан, населенных преимущественно кочевыми арабами и лурами. Луристан же непосредственно примыкал к Иранскому Курдистану, куда уже вошли русские экспедиционные войска.

Все эти предложения через могилевскую Ставку были доведены до английского военного представителя генерала Вильямса. При этом указывалось на необходимость совместных усилий и инициативы русской и британской сторон в Персии, «не выжидая развития немецких предприятий».

В Ставке Вильямсу указали на следующее: «Наши действия должны быть согласованы, проникнуты наступательной идеей». Россия предлагала союзной державе согласовывать свои действия в Персии с «общими предположениями об операциях на Кавказском фронте и по обеспечению Египта».

Командование кавказскими войсками рассчитывало на то, что выдвинутая к городу Боруджеру «англо-индийская дивизия» (не менее 20 тысяч пехоты) может беспрепятственно выйти к Керман-шаху и там соединиться с русскими экспедиционными войсками. Весной 1916 года это было вполне реальной задачей.

Но такой ход, по мнению Юденича и великого князя Николая Николаевича-младшего, должен был быть только промежуточным этапом в совместной стратегической операции союзников, целью которой должно было занятие Багдада. Прочно овладеть им было возможно в ходе «концентрического наступления».

Ставка считала, что 40–50 тысяч союзных войск, размещенных в Багдадском районе, вполне бы хватило «обеспечить Персию и Афганистан» от германского и турецкого воздействия. В таком случае значительные операции турок на Египетском направлении становились невозможными.

Более того, так называемый Багдадский плацдарм открывал союзникам удобные пути для наступления на Мосул и Диарбекир (расположенный к юго-западу от Эрзерума). Движение по этим стратегически важным направлениям «внесло бы войну в сердце страны (то есть Анатолию. — А.Ш.), откуда турки черпали главнейшие свои средства для борьбы».

При планировании кампании 1916 года на заседаниях межсоюзнической конференции во французском Шантильи российская сторона держалась своей трактовки развития событий на Ближнем Востоке, Кавказе и «далее на Восток». Она исходила из того, что против инициативного противника в Персии «нужна наступательная, упреждающая его деятельность». Речь шла о совместных союзнических операциях.

Однако история Великой войны на Кавказе, в Персии и Месопотамии свидетельствует: предложения российской Ставки так и не нашли даже отчасти своего отражения в планах английского командования. Причина крылась в хорошо известной позиции Британии: Лондон был против любого продвижения России южнее ее границ на Востоке.

Кавказский фронт для России всю Великую войну оставался «не главным». Причины того хорошо известны. Все же в кампанию 1916 года Ставка решила «начать развертывание достаточно сплотившихся кавказских войск». На Кавказ решили отправить 39 тысяч французских винтовок системы Лебеля, полученных от союзников. Это давало возможность на месте доукомплектовать Отдельную армию. Намечалось серьезно пополнить ее боевые запасы.

Что от этого мог получить Кавказский экспедиционный кавалерийский

корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова? Прежде всего заметное усиление за счет ожидавшегося прибытия в Персию пехотной дивизии. Однако заметного прибавления артиллерии и пулеметов как в Отдельной армии, так и в Отдельном корпусе в третью кампанию не ожидалось.

В русских экспедиционных войсках сложилась на весну

1916 года с тяжелым вооружением такая ситуация. Имевшихся двух с небольшим десятков конных и горных орудий, пулеметов в казачьих полках вполне хватало в боевых столкновениях с отрядами шахской жандармерии и конными ополчениями кочевых племен, прежде всего курдов. Но начало ведения полномасштабных действий против регулярных армейских сил Турции сразу же меняло ситуацию в пользу противной стороны.

Все вышесказанное относительно пожеланий о союзных действиях в Персии и Месопотамии заставляло Баратова и его корпусной штаб задуматься о ближайшей перспективе. Тем более что командующий Кавказской армии генерал от инфантерии Н.Н. Юденич не забывал напоминать о том, что положение англичан у Кут-эль-Амары близко к критическому.

Действительно, здесь окруженные турками «англо-индусы» генерала Таунсенда (силой более полнокровной пехотной дивизии с частями усиления и тылами) оказались неспособны пробиться из окружения. Чарлз Таунсенд предупреждал свое высокое начальство, что продовольствие у него может закончиться в начале апреля и тогда ему остается только капитулировать перед врагом.

Нельзя сказать, чтобы британское командование не пыталось самостоятельно, не прося о том русских, деблокировать осажденных в Кут-эль-Амаре. Группировка генерала Эльмера силой в пять дивизий, сосредоточенных на месопотамском юге, двинулась на выручку войскам генерала Таунсменда.

Но англичане натолкнулись на хорошо подготовленные полевые позиции турок, прикрытые с флангов тогда обширными в Месопотамии малярийными болотами и водами рек Тигр и Евфрат. Пробиться к Кут-эль-Амаре войскам Эльмера не удалось.

Впрочем, история той войны свидетельствует, что в той «освободительной операции» дело до ожесточенных и кровопролитных боев так и не дошло. То есть в южной Месопотамии больше упорствовали турки, а не британцы.

В противном случае, возможно, результат борьбы за Кут-эль-Амара, который оказался «котлом» для войск генерала Таунсенда, мог быть совсем иным. Но этот «занимательный» кусочек истории Первой мировой войны

как-то остался без должного, самокритичного внимания исследователей Великого противостояния в начале XX столетия.

Поскольку августейший Верховный главнокомандующий в телеграфных разговорах с Тифлисом настаивал на наступательной операции в Персии, генералу от инфантерии Н.Н. Юденичу пришлось отдать приказ о проведении Багдадской операции, целью которой было оказание помощи английским войскам на юге современного Ирака.

Начиналась же эта операция с наступления войск экспедиционного корпуса на приграничный в центральной части Месопотамии город Ханекин. А от него, как говорится, до Багдада было рукой подать. Правда, по горно-пустынной местности, с караванными дорогами в безводных местах. Взятие Ханекина сразу же ставило под серьезную угрозу коммуникационную линию турок в Месопотамии.

Распоряжения Ставки Верховного главнокомандующего на фронтах не обсуждались, а исполнялись. Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов, как ответственный исполнитель Ханекинского дела, вспоминал:

«...Я получил приказание приступить к этой новой стратегической операции наступления по Багдадскому направлению для занятия Ханекина и отвлечения на себя возможно больших турецких сил от Кут-эль-Амара.

Эта серьезная операция требовала для вполне успешного достижения цели много времени и, главное, соответствующих сил и средств, в особенности транспортных, так как Ханекин отстоял от нашей базы в Энзели почти на 1000 верст.

Но мое донесение о необходимом для производства всех необходимых операций времени, живых сил и средств я получил указание, что никаких новых сил и средств мне дать не могут, так как их не имеется в распоряжении главнокомандующего, а время не терпит, так как положение союзников под Кутом становится критическим, и потому предоставляется мне исполнить задачу с имевшимися в моем распоряжении силами и средствами.

Ответив на это, что раз вопрос ставится о выручке и об оказании помощи союзникам в критическом положении во что бы то ни стало, то тут приходится идти, заранее примирившись с неизбежными лишениями и трудностями для войск».

Баратов понимал, что сил у его Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса действительно мало, недостаточно для проведения Ханекинской наступательной операции на Багдадском направлении. С другой стороны, он понимал и необходимость проведения такой операции: освободившиеся под Кут-эль-Амара турецкие войска в своем большинстве

могли оказаться на границах Персии, за которую Баратов был «лично ответствен».

Юденич вел с ним телеграфную переписку, стремясь объяснить суть сложившейся ситуации на юге Месопотамии и «причастности к ней России», как союзницы Великобритании но Антанте. Крах английской военной силы вблизи иракского города Басра действительно имел далеко идущие, опасные для России на Кавказе последствия.

В журнале военных действий экспедиционного корпуса есть такие записи слов главнокомандующего Отдельной Кавказской армией, донесенные телеграфной строкой до города Казвина, где размещался тогда баратовский штаб:

«...Если не будет им (англичанам. — А.Ш.) оказано помощи извне и армия Таунсенда сдастся, а генерал Эльмер будет разбит освободившейся турецкой армией, то турки получают возможность двинуть силы на Керманшахское или Битлисское (в Турецкой Армении у озера Ван. — А.Ш.) направления...

Возможно выдвижение Экспедиционного корпуса к Ханекину, что будет серьезной угрозой тылу турок, которые вынуждены будут оттянуть с фронта англичан силы к Багдаду».

Собственно говоря, генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова ставили в положение любой ценой провести серьезную наступательную операцию без должной к тому подготовки. Это была в истории Первой мировой войны очередная жертвенность России на благо ее союзникам по Антанте.

21 марта 1916 года Баратов отдал по войскам экспедиционного корпуса приказ о переходе в наступление. Суть приказа состояла в следующем:

«А. Курдистанскому отряду Войскового Старшины Горбачева — обеспечить правый фланг корпуса.

Б. Керманшахскому отряду Генерал-Лейтенанта кн. Белосельского-Белозерского — перейти в наступление в общем направлении на Ханекин.

В. Буруджирд-Малоирскому отряду Полковника Яковлева — обеспечить левый фланг и тыл корпуса.

Г. Военный район корпуса — Генерал-Лейтенант Логинов.

Д. Кум-Исфаганский отряд — Войсковой Старшина Беломестное.

Е. Тегеранский отряд — Полковник гр. Адлерберг.

Ж. Резерву Генерал-Майора Рафаловича — сосредоточиться в районе Керманшах — Мейдешт».

Из этого баратовского приказа вытекало, что основная тяжесть наступления на Ханекин ложилась на Кавказскую кавалерийскую дивизию с ее конной артиллерией, подкрепленной 4-м пограничным полком и

частью 2-го пограничного полка полковника М.С. Юденича (будущего Георгиевского кавалера, генерал-майора и бригадного начальника Кавказской пограничной пехотной дивизии). Керманшахский отряд весной 1916 года вобрал в себя примерно половину строевых чинов экспедиционного корпуса.

При всей «распыленности» войск экспедиционного корпуса по территории Персии Кавказская кавалерийская дивизия сохранила свою целостность как боевая единица. Ее «отрядный» состав не менялся, состоя по-прежнему из четырех полков:

— 16-го драгунского Тверского Его Императорского Величества Наследника Цесаревича полка. Тверцы имели, как и другие полки дивизии, блистательную боевую биографию.

Его отличительной чертой было то, что в нем служили немало представителей кавказской аристократии. Это были князья, подполковник Николай Чавчавадзе, штабс-ротмистры Александр Амилахвари и Григорий Бебутов, поручики Николай Эристов и Сумбатов, корнет Николай Нижерадзе. Сродни им по титулованности был прапорщик Меликбеков Искандер-Бек Халиф-Бек-Оглы.

— 17-й драгунский Нижегородский Его Величества полк отличался числом Георгиевских кавалеров из числа офицеров. Наградное Георгиевское оружие имели полковой командир полковник Станислав Ягмин, подполковники Иван Кесарев и Петр Ден, корнет князь Шалва Ванчадзе.

В рядах офицеров нижегородских драгун тоже значилось немало выходцев из российской аристократии: князья ротмистр Борис Голицын 1-й, штабс-ротмистр Георгий Сумбатов, поручики Евгений Бегтабегов 1-й, Петр Бебутов, Дмитрий Голицын 2-й, Иван Леонидзе, Сергей Львов и Капланов, корнеты Рафаил Бектабегов 2-й и Георгий Хамшиев. В полку служил и поручик Хан Нахичеванский Мурат 2-й.

— 18-й драгунский Северский Короля Датского Христиана IX полк.

Отличительной чертой офицеров этого полка являлось большое число выпускников Елисаветградского кавалерийского училища. Среди офицеров значились два персидских принца — штаб-ротмистр Хосров-Кули-Мирза и Нуси-Ага, которые тоже учились в Елисаветграде.

— 1-й Хоперский Ея Императорского Высочества Великой княгини Анастасии Михайловны полк.

Им командовал выпускник Академии Генерального штаба полковник Николай Успенский. В полку было много младших офицеров, получивших производство из нижних чинов за боевые отличия: сотник Дмитрий

Казликин, хорунжие Ефим Волович, Павел Маслов, Герасим Дьяченко, Павел Шведов, Петр Погребняков и Филипп Отюсский, прапорщики Петр Ратаев, Всеволод Мельников, Федосей Шевченко и Петр Козлов. Все они занимали должности младших офицеров казачьих сотен.

Артиллерия дивизии состояла из Кавказского конно-горного артиллерийского дивизиона, которым командовал полковник Бородаевский. Батарей в дивизионе имелось две — подполковников Леонтовича и Иванова.

Боевой состав Кавказской кавалерийской дивизии (на начало августа 1916 года), согласно сведениям штаба Экспедиционного корпуса, состоял из полковых 80 офицеров и 1987 строевых нижних чинов. Боевой состав по полкам выглядел так:

- 16-й драгунский Тверской полк — офицеров 21, шашек 502;
- 17-й драгунский Нижегородский полк — офицеров 22, шашек 511;
- 18-й драгунский Северский полк (понесший в Персидском походе наибольшие потери) — офицеров 17, шашек 403;
- 1-й кубанский казачий Хоперский полк — офицеров 20, шашек 571.

Чтобы соотнести боевые и, в основном, санитарные (от повальных болезней) потери полков Кавказской кавалерийской дивизии с первоначальным ее составом. Так, 17-й драгунский Нижегородский полк с пулеметной командой, прибывший в начале января

1916 года в Казвин из Энзели, насчитывал в своем составе 54 офицера, 1520 драгун и 1711 лошадей. На количество людей в полках заметно влияли и различные «откомандирования». Люди отпускались с фронта и в отпуски.

Подобная ситуация с людской убылью виделась и в батальонах пограничников, которые в Керманшахском отряде составляли его пехоту. Батальоны, выступившие из Керманшаха в составе тысячи штыков, к концу Ханекинской операции имели в своем составе всего по 500–600 штыков. То есть пешие батальоны сократились почти наполовину.

Причины такой большой убыли людей были все те же: тяжелые условия похода по страшной жаре, с солнечными и тепловыми ударами, малярия и эпидемия холеры, поразившая немалую часть экспедиционных войск. К слову говоря, эпидемии разили части баратовского корпуса на территории Персии и в 1916, и в 1917 годах.

История Первой мировой войны свидетельствует, что безномерная Кавказская кавалерийская дивизия была в рядах старой русской армии одним из лучших соединений регулярной конницы по своим «боевым показателям». Лучшее тому свидетельство — ее действия в Персии.

Эта дивизия дала из своих рядов для истории Гражданской войны в

России и Красной Армии действительно выдающегося кавалерийского военачальника, «красного Мюрата» — Семена Михайловича Буденного. Боевое крещение получил на полях Маньчжурии в рядах Приморского драгунского полка из Уссурийской казачьей бригады. Будущий командарм 1-й Конной армии и Маршал Советского Союза начинал свой Персидский поход унтер-офицером учебной команды 18-го драгунского Северского полка, а затем стал взводным командиром.

Полный Георгиевский кавалер после победного 1945 года стал трижды Героем СССР, будучи награжден Золотой звездой в 1958, 1963 и 1968 годах. Георгиевские кресты 3-й и 4-й степеней драгунский унтер-офицер Семен Буденный получил за отличия в боях на Керманшахском направлении. Действовал он действительно доблестно и бесстрашно, не теряясь в опасных ситуациях.

Подготовка Керманшахского отряда к наступлению на Ханекин много времени не заняла. В его частях понимали, что действовать придется в тяжелых условиях гористой, пустынной местности. Наступала жаркая погода с ее безводьем, отсутствием продовольствия и кормовых трав по пути.

Трудности подвоза самого необходимого «удлинялись» с каждой пройденной вперед верстой. К тому же «избыточное» расстояние доставки из тылов, в том числе и из Казвина, боевых припасов, провианта и фуража требовало все большего числа людей для охраны вьючных караванов.

В конце марта месяца русский отряд, имевший штаб в Керманшахе, начал наступление в юго-западном направлении. Драгунская кавалерия, казачьи сотни и батальоны вчерашних пограничных стражников демонстрировали свои лучшие боевые качества. С боями, которые начались у города Керинда и завершились у города Касри-Ширин, отряд генерал-лейтенанта князя С. К. Белосельского-Белозерского 25 апреля дошел до Ханекина, стоявшего по ту сторону персидско-турецкой границы.

Чтобы дойти до него, русскому отряду потребовался месяц. Успех наступательной операции был полнейший: до столицы Месопотамии (современного Ирака) — древнего Багдада оставалось всего пять дневных переходов.

Итоги наступательных действий усиленной пограничниками Кавказской кавалерийской дивизии впечатляли. Тем более что драгунам и казакам-кубанцам на этот раз противостояли не племенные конные ополчения, а значительные силы султанской регулярной, хорошо обученной и снаряженной кавалерии. В тех наступательных делах драгунам не раз приходилось действовать спешенными эскадронами.

Так, прославленному в войнах на Кавказе Нижегородскому драгунскому полку пришлось иметь дело с «арабистанским конным полком» и «другим копьеносным регулярным полком». Последним полком оказался Гвардейский уланский полк из Константинополя, прибывший из столицы Турции в Месопотамию.

Турецкие войска, отступавшие от города Керинда к границе, понесли за месяц боев действительно серьезные потери в людях убитыми и ранеными. Они лишились из одиннадцати имевшихся орудий четырех, которые стали трофеями русских. Трофеями стали и большие склады огнестрельных припасов (в том числе артиллерийских снарядов), продовольствия и фуража в городе Касри-Ширин. Отступавшие из Персии разбитые турки не успели их уничтожить.

Ставка Верховного главнокомандующего в городе Могилеве имела полную информацию о ходе наступления экспедиционных войск на Ханекин. Император Николай II и представители государств Антанты «живо интересовались» той операцией, увязывая ее успех с событиями под Кут-эль-Амара.

Когда русские полки оказались перед Ханекином, великий князь Николай Николаевич-младший прислал из Тифлиса на имя генерал-лейтенанта Н.Н. Баратова благодарственную телеграмму такого содержания:

«...Есть сведения о том, что в районе Ханекина и западнее запасов совсем нет... что воды почти нет, разрешаю ограничиться достигнутым и остановиться там, где находитесь...

Передавайте вверенным Вам войскам сердечную благодарность за их доблестные действия.

Генерал-Адъютант Николай».

Думается, что командир Керманшахского отряда генерал-лейтенант князь Белосельский-Белозерский и без этого приказа царского наместника на Кавказе приостановил бы дальнейшее наступление. То есть он не пошел бы на завязку боевых действий собственно в Месопотамии. 24 апреля пленные турецкие офицеры на допросе показали, что под Кут-эль-Амарой в плен сдались 13 тысяч англичан, а их командующий генерал Таунсенд, как почетный военнопленный, отправлен в Константинополь.

Теперь выигранная борьба за город Ханекин и последующее наступление на Багдад теряли всякий смысл. Да и к тому же турецкие войска были вытеснены из «строго нейтральной» Персии. Дальше начинались земли, населенные арабами («арабистанцами»), собственно, территория султанской Турции, которую она потеряет по итогам Первой

мировой войны.

Наступление на Ханекин, на выручку союзников-англичан, дорого обошлось Керманшахскому отряду генерал-майора князя Белосельского-Белозерского. Главный урон по живой силе отряда нанесли не турки, а жара пустыни, малярия и холера. Эпидемии грозили некоторые полки превратить во временные походные госпитали. Обеспокоенный Баратов, заботясь о сбережении боеспособности экспедиционного корпуса, принял ответственное решение отвести часть войск восточнее от занимаемых позиций.

Местом новой дислокации большей части корпуса стали более возвышенные, горные местности, со здоровым климатом, с достаточным количеством источников хорошей питьевой воды, с пастбищами. Это не было для русских войск отступлением в понимании этого слова турками. Но в политическом плане это могло отразиться на реакции кочевых племен, которые снова могли стать на сторону «германо-турок».

Генерал-лейтенант Н.Н. Баратов, как большой знаток Востока, решил внести коррективы в ожидавшуюся враждебную активность этих племен, часть которых на это время оказались в тылах у русских. Решения корпусного командира было таково: перед тем как начать отход, следовало нанести турецкой группировке у Ханекина короткий, но впечатляющий удар.

Последующие события показали, что это было правильное в той непростой ситуации решение «хлопнуть дверью», перед тем, как уйти с персидско-турецкой границы. Туркам под Ханекином пришлось более месяца «приходить в себя».

Под Ханекином стоял корпус Халил-паши, «освободившийся» на юге Месопотамии после капитуляции английских войск в Кут-эль-Амара. Корпус ожидал немалое усиление со стороны иракского севера, из Мосула. Удар русского Керманшахского отряда задумывался в таком исполнении.

Пограничники полковника Юденича с конно-горной артиллерией сковывали внимание неприятеля на линии фронта. В это время левая походная отрядная колонна генерал-майора И.Л. Исарлова (2-я бригада Кавказской кавалерийской дивизии) внезапно и скрытно выходит в тыл турок, обойдя их правый фланг. Эта колонна своими действиями определяла успех операции, назначенной на день

21 мая.

Бригада генерал-майора Исарлова успешно и скрытно исполнила двухдневный фланговый марш-маневр по горно-пустынной местности. В результате турецкие войска у Ханекина оказались отрезанными от Багдада,

который являлся их тыловой базой. Для

Халил-паши появление в своем ближнем тылу двух полков русской конницы оказалось подлинным сюрпризом из разряда крайне опасных.

Северские драгуны и кубанцы-хоперцы во вражеских тылах трудились, не покладая рук и не зная усталости. Они заняли Багдадскую дорогу, устрашая тем неприятеля. Был захвачен огромный верблюжий караван с воинскими припасами, разрушена телеграфная линия, которая связывала Ханекин с Багдадом.

Сильный бой с турками состоялся у селения Кала. Здесь вражеская пехота укрывалась в заблаговременно отрытых окопах. Бригада генерал-майора Исарлова трижды в конном строю ходила в атаки как двумя полками одновременно, так и отдельными драгунскими эскадронами и казачьими сотнями. Было «изрублено до двух батальонов» турецкой пехоты.

Действия русской конницы в тылах обескуражило турок настолько, что боевые потери Кавказской кавалерийской дивизии за неделю, начиная с 21 мая, оказались для тех событий минимальными. Убиты, умерли от ран, ранены и контужены всего 118 человек, в том числе 16 офицеров. Из этого дивизионного урона ровно половина потерь пришлась на Хоперский казачий полк.

Халил-паша, чтобы избежать грозившего ему разгрома, отвел свой корпус от Ханекина через реку Диала. Это ему удалось во многом благодаря «отказу» русской конно-горной батареи: ее восемь орудий не были использованы для ведения эффективного огня.

Вина за это лежала на прямых дивизионных начальниках над батареей, которые не смогли согласовать ее действия с атакующими усилиями конных полков. Иначе говоря, кавалерийские начальники, мастера лихих конных атак, не знали, как «распорядиться» губительным огнем на поражение приданной им полноценной артиллерийской батареи.

Баратов, как корпусной начальник, посчитал, что при отходе от Ханекина турецкие войска должны были понести гораздо больший урон. Он писал в своей «Полевой книжке» одному из «виновников» по поводу того, как Халил-паша сумел «безнаказанно» осуществить отвод своих полков через реку Диала:

«Вы не уяснили себе в полной мере назначение приданных Вам восьми орудий. Поясняю, что на них надлежит смотреть не как на обузу при отходе, а как на опору для возможно большей устойчивости...»

Все же тот удар усиленной Кавказской кавалерийской дивизии под Ханекином сделал свое дело. Турки не только отступили на Багдадском

направлении. Задуманное ими вторжение в Персию от Ханекина оказалось сорванным, и эту операцию Халил-паша смог начать только через две с половиной недели, хотя в самом начале имел для наступления достаточно сил и средств. А самое главное, турки после победы над англичанами у Кут-эль-Амара были «напоены» боевым духом победителей, который требовалось подкрепить новыми успехами на поле брани, на этот раз над русскими войсками.

Имел ли генерал-лейтенант Н.Н. Баратов достаточно достоверных сведений о том, что его новоявленный соперник в лице Халил-паши собирается совершить вторжение в Персию в начале июня? Точных свидетельств тому нет ни в корпусных документах, ни в мемуарах свидетелей тех событий.

Можно предположить, что командир русского экспедиционного корпуса интуитивно просчитал ситуацию после поражения войск Таунсенда на юге Месопотамии. И удивительно точно предположил, что главные события должны произойти у пограничного иракского городка Ханекина, который через треть века окажется в лесу нефтяных вышек.

Пока в неприятельском стане «приходили в себя», Баратов отвел беспрепятственно корпусные войска для отдыха подальше от малярийных мест. Занятие надежных позиций на границе с Месопотамией в планы русского командования не входило, да и удержание их в условиях удлинённости коммуникационных линий было, скажем прямо, не по силам экспедиционному корпусу и не в интересах его задач.

Для присмотра за действиями турок Баратов оставил между Ханекином и Касри-Ширином часть конницы, менее всего пострадавшей от повальных болезней, всегда маневренной. К тому же казачество во все времена отличалось боевой устойчивостью, готовностью к любым трудностям походной жизни.

...Генерала от кавалерии Н.Н. Баратова с начала 1916 года стало сильно беспокоить отсутствие прямой связи с союзной английской Месопотамской армией, наступавшей на Багдадском направлении. Координация действий с ней могла бы заметно улучшить положение русского экспедиционного корпуса. Британцы, постоянно требовавшие от него через Петроград и штаб Кавказского фронта активности действий, «живую» связь устанавливать не спешили. Союзники продолжали ограничиваться связью по «искровым станциям».

Главные силы экспедиционного корпуса в апреле находились в районе Керманшаха. По карте легко определялось, что от этого пункта до Али-Гарби, где предполагалась встреча с англичанами, по прямой было около

300 верст. Путь лежал по земле Луристана. Разумеется, что прямой дороги в горно-пустынной местности не было, и это примерно удваивало путь. И столько же трудных и опасных верст пути предстояло пройти в обратном направлении.

Выйти на встречу с союзниками означало не что иное, как конный рейд по турецким тылам, по зоне расселения воинственных кочевых племен луров. Было решено, что в рейд пойдет конная казачья сотня во главе с опытным, волевым командиром. Выбор Баратова пал на хорошо знакомого ему подчиненного сотника Василия Даниловича Гамалея из 1-го Уманского полка, казака с Кубани, из станицы Переяславской.

У 32-летнего Гамалея была обычная судьба казачьего офицера. Окончил полковую учебную команду. В 23 года стал младшим урядником с правами «вольноопределяющегося 2-го разряда по образованию». Поступает в Оренбургское казачье юнкерское училище, из которого через полгода исключается и возвращается в свой 1-й Черноморский полк. Однако младший урядник проявляет завидную настойчивость. Он вновь поступает в училище, и в 1911 году 27-летний Василий Гамалей становится хорунжим 1-го Уманского полка, стоявшего тогда в крепости Карс.

26 апреля 1916 года командир 1-й сотни уманцев получает следующий приказ от корпусного командира боевой приказ следующего содержания:

«...Приказываю Вам с сотней с получением сего выступить на Зейлан, Каркой, Карозан и далее на Зорбатию с задачей — войти в связь с Британской армией, действующей в Месопотамии.

Мною предложено Командующему этой армией к 3–4 мая выслать и от себя разъезд в Зорбатию для встречи с Вами. С ним Вам надлежит выяснить подробно состав, расположение и текущие задачи для действий Англичан, а также — состав и расположение турок, действующих против них.

Вам придется двигаться по Пушти-Куху, Вали (губернатор, хан. — А.Ш.) которого заявил себя сторонником Англии и нашим. Но, несмотря на последнее, Вам надлежит двигаться весьма осторожно и с большой осмотрительностью...

По установлению связи и выяснения обстановки у Англичан — возвращайтесь обратно в Керманшах. Если удастся дойти до Зорбатии, то подробное донесение пришлите через английские искровые станции...»

Помимо письменного приказа сотник получил от генерала от кавалерии Н.Н. Баратова и приказ устный. Гамалею разрешалось самому решать, не найдя у Зорбатии англичан, возвращаться назад (в Керхманшах или Керинд) или соединиться с союзниками. Гибель казачьей сотни в ходе

этого дальнего рейда была вполне вероятной. Это понимали и в корпусном штабе, и в 1-м Уманском полку.

На рейд сотнику была выдана большая денежная сумма в золотых царских монетах, достоинством по 5 и 10 рублей, всего 50 тысяч рублей. Эти деньги предназначались для закупки на месте у кочевников фуража, провианта и в случае падежа коней. Золото шло также на щедрые «подарки» (то есть на подкуп) ханам кочевий, которые встречались по пути к «воротам Багдада». От них во многом зависела безопасность казачьей сотни при следовании через горы и пустыни Луристана.

На следующий день, 27 апреля, рано утром 1 — я сотня уманцев выступила в дальний путь. В ее рядах значились четыре обер-офицера и 107 казаков, 125 лошадей. Переводчиком был взят Ахмет-хан. Василий Гамалей, когда сотня прошла восемь верст, объявил о полученном им приказе на рейд. В тот день в полк были отправлены три заболевших казака.

Сотня двинулась по горной дороге. Луры встречали русский отряд «как будто хорошо», давали проводников до следующего кочевья. Однако однажды не обошлось без ночной перестрелки. Началось безводье. Теряли лошадей, падавших с тропы в ущелья и от солнечных ударов.

У Эмир-Абада 2 мая местные луры встретили казачью сотню враждебно. Они требовали денег не только за дрова, но даже за питьевую воду. На следующий день под вечер уманцы оказались в десятке верст от Зарбати. Местные жители засвидетельствовали, что англичан там нет, а стоит сильный турецкий отряд.

Сотник Гамалей приказал повернуть на восток, к Амле, где находилась ставка губернатора провинции Пушти-Куха, вождя кочевого племени луров, имевшего под своим командованием примерно две с половиной тысячи вооруженных английскими винтовками всадников.

Состоялась встреча Гамалея с вали, в ходе которой вождь луров, получив письмо от Баратова, расспрашивал о том, как у русских идут дела на войне. На этом беседа закончилась. Через час сотнику сообщили, что вали не пропустит русский отряд через территорию племени к англичанам: луры держали нейтралитет. Если же казаки пойдут дальше, то он прикажет своим людям не давать для их лошадей фураж.

Василий Гамалей передал вождю луров, что он должен выполнить приказ своего генерала. Если не будет продаваться фураж, то казаки оставят ему коней, а сами пойдут к англичанам пешком. После такого твердого ответа вали разрешил пропустить отряд через свои земли. В знак благодарности 4 мая кубанцы устроили в стане вождя луров джигитовку,

приведя кочевников в восхищение.

5 мая сотня Гамалея выступила на Али-Гарби. По ущелью, тянувшемуся вдоль турецкой границы, казаки вышли в пустыню. До пункта назначения было 100 верст пути по бездорожью. Проводник сбился с пути. Эта беда обернулась бедой: от жары и жажды заболели двенадцать человек (люди валялись с седел) и пали пять лошадей. Все же вода нашлась в повстречавшейся кочевке арабов.

К полуночи 6 мая сотня Василия Гамалея подошла к лагерю английских войск совершенно не замеченной. Пораженные союзники встретили казаков «великолепно», дав им и их лошадям все необходимое. В полдень в лагере состоялся общий парад войск, на котором кубанцы вновь поразили зрителей джигитовкой.

Сотника Гамалея препроводили в штаб союзников, который находился на противоположном берегу реки Тигр. Состоялась заинтересованная беседа. После этого Гамалей на пароходе был доставлен в портовый город Басру, где находился главнокомандующий британской армии в Месопотамии генерал-лейтенант Лейк Перси Генри Ноэль, который в августе того же года был смещен с должности за боевую бездеятельность.

Сотник Гамалей был представлен Лейку 13 мая. Тот рассказал все интересующие Баратова сведения. Лейк, среди прочего сказал, что при наличии у него 18 аэропланов он не решается держать с русскими связь по воздуху, поскольку путь проходит через горные области. После беседы главнокомандующий союзной армии дал в честь русских офицеров обед.

На следующий день, 14 мая, состоялась официальная церемония награждения сотника Гамалея и сопровождавших его хорунжего Перекотия и переводчика Ахмет-хана английскими военными крестами. От имени британской короны генерал-лейтенант Лейк пожаловал казакам (на усмотрение их командира) пять военных медалей. Обратный пароход шел по Тигру против течения, на что ушло четыре с половиной дня.

22 мая сотня Василия Гамалея выступила в обратный путь. Проводником был араб, который вел казаков через пустыню, ориентируясь «по звездам». В пути стало известно, что вали, он же вождь племени луров, дал слово туркам не пропускать через свою территорию ни англичан, ни русских. Перед Эмир-Абадом сотню, спускавшуюся по ущелью к воде, обстреляли луры. Но конфликт удалось уладить при содействии секретаря вали.

26 мая сотник Василий Гамалей «разведдал Зорбатию». Оказалось, что турки ушли из нее, оставив в городе немногочисленный караул. Вблизи Зорбатии (в турецкой Бадре) находился отряд арабской конницы в 300

всадников. Отсюда можно было сделать вывод, что со стороны Зорбатии турки наступать на Керманшах не собирались. Это была важная информация для оперативников баратовского штаба.

Теперь сотне уманцев можно было возвращаться к своим. Кубанцам опять предстояло пройти по земле Луристана. 28 мая у Де-балы Гамалей встретился с местным ханом, который повел себя недружелюбно. Выяснилось, что он получил от вали приказ «делать с казаками что угодно».

За время стоянки у Дебалы в сотне за полтора часа неожиданно пали семь лошадей. Сотник полагал, что они отравились купленным в кочевье ячменем. Казачий ветеринарный фельдшер провел вскрытие, и подозрения подтвердились.

Здесь же Василий Гамалей узнал через переводчика Ахмет-хана, что на недалеком Чахардаольском перевале в засаду луров попали две сотни его 1-го Уманского полка, высланные ему навстречу. И что турки начали наступление через Луристан в направлении на Керманшах. Они могли отрезать сотню от корпусных войск.

Гамалей, «не подавая хану вида», 29 мая отправил один взвод вперед с приказом занять горный перевал. Через полчаса выступил второй взвод, а затем два других во главе с сотником. Теперь казаки двигались не по более удобному ущелью, а по тропе, которая шла по горному хребту. Так удалось избежать возможной засады в ущелье. В долине Карозана ожидавшихся русских конных разъездов не оказалось.

Тревога не исчезала. 30 мая казаки перехватили конного лура, куда-то спешившего. У него нашли письмо, прочитанное Ахмет-ханом. В письме говорилось следующее:

«Казаки пытались пройти через Чахардоал, но их разбили; есть сведения, что идут еще казаки от англичан, пропустите, мы их встретим; через Чахардоал и Осман-Абад никто из них не пройдет, так как имеется приказание от вали — никого не пропускать».

Прибыв в Осман-Абад (Богатая долина), сотник Гамалей пригласил к себе четырех местных ханов и попросил их лично проводить через свои кочевья. Тем пришлось подчиниться. Но когда дошли до горного хребта, где заканчивались владения ханов, кочевники «стали беспокоиться». Тогда Василий Гамалей приставил к ханам караул, сказав, что они вернутся к себе только после того, как казаки на следующий день спустятся с перевала. Спешив часть уманцев, сотник приказал им за ночь занять перевал Каладжун через хребет. Ночевка прошла без тревог.

31 мая сотня уманцев благополучно перешла через перевал Каладжун,

не получив выстрелов в спину от сидевших в засадах кочевников. Затем ханы были отпущены домой. Через несколько дней она прибыла в расположение главных сил экспедиционного корпуса, стоявших у Керманшаха. За время рейда с целью выхода на «живую связь» с союзниками-англичанами людских потерь не было, однако пали 19 лошадей.

В баратовском штабе героев Месопотамского рейда через «дебри Луристана» ожидали две поздравительные телеграммы. Одна была с высочайшим указом императора Николая II:

«Молодецкий поход доблестной Уманской сотни в глубь неприятельской страны и блестящее выполнение его поставленной задачи меня глубоко порадовало.

Жалую Сотнику Гамалею орден Святого Георгия 4-й степени.
Николай».

Вторая телеграмма была от царского наместника на Кавказе, великого князя Николая Николаевича. Подписана она была генерал-майором Л.М. Болховитиновым, исполнявшим тогда обязанности начальника штаба Кавказской армии. В наградной телеграмме говорилось:

«Его Императорское Высочество награждает всех господ младших офицеров сотни орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Всех казаков доблестной сотни Августейший Главнокомандующий (Отдельной Кавказской армии великий князь Николай Николаевич Романов. — А.Ш.) награждает Георгиевскими крестами, тех, кто имеет уже Георгиевские кресты, соответственно, высшими степенями этого креста».

Так в составе русского Экспедиционного корпуса (1-го Кавказского кавалерийского корпуса) появилась прославленная Георгиевская казачья сотня сотника Василия Гамалея из 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска.

Английские военные медали, которые были спустя некоторое время присланы в штаб русского Экспедиционного корпуса в Персии, получили следующие нижние чины 1-й сотни Уманского казачьего полка, ходившие в рейд: урядники Гервасий Овдиенко, Павел Клещ, Василий Крыштопа, приказной Даниил Запорожец и казак Гордей Грызун.

В своей книге «Персидский фронт. 1915–1918» А.Г. Емельянов, сперва уполномоченный Главного комитета Всероссийского земского союза, а затем комиссар Временного правительства при баратовском корпусе, писал такие восторженные строки, навеянные рейдом казачьей сотни сотника Василия Гамалея:

«...Радовались наши войска в Персии, а английские в Месопотамии, что недалеко от них есть друзья, которые борются за общее дело.

Радовались во всей России, что в конце 2 лет войны еще не иссякла доблесть русского воина и что он продолжает творить чудеса.

Радовались и в Петрограде, так как успешный рейд Гамалея давал возможность напомнить англичанам, что общность союзных интересов заставит их быть более внимательными к нуждам России в войне».

Василий Данилович Гамалей получил производство в следующий офицерский чин подъесаула. В 1917 году стал есаулом. Пожалуй, самым большим признанием его командирской, казачьей доблести стало то, что станичный сход родной станицы Переяславской прислал ему поздравительное письмо с настоятельной просьбой «выслать свой портрет для увеличения такового и помещения в зале Станичного Правления и в школах». Из станичной кассы на это дело выделялось 300 рублей, немалая по тому времени сумма.

...В первых числах июня 1916 года Баратов уже знал вполне определенно «по агентурным сведениям» о силе турок в районе Ханекина. Он доносил в штаб Отдельной Кавказской армии на имя генерала от инфантерии Н.Н. Юденича о том, что в непосредственной близости от передовых корпусных сил находятся не менее одной дивизии пехоты и три полка регулярной турецкой кавалерии (сувари). И что в районе Ханекин — Бакуба неприятель сосредоточил четыре пехотные дивизии. Это не считая конных ополчений «немирных» кочевых племен.

И в штабном Казвине, и в штабном Тифлисе стало ясно, что турецкое командование решило провести крупномасштабную наступательную операцию на территории Персии. О целях наступления противоречивых сведений и суждений не имелось — притягательной точкой на карте нейтральной страны являлся столичный Тегеран, который сам себя защитить не мог.

В случае стратегического успеха операции, задуманной высшим турецким командованием, корпус Халил-паши должен был оказаться на пограничной с Россией реке Араке. Панисламист Энвер-паша, сидевший в Стамбуле, все еще не терял иллюзий в войне на Кавказе с Российской империей.

Турки перешли в наступление, как и предполагалось, в начале июня, когда оправились от удара, полученного под Ханекином. Они имели превосходство в силах, особенно в пехоте и артиллерии. Халил-паша откровенно прицеливался к Керинду, столь недалекому от Тегерана. Они шли по дорогам «густыми колоннами», не считаясь с потерями. Пленные

турки показывали, что у них есть роты, «потери которых достигали 80 процентов».

Когда наступавшие турки, сбивавшие по пути русские заслоны, наткнулись на арьергардные отряды баратовского корпуса, на персидской земле прошли восьмидневные тяжелые бои. Они состоялись во второй половине июня. Наступавшим вражеским пехотным дивизиям пришлось отступить от черты непосредственного соприкосновения с противником и перейти к обороне. К 30 июня турецкий корпус пройти дальше Керманшаха не сумел.

После ротации частей на Персидском фронте Кавказский экспедиционный корпус на конец июня 1916 года принял по составу отдельных отрядов следующий вид.

Курдистанский отряд, стоявший в городе Сенне:

3 сотни кубанских казаков, 2 сотни конных пограничников при 2 горных орудиях.

Сунтурский отряд: батальон пограничников, 16-й Тверской драгунский полк при 4 пулеметах и искровой станции.

Керманшахский отряд, составлявший основу баратовского корпуса, делился на главные силы и два отдельных конных отряда, генерал-майора А.Ф. Рафаловича и полковника А.П. Гревса, а также отряда, стоявшего в Сахие.

Главные силы Керманшахского отряда состояли из 4 батальонов пограничников, кубанского 1-го Хоперского казачьего полка, 2 сотен терских казаков, 2 сотен конных пограничников при 7 орудиях (4 казачьих, 2 горных и 1 гаубицы), 12 пулеметах и искровой станции. Керманшахский отряд располагался в районе Кянговера.

В конный отряд генерал-майора Рафаловича входили кубанский 1-й Уманский казачий полк, 5 сотен кубанского 1-го Запорожского казачьего полка при 6 конных орудиях и 4 пулеметах.

Конный отряд полковника Гревса имел в своем составе два драгунских полка — 17-й Нижегородский и 18-й Северский при 6 горных орудиях и 6 пулеметах.

В Сахие стоял отряд из 5 сотен кубанских казаков при 2 пулеметах.

Буруджир-Мелаирский отряд:

4 сотни терских и 1 сотня кубанских казаков при 2 казачьих орудиях, 3 пулеметах и искровой станции.

Кереджский отряд:

6 сотен кубанских казаков, ополченческая саперная рота при 4 орудиях.

Гарнизон города Казвина (Восточный район корпуса):

2 конные сотни (кубанская казачья и пограничников) при 1 орудии и искровой станции.

...Командование русского Экспедиционного корпуса интересовало, как местные жители, персы и кочевые племена юго-запада страны, будут принимать появление у себя турецких войск. Агентурная разведка донесла, что, скажем, жители Керманшаха встретили турок «весьма доброжелательно». Из этого можно было сделать вывод, что недавние труды графа Каница и его коллег, «германо-турок» не остались без последствий.

Но довольно быстро отношение местного населения к турецким военным стало не в лучшую для последних сторону. Суть этого крылась... в деньгах. Турки расплачивались бумажными купюрами, которые в отличие от российских кредиток хождения в Персии не имели. Местные купцы на базаре отказывались их брать. Дальше события в городе Керманшах разворачивались так.

«...В тот же день, для примера, двое (персидских купцов. — А.Ш.) были повешены. Тогда закрылся базар. Турки силой стали открывать лавки и брать все, что им надо, не платя денег, возбудив этим против себя население Керманшаха, привыкшее к более гуманному отношению русских войск».

Все лето 1916 года на территории Персии шли частые бои с турецкими войсками и теми местными племенами, которые их поддерживали. Вот лишь некоторые сообщения боевых сводок, которые поступали в штаб баратовского корпуса и уходили донесениями в Тифлис.

27 июля полки 1-й Кубанской казачьей дивизии под командованием генерал-майора Раддаца целый день вели упорный бой против турецкой пехоты силой до четырех батальонов при четырех орудиях и бригады кавалерии (два полка сувары). Казачья конница сумела сдержать вражеские атаки на горном перевале, хотя турки настойчиво пытались «сбросить» русских с перевала и открыть себе путь в долину.

За день до этого боя две сотни казаков-хоперцев из Кавказской кавалерийской дивизии, усиленные пулеметным взводом, под командой корнета Рагозина у селения Дезех задержали неприятеля, наступавшего от города Сенне. Благодаря этому продолжительному арьергардному бою русский Курдистанский отряд смог беспрепятственно отойти на новую позицию и закрепиться на ней.

Казаки корнета Рагозина держались весь день и ночь, не давая неприятелю продвинуться за селение Дезех. Давление же они испытывали

сильное: турецкий авангард состоял из пехотного батальона, четырех кавалерийских эскадронов при двух орудиях и четырех пулеметах (у казаков их было только два) и значительного числа конных курдов.

Рагозинская застава отошла к своим главным силам только утром 28 июля, когда войска русского экспедиционного корпуса оставили Асад-Абадскую позицию и город Хамадан. При этом туркам, которые заняли Дезех, не досталось в качестве трофеев ни одной единицы оружия противника. Раненые казаки винтовок в бою не бросали, а оружие погибших забирали с собой их товарищи-однополчане.

То есть в том утверждении штаба Халил-паши, что русские при виде блеска турецкого оружия бежали от Дезеха, не было даже доли правды о войне. Однако победные реляции из Персии продолжали регулярно уходить через Багдад в Стамбул (Константинополь). Для Энвер-паши, султанского военного министра они были крайне важны, так как неудачи преследовали турок на Кавказском фронте с первых дней начала там боевых действий.

В том месяце подвиг у города Исфахана совершили казаки-кубанцы под командой есаула В.К. Венкова. Полторы сотни казаков, спешившись, в ночной атаке, решительно выбили с занимаемой позиции большой конный отряд бахтиаров численностью в 500 всадников, который после непродолжительной ружейной пальбы в ответ бежал.

Бахтиары в таких случаях привычно рассеивались в округе, чтобы через какое-то время вновь собраться воедино, пусть и в меньшем составе. В боях, даже имея видимое численное превосходство, кочевники упорствовали крайне редко. Как показывали такие события, их больше всего интересовала любая военная добыча, чем кровавая победа в открытом бою.

Бои летом велись не только на линии соприкосновения с турецкими войсками, но и в тылу русского экспедиционного корпуса. Прежде всего это касалось беспокойной провинции Гилян. Фронтной подвиг совершили со своими разъездами урядники Зимин и Марков, которые с двух сторон «по собственному почину», сбив вражескую заставу, своей отважной атакой застали врасплох отряд персидских жандармов, которые защищаться не стали.

В плен были взяты полторы роты жандармов (175 человек) с личным оружием. Шведских офицеров-инструкторов среди пленных не оказалось. Разоруженные персидские жандармы спустя некоторое время были распущены по домам. На прежнюю службу возврата им пока не было.

Подвиг казаков из 1-й Кавказской казачьей дивизии стал известен в войсках баратовского корпуса. Рядовым казакам корпусным командиром

была объявлена «моя благодарность» за тот удалой бой, а урядники Зимин и Марков представлены к награждению очередными Георгиевскими крестами.

Надо отдать должное генерал-лейтенанту Н.Н. Баратову как военачальнику: он старался не забывать отмечать наградой подвиги своих бойцов, будь то нижние чины или офицеры. Наградные списки из Казвина постоянно приходили в Тифлис на утверждение августейшего главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича-младшего. И в Ставке Верховного главнокомандующего в городе Могилеве тоже помнили о баратовском экспедиционном корпусе, который успешно справлялся с возложенными на него задачами.

Поскольку в середине 1916 года ситуация на необъявленном «Персидском фронте» потребовала максимального задействования сил русского корпуса, встал вопрос о защите его тылов. Было решено часть забот о «внутреннем спокойствии» возложить на тегеранское правительство. Но действенным средством для борьбы с разбоями «шаек» кочевников на дорогах могла быть только Казачья Его Величества Шаха бригада. Поэтому генерал от инфантерии Н.Н. Юденич, штаб Отдельной Кавказской армии вышли с предложением помочь шаху развернуть бригаду в дивизию. Это предложение нашло полную поддержку в Ставке Верховного главнокомандующего России.

Русское командование начало по этому вопросу переговоры с шахским правительством. 23 июня 1916 года между главой правительства Персии и миссиями союзников по Антанте состоялся обмен нотами. Было заключено соглашение, по которому Россия оказывала помощь в доведении бригады шахской гвардии до 10-тысячного состава и преобразовании ее в дивизию. Предполагалось создать на севере Персии и в городе Исфагане семь новых отрядов персидских казаков.

Великобритания не осталась в стороне от такого дела. В южной части страны, в зоне английского влияния, стала создаваться так называемая южная бригада (эспиар). Ее формированием руководил генерал Сайкс.

Персидская казачья бригада развернулась в дивизию в январе 1917 года. Назначение на должность ее начальника получил генерал-майор барон Владимир Николаевич Майдель, начинавший офицерскую службу артиллеристом. В Великую войну был командующим 1-й кавалерийской дивизии. В Гражданскую войну находился в рядах белой армии на Юге России. Попал в плен, после чего с 1923 года служил в Красной Армии.

Казачья Его Величества Шаха дивизия была разбита на девять отрядов и один (Арагский) батальон. Отряды носили название от мест своей

дислокации — Тегеранский, Тавризский, Хамаданский, Исфаганский, Ардебильский, Гилянский, Урмийский, Буруджирский и Хорасанский. География размещения отрядов говорила, что большая часть дивизии шахской гвардии квартировала на севере Персии, будучи «привязанной» к столице.

Состав отрядов показателен на примере Ардебильского отряда. Он состоял из: двух казачьих сотен (250 человек), двух пехотных рот (300 человек), артиллерийской батареи — три 3-дюймовых орудия (30 человек) и «хора трубачей» (30 музыкантов). Всего в отряде насчитывались более 600 человек, в том числе 12 персидских офицеров. В коннице служили больше сыновья ханов, добровольцы из простых семей составляли пехоту.

Ардебильским отрядом командовали два человека: с персидской стороны — генерал-майор Гусейн-Мамед-хан, с русской стороны — капитан Добромыслов.

В военной истории Персии в годы Первой мировой войны Ардебильский отряд шахских казаков известен своим участием в операции против разбойников-шахсевенов, которая проводилась на южном склоне Гилянских гор, у города Решта. Приказ на участие шахских казаков в этом деле в отряде был отдан капитаном Добромысловым.

От отряда против шахсевенов были командированы обе конные сотни и пехотная рота с двумя орудиями и двумя пулеметами. Командование было поручено русскому казачьему офицеру из младших — подхорунжему Исидору Захарину (Захарьину) из кубанской станицы Николаевской, полному Георгиевскому кавалеру, обладателю Георгиевских крестов для нижних чинов всех четырех степеней.

Было известно, что разбоями в районе Решта занимались до 3 тысяч шахсевен, избегавших при этом любых столкновений даже с малыми русскими отрядами. Они разрозненными конными «шайками» нападали на персидские селения, забирали в них хлеб, угоняли скот и «пополняли свои ряды молодыми персами». Подхорунжий Захарии в своих воспоминаниях так рассказывал о столкновении отряда шахских казаков с шахсевенами в окрестностях города Решта:

«...По прошествии первой ночи без приключений на другой день я вместе с персидским офицером объехал местность с целью ознакомления. По нашему указанию на окраинах деревень были расставлены заставы, пушки и пулеметы.

В одиннадцать часов конные шахсевены начали спускаться с гор. Артиллеристам был дан приказ открыть по ним шрапнельный огонь. Разрывы перед фронтом наступавших заставили их свернуть в сторону и

наткнуться на пулеметы нашей заставы.

Продолжая уходить во взятом направлении, они встретили заставу, расположенную в другом месте на кургане. Там завязался настоящий бой, в котором был убит офицер, начальник заставы. Казаки обратились в бегство...

Заметив это, я поскакал навстречу беглецам, угрожая им револьвером. Мне удалось повернуть их обратно и отбить атаку.

Через две недели отряд наш вернулся в Ардебиль. Успешно законченная операция была отмечена пиром, устроенным командиром сотни, с национальными персидскими яствами...»

Подхорунжий Исидор Захарин отличился против разбойников-шахсеван еще раз, в ноябре 1917 года. В том месяце он во главе взвода шахских казаков участвовал в стычках с кочевниками на дороге между городами Ардебилем и Серабом. Захарин пишет, что в одном из боев зарубил шашкой пятерых шахсеван и подстрелил шестого.

...Лето 1916 года ознаменовалось для Кавказского экспедиционного кавалерийского корпуса боями на прерывистой линии фронта протяженностью в 200 верст. В июле корпус отходил в северо-восточном направлении. Левый фланг начинался у Буруджира, проходил через Асад-Абадские высоты и заканчивался правым флангом у Кергабода, близ города Сенне.

Неприкрытые фланги этой позиции в 200 верст достаточно надежно прикрывались труднопроходимыми горами на севере и знойной, безводной пустыней на юге. Неприятель об этом знал доподлинно и потому не шел на риск обходных действий, всегда опасных в других природных условиях. Знание такой ситуации давало русскому командованию не беспокоиться за фланги, хотя те и прикрывались не самыми сильными отрядами.

Безопасность флангов обеспечивалась и агентурной разведкой, на которую уходила часть корпусной казны. Причем лазутчики из христианского населения страны, как это было, к примеру, в районе озера Урмия, рисковали своей жизнью за чисто символическую плату. Русская контрразведка достаточно успешно боролась с вражеской агентурой, порой удачно дезинформируя противную сторону.

За исключением ряда важнейших дорог, линия фронта держалась исключительно отрядами конницы, иногда подкрепляемыми несколькими выучными пулеметами и артиллерийским взводом из двух конных орудий. Такие казачьи отряды и драгунские эскадроны «разновременно» действовали вполне самостоятельно, полагаясь только на себя, редко имея возможность получить помощь от удаленного соседа.

Действия русской стороны отрядами силой в полк и более в кампании 1916 года встречались редко. Такая распыленность экспедиционных сил объяснялась не только преимущественно горным и пустынным театром войны в нейтральной стране. Баратовский корпус продолжал оперировать на второстепенном участке Кавказского фронта, являясь его восточной оконечностью. Поэтому и самые малые подкрепления в людях, лошадях и вооружении (пулеметы, артиллерия, бронемшины) он получал в самую последнюю очередь.

Бои велись в самое жаркое время года в Персии. Случалось, что «термометры лопались от жары». Об организации санитарных караванов из арьергардных полков говорить не приходилось. Очевидец тех событий писал:

«...Особенно страдали больные и раненые, большинство которых ехали верхом, поддерживаемые товарищами, и мало кто в носилках о двуконь. По всему пути остались многочисленные казачьи могилы убитых и замученных курдами, умерших от болезней и павших в боях».

Халил-паша не мог похвастаться перед Стамбулом и своим племянником Энвер-пашой «блестящей наступательной операцией». Имея полное преимущество над баратовским корпусом (прежде всего в пехоте и артиллерии), войска турецкого корпуса с боями прошли путь от иракского Ханекина до Хамадана в предгорьях Иранского Курдистана за два месяца. Дальнейшее вражеское продвижение было остановлено.

Лишившись наступательной инициативы на линии Персидского фронта, турецкое командование заметно активизировало действия своих союзников в лице курдов и бахтиаров. Отрядам племенных вождей ставилась задача разрушения линий связи и коммуникаций русских, разрушать систему их снабжения, нападать на конные разъезды, обозы и небольшие отряды.

В такой ситуации особенно сложным оказалось положение русского Исфаханского отряда. Сама горно-пустынная местность перед ним позволяла успешно действовать вражеской коннице, которой были привычны местные условия. При этом кочевники старались избегать серьезных столкновений, предпочитая бои в горах нападениям из засад на дорогах и караванных тропах. На дорогах грабились купеческие караваны.

Все же сторонникам «германо-турок», подступившим к городу Исфахану в числе нескольких «партий», не удалось избежать серьезного поражения. Причиной тому стали оперативные действия командующего 4-м Ставропольским сводно-кубанским полком войскового старшины П.К. Беломестнова.

Среди вражеских «партий», действовавших в окрестностях Исфахана, особенно выделялся отряд бахтиарского вождя хана Сердар-Соулета в полтысячи хорошо вооруженных всадников. Часть ханского отряда составляли курды. Было известно, что инструкции племенным вождям получались из взятого турками Керманшаха и Багдада, в котором находилась германская миссия, занимавшаяся «персидскими делами».

В первых числах августа хан Сердар-Соулет совершил дерзкий налет на селение Ардистан, в котором находился телеграфных линий, которые сходились сюда из восточных и южных провинций страны. Телеграфная станция подверглась разгрому.

Получив такое тревожное донесение, войсковой старшина Беломестнов сразу же выслал для проведения усиленной разведки 6-ю сотню своего полка. Вскоре из нее пришло донесение, что сотня «идет по следам кочевников», совершивших налет на Ардистан.

Беломестнов решил разгромить отряд вражеской конницы. В ночь на 15 августа он выступил из Исфахана во главе трех казачьих сотен при двух конных орудиях и в двух походных колоннах устремился в преследование за отрядом хана Сердар-Соулета.

В 11 часов утра стало известно, что 6-я сотня завязала бой с кочевниками, стремясь не дать им безнаказанно уйти в спасительные горы.

Отряд Беломестнова повернул к месту боя. Однако незамеченными подойти туда казачьи сотни не могли по той причине, что сотни конских копыт по дороге поднимали огромное облако пыли, «висевшее в воздухе» и хорошо видимое с окрестных высот даже в сумерках. Это еще издали выдавало движение отряда.

Хан Сердар-Соулет, получив такое донесение, решил в бой с большими силами русской конницы не ввязываться, а уйти подальше, в места, для себя безопасные. Но чтобы оторваться от преследователей, надо было заставить отойти разведывательную казачью сотню, которая бесстрашно «села ему на хвост».

Против 6-й сотни казаков-ставропольцев в атаку были брошены «превосходные силы» бахтиарских и курдских всадников, и ей пришлось отступить от высот. Войсковому старшине Беломестнову этот эпизод боя в поле зрения не попал. Возможно, что полковой командир в таком случае мог принять иное решение на бой.

В те минуты он, разбив свой отряд на две части, уже восходил на горный склон. Тропа, которая шла по горному хребту, позволяла двигаться только в один конь. Казаки спешили, чтобы не дать неприятелю оторваться от преследователей. «Страшная жара давила на людей и лошадей».

Преследователям удалось настигнуть арьергардную часть всадников ханского отряда. Те, видя, что им не уйти от русских, стали бросать на тропе лошадей и карабкаться на горные вершины. Но там их настигали пули, выпущенные из казачьих винтовок.

Вскоре одной из казачьих сотен удалось перекрыть вход в ущелье, а другой — остановить дальнейшее движение отряда кочевников по горному склону. Однако курды и бахтиары нашли выход: по двум крутым сухим водостокам они, держа на поводу коней и подгоняя их плетками, стали взбираться на горный гребень. Часть ханских воинов залегли за камнями и повели частый ружейный огонь по казакам, атаковавшим их в пешем строю.

Войсковой старшина Беломестнов в том бою очень надеялся на огонь двух своих орудий, взятых с собой. Но они оказались в десяти верстах от места боя, лошади орудийных упряжек выбились совсем из сил и далее идти не могли. За пушками была послана целая казачья сотня, ей было приказано «на людях и лямках» подвести орудия и зарядные ящики во что бы то ни стало к месту боя.

С большими усилиями артиллерия была подвезена. Орудия поставили на скате высоты. Пушки открыли огонь, при каждом выстреле их отбрасывало вниз, и они едва не опрокидывались. С началом орудийной пальбы положение отбившегося вражеского отряда стало явно безнадежным.

Но тут, когда солнце пошло в зенит, стала проблема воды. Люди и лошади обессилели от жажды. Беломестнов был вынужден послать в тыл водоносов с собранными в сотнях флягами. Однако источники воды находились от места боя в 12 верстах пути, а доставать воду из глубоких колодцев-кяризов казакам удавалось с большим трудом, да и то в небольшом количестве.

От солнечных ударов стали падать лошади. Людей, терявших от жары сознание, возвращали к жизни несколькими глотками воды из фляг. Но бой на горном хребте продолжался до самых сумерек. Теперь курды и бахтиары прятались от метких казачьих выстрелов не за камнями, а в трещинах скал.

Огневой бой прекратился с наступлением полной темноты. Ночь позволила ханским воинам ползком найти спасение в бегстве. Войсковой старшина Беломестнов тоже воспользовался наступившей темнотой для того, чтобы отвести свой отряд «поближе к воде» и стать там походным биваком.

На рассвете казаки-ставропольцы снова подступили к месту боя. Но остатков отряда хана Сердар-Соулета там уже не было. На горном склоне

насчитали 130 убитых кочевников, несколько человек оказались в плену. Их оружие собрали в качестве трофеев. Потери казачьего отряда в том огневом бою оказались на удивление малы: один убитый и десять человек получили легкие ранения. Это лучше всего свидетельствовало о стрелковой подготовке сторон.

Полутысячная «партия» бахтиарского хана после этого дела распалась (такое в той войне в Персии смотрелось обычным явлением) и в дальнейшем о себе никак не заявляла. Было известно, что раненый Сердар-Соулет счел для себя за благо скрыться. Он уже не помышлял о вербовке наемников-кочевников под свои знамена для нового «похода на Исфахан». То есть можно было считать «вражеский отряд уничтоженным».

Бой, проведенный русским Исфаханским отрядом против самого крупного неприятельского отряда под древним городом Исфаханом, оказался в числе последних значительных дел в конце лета

1916 года. Наступательный пыл турецких войск, равно как и их союзников из кочевых племен, иссяк.

К тому же действия русской конницы в местах кочевий «немирных» племен всегда отличались успешностью, и поэтому многие племенные вожди утратили прежнюю воинственность. Однако такое положение дел совсем не мешало вражеской агентуре вербовать за хорошие деньги в этих «замирившихся» племенах наемников, да еще в большом числе. То есть постоянно шла «подпитка» отрядов местных «германо-турок».

Особенно неблагоприятной для России обстановка продолжала оставаться в горном Иранском Курдистане. Здесь через совершенно открытую границу в горах на персидскую территорию постоянно проходили племенные конные ополчения из Турецкого Курдистана. Они самым негативным образом влияли на внутривнутриполитическую ситуацию во многих останах Персии, дестабилизируя ее. В военные годы кочевавшие в персидском приграничье курдские племена открыто игнорировали центральную власть Тегерана. К этому их никто и не принуждал ни уговорами, ни военными усилиями.

Начиная с сентября — октября 1916 года ситуация на линии фронта отдельных отрядов русского Экспедиционного корпуса стабилизировалась. Только на таких направлениях, как Хамаданское и Довлетобадское, еще не прекращались небольшие стычки и бои местного значения. Зато воюющие стороны более усиленно стали вести разведку конными разъездами и засылаемыми в тылы друг друга лазутчиками. Торговые пути продолжали оставаться небезопасными для своих и чужих.

В войсках баратовского корпуса главная тяжесть таких событий легла

на полки и отдельные эскадроны и сотни 1-й Кавказской казачьей, Кавказской кавалерийской и Сводной Кубанской (ставшей вскоре называться 3-й Кубанской) дивизий. Конные казахи заслоны самой разной численности перекрыли собой всю линию корпусного фронта. Им же приходилось бороться с разного рода «диверсиями» в корпусном тылу.

Шахская Персия и в конце 1916 года продолжала оставаться «строго нейтральной страной» в том военном пожаре, который территориально охватил уже большую часть Земли. И это в такой ситуации, когда на немалой части страны уже третий год шли, то вспыхивая, то на непродолжительное время утихая, военные действия, которые сводили центральную, шахскую власть на многих окраинах Персии «на нет».

Немалая часть Персии жила по законам военного времени. На территории страны находились значительные воинские силы трех воюющих государств: Турции, с одной стороны, и России с Англией — с другой стороны. С наступлением нового, 1917 года положение на «Персидском фронте» менее сложным не стало.

Более того, с низложением императора Николая II, с Февральской революцией и приходом к власти Временного правительства, с Октябрьским переворотом и последующим сепаратным Брест-Литовским миром ситуация в шахской Персии стала более «запутанной». История свидетельствует, что события в России, ставшей советской, прямо отразились на внутривосточном положении в этой древней стране Востока.

Самая отдаленная от эпицентра российской политической жизни часть старой Русской армии в лице баратовского экспедиционного корпуса прекратила свое существование не в самом начале 1918 года, а в его середине. Корпус продолжал вести боевые действия на стороне Антанты после подписания мира в Брест-Литовске во многом благодаря тому, что его «казачья часть» оказалась не распропагандированной до позорного конца и способной с достоинством уйти из персидских пределов в Отечество.

С сентября 1916 года на Персидском фронте, на его главных направлениях на то время — Хамаданском и Давлетабадском — широкие встречные операции прекратились сами собой. Наступательный пыл турецких войск окончательно иссяк. Войска 1-го Кавказского кавалерийского корпуса были «обессилены эпидемиями», санитарные потери порой лишали на какое-то время боеспособности целые полки.

Однако Великая война в нейтральной Персии не утихала. Она только приняла иной образ: стороны вели между собой на аванпостах

перестрелки, стычки и мелкие бои. То есть дело до столкновений большими силами в пехотный батальон или несколько конных сотен не доходило.

Активно велись разведка конными партиями и агентурная разведка с засылкой лазутчиков, как правило, местных жителей в виде купцов, мелких торговцев и просто странников, к святым местам, которых во всех уголках Персии было немало. И турецкое командование, и штаб баратовского корпуса зорко следили не только за действиями друг друга, но даже за их «предположениями». Как говорится, на войне упредить врага означало его победить.

Порой ведение разведок заканчивалось серьезными боевыми столкновениями. Так, 12 сентября дивизион (200 шашек)

2-го Сводно-Кубанского полка, разведывавший расположение и силы неприятеля у Довлет-Абада и Биджара, ворвался в предместье последнего. Бой продолжился на следующий день, закончившись тем, что вражеский отряд (две сотни турок и шесть сотен конных курдов) был выбит из города.

Рейд сотни Гамалея лишний раз напомнил союзникам не только о несомненной важности координации совместных действий, но и о соединении линий фронтов. Англичане, со своей стороны, сделали таких несколько попыток малыми силами, которые «пресекались турками и курдами». Союзники делали такие попытки и по «линии интендантства».

Так войсковой старшина П.К. Беломестнов доносил в корпусной штаб о том, что у селения Сардании, к западу от города Исфагана в плен к «разбойникам» попали британский офицер и два солдата-сипая (третий был убит в стычке). Они в сопровождении конвоя из 30 всадников по распоряжению английского консула Бахтиарии занимались для своего интендантства закупкой вьючных животных — катеров (помесь лошади и осла).

В сентябре 1916 года отряд войскового старшины Беломестнова соединился в древней персидской столице Исфагане с английским отрядом, которым командовал генерал Сайкс. Однако это соединение оказалось чисто символическим, поскольку всплеска боевой активности после этого не последовало.

Расположение, состав и оперативная зона экспедиционных сил корпуса генерала от кавалерии Н.Н. Баратова постоянно видоизменялись, равно как и начальственный состав. В октябре 1916 года корпус делился на следующие отдельные части:

Курдистанский отряд войскового старшины Н.А. Горбачева.

Кавказская кавалерийская дивизия генерал-майора Н.Н. Копачева.

Главные силы корпуса на Хамаданском направлении, которыми начальствовал полковник-пограничник М.С. Юденич.

Корпусной резерв полковника Н.А. Яковлева.

Это были экспедиционные войска, стоявшие, если так можно выразиться, на передовых позициях Персидского фронта. Остальная часть сил находилась в Восточном районе корпуса, то есть в его тылах и на южном, левом фланге фронта. Войсками Восточного фронта начальствовал Свиты Его Императорского Величества генерал-майор граф Ф.М. Нирод, он же командующий Сводной Кубанской дивизии. Ему подчинялись:

Энзели-Рештский (или Гилянский) отряд войскового старшины С.Д. Говорущенко.

Меноржильский отряд войскового старшины И.И. Бобрышева.

Кум-Тегеранский отряд полковника Ягодкина.

Исфаганский отряд войскового старшины П.К. Беломестнова.

Гарнизон города Казвина, которым командовал генерал-майор И.П. Золотарев.

Под самый конец 1916 года состоялось несколько крупных боев. 15 октября под Биджаром курдистанский отряд силами нескольких рот пехоты и казачьих сотен весь день отбивал атаки значительной числом турецкой пехоты. Под вечер войсковой старшина Золотарев приказал отойти на новую позицию.

В бою 19 декабря отличился прославленный на Кавказе 17-й драгунский Нижегородский полк. Его дивизион (три эскадрона) под командованием кавалера ордена Святого Георгия 4-й степени подполковника Бек-Наврузова сумел зайти во фланг и тыл позиции турецкого пехотного батальона на горном перевале Субаши. Завязался бой. К туркам подошло значительное усиление. Тогда командир дивизиона спешил драгун-нижегородцев и «задержал наступление противника под сильным ружейным огнем».

Но таких достаточно серьезных боев с турками и их местными союзниками в финальной части действий баратовского экспедиционного корпуса в Персии было немного.

Конец 1916 года ознаменовался прибытием на Персидский фронт Походного атамана всех Казачьих Войск Великого князя Бориса Владимировича. Эта должность была учреждена в марте

1915 года с местом пребывания Походного атамана в Ставке Верховного главнокомандующего. В баратовский корпус великий князь из династии Романовых прибыл 23 ноября.

Для встречи высокого гостя был отряжен 1-й Кубанский полк. Полк

имел богатую боевую летопись, будучи за прошлые войны награжден Георгиевским знаменем и Георгиевскими серебряными трубами. В Великой казаки этого полка Кубанского казачьего войска за проявленную доблесть получили в награду 350 Георгиевских крестов разных степеней и 700 Георгиевских медалей «За храбрость» тоже разных степеней.

Полковым парадом в тот день командовал войсковой старшина Д.В. Репников, который был представлен к награждению орденом Святого великомученика и победоносца Георгия 4-й степени в первый же день Великой войны на Кавказе, то есть 19 октября 1914 года. Свой подвиг Репников, тогда есаул и командир разведывательной сотни, совершил в бою у пограничного поста-крепости Кара-Килиса. За тот первый бой с турецкой пехотой почти половина его сотни удостоилась Георгиевских наград — крестов и медалей «За храбрость».

Верховный Главнокомандующий России венценосный полковник Николай II Романов не забывал жаловать тех, кто совершал воинские подвиги на персидской земле. 3 декабря 1916 года он подписал высочайший указ о переименовании полков Сводной Кубанской казачьей дивизии, которые перед этим получили старые (исторические) знамена Кубанского казачьего войска. Были переименованы:

- 1-й Сводно-Кубанский полк — в 1-й Адагумо-Азовский полк.
- 2-й Сводно-Кубанский полк — во 2-й Екатеринославский полк.
- 3-й Сводно-Кубанский полк — в 3-й Ейский полк.
- 4-й Сводно-Кубанский полк — в 4-й Ставропольский полк.

Сама Сводная Кубанская казачья дивизия получила «номерное» место среди дивизий Казачьих войск и стала именоваться 3-й Кубанской казачьей дивизией.

Под занавес кампании 1916 года на Персидском фронте в Иранском Курдистане 21 и 22 декабря прошло два боя с племенным ополчением «куртинцев». Бои провел отряд войскового старшины А.П. Белого (две сотни казаков-ставропольцев с одним орудием).

Туркестанской легкой батарее). В первый день курдам было нанесено поражение у селения Гулямхас. Во второй день казаки разгромили «шайку» известного разбоями Заграм-Салтанэ.

Весна 1917 года дала активность боевым действиям союзников по Антанте на Персидском и Месопотамском фронтах. 1-й Кавказский кавалерийский корпус, отдохнув и пополнившись за зиму, в середине февраля перешел в наступление. Операция была разработана штабом генерала от инфантерии Н.Н. Юденичем. Приказ о наступлении был отдан великим князем Николаем Николаевичем.

Баратовскому корпусу ставилась задача наступать в направлении на город Мосул (Моссул) в Северном Ираке. Одновременно в направлении на Мосул наносил удар с севера 7-й армейский корпус Кавказского фронта. С юга Месопотамии на Багдад начали наступление английские войска.

Наступление началось в неимоверно трудных условиях для конницы: дороги в горах находились еще под снегом, местности были опустошены неприятелем, что вело к бескормице лошадей. Так, Асад-Абадский перевал двухдневными метелями был «занесен снегом до трех аршин глубиной».

Турки стали отступать перед наступающими русскими на Керманшах. 23 февраля авангард наступающих подошел к этому городу на удаление 20 верст. Турки попытались задержать противника в оборонительном бою у селения Бисетунграм.

Для турецкого командования и его германских советников наступили «черные дни»: союзники по Антанте наступали по сходящимся направлениям и расстояние между ними составляло уже только 300 верст. То есть это был двойной, охватывающий охват на стратегически важный Багдад.

Такой угрозой обеспокоились не только в Стамбуле, но и в далеком Берлине. Были получены разведывательные данные о переброске немецких войск в Месопотамию. Туда ожидалось прибытие пехотных 316-го Германского, 19-го Саксонского и 91-го Ольденбургского полков. Однако эта помощь опоздала.

26 февраля 1917 года англичане вошли в Багдад. Оборонять его турки не могли, поскольку их корпус был «связан» боями под Керманшахом с русскими войсками. 1-й Кубанский полк захватывает город Касри-Ширин.

Преследование отступавших турок велось на расстоянии в 400 верст. Султанское командование отводило войска на север Месопотамии, в район иракского города Мосула (Моссула), чтобы там сосредоточиться в значительных силах.

К тому времени английская группировка войск на берегах рек Тигр и Евфрат заметно усилилась. Весной 1917 года экспедиционная армия Великобритании в Месопотамии (Ираке) состояла из одной английской и пяти индийских дивизии и одной индийской кавалерийской бригады. Всего: 55,5 тысячи штыков, 5 тысяч сабель и 205 орудий. Помимо этого, для охраны тылов были оставлены 16,3 тысяч штыков, 1400 сабель и 39 орудий. Британцы такими силами сумели опрокинуть турок с хребта Джебель-Хамрин к Туз-Хурматлы.

Близость колониальной Индии, безопасное морское сообщение ее портов с иракской Басрой позволяло не только свободно перебрасывать на

Месопотамский фронт новые индийские войска, но и обеспечивать экспедиционную армию всем необходимым, прежде всего провиантом и фуражом. Англичане не зависели, как баратовский корпус в Персии, от местных источников снабжения.

...В марте 1917 года на Персидский фронт прибыла 4-я Кубанская казачья дивизия, которая значительно усилила боевой состав русского Экспедиционного корпуса. Дивизия состояла из второочередных и третьеоочередных полков Кубанского казачьего войска, уже обладавших богатым фронтовым опытом, действуя в Турецкой Армении:

— 2-го Екатеринодарского казачьего полка (командующий — полковник Василий Логвинов, выпускник Ставропольского казачьего юнкерского училища).

— 2-го Черноморского казачьего полка.

— 3-го Запорожского казачьего полка (командир — полковник Александр Кротов, выпускник Ставропольского казачьего юнкерского училища, кавалер трех боевых орденов).

— 3-го Полтавского казачьего полка (командир — Яков Поночевный, кавалер трех боевых орденов и мечей и банта к ордену Святой Анны 3-й степени, полученному в мирное время).

Все эти казачьи полки были полного 6-сотенного состава.

В дивизии имелось много младших офицеров, начинавших войну в младших чинах, ставших на фронте Георгиевскими кавалерами. В 3-м Полтавском полку, например, обладателями солдатских Георгиевских крестов и Георгиевских медалей были: сотник Вениамин Поночевный, хорунжие Кирилл Крохмаль, Василий Верба, Федор Гринь и Алексей Бережной, прапорщик Александр Дмитриев.

«Георгиевской гордостью» 3-го Запорожского казачьего полка в начале 1917 года были прапорщики Александр Бабанин, Иван Маловек, Султан-Мурат Гирей, Григорий Строкун, Михаил Кротов и Матвей Старченко. Все они по должности являлись младшими сотенными офицерами. Производство в офицеры состоялось для них за «примерные» боевые отличия.

4-я Кубанская казачья дивизия стала весомым дополнением к поступившей несколько ранее на усиление баратовского корпуса Кубанской Отдельной казачьей бригады (командир — полковник Степан Карягин, конец 1916 года), которая состояла из двух полков: 2-го Линейного и 3-й Хоперского.

Следует заметить, что это было серьезное пополнение экспедиционных войск. Не случайно историк-белоэмигрант А.А.

Керсновский в своей «Истории Русской армии» очень высоко оценил боевую работу дивизий Кавказских казачьих войск на Кавказском фронте, в Персии в частности. Он писал о них в таких словах:

«1 — я Кавказская казачья дивизия генерала Баратова с отличием действовала летом 1915 года на Евфрате, а в 1916 году — в Персии.

2-я Кавказская казачья дивизия генерала Абациева — в Алашкертской долине, в феврале 1916 года при штурме Битлиса, а летом на Евфрате.

4-я Кавказская казачья дивизия — в Азербайджанско-Ванском отряде и 5-я Кавказская казачья дивизия — у Мамахатуна и Эрзинджана...»

Усиление экспедиционного 1-го Кавказского кавалерийского корпуса было связано с тем, что Лондон настаивал на широкой наступательной операции русских войск на персидской территории, на Мосульском направлении, с одновременным ударом левого крыла образованного Кавказского фронта. Временное правительство в этом Лондону не отказало.

18 апреля 1917 года новый министр иностранных дел Миллюков заверил Антанту «о всенародном стремлении довести мировую войну до решительной победы и намерении Временного правительства вполне соблюдать обязательства, принятые по отношению к нашим союзникам».

Положение же кавказских войск России было в начале 1917 года. По данным штаба Кавказского фронта, представленным в Могилевскую Ставку Верховного главнокомандующего, только с 1 по

18 апреля из строя от цинги и тифа, особенно свирепствовавшего в рядах баратовского корпуса, убыло до 30 тысяч бойцов. В Персии при минимуме боевых потерь санитарные потери были устрашающими. В частях, стоявших в малярийном районе у реки Дияла, заболеваемость доходила до 80 процентов.

Стал все более заметен развал тылов. В кавказских войсках недокомплект обозных повозок доходил до 55 процентов, вьюков — до 24, лошадей тоже до 24, а обозных служащих — до 52 процентов. Это напрямую относилось и к экспедиционному корпусу в Персии.

Генерал от кавалерии Н.Н. Баратов, беря всю ответственность на себя, отвел войска в здоровые по климатическим условиям горные районы Персии. Для наблюдения за неприятелем были оставлены отдельные конные сотни. На них же возлагалась в случае надобности связь с англичанами.

Мосульская операция русских войск проводилась силами 7-го Кавказского армейского (сосредотачивавшийся у Сакиза) и экспедиционного 1-го Кавказского кавалерийского (удар наносил от Сене) корпусов. Наступление должно было вестись на Пенджвин, Сулеймание,

Керкук, то есть на современный Иракский Курдистан. По замыслу операции, русские войска отвлекали на себя значительную часть турок на севере Месопотамии, что давало англичанам хорошие шансы успешно наступать на север от Багдада, тоже в направлении Мосула.

Русские войска, не поддержанные вопреки обещаниям союзниками, начали наступательное движение с 10 по 13 июня. 22-го числа турки ответили контрударом и заставили противника вернуться на исходные позиции. Этому были веские причины: в начале лета подножный корм в предгорьях хребтов Курдистана выжигается солнцем и исчезает, и десятки тысяч лошадей оказались на голодном пайке.

В том наступлении были немалые боевые успехи. Так, русский Курдистанский отряд 18 июня занял город Пенджвин. На этом участке фронта ему противостояли следующие неприятельские силы: до 4 тысяч турок, 2 тысячи конных курдов и 2 персидских жандармов и сарбазов (солдат). Этим же отрядом были разбиты турки, оборонявшие Горанский перевал.

Возможностей закупать фураж (ячмень и другой зерновой фураж) в Персии становилось все меньше и меньше: курс русского бумажного рубля (керенок) упал совсем, а золотая монета (червонцы) и серебро перестали поступать в корпусную казну.

Британцы предлагали открыть кредит в английской валюте для русских экспедиционных войск в Персии. Но с одним условием — снять с должности командира русского корпуса генерала от кавалерии Н.Н. Баратова за его «несговорчивость» с союзниками, которые требовали «сверхусилий» для обеспечения их наступления в Месопотамии. Командование Кавказского фронта от такого кредитования отказалось.

Баратов был действительно в начале марта убран из Персии... на должность «Главного Начальника Снабжений Кавказской Армии и Главным Начальником Кавказского Военного Округа». Во главе экспедиционного корпуса был назначен генерал-лейтенант А.А. Павлов, командир 6-го конного корпуса. Через три месяца, в июне, Баратов был возвращен на прежний пост.

Летом курдские племена Персии в очередной раз «заявили себя друзьями России». Еще весной генерал от кавалерии Н.Н. Баратов предложил влиятельным вождям на западе и юге страны подписать договор. Этот «мирный договор» был подписан после того, как в окрестностях городов Германшаха и Сенне прошли съезды представителей кочевых племен. Так в тылах экспедиционного корпуса воцарилось «хлипкое спокойствие».

Осенью 1917 года англичане в лице нового главнокомандующего войсками Британии генерал-лейтенанта Мода Фредерика Стенли (заменил Лейка) предложили свой план проведения Мосульской операции. Русские войска (14 тысяч войск с 6 тысячами лошадей) выходят на рубеж реки Дияла с ее малярийными болотами и там получают снабжение от английской экспедиционной армии для последующего наступления на Мосул. При этом англичане предлагали даже автомобили для переброски русских войск.

Кавказское командование с таким планом генерала Мода было согласилось. Британцы надеялись в случае успеха союзной наступательной операции выйти на берега рек Заб-эс-Сагир и даже Большой Заб. Операция должна была начаться осенью 1917 года.

Однко 5 октября Ставка Верховного главнокомандующего А.Ф. Керенского предложила Лондону перенести Мосульскую наступательную операцию на начало следующего, 1918 года. Причины назывались могилевской Ставкой (на основе докладов из Тифлиса) следующие:

- полная дезорганизация тылового транспорта: закупленные в Персии и Туркестане обозные верблюды гибли в горах;

- в кавказских войсках на передовой возникла угроза голода; в безлесистых горах порой не находилось топлива для приготовления пищи;

- дисциплина и организованность в войсках стала удручающе падать: Русская армия, прежде всего в ее тылах, стала «распропагандироваться». Хотя на Кавказе положение с этим заметно отличалось от того, что происходило на Северном и Западном фронтах, не говоря уже о революционно настроенном Балтийском флоте. В конце 1917 года любые наступления на фронтах с их большими людскими потерями не могли быть популярными в солдатской массе. Различные комитеты стали вмешиваться в управление войсками и приказы командного состава.

Начиная с марта, с Кавказского фронта началось дезертирство. Казачьи заставы снимали с поездов, которые шли от фронта из Карса и Сарыкамыша в тыл, «самодемобилизованных» солдат и возвращали их на фронт. Часть их, поставленных в строй, направлялись на Персидский фронт, как это было с прибытием в Казвин 517 человек дезертиров из 279-го запасного полка в июне.

Конец 1917 года русские экспедиционные войска в Персии боев почти не вели, если не считать, разумеется, дел с разбойными курдами на больших и малых дорогах. Турки тоже утратили боевую активность: их 2-я и 3-я армии, воевавшие на Кавказе, понесли большие санитарные потери от эпидемий.

Затем наступил Октябрь 1917 года, установление на большей части России советской власти. В том же году вспыхнули первые сполохи Гражданской войны в России. Развал Русского фронта начался еще до сепаратного Брест-Литовского мира. В войска экспедиционного баратовского корпуса в Персии он «пришел с большим запозданием».

Зимой Персидский фронт еще держался как таковой. Казачьи полки с 6-сотенного состава были переформированы в 4-сотенные, а пехотные полки из 4-батальонного состава стали 3-батальонными. Баратов стал задумываться над тем, чтобы из остающихся на фронте добровольно создать «Персидский. Отдельный Добровольческий Отряд» под командованием генерал-майора В.Г. Ласточкина, командира 4-й Кавказской стрелковой дивизии.

Однако этот отряд создан не был. 6 февраля 1918 года Баратов в своем приказе по корпусу «объявил для сведения телеграмму исполняющего должность Командующего Кавказским фронтом» (с декабря 1917 года по май 1918 года) генерал-майора Е.В. Лебединского. В этой телеграмме предписывалось:

1. Состояние финансов и политическая ситуация в Персии требуют немедленного и полного вывода всего корпуса из пределов этой страны.
2. Корпусной командир должен решить вопрос с англичанами и персидскими властями об «обеспечении нашей связи» на время вывода войск.
3. Разрешалось на поддержание этой связи оставить на время в Персии «в ограниченном количестве» добровольческие части, но без их оперативного применения.
4. Все формируемые добровольческие части вывести из Персии в Закавказье.

Корпусной штаб занялся вопросами эвакуации. Баратов требовал от командиров частей вывезти в России все боеприпасы и все военное имущество. Ему не без труда удалось наладить отношения с солдатскими комитетами, и потому эвакуация русских войск в Отечество из Персии проходила, на удивление многих, организованно, без серьезных всплесков анархии. А в нейтральной Персии, в местах дислокации частей экспедиционного корпуса стали появляться британские войска.

Войска русского корпуса по предписаниям снимались с передовой и следовали большей частью в Казвин, а оттуда — в порт Энзели. Там они принимались на пароходы и другие транспортные суда, которые следовали в порт Петровск на кавказском побережье Каспия, где грузились в железнодорожные составы...

Весной 1918 года так и официально не объявленный Персидский фронт Великой войны перестал существовать. Вместе с ним в историю ушли «секретные Персидские экспедиции» и «необъявленные Персидские войны». Долгие годы они оставались в «историческом полузабытьи», оказавшись на задворках двух войн — Первой мировой, которая стала голгофой для Российской империи, и Гражданской в России, которая потрясла мир.

Приложения

Биографии главных действующих лиц

Воронцов-Дашков Илларион Иванович. Родился 27 мая 1837 года в Санкт-Петербурге. Граф. Окончил Императорский Московский университет. «В службе» с 1856 года.

Прохождение воинской службы: корнет лейб-гвардии Конного полка (1858), помощник губернатора Туркестанской области (октябрь 1866-го), командир лейб-гвардии Гусарского полка с присвоением чина генерал-майора Свиты Его Императорского Величества (октябрь 1867 — октябрь 1874), одновременно командир 2-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии (октябрь 1873-го — октябрь 1874-го), генерал-адъютант (1875), начальник 2-й Гвардейской пехотной дивизии (октябрь 1878-го — апрель 1881-го), главноуправляющий государственным коннозаводством, министр Императорского двора и уделов, канцлер Российских царских и императорских орденов (1881), генерал от кавалерии (30 августа 1890-го), член Государственного совета (1897), наместник на Кавказе, главнокомандующий войсками Кавказского военного округа и войсковой наказной атаман Кавказских казачьих войск (27 февраля 1905-го).

Участие в военных действиях: в делах против горцев на Северном Кавказе (1859–1862), в Туркестане (1865), в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов командовал кавалерией Руцукского отряда под командованием наследника цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III).

В Первой мировой (Великой) войне — главнокомандующий Отдельной Кавказской армией (30 августа 1914-го), передал командование сперва генералу А.З. Мышлаевскому, а затем генералу Н.Н. Юденичу, после чего стал заниматься вопросами армейского тыла. 23 августа 1915 года освобожден от командования, состоял при государе. Умер в Алушке 15 января 1916 года.

Боевые награды: орден Святого Георгия 4-й степени (27 июня 1867-го), орден Святого Георгия 3-й степени «За искусное руководство доблестной Кавказской армией, геройскими подвигами которой достигнуты блестящие боевые успехи в делах против турок» (15 августа 1915-го).

Гольц Кольмар Вильгельм Леопольд фон дер (Гольц-паша). Родился 12

августа 1843 года в городе Билькенфельд. Барон. Окончил кадетский корпус. Службу начал в 41-м пехотном полку. В 1867 году окончил Военную академию. Служил в военнотопографическом отделе Большого Генерального штаба. Участник Австро-прусской войны 1866 года, был ранен, и Франко-прусской войны 1870–1871 годов, состоя при штабе 2-й армии. С 1878 года служил в военно-историческом отделе Большого Генерального штаба и одновременно преподавал в Военной академии.

С 1883 года на турецкой военной службе, являясь адъютантом султана Абдул-Гамида. Заведовал военно-учебными заведениями Турции. В 1885–1895 годах возглавлял германскую военную миссию в Османской Порте. Руководил реформами в турецкой армии, провел ее перевооружение, улучшил подготовку командных кадров. В 1895 году получил от султана чин мушира (маршала).

В 1896 году вернулся в Германию, став начальником 5-й пехотной дивизии. С 1899-го — шеф инженерного и пионерного (саперного) корпуса и генерал-инспектор укреплений. С 1902-го — командир 1-го армейского корпуса. С 1907-го — генерал-инспектор военно-учебных заведений Германии, затем генерал-инспектор 6-й армейской инспекции.

В 1909–1912 годах — вице-президент Высшего Военного совета Турции. В 1911 — м произведен в генерал-фельдмаршалы. В начале Великой войны с августа по ноябрь 1914-го — генерал-губернатор Бельгии. Затем вновь оказался в Турции.

С ноября 1914-го по апрель 1915-го — адъютант султана. Фактически руководил действиями вооруженных сил Турции. С апреля 1915-го — командующий 1-й турецкой армии, прикрывавшей Стамбул (Константинополь). С октября 1915-го — командующий

6-й турецкой армией в Месопотамии. В сражении при Ктезифоне разбил английские войска генерала Таунсенда, которым пришлось укрыться в Кут-эль-Амере и впоследствии капитулировать. В последующем фон Гольцу-паше следовало занять всю Персию и, используя ее как базу, предпринять поход в британскую Индию. Умер 19 апреля 1916 года в Багдаде.

Лейк Перси Генри Ноэль. Родился 29 июня 1855 года. Участник Афганской войны 1878–1879 годов, Суданской экспедиции

1885 года. Служил на штабных должностях в разведке, генерал-квартирмейстером и начальником штаба вооруженных сил (милиции) Канады, помощником генерал-квартирмейстера английской армии, командиром армейского корпуса, в Индии — командиром дивизии и начальником Генерального штаба английских войск (1912–1915) в этой

колонии.

После окружения войск генерала Таунсенда в Кут-эль-Амара главнокомандующий английскими войсками в Месопотамии. Предпринял четыре безуспешные попытки деблокировать окруженных. Действовал пассивно. Опасался русского влияния в Месопотамии, отверг предложение соединиться с корпусом Н.Н. Баратова в Персии и вести совместные боевые действия.

Месопотамия стала единственным театром Первой мировой войны, на котором Турция не потерпела поражения, хотя немалая часть ее войск здесь была притянута к себе русским экспедиционным корпусом. В августе 1916 года заменен генералом Модом.

Ляхов Владимир Платонович. Родился 20 июня 1869 года. Происходил родом из дворян Курской губернии. Был приписан к станице Новосуворовской Кубанского казачьего войска. Окончил: 1-й Московский кадетский корпус (1887), 3-е Александровское военное училище (1889) и Академию Генерального штаба (1896).

Прохождение воинской службы до служебной командировки в Персию: офицер лейб-гвардии Измайловского полка, штаб-офицер для поручений при штабе Кавказского военного округа (1900), начальник штаба 21-й пехотной дивизии (1904), начальник сводного воинского отряда для восстановления порядка в Осетии (январь 1906-го).

Служба в Персии: заведующий обучением персидской кавалерии (с 26 августа 1906-го), начальник Персидской Казачьей Его Величества Шаха бригады с присвоением чина полковника (с 10 сентября 1906-го по 12 июля 1909-го).

Последующая армейская служба: командир 50-пехотного Белостокского полка (31 июля 1909-го), начальник Войскового штаба Кубанского казачьего войска с присвоением чина генерал-майора (с 13 мая 1912-го).

Участие в Первой мировой (Великой) войне: начальник отдельного Приморского (Батумского) отряда (1915), начальник 39-й пехотной дивизии (с 22 мая 1916-го). Командир 1-го Кавказского армейского корпуса (12 марта 1917-го). Чин генерал-лейтенанта присвоен 26 августа 1916 года.

Боевые награды: Георгиевское оружие — Золотая сабля (Высочайший указ от 1 февраля 1917 года), ордена Святого Георгия 4-й степени и Святого Владимира 2-й степени с мечами.

Участие в Гражданской войне в рядах белой Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России: командир 3-го армейского корпуса (с 15

ноября 1918-го), главнокомандующий войсками Терско-Дагестанского края (10 января 1919-го), с апреля 1919 года в резерве чинов. Почетный казак ряда станиц Терского и Кубанского казачьих войск. Убит в Батуме 30 апреля 1920 года.

Масловский Евгений Васильевич. Родился 4 октября 1876 года. Окончил Тифлисский кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище (1899) и Академию Генерального штаба (1906).

Службу начинал офицером Карской крепостной артиллерии и Кавказской резервной артиллерийской бригады. В Первой мировой войне полковником командовал 153-м пехотным Бакинским полком. В чине генерал-майора был генерал-квартирмейстером штаба Кавказского фронта, начальником 39-й пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием и орденом Святого Георгия 4-й степени.

В Гражданской войне — в белых армиях Юга России до эвакуации из Крыма, где был начальником штаба 2-й армии. В эмиграции проживал в Болгарии и Франции, был близок к Н.Н. Юденичу, с которым его связывала фронтовая дружба. Автор труда «Мировая война на Кавказской фронте». Умер во Франции 29 января 1971 года.

Сухомлинов Владимир Александрович. Родился 4 августа 1848 года. Из дворян. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1867), Академию Генерального штаба (1874).

Прохождение военной службы: корнет, лейб-гвардии Уланский Его Величества полк, командир 6-го лейб-драгунского Павлоградского полка (1884), начальник Офицерской кавалерийской школы (1886), командующий войсками Киевского военного округа (1904–1908), чин генерала от кавалерии присвоен 6 декабря 1906 года, начальник Генерального штаба (декабрь 1908-го), Военный министр (11 марта 1909-го — июнь 1915-го), генерал-адъютант (1912), арестован «за государственную измену» (1916), освобожден по амнистии (1918). Был в эмиграции, умер в Берлине 2 февраля 1926 года.

Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов в чине подполковника, в Первой мировой (Великой) войне возглавлял Военное ведомство России.

Боевые награды: орден Святого Георгия 4-й степени (31 января 1878) и Золотое Георгиевское оружие — сабля (1878).

Таунсенд Чарлз. Родился в 1861 году. Военную службу начал в 20 лет в морской пехоте. В 1884–1885 годах участвовал в военных экспедициях на территории Египта. В 1892 году переведен в Индию, где принимал участие в боевых действиях, отличившись при обороне форта Читрал. В составе

Египетской армии совершил в 1898 году поход в Судан. Участник англо-бурской войны 1899–1902 годов. В 1904 году получил производство в полковники. Занимал ряд штабных должностей в Индии, командовал округом в Южной Африке.

В апреле 1915 года прибыл в Месопотамию во главе 6-й (индийской) дивизии. Во время наступления на Багдад командовал левой колонной английских войск, двигавшейся по долине реки Тигр. 29 сентября наголову разбил турецкие войска у Кут-эль-Амары. Колонна дошла до Ктезифона, где была атакована двумя корпусами турок группы войск «Ирак», которой командовал германский генерал (затем фельдмаршал) К. фон дер Гольц.

Хотя сражение у Ктезифона 23 ноября 1915 года не выявило победителей, генерал-лейтенант Таунсенд ввиду численного преимущества неприятеля отступил к Кут-эль-Амаре. Там его войска 7 декабря были блокированы турками.

Все попытки со стороны английских и русских войск выручить колонну Таунсенда успеха не имели. Во многом вина здесь лежит на британском главнокомандующем в Месопотамии генерале Перси Лейке. Блокада, длившаяся 143 дня, закончилась 24 апреля 1916 года капитуляцией Таунсенда, который перед этим истощил почти все запасы провианта и уничтожил всю свою артиллерию. Оружие перед турками сложили 3 тысячи англичан и 6 тысяч индусов.

Генерал-лейтенант Чарлз Таунсенд окончание Первой мировой войны встретил в качестве военнопленного, проживавшего близ Константинополя (Стамбула) до октября 1918 года. Взял на себя роль посредника при заключении перемирия между Антантой и Турцией. В 1920 году вышел в отставку, избирался членом парламента. Умер в 1924 году.

Халил-паша Кут-Халил. Родился в 1882 году. Родной дядя султанского военного министра Энвер-паши. Служил в жандармерии в чине старшего лейтенанта. В Первой мировой войне стал генерал-майором (1916).

После разгрома турецких войск в северо-западной Персии в январе 1915 года был назначен командиром экспедиционного корпуса из двух сводных дивизий. В мае 1915 года начал наступление в остане Западный Азербайджан и занял город Урмия, из которого был выбит отрядом генерал-майора Ф.Г. Чернозубова.

В январе 1916 года назначен командующим Иракской группой войск. В апреле того же года, после смерти генерал-фельдмаршала К. фон дер Гольца, стал командующим 6-й армией, действовавшей в Персии и Месопотамии. Принял капитуляцию английских войск генерала Таунсенда

в Кут-эль-Амара. В середине 1916 года провел наступательную операцию в Персии, временно заняв Хамадан и Керманшах.

С июня 1916 года — командующий группой армий «Восток» (две армии и группа войск «Карс»), действовавшей на Кавказе и в Месопотамии. В этой должности воевал крайне неудачно.

В 1918 году на Халил-пашу была возложена задача захвата Баку, Дагестана и ряда районов Северного Кавказа. Турки дважды входили в Баку. Организатор армянской резни в Шуше. В октябре 1918 года эвакуировал войска из Закавказья и был уволен в отставку. Умер в 1957 году.

Чернозубов Федор Григорьевич. Родился 14 сентября 1863 года в станице Нижне-Чирской Области Войска Донского. Сын известного казачьего генерала. Окончил Пажеский корпус и Академию Генерального штаба.

Службу выпускник Пажеского корпуса начинал в лейб-гвардии (донском) Казачьем полку. С 1901 года — начальник штаба 1 — й Кавказской казачьей дивизии. С 1902-го по 1906 год занимался обучением персидской кавалерии. С получением чина генерал-майора в 1908 году — начальник штаба Терского казачьего войска. Автор ряда статей по военной разведке.

В Первую мировую войну занимал должности командира Азербайджанского (Ван-Азербайджанского) отряда, начальника 4-й Кавказской казачьей дивизии, командиров 2-го Кавказского кавалерийского корпуса (преобразованного в 7-й Кавказский армейский корпус) и 5-го Кавказского армейского корпуса. Чин генерал-лейтенанта был присвоен в феврале 1915 года.

Участник Гражданской войны на стороне Белого движения. Был начальником боевой группы в Донской армии. Занимал пост управляющего военными и морскими делами Донского правительства. Умер в Новочеркасске 14 ноября 1919 года.

Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич. Родился 7 февраля 1886 года в кубанской станице Пашковской. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Офицерскую службу начал хорунжим в 1-м Уманском полку Кубанского казачьего войска.

В Первой мировой войне — в кубанском 3-м Хоперском казачьем полку. С 1 января 1916 года — командир Кубанского (конно-партизанского) отряда особого назначения. Награжден Георгиевским оружием и пятью боевыми орденами. С весны 1917 года командир конно-партизанского

казацкого отряда в составе русского экспедиционного корпуса в Персии, войсковой старшина.

С начала Гражданской войны на Юге России — командир белого партизанского отряда. Был начальником ряда казачьих дивизий, командиром 3-го Кубанского казачьего корпуса. Генерал-майор (ноябрь 1918-го), генерал-лейтенант (апрель 1919-го). Командующий Кубанской армией (январь — март 1920-го).

В эмиграции проживал во Франции и Югославии. Во Второй мировой войне инспектировал казачьи части вермахта, занимал должность начальника Резерва казачьих войск. Был выдан англичанами в Лиенце (май 1945-го) и казнен в Москве 16 января 1947 года.

Энвер-паша. Родился 22 ноября 1881 года. Из бедной семьи. Окончил Академию Генерального штаба в Константинополе. Панисламист. Член руководства партии младотурок. Участник государственного переворота (1908) и низложения султана Абдул-Гамида (1909). Военный агент (атташе) в Германии (1909). Организатор и руководитель народной войны в Триполи против итальянских войск (1911). Участник Балканских войн 1912–1913 годов. Организатор государственного переворота (1913).

Женился на племяннице султана Мехмеда V и был назначен военным министром Турции (январь 1914-го). Заключил союзный договор с Германией (август 1914-го). В том же месяце начал мобилизацию турецкой армии и заявил о нейтралитете. Выдвинул план войны на два фронта: на Кавказе против России и в Египте против Великобритании. Турция стала участницей Первой мировой (Великой) войны 30 октября, когда германские корабли «Гебен» и «Бреслау» адмирала Сушона под турецким флагом провели бомбардировку Севастополя. На следующий день Россия объявила войну Турции. 8 ноября турецкие войска вторглись в Персию. 12 ноября Турция объявила «священную войну» странам Антанты.

С начала войны — главнокомандующий вооруженными силами (номинально им являлся султан Мехмед V). Выдвинул план похода через Персию и Иран в Индию. Принял на себя командование 3-й армией в Сарыкамышской операции. После поражения от контрудара русской Кавказской армии (один корпус турок был уничтожен, а второй пленен) убыл в Константинополь. После военного поражения Турции в войне и свержения правительства младотурок бежал за границу. На родине был приговорен к смертной казни.

Из Германии переехал в Россию (1919). Осенью 1920 года участвовал в конференции мусульманских деятелей в Баку, проводимой по линии Коминтерна. После неудачной попытки организовать борьбу против

Мустафы Кемаль-паши уехал в советский Туркестан (осень 1921-го), в Восточную Бухару (ныне Таджикистан). Создал подпольный «Комитет национального объединения». Работал над организацией сближения между Россией и Турцией, Персией и Афганистаном и создания союза против Великобритании.

В 1922 году стал во главе басмаческого движения, получив поддержку англичан. В начале года захватил Душанбе и организовал поход на Бухару. 4 августа его отряд был разбит в бою близ Бальджуана, а сам Энвер-паша убит.

Юденич Николай Николаевич. Родился 18 июля 1862 года в Москве. Сын директора Землемерного училища. Окончил 3-е военное Александровское училище (1881), Академию Генерального штаба (1887).

Службу начал в лейб-гвардии Литовском полку. Потом служил в 1-м Туркестанском стрелковом и 2-м Ходжентском резервном батальонах. После окончания академии — на штабных должностях, был командиром роты в лейб-гвардии Литовском полку. Полковник (1896).

С 1902 года — командир 18-го стрелкового полка, с которым принял участие в Русско-японской войне. Был награжден Золотым оружием. Отличился в сражении под Мукденом. Командовал стрелковой бригадой, был тяжело ранен. Награжден Золотым оружием.

С февраля 1907-го по февраль 1913-го — генерал-квартирмейстер и начальник штаба Казанского военного округа. Затем — начальник штаба Кавказского военного округа. Генерал-лейтенант (1912).

Начальником штаба Отдельной Кавказской армии стал с началом военных действий в мировой войне на Кавказе (2 октября 1914 года). С 11 декабря 1914 года — командир 2-го Туркестанского армейского корпуса. С 24 января 1915 года — командующий Кавказской армии. С именем Н.Н. Юденича связаны победы русского оружия в сражениях у Сарыкамыш, под Алашкертом, Эрзерумом и Эрзинджаном.

Генерал от инфантерии (январь 1915-го). Награжден орденами Святого Георгия 4-й (1914), 3-й (1915) и 2-й (1916) степеней. С 3 апреля 1917 года — главнокомандующий Кавказским фронтом. 31 мая снят с должности за «сопротивление указаниям» Временного правительства и переведен в распоряжение военного министра.

Жил в Петрограде. В ноябре 1918 года эмигрировал в Финляндию. В мае 1919 года создал «Политическое совещание» и по настоянию адмирала А.В. Колчака стал во главе белой армии на Северо-Западе России. В августе 1919 года предпринял наступление на Петроград, не дойдя до него 20 километров. Отступил с армией в Эстонию, где она была разоружена.

В эмиграции жил в Великобритании и Франции. В политической жизни белой эмиграции не участвовал. Умер 5 октября 1933 года во французских Каннах.

Документы

Туркманчайский мирный договор между Россией и Персией (Ираном)

1828 год февраля 10

Во имя Бога Всемогущего.

Его императорское величество всепресветлейший, державнейший великий государь император и самодержец всероссийский и е. в. падишах персидский, равно движимые искренним желанием положить конец пагубным следствиям войны, совершенно противным их взаимным намерениям, и восстановить на твердом основании прежние сношения доброго соседства и дружбы между обоими государствами постановлением мира, который бы, в самом себе заключая ручательство своей прочности, отвращал на предбудущее время всякий повод к несогласиям и недоразумениям, назначили своими уполномоченными для совершения сего спасительного дела...

Уполномоченные сии, съехавшись в селении Туркманчае и по размене данных им полномочий, кои найдены в надлежащем порядке, постановили и заключили нижеследующие статьи:

Статья I

Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между е. в. императором всероссийским и е. в. шахом персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными.

Статья II

Е. в. император всероссийский и е. в. падишах персидский, принимая в уважение, что с войною, между высокими договаривающимися сторонами возникшею и ныне счастливо прекращенною, кончились и взаимные по силе Гюлистанского трактата обязательства, признали нужным заменить означенный Гюлистанский трактат настоящими условиями и постановлениями, долженствующими устроить и утверждать более и более будущие мирные и дружественные между Россиею и Персиею сношения.

Статья III

Е. в. шах персидский от своего имени и от имени своих наследников и преемников уступает Российской империи в совершенную собственность ханство Эриванское по сию и по ту сторону Аракса и ханство

Нахичеванское.

Вследствие сей уступки е. в. шах обязуется не позже шести месяцев, считая от подписания настоящего договора, сдать российским начальствам все архивы и публичные документы, относящиеся до управления обоими вышеозначенными ханствами.

Статья IV

С согласия обеих высоких договаривающихся сторон постановляется границею между обоими государствами следующая черта: начиная с той точки от границы оттоманских владений, которая всех ближе в прямом направлении отстоит от вершины Малого Арарата, граничная черта пойдет до вершины сей горы; оттуда по покатости ее сойдет к верховью реки Нижнего Карасу, вытекающей с южной стороны Малого Арарата; потом сия граничная черта продолжится по течению той реки до впадения оной в Араке...

До северного истока реки Астары, откуда по руслу сей реки до впадения ее в Каспийское море, где и оканчивается пограничная черта, имеющая отделять российские владения от персидских.

Статья V

Е. в. шах персидский в доказательство искренней своей дружбы е. в. императору всероссийскому настоящею статьею как от своего имени, так и от имени своих наследников и преемников персидского престола признает торжественно все земли и все острова, лежащие между пограничною чертою вышеозначенною и между хребтом Кавказских гор и Каспийским морем, как равно и всех кочующих и других народов, в тех странах обитающих, принадлежащими на вечные времена Российской империи <...>

Статья VIII

Российские купеческие суда по прежнему обычаю имеют право плавать свободно по Каспийскому морю и вдоль берегов оною, как равно и приставать к ним...

Таким же образом предоставляется и персидским купеческим судам право плавать на прежнем положении по Каспийскому морю и приставать к берегам каспийским...

Относительно же судов военных, как издревле одни военные суда под российским военным флагом могли иметь плавание на Каспийском море, то по сей причине предоставляется и подтверждается им и ныне прежнее сие исключительное право с тем, что, кроме России, никакая другая держава не может иметь на Каспийском море судов военных.

Статья IX

Е. в. император всероссийский и е. в. шах персидский, желая всеми средствами утвердить союз мира и дружбы, столь счастливо между ими возобновленный, соизволяют, чтобы взаимные высокие дворов послы, министры и поверенные в делах, отправляемые к соответственным высоким дворам для выполнения временных поручений или для постоянного пребывания, были принимаемы с почестями и отличием, соответствующими их званию, достоинству высоких договаривающихся сторон, искренней приязни, их соединяющей, и местным обычаям...

Статья X

Е. в. император всероссийский и е. в. шах персидский, признавая восстановление и распространение торговых между обоими государствами сношений одним из главнейших благодетельных последствий восстановления мира, в полном взаимном согласии рассудили за благо устроить все распоряжения, относящиеся до покровительства торговли и безопасности обоюдных подданных, и изложить оные в прилагаемом у сего отдельном акте, который, будучи заключен обоюдными уполномоченными, есть и будет почитаем равносильною частью настоящего мирного договора.

Е. в. шах персидский предоставляет России, как то было и прежде, право определять консулов или торговых агентов повсюду, где польза торговли сего востребует, и обязуется сим консулам и агентам, из которых каждый будет иметь в свите своей не более десяти человек, оказывать покровительство, дабы пользовались они почестями и преимуществами, публичному их званию присвоенными.

Е. в. император всероссийский обещает со своей стороны наблюдать совершенное взаимство в отношении консулов или торговых агентов е. в. шаха персидского...

Примечание. Одновременно с Туркманчайским мирным договором (всего 16 статей) стороны подписали Акт о торговле и Протокол о церемониале для российских дипломатических представителей в Персии и персидских в России.

<i>Конвенция 1907 года Между Россией и Англией по делам Персии, Афганистана и Тибета</i>

С.-Петербург, 18/31 августа 1907 г.

Его Величество император всероссийский и Его Величество король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии и британских территорий за морями, император Индии, воодушевленные искренним

желанием уладить по взаимному согласию различные вопросы, касающиеся интересов их государств на азиатском материке, решили заключить соглашения, предназначенные предупреждать всякий повод к недоразумениям между Россией и Великобританией в отношении сказанных вопросов, и назначили с этой целью своими соответственными уполномоченными, а именно:

Его Величество император всероссийский:

.. Александра Извольского, министра иностранных дел,

Его Величество король Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии.

...Артура Никольсона, своего чрезвычайного и полномочного посла при Его Величестве императоре всероссийском, которые, сообщив друг другу свои полномочия, найденные в доброй и надлежащей форме, условились о нижеследующем:

А. Соглашение, касающееся Персии

Правительства России и Великобритании, взаимно обязавшись уважать целость и независимость Персии и желая искренне сохранения порядка на всем протяжении этой страны и ее мирного развития, равно как и постоянного установления одинаковых преимуществ для торговли и промышленности всех других народов, принимая во внимание, что каждый из них имеет по причинам географического и экономического свойства специальный интерес в поддержании мира и порядка в некоторых провинциях Персии, смежных или соседних с русской границей, с одной стороны, и с границами Афганистана и Белуджистана, с другой, и желая избежать всякого повода к столкновению между их взаимными интересами в персидских провинциях, о которых было упомянуто выше, согласились о нижеследующих положениях:

I. Великобритания обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу британских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные и т. д. по ту сторону линии, идущей от Касри-Ширина через Исфаган, Иезд, Хакк и оканчивающийся в точке на персидской границе при пересечении границ русской и афганской, и не противиться ни прямо, ни косвенно требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым российским правительством.

Считается, конечно, условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Великобритания обязуется не домогаться вышеуказанных концессий.

И. Россия, со своей стороны, обязуется не домогаться для самой себя и не поддерживать в пользу российских подданных, равно как и в пользу подданных третьих держав, каких-либо концессий политического или торгового свойства, как то: концессии железнодорожные, банковские, телеграфные, дорожные, транспортные, страховые и т. д. по ту сторону линии, идущей от афганской границы через Газик, Бирджанд, Керман и оканчивающейся в Бендер-Аббасе, и не противиться ни прямо, ни косвенно требованиям подобных концессий в этой области, поддерживаемым британским правительством.

Считается, конечно, условленным, что местности, упомянутые выше, входят в область, где Россия обязуется не домогаться вышесказанных концессий.

III. Россия обязуется со своей стороны не противиться, не уговорившись предварительно с Англией, тому, чтобы какие-нибудь концессии были выдаваемы британским подданным в областях Персии, расположенных между линиями, упомянутыми в статьях I и II.

Великобритания принимает торжественное обязательство в том, что касается концессий, могущих быть выданными русским подданным в тех же областях Персии.

Все концессии, существующие ныне в областях, указанных в статьях I и II, охраняются.

IV. Установлено, что доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарсистана и Персидского залива, доходы, обеспечивающие погашение и проценты по займам, заключенным правительством шаха в Учетно-ссудном банке Персии до дня подписания настоящего соглашения, будут обращаемы на тот же предмет, что и в прошлом.

Равным образом условлено, что доходы персидских таможен Фарсистана и Персидского залива, равно как и доходы рыбных ловель на персидском побережье Каспийского моря, а также почт и телеграфа, будут обращены, как и в прошлом, на платежи по займам, заключенным правительством шаха у персидского Шахиншахского банка до дня подписания настоящего соглашения.

В случае неисправностей в погашении или уплате процентов по персидским займам, заключенным в Учетно-ссудном банке Персии и в персидском Шахиншахском банке до дня подписания настоящего соглашения, если представится необходимость для России установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным в первом из сказанных

банков, и расположенными в области, упомянутой в статье II настоящего соглашения, или же для Великобритании установить контроль над источниками доходов, обеспечивающими правильное поступление платежей по займам, заключенным во втором из сказанных банков, и расположенным в области, упомянутой в статье I настоящего соглашения, правительства российское и английское обязуются войти предварительно в дружественный обмен мыслей в видах определения по взаимному согласию означенных мер контроля и избежания всякого вмешательства, которое не было бы согласно с принципами, служащими основанием настоящему соглашению...

Настоящая конвенция будет ратифицирована, и ратификации ее будут обменены в С.-Петербурге, как только это будет возможно.

В удостоверение чего соответственные уполномоченные подписали настоящую конвенцию и приложили к ней свои печати. Учинено в С.-Петербурге, в двойном экземпляре, 18/31 августа 1907 года.

Подписали: Извольский, Никольсон.

<i>Соглашение между Россией и Германией по персидским делам 1911 года (Потсдамское соглашение)</i>

С.-Петербург, 6/19 августа 1911 г.

Правительства русское и германское, исходя из принципа равноправия в отношении торговли всех наций в Персии, имея в виду, с одной стороны, что у России имеются в этой стране специальные интересы и что, с другой стороны, Германия преследует там лишь коммерческие цели, вошли в соглашение относительно следующих пунктов.

Статья I

Императорское германское правительство заявляет, что оно не имеет намерения добиваться для себя самого, ни поддерживать домогательств со стороны германских или иностранных подданных концессий железнодорожных, дорожных, навигационных и телеграфных к северу от линии, идущей от Касри-Ширина, пролегающей через Исфаган, Иезд и Хакк и кончающейся на афганской границе на широте Гязика.

Статья II

Со своей стороны, русское правительство, имея в виду получить от персидского правительства концессию на создание сети железных дорог на севере Персии, обязуется в числе прочих испросить концессию на постройку пути, который должен исходить из Тегерана и окончиться в

Ханекене для смычки на турецко-персидской границе означенной сети с линией Садидже — Ханекен, как только эта ветвь Кония-Багдадской железной дороги будет окончена.

Раз эта концессия будет получена, работы по постройке означенной линии должны быть начаты не позже, как через два года после окончания Садидже-Ханекенской ветки и окончены в течение четырех лет.

Русское правительство представляет себе определить в свое время окончательное направление означенной линии, считаясь с пожеланиями германского правительства по этому предмету.

Оба правительства облегчат международное сообщение на линии Ханекен — Тегеран, а также на линии Ханекен — Багдад, избегая всяких мер, которые могли бы препятствовать ему, как, например, установление транзитных пошлин или применение дифференциального тарифного обложения.

Если по истечении двух лет с момента, когда Садидже-Ханекенская ветка Кония-Багдадской железной дороги будет закончена, не будет приступлено к постройке линии Ханекен — Тегеран, русское правительство уведомит германское правительство, что оно отказывается от концессии, относящейся к этой последней линии.

Германское правительство в этом случае будет вольно помогать, со своей стороны, этой концессии.

Статья III

Признавая общее важное значение, которое имело бы для международной торговли осуществление Багдадской железной дороги, русское правительство обязуется не принимать мер, направленных к тому, чтобы воспрепятствовать постройке ее или помешать участию иностранных капиталов в этом предприятии при условии, разумеется, что это не повлечет за собой для России никакой жертвы денежного или экономического свойства.

Статья IV

Русское правительство будет вправе поручить осуществление проекта железнодорожной линии, имеющей связать ее сеть в Персии с линией Садидже — Ханекен, иностранной финансовой группе по своему выбору, вместо того чтоб заботиться самому ее постройкой.

Статья V

Независимо от того, каким образом постройка означенной линии будет осуществлена, русское правительство предоставляет себе право на всякое участие в работах, какое оно могло бы пожелать, а равно право выкупить означенную железную дорогу по цене действительных затрат, понесенных

строителем.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются, кроме того, предоставить друг другу участие во всех привилегиях — тарифных и иных, которые одна из них могла бы получить в отношении этой линии.

Во всяком случае, остальные постановления настоящего соглашения остаются в силе.

В удостоверение чего нижеподписавшиеся, получившие надлежащие полномочия от своих правительств, подписали это соглашение и приложили свои печати.

С.-Петербург, 6/19 августа 1911 г.

Подписали: Нератов, Ф. Пурталес

Примечание. Нератов А.А. — товарищ (заместитель) министра иностранных дел России в 1911–1917 годах; Пурталес Ф., граф — посол Германии в России в 1907–1914 годах.

ПРОТОКОЛ заседания в германском посольстве в Константинополе

Персидская политика стран военного союза

Константинополь, 11 февраля 1915 г.

Германский посол сообщает о том, что Персия хотела бы выступить на стороне Турции и Германии, если бы не была все еще слишком связана российским и английским влиянием в стране.

Персидский посол подтверждает это и выражает надежду на скорейшее начало кампании регулярных войск Турции, предупреждает об опасности полагаться на верность персидских племен.

Энвер-паша обещает скорый ввод в действие дивизии Халиль, передовые части которой уже миновали Мосул. Около 10 000 штыков регулярных войск (количество штыков нерегулярных войск не поддается оценке). Прибытие в Табриз ожидается приблизительно через 4 недели (350 км).

Шведский офицер от жандармерии сообщает о том, что на персидские племена нельзя полагаться. Бахтиары, находящиеся на денежном содержании англичан, часто используются в борьбе против России, другие — в борьбе против Англии; луры воюют против всех. Однако и боеспособность племен равна нулю. По утверждению шведского офицера от жандармерии, 500 персидских жандармов (обученные и руководимые шведскими офицерами) неоднократно обращали в бегство многотысячные отряды этих племен. В стране имеются около 7000 надежных обученных

персидских жандармов, число которых должно быть увеличено до 10 000.

Фельдмаршал фон дер Гольц выдвигает требование, суть которого заключается в том, что наряду с арраской границей турецкие войска должны взять под жесткий контроль Азербайджан, являющийся ключом к Персии и плацдармом, с которого может быть осуществлено наступление на Тегеран.

Германский посол: несколько немецких офицеров, приданные этим войскам, могли бы сыграть значительную роль в обеспечении спокойствия персидского населения и существенно повлиять на предотвращение злоупотреблений со стороны турецких военнослужащих.

Энвер-паша и персидский посол договорились о том, что после окончания войны вся территория Азербайджана должна быть возвращена Персии.

Персидский посол жалуется на то, что турецкие военачальники низшего звена зачастую без надобности возмущают и раздражают население страны, а турецкое верховное командование предпринимает действия по отношению к персидскому правительству без предварительного уведомления посла.

Энвер-паша обещает помощь в этом вопросе.

Германский посол выражает пожелание, чтобы немецкие экспедиционные войска, с одной стороны, не подвергались произволу турецких военачальников низшего звена, арестам и грабежам, а с другой стороны, действовали в соответствии со стратегическими планами турецкого главнокомандования сухопутных сил.

Энвер-паша соглашается с тем, что некоторые немецкие офицеры хорошо сотрудничают с турецкими офицерами в Багдаде в вопросах формирования воинских частей, однако есть и другие, которые ведут себя в высшей степени надменно и вызывающе.

Достигнута договоренность о том, что в будущем обоснованные пожелания ставки турецкого Верховного главнокомандования будут передаваться военачальникам Кляйну и Нидермайеру через германского военного атташе с тем, чтобы эти пожелания были известны только германскому верховному главнокомандованию. Благодаря этому будут обеспечены безопасность и использование наилучших качеств германских экспедиционных войск.

25 августа 1909 года Укр(епление) Гуниб
Доблестные кавказские войска!

Поздравляю Вас с знаменательным днем пятидесятилетнего юбилея взятия Гуниба, закончившего собою многовековую Кавказскую войну и внесшего умиротворение в народы Чечни и Дагестана. Не губительный меч завоевателя, а духовные блага мира, спокойствие жизни, преуспеяния и процветания народов вносили с собою русские войска в тущобы недоступных гор, в дебри вековых дремучих лесов.

Неисчислимых жертв стоила эта война Русскому государству, но, верные своей исторической задаче, войска наши настойчиво и неудержимо шли к намеченной цели — и наконец 25 августа 1859 года пал Гуниб, последний оплот последнего кавказского имама Шамиля.

Такую войну, как Кавказская, долгую, кровавую, геройскую — беспримерную в истории, — не могло покончить одно поколение и преемственно сдавало ее поколениям последующим; отсюда и развились те особенности старого кавказского солдата, в беспредельном мужестве и святости исполнения долга не имевшего себе равного в свете.

Кавказский солдат черпал свою несокрушимую мощь только в самом себе, в своей нравственной силе, а не искал ее в численном, а тем более материальном превосходстве над неприятелем. Выбора между победой или смертью у него не было, а если вражеская сила превышала его во много раз, то он безропотно по завету отцов своих складывал голову, оставляя на память потомству имена, которые не должны забывать мы, наследники славы наших отцов и дедов.

Этою духовною мощью проникнуты были не единицы, а вся масса Кавказских войск. Есть тысячи примеров, когда ложились целые части, не уступая неприятелю ни единого шага, которыми полны истории наших Кавказских полков.

Прошло уже полвека, когда в горах Дагестана прогремел последний выстрел, и мы, празднуя сегодня этот день, воздадим должное павшим героям, кои из поколения в поколение совершали великое дело и запечатлевали свою беззаветную верность Царю и Родине кровью и самою жизнью. Помянем же ныне и наших доблестных вождей, окруженных лучезарной славой, и во главе их фельдмаршала князя Барятинского, завершившего Кавказскую войну бессмертным подвигом — взятием Гуниба в 1859 году.

Счастлив и я выпавшим на мою долю жребием во главе родных мне Кавказских войск праздновать день пятидесятилетней годовщины великого исторического события. За минувшие 50 лет в рядах Кавказских войск

менялись люди, менялись формы, строи и оружие, но несокрушимыми остались в них внутренние устои духа, славные предания и боевые традиции старой Кавказской армии.

И Вы, достойные преемники старых Кавказских войск, оставайтесь истинными носителями заветов ваших дедов и отцов.

Да послужит прошлое Кавказской армии залогом ее будущего.

Главнокомандующий, Генерал-от-кавалерии

Генерал-Адъютант Граф Воронцов-Дашков

(Приказ зачитывался во всех полках, батареях, батальонах, отдельных командах, штабах русских экспедиционных войск, находившихся на территории Персии.)

Г.Г. Корсун

***Пожелания великобританского правительства о содействии
английским войскам в Месопотамии***

В то время как экспедиционный корпус Баратова развивал свое наступление на Хамаданском направлении, великобританское правительство просило русское командование оказать содействие английским войскам, оперировавшим против Багдада, выдвижением русских частей к гг. Керманшах и Ханекин.

Сила русского экспедиционного корпуса в то время определялась в 4000 штыков, 6000 сабель и 20 орудий. Для развития действий этого корпуса было приказано Ван-Азербайджанскому отряду срочно занять г. Соудж-булаг и выдвинуть передовые части к г. Сакиз.

Какие турецкие части находились против группы войск Баратова, русское командование на Кавказе еще не знало, как не был ему известен и план действий английского экспедиционного корпуса.

Однако отказать в известной помощи англичанам признавалось нежелательным, а между тем продвижение к гг. Керманшах и Ханекин значительно удлиняло коммуникационную линию экспедиционного корпуса.

Ввиду этого командующий Кавказским фронтом (главнокомандующий Отдельной Кавказской армии. — А.Ш.) признавал необходимым подкрепить находившиеся в Персии русские войска из армейского резерва. Для этой цели к г. Джульфа выдвигалась 4-я Кубанская пластунская бригада и предполагалось выслать в г. Казвин один пограничный батальон.

Вместе с тем русское командование учитывало, что если англичане в Месопотамии не были бы подкреплены, то надо было рассчитывать, что переброшенные турками к Багдаду подкрепления могли быть использованы и для действий в Персии. Это являлось весьма правдоподобным, так как небольшой турецкий отряд с австрийскими офицерами в то время появился уже в г. Каср-и-ширин.

Предположения русского командования о совместных действиях с англичанами в Западной Персии и Месопотамии

Со своей стороны, командующий Кавказским фронтом находил крайне желательным командирование англичанами хотя бы небольшого отряда в район между русским экспедиционным корпусом, действовавшим на Хамаданском направлении, и Багдадской группой великобританских войск.

Означенный отряд послужил бы не только необходимой связью, но и позволил бы впоследствии выпрямить фронт русских и совместно с фронтом английских войск прервал бы всякую возможность воздействия германо-турок на восток.

По мнению русских, эта идея могла бы вылиться в формирование английского экспедиционного отряда, силою не свыше дивизии, который, высадившись в Мохаммере, мог бы подняться долиною р. Карун через район г. Шустер (где имеются английские нефтяные концессии) к г. Хорремабад или Буруджирд, поддерживая связь с Багдадским корпусом.

В связи с возбужденным вопросом о направлении нового английского экспедиционного отряда на г. Шустер русский Генеральный штаб указал военному представителю великобританского правительства в ставке ген. Вильямсу, что сложившаяся обстановка в Персии и деятельность там немцев требовали от русских и англичан инициативы, не выжидая развития немецких предприятий.

«Наши действия, — как отмечала Ставка, — должны быть согласованы, проникнуты наступательной идеей», и для этого должны быть назначены достаточные силы. Самые действия на кавказско-персидском театре надлежало связать общими предположениями об операциях на Кавказском фронте и по обеспечению Египта.

Соглашаясь с выдвижением англо-индийской дивизии, силою не менее 20 000 человек пехоты, к г. Буруджирд, русский Генеральный штаб предпочитал, однако, движение этой дивизии к г. Керманшах, на соединение с русскими войсками кратчайшим путем.

Занятие Керманшаха надо было рассматривать не как конечную цель, а как промежуточный этап в развитии операции. Целью же последней должны были быть концентрическое наступление на г. Багдад и прочное овладение этим пунктом. Сосредоточив в Багдаде до 40–50 тысяч войск, русские и англичане вполне обеспечили бы Персию и Афганистан и влияли бы на операцию противника в Египте, если бы он на таковую решился.

Не развивая дальнейших предположений, русский Генеральный штаб высказал, что из Багдада пролегают удобные пути на Мосул и Диарбекир (к юго-западу от Эрзерума), движение по которым внесло бы войну «в сердце страны, откуда турки черпали главнейшие свои средства для борьбы».

Русская ставка повторяла, что против деятельного противника в Персии «нужна наступательная, упреждающая его деятельность» и что перенос борьбы к Багдаду наилучшим образом разрешил бы задачу по обеспечению Индии и Средней Азии.

Отмеченная мысль русского командования не нашла своего отражения в операциях англичан в 1916–1917 гг. на Ближнем Востоке.

А.А. Керсновский

История Русской армии

...Поход в Месопотамию

В конце весны (1916 года. — А.Ш.) зашевелился и перешел в наступление наш (Кавказского фронта. — А.Ш.) левый фланг — Кавказский конный корпус генерала Баратова. Наступление это из Персии в Месопотамию — от Керманшаха на Багдад — совершенно не было в интересах Кавказской армии. Оно было навязано нам Англией.

Разбитый у Ктезифона британский экспедиционный корпус генерала Таунсенда укрылся в Кут-Эль-Амарской крепости на Тигре (на юго-востоке от Багдада), где был блокирован одной турецкой дивизией, вдвое слабейшей. Генерал Таунсенд в декабре высчитал, что запасов «корнед бифа» и мармелада ему хватит до 13 апреля 1916 года, и поставил Лондон в известность, что если к 13 апреля его не деблокируют, то он с вверенными ему героями не станет дожидаться 14-го числа и капитулирует.

Британское правительство потребовало направить войска генерала Баратова на выручку Кут-Эль-Амары.

Если желания союзников были равносильны приказаниям, то приказания их (как это было в данном случае) являлось высшим законом

для руководителей российской великодержавности. Нужды не было в том, что англичане собрали на Тигре, всего в 150 верстах от Кут-Эль-Амары, 4 дивизии, тогда как у генерала Баратова было за 800 верст всего 4 батальона пехоты. Англичане требовали от четырех русских батальонов то, чего не смели требовать от своих четырех дивизий...

В первых числах апреля корпус генерала Баратова занял Керинд и спустился в пустыни северной Месопотамии. Опасный и трудный этот поход скоро потерял свой смысл: кут-эль-амарские вояки сдались 13 апреля, как это заблаговременно обещали.

Однако своим движением генерал Баратов обратил на себя силы действовавшей против англичан в Месопотамии VI турецкой армии Халила-паши (заменившего умершего от тифа победителя при Ктезифоне фельдмаршала фон дер Гольц-пашу).

Оставив против 65-тысячной британской армии генерала Мода слабый 18-й турецкий корпус (16 000) в долине Тигра, Халил-паша с другим корпусом своей армии — 13-м (25 000 бойцов и 80 орудий) двинулся на отряд генерала Баратова, насчитывавший всего 7000 шашек и штыков при 22 орудиях.

Силы были слишком неравны. 21 мая генерал Баратов был отражен от Ханекена. 25-го турки вторглись в Персию. 16 июня нами был потерян Керинд, а 20-го — Керманшах. Турки приостановили здесь свое наступление, но возобновили его по настоянию немцев месяц спустя, дойдя 28 июля до Хамадана.

Генерал Баратов отвел свой ослабленный лихорадками корпус в район Казвина. За май месяц (ханекенские бои) корпус генерала Баратова лишился в делах с неприятелем всего 460 человек, тогда как от болезней убыли 2430 человек — свыше трети строевого состава.

Англичане ничем не помогали, несмотря на свое четверное превосходство в силах. Требуя русскую помощь как должное, наши союзники сочли бы неслыханной дерзостью аналогичное обращение с русской стороны (если мы вообще осмелились бы на это).

Н.Г. Корсун

Первая мировая война на Кавказском фронте

Мосульская операция (1917 года)

Июньское наступление на Мосульском направлении

К половине мая температура на равнине Месопотамии достигала + 68 градусов Ц при знойных ветрах пустыни. Для действий в таких условиях русские войска не были соответствующим образом экипированы. Заболеваемость в некоторых частях, находившихся в малярийном районе на р. Дияла, достигала 80 % личного состава. Русское командование было вынуждено оставить для наблюдения за турками и для связи с англичанами только две сотни, а остальные войска корпуса оттянуть в более здоровые по климатическим условиям горные районы Персии.

Для предстоящих действий на мосульском направлении готовились войска 7-го Кавказского корпуса, сосредотачиваемые у Сакиз, и войска 1-го Кавказского кавалерийского корпуса, которые должны были наступать от Сене на Пенджвин, Сулеймание, Керкук (на территории современного Ирака, а тогда турецкой Месопотамии. — А.Ш.).

Особое внимание командиров обоих корпусов обращалось на обеспечение стыка между ними. Это наступление, по мнению командования, должно было привлечь большие силы турок, и англичанам таким образом было бы оказано существенное содействие. Возможность развития наступления на г. Мосул зависела от условий снабжения: дело в том, что к середине мая в предгорьях Месопотамии подножный корм выжигается солнцем и исчезает. Более крупные операции на этом направлении возможно было начать только осенью.

Подготовка к операции осложнялась отсутствием в войсках персидской валюты. Курс русского рубля в Персии пал. Британское правительство предлагало открыть кредит в английской валюте, но ставило условием отстранение генерала Баратова от командования и замену его более сговорчивым лицом. На это русское командование не согласилось. Кроме того, подготовка Мосульской операции осложнялась враждебными выступлениями персидских курдов против русских войск. Персидское правительство поддерживало курдов и требовало вывода русских войск из страны.

Наступление было начато отдельными отрядами на фронте

7-го корпуса 10 июня, а 1-го кавалерийского — 13 июня и вначале протекало успешно. 22 июня турки перешли в контрнаступление и, угрожая обходом, вынудили русских вернуться на исходное положение. Наступление на Месопотамском фронте, совпавшее по времени с наступлением русских войск в Галиции, как и там, успеха не имело. Англичане не проявили какого-либо намерения поддержать эту операцию.

Подготовка Мосульской операции

В предвидении турецкого контрнаступления осенью 1917 г. англичане

снова предложили русским нанести главный удар по турецким войскам на Мосульском направлении. Для этого они считали необходимым выдвинуть до 14 000 бойцов с 6000 лошадей на р. Дияла, где они стали бы получать снабжение от английской экспедиционной армии, войдя в оперативное подчинение ее командованию. Русское командование, оценивая этот план англичан, признавало, что по общей стратегической обстановке на Кавказском фронте район Мосула является лучшим объектом для действий.

Английская армия должна была наступать на Мосул, имея целью выйти на р. Заб-эс-Сагир, а частью сил даже на р. Большой Заб. Намечалось, что выдвинутая на р. Дияла группа русских войск будет продвигаться на Керкук уступом назад за наступавшими главными силами русских и англичан.

Кроме того, считалось необходимым привлечь к операции и левое крыло 4-го Кавказского корпуса; на него предполагалось возложить задачу овладеть районом Битлиса и выдвинуться от г. Ван к югу с целью отвлечь силы турок от мосульской группы; при этом англичане должны были подать для Кавказской армии грузовые автомобили (через Месопотамию). Начало операции намечалось на середину октября.

5 октября Ставка, учитывая большие трудности подготовки службы тыла, признала, что Мосульскую операцию следует отложить до весны 1918 г. Поэтому Кавказскому фронту ставилась задача удержать занятое положение и по мере сил и средств содействовать англичанам в долине р. Тигр.

В связи с полной дезорганизацией транспортных средств армии для предупреждения надвигающегося голода была произведена коренная перегруппировка войск и тыловых учреждений. Значительная часть их была перемещена в тыл, на линии железных дорог Закавказья и Северного Кавказа; размещение здесь было произведено с учетом возможности быстро сосредоточить войска в случае наступления турок на угрожаемых направлениях.

На участке Кавказского фронта от Черного моря до озера Ван в кампанию 1917 г. происходили лишь небольшие столкновения, не внесшие существенного изменения в начертании линии фронта. Во

2-й и 3-й турецких армиях, понесших большие потери от эпидемии, к концу 1917 г. на некоторых направлениях находились лишь охранения из курдских формирований, главные же силы были сосредоточены для отдыха в узлах дорог за фронтом.

«...Советское правительство, выполняя волю Советов, решило приступить к переговорам с Германией и Австрией.

Переговоры начались 3 декабря в Брест-Литовске. 5 декабря было подписано соглашение о перемирии, о временном прекращении военных действий».

На Кавказском фронте соглашение о перемирии с Турцией было заключено 4 декабря в Эрзинджане.

«Переговоры происходили в обстановке разрухи народного хозяйства, в обстановке общей усталости от войны и ухода с фронта наших войсковых частей, в обстановке развала фронта».

В кампании 1917 г. на Кавказском фронте на Урхмийско-мосульском направлении действовали до 31 батальона и 100 сотен, что составляет свыше трех пехотных и четырех кавалерийских дивизий (по 24 эскадрона или сотни с 12 орудиями), или один армейский и два кавалерийских корпуса, а на Багдадском направлении — 23 батальона и 71 эскадрон и сотня, т. е. свыше двух пехотных и трех кавалерийских дивизий, или от одного армейского и одного-двух кавалерийских корпусов.

Краткие итоги кампании 1917 г.

В кампании 1917 г. на Кавказском фронте единственной крупной операцией могла быть Мосульская. В этой операции намечалось сотрудничество русских войск с английскими. Но так как внутренним содержанием Мосульской операции было овладение силами Кавказской армии нефтеносным районом Северной Месопотамии, на который претендовали английские империалисты, намечавшееся наступление, конечно, не могло быть популярным среди солдатских масс, в которых большевики развернули революционную работу. Командование Кавказской армии также было настроено против этой операции.

Британский Генеральный штаб осмелился через главковерха Керенского поднять вопрос даже о смене неугодных англичанам генералов; при этом как бы в качестве приманки англичане предлагали русским войскам, действовавшим на Мосульском и Багдадском направлениях, английскую валюту, продовольствие и т. д.

Мосульская операция закончилась безрезультатно. С октября 1917 г. «советская революция успела распространиться по всей стране».

А.Г. Шкуро

Записки белого партизана (Действия на Кавказском фронте)

В начале мая 1917 года я прибыл со своим отрядом на Кубань, на

станцию Кавказскую; там распустил своих людей по домам в двухнедельный отпуск. В двадцатых числах мая, без всяких опозданий, отдохнув и проведав свои семьи, вернулись мои партизаны в отряд, и мы двинулись двумя эшелонами по железной дороге на Баку, а оттуда — пароходом на Энзели.

Энзелийский гарнизон уже пришел в состояние разложения. Там задавали тон потерявшие всякий воинский облик матросы Каспийской флотилии. Местные войсковые комитеты выносили демагогические резолюции и решения, окончательно сбившие с толку бросивших службу и слонявшихся без дела солдат.

Появление моих бравых партизан, сохранивших полную старорежимную дисциплинированность, отвечавших по-прежнему на приветствия офицеров и щеголявших молодцеватым отданием чести, становившихся часто мне, как начальнику отряда, во фронт, не могло не оскорбить «революционного сознания» энзелийского сброда. Произошел ряд столкновений между пехотинцами и партизанами, доходивших до крупных потасовок; особенно острые столкновения возникали у казаков с матросами.

Глубоко презиравшие матросов казаки раз действительно хватили через край. Дело в том, что начальник Энзелийского гарнизона с согласия и одобрения местных комитетов издал приказ, запрещающий принявшую безобразные размеры азартную игру в карты. Вошедшие прогуляться в городской сад 3–4 казака увидели толпу матросов, ожесточенно резавшихся в «три листика».

— Вот, — сказал один из казаков, — ваша революционная дисциплина. Ваши же комитеты запрещают карточную игру, а вы в публичном месте целой толпой играете в карты. К чему же тогда все эти комитеты? Лишь для того, чтобы мешать начальству работать?

Матросы вознегодовали и набросились на казаков, попрекая их 1905 годом, когда казачество подавляло революцию. Казаки возражали достаточно резко. Слово за слово... Казаки взяли за плетки и, отодрав хорошенько нескольких матросов, поставили перепуганных игроков на колени и заставили их петь «Боже, Царя храни»; при этом они «поощряли» плетками тех, кто пел, по их мнению, фальшиво или без достаточного воодушевления.

Этот случай переполошил все комитеты, и ко мне полетели жалобы на моих подчиненных. Расследовав дело, я признал, что казаки действительно виноваты в том, что принудили матросов петь гимн, и наложил на них за это своей властью дисциплинарное взыскание. Поведение же матросов,

вынудивших казаков применить плети, я признал, в свою очередь, провокационным и потребовал наказания. Дисциплинарные комитеты были вынуждены посадить матросов на месяц под арест.

Тут уж «товарищи» обиделись совершенно. Особенно бесило их полное игнорирование казаками «Приказа № 1», этого краеугольного камня невиданной прежде революционной дисциплины. Полетели телеграфные жалобы ген. Баратову и комитету в штаб корпуса. Ежедневно происходили свалки и драки. Мои казаки, сильные взаимной выручкой и артистически владевшие оружием, отнюдь не давали себя в обиду. Впрочем, дело редко доходило до серьезных кровопролитий, если не считать таковыми кровоподтеков от казачьих нагаек.

В начале июня мы двинулись походом на Решт и Казвин. Каждые 30 верст были расположены дорожные этапные посты, в обязанности которых входили охрана пути, а также заготовка продовольствия и запасов фуража для проходивших по дороге воинских частей, патрулирование и охрана дороги, телеграфных и телефонных линий от нападений курдов и персидских разбойников. Во главе каждого такого поста стоял этапный комендант с гарнизоном солдат старших сроков службы.

Этапные солдаты, обязанности которых были очень легкими сравнительно со службой боевых солдат, сочли происшедшую революцию как освобождение и от их незначительных обязанностей и положительно бесились от безделья. Единственным их занятием был сбор получаемых новостей от проходящих мимо эшелонов и пускание всевозможных, отнюдь не укреплявших боеспособность «уток» и сплетен.

Приходя после утомительных переходов на этап, несмотря на телеграфное предупреждение, мы не получали ни пищи, ни фуража для коней и, замученные, должны были раздобывать это, как могли. В ответ на мои упреки этапные командиры оправдывались отказом их подчиненных от какой-либо работы.

Видя, что так мы не дойдем до цели, я решил привести этап в христианский вид. Высылаемые на переход вперед отряда сильные разъезды должны были напоминать этапам, что сзади идет нуждающийся в их услугах внушительный отряд. Первые дни этапные солдаты относились недостаточно внимательно к убеждениям начальников разъездов, но после того, как разъезды преподали несколько хороших уроков неповинующимся, а подошедший отряд дополнил «обучение», слава о сварливости и требовательности шкуринцев значительно опережала движение отряда, и, приходя на этапы, мы купались в изобилии. Более того — этапные команды выстраивались перед нашим прибытием на шоссе и встречали нас с

почетом.

Дорогой мы встречали подчас возвращавшихся с фронта агитаторов, многие из коих были рады, за каковую считали моих партизан. Казаки очень охотно выслушивали этих носителей нового мировоззрения, но, однако, редко кто из них уходил после этого целым. Обыкновенно после окончания дискуссии, и притом по собственной инициативе, неблагодарные казаки их сильно пороли плетками.

Так, они высекли, между прочим, одного весьма красноречивого «высокопоставленного» господина, Финкеля, комиссара Бакинского комитета, командированного в штаб ген. Баратова и пытавшегося разъяснить станичникам контрреволюционность моего мировоззрения. После этого агитаторы, вероятно, сочли мой отряд недостаточно подготовленным к восприятию новых идей и стали искать более благодарную аудиторию. Во время пути по крайней мере мы их больше не слышали.

По прибытии в Хамадан я представил свой отряд ген. — лейт. Павлову, известному кавалеристу, командовавшему впоследствии, во время Гражданской войны, после смерти ген. Мамонтова, 9-м Донским казачьим корпусом. Ген. Павлов командовал в это время экспедиционным корпусом вместо ген. Баратова, который состоял в должности командующего Кавказской армии.

Мы в Хамадане остановились в роскошном саду какого-то персидского хана; лошади стояли у коновязей, всюду дневальные, у ворот часовые. Приехавший внезапно генерал был встречен рапортом дежурного. Молодцеватая выправка, лихой ответ людей на приветствие, их бодрый, веселый вид привели в восторг старого кавалериста.

— Впервые, — сказал он казакам, — с начала революции встречаю я настоящую воинскую часть.

Мы недолго состояли, однако, под начальством доблестного генерала, ибо он скоро был отчислен от должности по настоянию комитетов за контрреволюционность. Мы повесили головы, думая, что настал конец делу, однако — нет еще. Ген. Баратов, увидевший, что пост командующего Кавказской армией вследствие засилья комитетов и полного распада тыла является теперь уже совершившейся синекурой, отказался от этой должности. Он вернулся по отставке Павлова на свой старый пост командира экспедиционного корпуса, дабы по мере сил гальванизировать возможно дольше державшиеся еще с грехом пополам на позициях части.

На большой дороге Казвин — Хамадан близ Хамаданской заставы выстроил я свой отряд, ожидая прибытия следовавшего в автомобиле из

Энзели славного ген. Баратова. На правом фланге отряда стояли трубачи, блестя на солнце медью своих инструментов, и хор туземных зурначей. Казаки с лихо заломленными папахами, в новеньких черкесках, в ладно пригнанной амунии и на хорошо вычищенных походных конях ниточкой вытянулись вдоль шоссе.

Вот вдали запылилась дорога и показался серый автомобиль ген. Баратова. Дружно по команде блеснули в воздухе шашки, и понеслись, пробуждая равнину, чудные, заставляющие трепетать казачьи сердца аккорды бессмертного Сунженского марша. Подкатил и остановился автомобиль. Из него легко выпрыгнул все тот же, не стареющий и жизнерадостный Николай Николаевич Баратов.

— Здравствуйте, старые казаки-кубанцы! — весело и молодо крикнул он.

Звонко и дружно гаркнули станичники ответное приветствие. Собравшаяся у заставы громадная толпа персов, привыкших за последнее время видеть лишь банды буйных и недисциплинированных «товарищей», с сочувственным удивлением смотрела на непривычное для нее зрелище. Ген. Баратов сказал несколько теплых слов отряду и поехал в штаб корпуса, окруженный джигитовавшими казаками.

Вскоре генерал Баратов вызвал меня к себе и объяснил общее положение дел. Известия о неудачном исходе похода генерала Корнилова на Петроград докатилось уже до Кавказа, и тыловые комитеты бомбардировали полки телеграммами, предупреждающими о контрреволюционности офицерства. В войсках, стоящих на позициях, начались брожение, смуты, возникло недоверие к своим начальникам. Приехавшие агитаторы проповедовали анархию и большевизм.

Первыми поддались заразе стрелки Туркестанской бригады и пограничники; случаи неисполнения боевых приказов стали нередкими. Турки приободрились и почти повсюду, как на нашем фронте, так и в Месопотамии, перешли в наступление. Получившие субсидии от турецких и немецких эмиссаров курдские племена обнаглели, нападали на наши тылы и рвали коммуникации.

Из крепких частей оставались еще на фронте лишь 1-я Кавказская казачья дивизия, Кубанская отдельная конная бригада, отряд партизан войскового старшины Лазаря Бичерахова и вновь прибывший отряд.

Необходимо было во что бы то ни стало продержаться на фронте хотя бы несколько месяцев, чтобы дать возможность эвакуировать находившееся в Персии громадное русское имущество, а также чтобы успело подойти подкрепление к дравшемуся в Месопотамии английскому экспедиционному

отряду.

По новой диспозиции ген. Баратова бичераховские партизаны должны были держаться у Керменшаха и Казвина до смены их английскими войсками. Я обязан был удержаться во что бы то ни стало в районе города Сенэ, прикрывая дорогу Сенэ — Хамадан. Во исполнение этой задачи, мой партизанский отряд должен был развернуться до четырех сотен; к нему были приданы батальон пехоты из не поддавшихся заразе добровольцев от полков и горная батарея.

В начале августа я прибыл в Сенэ, в распоряжение начальника Курдистанского отряда ген. Гартмана и получил от него приказание выбить турецкие таборы, успевшие занять позиции восточнее Гаранского перевала; турки старались сбить нас с него. Я выдвинул разведку, которая путем расспросов местных жителей выяснила, что существует горная тропинка, обходящая турецкие позиции.

На рассвете 15 августа 1-я сотня моего отряда под командой подъесаула Прощенко, двинутая по этой тропинке, успешно обошла турок и сбила их заставы. Следовавшие за сотней на вьюках горные орудия изрядно обстреляли турок; пользуясь их переполохом, я развернул свой батальон в атаку. Турки в панике бежали, бросая пулеметы и пушки. Казаки преследовали их до ночи, забирая пленных и трофеи, и вышли в Мериванскую долину.

Мы укрепились на отвоеванных позициях, и началось нудное сидение в окопах, нос с носом со вновь подошедшим противником. Изредка мы разнообразили это времяпровождение набегами на курдских ханов, грабивших наши караваны.

...Оправившись от болезни (тифом), в начале декабря в сопровождении своего верного, многолетнего вестового Захара Чайки, через Баку — Энзели, выехал на фронт. Между Энзели и Казвином, у этапа Имам-Заде-Раше, мой автомобиль был внезапно остановлен преградившей дорогу толпой вооруженных солдат, которые потребовали, чтобы я назвал себя. Услышав мою фамилию, толпа заревела в восторге. Солдаты объявили, что я арестован в качестве известного контрреволюционера.

Затем они собрались на митинг, чтобы решить, что со мной делать. Голоса разделились: одни требовали расстрелять меня немедленно, другие же, опасаясь позднейших репрессий со стороны моих казаков, склонялись к тому, чтобы я был отправлен на суд комитета этапного батальона.

Не теряя драгоценного времени, я устроил, в свою очередь, военный совет со своим верным Чайкой и шофером привезшего меня автомобиля. Решено было, что шофер выведет тихонько свою машину на шоссе,

посадит ожидающего там Чайку и к утру доставит его в Казвин, чтобы вызвать на выручку меня моих партизан. Я прекрасно отдавал себе отчет в том, что мои казаки, да и то в самом ограниченном за малочисленностью автомобилей количестве, могут прибыть в Имам-Заде-Раше лишь через несколько дней, ибо они могли быть от меня не ближе Хамадана.

Но я знал трусость «товарищей», которые не решатся тронуть меня хоть пальцем, если будут знать, что это не пройдет для них безнаказанно. Когда автомобиль зашумел во мраке, увозя Чайку, я крикнул что есть силы ему вслед:

— Пусть немедленно все казаки мчатся сюда и устроят по мне хорошие поминки.

«Товарищи» переполошились, и, конечно, решено было меня не расстреливать. Я спокойно заснул на своей бурке. Утром меня повезли на автомобиле на суд этапного комитета. Войдя в комитетное помещение, я раскричался на его чинов:

— Как смели вы задержать, лишить свободы меня, начальника отдельной части, спешащего на фронт по делам службы? Мною вызван сюда мой отряд. Он вас научит порядкам, ни один из вас не избегнет веревки!

Испуганные комитетчики стали извиняться в своей «ошибке» и взмолились о прощении. Однако я переписал их фамилии (вследствие чего, как я слышал позже, большинство из них разбежались), потребовал себе машину и уехал. Примчавшийся на рассвете в Казвин, Захар Чайка наделал там шуму. Услышав от телефонистов, что мои казаки, вызванные меня выручать, обещались изрубить по дороге всех комитетчиков, многие из них также поспешили предусмотрительно наострить лыжи.

Явившись в Хамадан, в штаб корпуса, я узнал, что за Гаранское дело произведен в полковники и назначен командиром 2-го Линейного полка Кубанского казачьего войска, оставаясь одновременно командиром своего партизанского отряда. Кроме того, Кавказская Георгиевская дума присудила мне офицерский Георгиевский крест, но я не ношу его, ибо награждение это не могло до сего времени быть санкционировано Всероссийской Георгиевской думой.

Мои партизаны, в свою очередь, пользуясь новыми правилами, присудили мне солдатские Георгиевские кресты 4-й и 3-й степени.

В Хамадане я встретил часть своих орлов; остальные стояли на позициях у Сенэ. Я принялся объезжать сотню за сотней свой новый 2-й Линейный полк. Казаки еще держались, но уже было заметно некоторое шатание. Повсюду заявлялись жалобы на невыданное обмундирование, на

недодачу пары копеек, на то, что не пускают домой. Хотя во всем этом не было еще ничего политического, но для меня, природного казака, было ясно, что все это печальные признаки скрытых бурь.

Некоторые полки уже потеряли к этому времени всякий облик воинских частей. Солдаты открыто дезертировали, распродавая персам и курдам казенное имущество, винтовки и патроны.

Мой отряд за время моего отсутствия тоже немного разболтался. Молодые партизаны, присоединившиеся к нам только в Персии и разбавившие крепкий кадр проделавших всю кампанию старослужащих, неохотно подчинялись строгим порядкам, коими держалась часть, но охотно прислушивались к смутьянам, будировавшим на митингах.

Корпусной комитет, в котором тон задавали писаря и мальчишк-офицеры, завидовавшие лаврам Крыленко, не боролся с большевистской пропагандой и даже довольно явно способствовал ей. Стоявший на государственной точке зрения, уважаемый корпусной комиссар Алексей Григорьевич Емельянов совместно с ген. Баратовым, тщетно боролся с разложением войск.

Скоро пришел приказ: уволить на льготу старослужащих казаков. Лучшие, незаменимые партизаны, с которыми я привык делить горе и радость, составлявшие цвет моего отряда, должны были уйти на льготу. И это в то время, когда фронт едва держался и каждый надежный боец был на учете.

Взгруснулось мне; мало надежд оставалось на будущее; чувствовалось, что мутные волны, залившие всю Россию и повергнувшие ее в бездну позора и страданий, затопят скоро и Кавказ, разрушат последние очаги русской государственности и жалкие остатки недавно могучей и грозной врагам Русской армии, бесславно дезертировавшей теперь.

Отъезд отпускаемых на льготу казаков был назначен на 26 декабря, на второй день Рождества. В Сочельник в предместье Хамадана — Шаварина, где стояли сотни, по старому русскому обычаю была приготовлена кутья. С первой звездой я вышел из своей квартиры и в сопровождении офицеров стал обходить сотни, поздравляя казаков с праздником Рождества Христова. Была лунная морозная ночь. Отовсюду слышалась беспорядочная стрельба — это по кавказскому обычаю люди салютовали празднику, стреляя в воздух.

Выйдя из первой сотни, после того как там поздравил казаков, и направляясь ко второй, я проходил по двору; шел несколько впереди сопровождавших меня офицеров и казаков. В это время грянул залп, как

мне показалось, с кровли соседнего туземного дома. Я почувствовал сильный удар в грудь, упал и потерял сознание.

Офицеры и казаки бросились к месту, откуда стреляли, и открыли огонь по убегавшим в темноте фигурам. Это были большевистские агенты, решившие убить меня, как заклятого врага большевизма...

Пролежав недели три, худой и бледный, вышел я впервые во двор, погреться на жиденьком январском солнце и посмотреть на своих казаков. Давно уже уехали на родину мои старые боевые орлы. Я увидел вокруг себя лишь новые, молодые, почти все незнакомые мне лица. Мое сердце почуяло, что теперь здесь уже сделать ничего нельзя.

Вскоре ко мне пришла депутация молодых партизан; они просили, чтобы я настаивал перед начальством о скорейшем возвращении казаков на Кубань; говорили, что Корнилов уже разбит, Кубань признала советскую власть и воевать дальше нет смысла.

Мне стоило больших трудов убедить казаков в необходимости продержаться еще некоторое время, чтобы дать генералу Баратову возможность закончить эвакуацию имущества из Персии. Тем не менее мне пришлось несколько раскассировать свой отряд...

Наши войска по диспозиции генерала Баратова и ввиду вывоза главной части русского имущества из Персии стали оттягиваться от перевалов и отступать к Энзели через Казвин и Решт. Возвращаясь из Тегерана, я догнал свой отряд уже близ Казвина. Там узнал, что комитеты Баку и Энзели не выпустят меня живым...

Использованная и рекомендованная литература

Бадалян Х.А. Турецко-германская экспансия в Закавказье. 1914–1918. Ереван, 1980.

Бендеров, Генерального штаба полковник. Поездки по Астрабад-Бастамскому району Персии. Тифлис, 1903.

Бузун Ю.Г. Действия кубанских казачьих частей в составе экспедиционного корпуса генерала Н.Н. Баратова на Кавказском фронте Первой мировой войны / Голос минувшего. 1997. № 2.

Вестник русской конницы. СПб., 1913. № 7–8.

Волков С.В. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб., 2003.

Волков С.В. Генералитет Российской империи. Энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009.

Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой мировой войне. 1914–1918. М., 2006.

Бендеров, Генерального штаба полковник. Поездки по Астрабад-бастамскому району Персии. Тифлис, 1903.

Голос минувшего. 1997. № 2.

Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны. М., 1960.

Готовцев А. Важнейшие операции на Ближневосточном театре в 1914–1918 гг. М., 1941.

Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930.

Дневники императора Николая II. М., 1992.

Дневники казачьих офицеров. М., 2004.

Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой Русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Февраль, март.

Елисеев Ф.И. Казаки на Кавказском фронте. 1914–1917: Записки полковника Кубанского казачьего войска. В тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001.

Елисеев Ф.И. Лабинцы. Побег из красной России. М., 2006.

Елисеев Ф.И. Первые шаги молодого хорунжего. М., 2005.

Елисеев Ф.И. Рейд сотника Гамалея в Месопотамию в мае 1916 года. Нью-Йорк, 1957.

- Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003.
- Емельянов А.Г. Генерал Баратов // Часовой. 1933.
- Емельянов А.Г. Персидский фронт. 1915–1918. Берлин, 1923.
- Запесский К.А. Первая мировая война. Правители и военачальники. Биографический энциклопедический словарь. М., 2004.
- Захарин И.Е. На службе у персидского шаха // Часовой. 1981. № 629.
- Звягинцев В.Н. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация. Формирования 1914–1917 гг. Регалии и отличия. Париж, 1959.
- Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Кавказский наместник. М., 2005.
- Караулов М.А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912.
- Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. Оперативно-стратегический очерк. М., 1946.
- Корсун Н.Г. Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте мировой войны в 1915 г. М., 1940.
- Куртояров И. Что писали о казаках в войну 1914–1915 гг. Пг., 1915.
- Летопись войны. СПб., 1914–1916.
- Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб., 1909.
- Марков В. С. Шахсевены на Мугани // «Западно-Кавказское отделение Русского Географического общества». 1890. Кн. 14. Вып. 1.
- Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте. 1914—1917 гг. Стратегический очерк. Париж, 1933.
- Масловский Е.В. Русские отряды з Персии. Париж, 1966.
- Меликян Г. С. Октябрьская революция и Кавказская армия. Ереван, 1989.
- Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
- Мировые войны XX века. Кн. 2. Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002.
- Мугуев М.Х. Врата Багдада. М.; Л., 1928.
- Мугуев М.Х. К берегам Тигра. Орджоникидзе, 1962.
- Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. В 6 т. Т. 1. М., 1999.
- Общеказачий журнал. Нью-Джерси. 1948. Январь.
- Первая мировая война в жизнеописаниях военачальников. М., 1994.
- Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998.
- Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.
- Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и

после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов. М., 2006.

Родина. Май. 2001.

Российский военный сборник. Вып. 16. М., 1999.

Русский инвалид. 1909–1932.

Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. Материалы к истории Белого движения. М., 1997.

Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии от 2 ноября 1908 г. до 11 июля 1909 г. Вып. 2. СПб., 1911.

Семина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914–1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. II. Поход на Мосул. Нью-Мексико, 1964.

Современное движение в среде русских мусульман: Исследование епископа Алексия. Казань, 1910.

Стреляное (Калабухов) П. Неизвестный поход. Казаки в Персии в 1909–1914 гг. М., 2001.

Стреляное (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии. 1909–1918. М., 2007.

Толстов В.Г. Историческая памятка Хоперского полка Кубанского казачьего войска.

Толстов В.Г. Краткая историческая памятка Кубанского генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича полка Кубанского казачьего войска.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002.

Шишов А. В. Военные конфликты XX века. От Южной Африки до Чечни. М., 2006.

Шишов А.В. Враги России. С древнейших времен до наших дней. М., 2007.

Шишов А.В. Кавалеры ордена Святого Георгия. М., 2004.

Шишов А.В. Казачьи войска России. За веру и верность. М., 2007.

Шишов А.В. Николай Николаевич: Фельдмаршальский жезл. М., 2008.

Шишов А.В. Полководцы Кавказских войн. М., 2001.

Шишов А.В. Схватка за Кавказ. XVI–XX века. Любое издание.

Шишов А.В. 100 великих казаков. М., 2007.

Шишов А.В. Тайны кавказских войн. М., 2005.

Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. М., 2004.

Шкуро А.Г. Записки белого партизана. М., 1991.

Штаб Кавказского военного округа. Сводка сведений о сопредельных

странах, добытых разведкой. Тифлис, 1911—13.

Штаб ТуркВО. Сводка сведений о сопредельных странах, добытых разведкой. Ташкент, 1911. Научно-популярное издание

ПЕРСИДСКИЙ ФРОНТ (1909—1918)

В самом начале XX столетия армия Николая II, а потом и Временного правительства Керенского воевала на персидской земле. Воевала до первой половины 1918 года, когда в Советской России уже начиналась Гражданская война.

Это малоизвестные, почти проигнорированные отечественными историками войны. Их называют по-разному: «неизвестные Персидские войны», «секретные Персидские экспедиции», «Персидский фронт». Неизвестным походам в Персию посвящена эта книга.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-4866-9

9 785953 348669

